

БОЖЕВОСКЪ РЕСИ РОССІИ

ЯРОСЛАВЪ КОРОНАЦІИ

НА РУСИ

ИЗЪ ИСТОРИИ ДЕРЖАВЫ РОССІЙСКОЙ
XVI-XIX ВВ.

The History of the Russian Empire

II

Благоговѣнно посвящается сей трудъ

75-лѣтнему юбилею коронаціонныхъ торжествъ

ЦАРЯ МУЧЕНИКА

Благочестивѣйшаго Государя Императора

НИКОЛАЯ II

ILLUSTRATED HISTORY OF THE

RUSSIAN EMPIRE

Published by

RUSSIAN ORTHODOX YOUTH COMMITTEE

EDITOR — REV. NIKITA CHAKIROV

The English Text was compiled by

FATHER GEORGE LARIN

Chairman of the Russian Orthodox Youth Committee

and by

MR. V. NOVAKSHONOFF, MRS. N. MOKHOFF and

MISS N. LUKIANOFF

Copyright © 1971

THE RUSSIAN ORTHODOX YOUTH COMMITTEE.

All rights reserved. No part of this book
or any illustrations may be reproduced or transmitted
without written permission of the publisher.

Library of Congress Catalogue Card Number: 75-157113

Printed in Japan

*Издано Комитетом Русской Православной Молодежи Заграни-
цей, находящейся под высочайшим покровительством Первоиерар-
ха Русской Православной Зарубежной Церкви, Высшегопресвя-
щеннейшего Владыки Митрополита ФИЛАРЕТА.*

Редактор — диакон НИКИТА ЧАКИРОВЪ.

*Английский текст составлен Председателем Комитета —
Священником и. ГЕОРГИЕМЪ ЛАРИНЫМЪ*

и членами Комитета:

В. НОВАКШОНОВЫМЪ, Н. ЗУКЪЯНОВОЙ и Н. МОХОВОЙ.

*Вся работа Комитета ведется под непосредственным наблю-
дением и контролем Секретаря Архиепископского Синода Протои-
ерейнейшего Епископа ЛАВРА.*

Ѹзи повѣдай намъ правду истинную,
про взылоє, да про славноє о свѣтой руси.

Table of Contents

	PAGE
Introduction	11
On Holy Coronations	16
Illustrated History of the Russian Empire	23
The end of the Time of Troubles: Tsar Mikhail Feodorovich Romanov	60
The Reign of Tsar Feodor Alekseevich Romanov	65
Peter the Great	71
The Reign of Peter the Great and Catherine I	100
The Reign of Emperor Peter II	108
The Reign of Empress Anna Ioanovna	109
Anna Leopoldovna, Tsar Ivan VI and the Reign of Empress Elizabeth Petrovna	114
Emperor Peter III	130
The Reign of Empress Catherine the Great	145
The Reign of Emperor Pavel I	156
The Reign of Emperor Alexander I—The Blessed	170
The Reign of Emperor Nicholas I	185
The Reign of Emperor Alexander II—The Emancipator	201
The Reign of Emperor Alexander III—The Peacemaker	204
The Reign of Emperor Nicholas II	259
The Tsar-Martyr Nikolai Alexandrovich Romanov	410
Conclusion	466

ИСТОРИЯ

1886

ИСТОРИЯ
ИСТОРИЯ
ИСТОРИЯ
ИСТОРИЯ

Памятник Тысячелетия России въ Нижнемъ Новгороде.

Monument to the 1,000-year anniversary of the Russian State in Nijni Novgorod.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

EMPEROR NICHOLAS II — 1894-1917

Коронація Государя Императора Николая Александровича. Моментъ врученія скиптра.

The Handing of the Sceptre

Москва Кремль и Крестовый собор.

Moscow: The Kremlin and two of its Cathedrals.

Изучение отечественной старины представляет глубокий интерес для всякого, кто любит отечину, кому дорого ее прошлое. Любопытны и порою поучительны понятия, которыми из своей жизни руководились наши предки; интересны обычаи, составившие уклад их жизни, и не лишены значения даже мелкие подробности их быта.

Старина, из ее многообразных проявлений, часто представляет нам образцы такой самобытности и цельности, которым могут позавидовать даже времена новейшие. В глубине жизни наблюдается нередко такая полнота жизненных ощущений, такая почти совершенно неизвестная и мало доступная современному человечеству; кто ищет образца для жизни, полной здорового труда и здоровых наслаждений, тот все скорее найдет бы его у предков наших, с большим умением отдававших долю времени, а порой и жизни — за нас. Вот почему все народы с развитым самосознанием посещают своей отечественной старины, ее научному изучению и художественному воспроизведению лучшие силы и массу труда. И можно сказать, что тем выше историческое самосознание данного народа, тем больше исследована и разработана его старина.

14-го мая ст. ст., 1971 года, исполняется 75 лет со дня Коронации Благочестивейшаго Государя Императора — Царя Мученика — Николая Александровича. Къ этой памятной дате, Просвѣдительно-Благотворительный Комитетъ Русской Православной Молодежи, основанный въ 1908 году, по благословенію Первосвятителя Русской Православной Зарубежной Церкви, и приурочиваетъ изданіе своего художественнаго коронаціоннаго Альбома.

Въ этомъ альбомѣ, передъ взоромъ читателей, пройдетъ вся славная исторія Великаго Государства Россійскаго, и читатель увидитъ, какъ, сохранивъ неразрывную связь съ Церковью, строилась и крѣпла Великадержавная Россія.

Жизнь Св. Православной Церкви и Государства была одно неразрывное цѣлое. Все творилось только съ молитвою и съ благословенія Церкви. И пока это было такъ, Русь крѣпла и благоденствовала.

Особое вниманіе въ этомъ альбомѣ уделено нами Государю Императору Александру III — Миротворцу и Его Сыну — Царю Мученику Николаю Александровичу.

Все, что намъ — второму и третьему поколѣніямъ — удалось сдѣлать и собрать, представится передъ взоромъ читателей.

Этотъ трудъ издается нами во славу Святой, Живоначальной и Вераздѣльной Троицы, по безпредѣльной милости Божьей, такъ премудро создано было Россійское Государство, гдѣ Святаго Православнаго вѣра, въ теченіе вѣковъ, неизменно укрѣплялась, и какъ величайшее доказательство неразрывной снѣ-

занности Церкви и Государства служить безчисленнымъ сонмамъ Русскихъ Угодниковъ, на Русь просвѣдителей, и сонмамъ безчисленныхъ ново-мучениковъ Россійскихъ, пріятшихъ гоненія, страданія и смерть отъ богоборцевъ за свое непоколебимое и стойкое исповѣданіе Вѣры Православной.

Этотъ трудъ молитвенно посвящается святой памяти Благочестивейшаго Государя Николая Александровича, этого, повѣстникъ, Святаго Царя Мученика, славившаго Своей Царскій вѣнецъ и привнесшаго Себя и Свою Семью въ жертву, во имя Своей пламенной любви къ Родинѣ и къ Русскому народу и ради внутренняго мира, чтобы не пролилась русская кровь въ междоусобной бранѣ.

Вѣстину, святы Его образъ и священна Его память, какъ и память всей Царской Семьи, забречи убиенной большевиками 17-го іюля 1918 года.

Читатель, молись усердно объ упокоеніи Ихъ святыхъ душъ, какъ и всѣхъ тѣхъ, кто отдалъ жизнь свою за благо и процвѣтаніе Россіи.

Проезжая страницы этого альбома, помолись и о тѣхъ, кто трудился надъ его составленіемъ и издаваніемъ, вѣрбывшимся много затрудненій и, казалось, непреодолимыхъ препятствій. И да послужитъ этотъ трудъ нашей русской молодежи, родиншейся, воспитанной и выросшей за-границей, вкладомъ въ славныя страницы исторіи Державы Россійской ...

Съ любовью о Господѣ
Издательство.

Покровский Соборъ. Москва. Храмъ Василия Блаженнаго. Передъ храмомъ памятникъ — Минину и Пожарскому.

Moscow, Cathedral of St. Basil the Blessed.

INTRODUCTION

The study of one's national antiquity presents deep interest to all who love their country, whose past is dear to them. Interesting, and at times educational, are the concepts which governed the lives of our ancestors; curious are the customs which made up the fabric of their lives, so that even the minutest details of their modes of living are not without significance. The days of old, in all their multi-faceted manifestations, often provide us with examples of such originality and self-sufficiency, that even our own modern times may well be envious.

Within the depths of distant ages may be observed, and not infrequently, such fulness of perception of life which is almost completely unknown and barely accessible to contemporary humanity; those who seek a model for a way of life filled with healthy toil and healthy enjoyment, will most quickly find it in our forefathers, who with consummate skill divided their time between work and play. For this reason, all nations with a well-developed sense of self-awareness, devote their best talents and massive effort toward the scientific investigation and artistic recreation of their national origins.

It may be said that the more developed the historical consciousness of a given nation, the more minutely are its origins researched and analyzed.

In this album, the history of the Russian Empire is graphically detailed. The entire glorious history of the great Russian State will pass before the reader's eyes. He will see how Imperial Russia was built, and how it grew from strength to strength while preserving unbroken its ties with the Church. The life of the people, their emperors and their Church were fused indissolubly into one.

Special attention has been devoted to the seventy-fifth anniversary (in 1971) of the coronation of the last reigning Romanoff—Tsar Martyr Nicholas II.

All the material in this work was collated and published by the Russian Youth Committee, an organization of young men and women of Russian parents, born outside of Russia and having their homes in almost every country of the non-communist world.

We fervently hope this album will assist the reader to better understand the significance of the greatest Christian power in world history—Imperial Russia—and its Tsars.

THE PUBLISHERS

Спас на крови. Величественный храм построенный в Санкт-Петербурге на месте убийства Государя Императора Александра II — Освободителя.
St. Petersburg. Cathedral on the site of Alexander II's assassination.

Cathedral of the Assumption in Moscow.

(Нѣсколько словъ о глубокомъ внутреннемъ значеніи самаго акта коронованія).

Вѣнчаніе Русскихъ Царей на царство есть торжество великое; оно ведетъ свое начало изъ отдаленнаго прошлаго и исполнено глубочайшаго историческаго значенія.

Въ торжествѣ вѣнчанія, при посредствѣ различныхъ видимыхъ дѣйствій и видимыхъ знаменъ, выявляется предъ лицомъ всего народа таинственная и невидимая связь власти царской съ утверждающею ту власть волею Всевышняго; съ Государствомъ, во всей его цѣлости и совокупности многостороннихъ отраженій его внутренней и внешней жизни; съ Церковью, одухотворяющею жизнь государственную и жизнь народную; и, наконецъ, съ самимъ народомъ, которому Царь является Опоромъ, Главою и Руководителемъ во всѣхъ его лучшихъ стремленіяхъ, вѣдѣніяхъ и начинаніяхъ.

Во время вѣнчанія на царство, Царь, предъ лицомъ всѣхъ своихъ подданныхъ, воссѣдаетъ на прародительскій престолъ, — который, въ свое время, до Него, уже занимали Его славные предки, стоявшие, какъ и Онъ, во главѣ исторической жизни народа — и тѣмъ свидѣтельствуя, что Онъ останется вѣрныя заповѣданія Ему преданіямъ и повелѣтія народъ свой по пути, продолженію Его предковъ.

Воссѣвъ на престолъ, Царь облачается въ порфиру и возлагаетъ на Себя вѣнецъ — символы высокой царской чести и славы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ — и символы тяжкаго бремени царскаго служенія на пользу, честь и славу народа, надъ которымъ Ему свыше повелѣно царствовать.

Царь, вѣнчанный вѣнцомъ и облеченный въ порфиру, пріемлетъ въ руки свои скипетръ и державу, знаменующіе власть, данную Ему отъ Бога, на благо и пользу народа, а также и обладаніе землемъ, которую Онъ обязуется оберегать и охранять отъ внутреннихъ злыхъ и внешнихъ нашествій.

Обладо вѣнчанаго Царя видимъ мечъ государственной — символъ Его готовности карать враговъ, отчужденъ и защищать ее на полѣ брани; печать государственную — символъ того, что безъ воли и утвержденія Государева ни одно мѣропріятіе не можетъ быть внесено въ жизнь народную; и, наконецъ, знамя государственное, изображающее намъ въ цѣльной и неразрывной совокупности всѣ тѣ земли и народы, которые слились въ единое Государство Русское и поворачиваются единой волею Царя, непобѣдимыми судьбами Божиими поставленнаго во главѣ Русскаго народа.

Но это глубокое, символическое значеніе торжественнаго царскаго облаченія и принадлежащей къ нему царственной утвари еще болѣе возвышается и одухотворяется тѣми дѣйствіями, въ которыхъ Церковь наша вводитъ Вѣнчаница, привнося честь, славу и власть, неразрывно связанную съ Его высокимъ саномъ и назначеніемъ.

Прежде всего, Церковь предлагаетъ вѣнчанію Монарху предъ свитымъ алтаремъ явиться въ вѣнчаніе православной вѣры — и тѣмъ самымъ какъ бы подтвердить живую и тѣсную связь Царя съ народомъ, исповѣдующимъ единую съ нимъ православную вѣру, на которой, какъ на краеугольномъ камнѣ, зиждется все прошлое нашего отечества, все его настоящее и будущее.

Затѣмъ, Церковь приноситъ свои сладостные и благодатные дары: она помазуетъ Его св. мирою,

какъ Избранника и Помазанника Божія, и вводитъ Царя въ алтарь, гдѣ, наконецъ, предлагаетъ Ему Св. Трапезу въ томъ видѣ, въ какомъ вкушаютъ отъ нея только священнослужители. Этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ Церкви какъ бы указывается на то, что Особа Помазанника Божія должна быть священна въ глазахъ всего народа.

И всѣ эти глубоконазначательныя дѣйствія достойнымъ образомъ заканчиваются высокопрекраснымъ выраженіемъ непоколебимой связи Царя съ народомъ — молитвою Царя за народъ, Ему вѣрнопреданный, и отъѣтною молитвою всего народа за Царя, данного народу волею «Царя Царствующихъ и Господа Господствующихъ».

Уже на древнѣйшихъ изображеніяхъ, покрывавшихъ стѣны храмовъ Египта и дворцовъ Ассиріи и Вавилонія, мы видимъ царей, украшенныхъ вѣнцами въ рукахъ, видимъ ихъ съ жеманами и посохами въ рукахъ — символами чести и власти надъ подданными. И въ книгѣ Царствъ (X, 1) читаемъ, что при избраніи Саула въ цари пророкъ Самуилъ «сказалъ сосудъ съ елеемъ и вымазалъ елей на голову Саула, и поцѣловалъ его, и сказалъ: «вотъ Господь помазываетъ тебя въ правители» и помыслъ. Духъ Господень на Саулѣ съ того дня (Ц. X, 1) Слѣдовательно, вѣнчаніе царей вѣнцами и помазваніе ихъ на царство, какъ мы видимъ, представляютъ собою обычай весьма древній, на много тысячелѣтій предшествующіе нашему времени.

Возникновеніе книзей и великихъ князей на Руси въ періодъ времени, предшествовавшій XII вѣку, было явленіемъ обобщеннымъ, отозвавшимся къ быту гражданскому, и Церковь принимала въ немъ участіе лишь настолько, насколько она вообще участвовала во всѣхъ выдающихся событіяхъ жизни князя. Мѣстный владыка и старшіе представители духовенства благословеніемъ своимъ скрѣпляли и освящали вступленіе князя во власть, которое, насколько можно судить по краткимъ и неяснымъ указаніямъ современныхъ дѣтисей, свершалось такъ: князь являлся въ соборный храмъ, гдѣ уже уготованы были ему княжескій *своя* (т. е. престолъ, вѣроятно поставленный на вѣкторію возвышеніи, судя по выраженію «внести на стѣль»). Князя на этотъ *своя* сажали, и выраженіе «сѣсть на стѣль» является въ нашихъ древнихъ памятникахъ совершенно равносильнымъ другому: «возсѣлся».

Есть основаніе думать, что при такомъ посаженіи на стѣль мѣстный епископъ благословлялъ князя и приобщалъ его, и что на князя возлагались вѣнчаніе знаки его княжескаго достоинства. Однимъ изъ важнѣйшихъ знаменъ княжескаго достоинства являлась та *кожи* *шляпа*, которую, какъ шлемъ; князь не снималъ съ себя даже и въ церкви, и крестъ наперсный, на цѣпечкѣ. За «посаженіемъ князя на стѣль» слѣдовало *пиршество*, на которое князь приглашалъ и духовенство, и монашество, и дружину; а въ Новгородѣ, гдѣ князь являлся по призыву земли, за посаженіемъ на стѣль слѣдовали *кляпныя* угощенія: князь угощалъ мѣстную власть и именитѣйшихъ горожанъ у себя на Городищѣ, а Господитъ Великій Новгородъ угощалъ князя, его приближенныхъ и дружину на Ярославомъ дворѣ.

Начиная съ XIII вѣка, духовныя заповѣдательныя грамоты князей Московскихъ даютъ намъ возможность дополнить обрядъ вѣнчанія великаго князя Московскаго нѣкоторыми подробностями. Въ этихъ грамотахъ, начиная съ Іоанна Калиты, въ числѣ заповѣдей княжескаго достоинства, составляющей часть великокняжескую, мы постоянно встрѣчаемъ три вещи, пере-

даваемые из рода в родъ: «шапку золотую», «бармы» (или оплечье) и «коробочку сердоничную (сердоликовую), окаману золотомъ». Начиная съ зачатия Иоанна Калиты, *золотая шапка* завѣщается постоянно *старшему сыну*; и начиная съ зачатия Иоанна II — старшему же сыну завѣщаются постоянно и *бармы*, и *коробочки сердоничная*. Изъ этого и изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ упоминаній становится для насъ ясно, что эти вещи должны были составить исключительную принадлежность великокняжескаго сана и, следовательно, при посаженіи Великаго князя на стѣль его отецъ и дѣдо, должны были составить часть его торжественнаго облаченія или играть нѣкоторую важную роль въ его поставленіи на великое княженіе, которое однакоже

до возмужанія Иоанна III (исключительно) совершалось среди весьма простой обстановки.

Но, послѣ женитьбы великаго князя Иоанна III на греческой царевнѣ, Софій Палеологъ, бытъ московскаго великокняжескаго двора быстро и значительно измѣнился. Явились новые дворскіе обычаи и особыя церемоніи, новыя должности и чины. Самъ собою разумѣется, что все это заимствовалось изъ византийскаго придворнаго среды; отсюда же, конечно, заимствованы и первыя дошедшія до насъ «чины» поставленія на великое княженіе князя Дмитрія Иоанновича», внука Иоанна III. Этимъ «чинъ» уже представляеть собою нечто весьма страннымъ и торжественное.

On Holy Coronations

The coronation of Russian Tsars is a great and solemn event; it takes its beginning from the distant past and is filled with the deepest historical significance. In the act of coronation itself, by means of various visible motions and signs, are manifested before the entire nation those mystical, invisible bonds between the Tsar's authority and the Will of the Most High, establishing the authority; the Tsar's ties with the State and with the Church, the latter sanctifying the life both of the State and of the people; and finally, those ties which bind the Tsar with his people, to whom he is a Father, Head and Ruler in all their best aspirations, endeavors and undertakings.

During the coronation ceremony, the Tsar ascends the throne of his forefathers in full view of all his subjects. This same throne had previously been occupied by his illustrious forebears, all of whom had stood at the helm of the nation through history, even as he himself was now doing, bearing witness of remaining faithful to his legacy and of leading his people along the same road paved for him by his ancestors.

Sitting down on his throne, the Tsar is dressed in purple and places the crown upon his head — symbolizing the honor and glory of his exalted office as well as the heavy burden of service for the benefit, honor and glory of his nation, over which he rules as decreed from above.

The Tsar, in his crown and purple, takes into his hands the sceptre and orb, representing the authority vested in him from God for the benefit of the people, as well as possession of the earth, which he pledges to protect from internal strife and external threats.

The Church then invites the crowned Monarch to recite before the Altar — gates the Apostles' Creed — an affirmation of the Orthodox Faith. This solemn declaration unites the Tsar indissolubly with his people, professing together the same Orthodox Faith, upon which, as upon a cornerstone, reposes the entire history of Russia — its past, its present and its future.

Then the Church anoints the Tsar with Holy Chrism, as the Anointed and the Elect of God, and leads him through the Main Gates into the altar, where he partakes of the Body and Blood of Christ, together with the Church's clergy. In this manner the Church points out that the person of the Tsar, as the Anointed of God, must be regarded as sacred in the eyes of the people.

All these deeply significant acts of the coronation ceremony are concluded by the Tsar's reading of a prayer for all his people, followed by the people's prayer for their Tsar.

изантія, выработавшая христіанскій
государственный идеаль, соз-
дала и священнодѣйствіе, обле-
кающее Самодержцевъ въ чрез-
вычайное достоинство и служащее
къ ихъ подъему.

Съ проникновеніемъ въ греко-римскій
міръ идей христіанства, коронаванія цезарей
отрѣшились отъ языческой обрядности, про-
никлись болѣе глубокимъ политическимъ смысломъ и приняли по
преимуществу характеръ церковный.

Но особенно внутренней смыслъ коронацій возвысился въ
своёмъ значеніи, когда онѣ стали соединяться съ таинствомъ миро-
помазанія.

Свадьба Великаго Князя **Ивана III** съ Царевной Софіей Палеологъ еще болѣе закрѣпиль думы о Московскомъ государствѣ, какъ преемникѣ Византійской Имперіи. Палеологи, покинувъ Константинополь, нашли пріютъ при папскомъ дворѣ, и потому женитьба русскаго Великаго князя на принцессѣ этого дома возбудила въ Римѣ надежду на присоединеніе Россіи къ латинской церкви. Но Московская Русь продолжала высоко нести знамя православія, а родство съ Палеологами придало Великому Князю лишь особый престижъ. Для закрѣпленія этого царственного ореола онъ рѣшился вѣнчать на Московское государство внука своего Дмитрія по чину царградскихъ императоровъ.

Современники не совсѣмъ понимали значеніе этого событія и, кажется, сомнѣвались въ законности вѣнчанія внука при жизни еще царственного дѣда.

Для насъ всего важнѣе то, что это было первый чинъ, въ главныхъ своихъ чертахъ послужившій основой для всѣхъ послѣдующихъ коронаціонныхъ чиновъ.

Въ воскресенье 4 Февраля 1498 года Великій Князь, въ сопровожденіи паредворцевъ и бояръ, явился въ Успенскій соборъ, гдѣ ожидали его митрополитъ Симонъ Ростовскій съ нѣсколькими епископами и высшимъ духовенствомъ. Въ соборѣ устроено было особое возвышеніе съ тремя сѣдалищами: для Великаго Князя, для внука Дмитрія и митрополита; бармы и шанка Мономаха положены были на особомъ наложѣ, стоявшемъ среди храма.

Въ концѣ молебствія Пречистой Богородицѣ и Петру, московскому Чудотворцу, Великій Князь возсѣлъ на свой тронъ, а митрополитъ на свое сѣдалище. Юный же Дмитрій стая предъ ними на верхней ступенькѣ помоста.

Обратившись къ митрополиту, Иванъ III произнесъ рѣчь, въ которой онъ выразилъ, что желаетъ утвердить великокняжеское достоинство на будущее время въ своемъ прямомъ нисходящемъ потомствѣ. „Отче митрополитъ!“! сказалъ онъ, „издревле предки наши давали великое княженіе первымъ своимъ сыновьямъ, и я также сѣдѣлъ, я благословилъ онымъ первенца своего Ивана. Но, по волѣ Божьей, въ животѣ его не стало, а остался у него первый сынъ Дмитрій, и нынѣ я благословляю его при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Московскимъ и Новгородскимъ; и ты бы, отче, далъ на то свое благословеніе“.

Митрополитъ пригласилъ Дмитрія стая на самый помостъ. Послѣ малой эктени, Дмитрій благоговѣнно приблизился къ архипастырю, который, возложивъ свою руку на главу его, прочелъ слѣдующую молитву: „Господи Боже нашъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже Самуиломъ Пророкомъ избравый раба своего Давида и помазавый того во цари надъ людьми своими Израиля! Ты нынѣ услыши молитву нашу недостойныхъ, и виждь отъ святаго жилища Твоего вѣрнаго Ти раба Дмитрія, его же благословить еси воздвигнути царя во языкѣ Твоемъ святѣмъ, его же стяжалъ еси честною кровію едиnorodнаго Ти Сына; помазати сподоби елсемъ во здравіе, одѣй того силою свыше, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна, даруй тому долготу дній, даждь въ десницу его скипетръ царства, посади того на престолѣ правды, огради того всеоружіемъ святаго Ти Духа, утверди того мышцу, покорн ему вся варварскія языки, всели въ сердце его страхъ Твой, еже къ послушнымъ быти ему милостиву, соблюди того въ непорочной вѣрѣ и покажи того хранителя святыхъ Твоея соборная церкви велѣній, да судить люди Твоя правдою и нищихъ Твоихъ, спасеть сыны убогихъ и наслѣдникъ будетъ небеснаго Ти царствія, яко Твоя есть держава, и Твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и св. Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“.

По прочтеніи этой молитвы, два архимандрита, по повелѣнію митрополита, поднесли ему святая бармы, а онъ подалъ ихъ Великому Князю, который и возложилъ ихъ на своего внука. Осѣнивъ Дмитрія крестомъ, митрополитъ прочеть другую молитву:

„Господи Боже Вседержителю и Царю вѣковъ! Иже земный человѣкъ, Тобою царемъ сотворенный, преклонилъ главу свою Тебѣ помолитися, Владыка всѣхъ. Сохрани того подъ кровомъ Твоимъ, удержиши того царство, благоудная Ти творити всегда того сподоби, возсіяй во днѣхъ его правду и множество мира, да въ тихости его тихо и безмолвно житіе проживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ; Ты бо еси Царь мірови и Спась душамъ нашимъ“.

Затѣмъ два архимандрита поднесли митрополиту Мономахову шапку, а онъ подалъ ее Великому Князю, который также возложилъ ее на Дмитрія. Осѣнивъ его крестомъ, митрополитъ возгласилъ: „во имя Отца и Сына и св. Духа“.

Съ окончаніемъ молебствія, по прочтеніи молитвы Пресвятой Богородицы, Великій Князь и митрополитъ снова сѣли на свои мѣста, а архидіаконъ взошелъ на амвонъ и „вѣлѣгласно“ провозгласилъ

многолѣтіе Великому Князю Дмитрію, которое и было прочтено вѣмъ соборомъ священнослужителей.

Затѣмъ встало все духовенство, и митрополитъ, отъ лица его, привѣтствовалъ Великаго Князя словами: „Божьєю милостію, радуйся и здравствуй, преславный Царю Иване, Великій Князь, вся Русіи Самодержецъ и со своимъ внукомъ, Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ вся Русіи, на многая лѣта!“ Подобнымъ же образомъ привѣтствовалъ онъ и нововѣнчанаго Дмитрія. За духо-

венствомъ принесли поздравленіе дѣти Великаго Князя, бояре и знатные чиновники.

Священнодѣйствіе вѣнчанія закончилось поученіями со стороны митрополита и Великаго Князя. Тотъ и другой говорили нововѣнчанному Государю: „имѣй страхъ Божій въ своемъ сердцѣ, люби правду и милость и *некись о всемъ христіанствѣ*“.

По отпустѣ молебна, слѣдовала обѣдня. По окончаніи ея, Великій Князь возвратился въ свои палаты, а нововѣнчаный Дмитрій, въ бармахъ и золотой шапкѣ, сопровождаемый дядями и боярами, ходилъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, при чемъ, въ самыхъ дверяхъ, по выходѣ изъ каждаго храма, дядя его Юрій Ивановичъ осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами.

Здѣсь изложенъ этотъ чинъ со всѣми подробностями, какія сохранила для насъ лѣтопись, въ тѣхъ видахъ, чтобы отмѣтить существенныя черты всѣхъ послѣдующихъ русскихъ коронацій. Торжественное перенесеніе государственныхъ регалій въ Успенскій соборъ, шествіе государя сюда со своимъ домомъ и вельможами, возсѣданіе на тронѣ и престолѣ, святительское руковоложеніе, передача знаковь верховной власти, многолѣтствованіе, поздравленіе и поученіе — всѣ эти черты проходятъ черезъ всю исторію коронацій до нашихъ дней. Нѣкоторыя изъ нихъ постепенно развиваются въ своей торжественности, другія же остаются донынѣ неизмѣнными. Такъ, на примѣръ, сохранилось святительское руковоложеніе, имѣющее характеръ тайнодѣйствія; эта церковная форма для призванія даровъ св. Духа идетъ еще отъ времени апостольскихъ. Читаемая при этомъ молитва тѣ самая, кои читались при коронаціяхъ греческихъ императоровъ, и самый переводъ ихъ остается почти неизмѣннымъ до нашихъ дней.

Осыпаніе же нововѣнчаннаго великаго князя золотомъ и серебромъ, по выходѣ изъ храмовъ, есть черта чисто русская, основанная на сближеніи вѣнчанія государя съ государствомъ, какъ жениха съ невѣстою. вмѣсто жита, которымъ выражалось благожеланіе при обыкновенныхъ свадьбахъ, при государственномъ вѣнчаніи употреблялось для того золото и серебро. Черта эта проходитъ черезъ всѣ коронаціи древне-русскихъ царей до коронацій императорскихъ.

Illustrated History of the Russian Empire

Historical Survey of Russian Coronations

Byzantium created the concept of the Christian government, and with it, the Church ritual investing the Autocrats with their dignity.

With the appearance of Christianity in the Graeco-Roman world, the coronation of the Caesars lost its purely pagan ritualism, and became imbued with deeper political significance, taking on a primarily religious (Church) character. The significance of the coronation rose to its height when it became merged with the Holy Sacrament of Anointment.

Grand Duke Ivan III — Tsar Ivan III

The concept that the Muscovite government was the legitimate heir of the Byzantine Empire was solidified by the marriage of Grand Duke Ivan III to Princess Sophia Paleologue, a member of the Byzantine Imperial family. The Paleologues had found asylum at the papal court after leaving Constantinople and Rome hoped that the marriage would make it possible for the Latin Church to annex Russia. Moscow, however, had become the champion of Orthodoxy and the kinship with the Paleologues only served to increase the prestige of the Grand Duke.

In order to secure and maintain this regal aura, Ivan decided to crown his grandson and heir Dmitry in the ceremony of the Byzantine Emperors.

The coronation of the heir during the lifetime of the Sovereign was an unheard of action and caused a great deal of concern and debate. For our purpose, the importance of this coronation lies in the fact that it established the essential precedents for all the subsequent coronations.

On Sunday, 4th October, 1489, the Grand Duke, accompanied by his court and nobles, appeared at the Cathedral of the Dormition, where he was awaited by Metropolitan Simon of Rostov, with five bishops and higher clergy. A special elevated platform was erected in the Cathedral with three seats; one each for the Grand Duke, Dmitry, and the Metropolitan. The crown, the scepter and the cap of Monomach were placed on a special anoly in the centre of the Cathedral.

At the end of the prayers to the Holy Virgin, and to St. Peter the Miracle Worker of Moscow, the Grand Duke and the Metropolitan sat on their thrones with the young Dmitry standing before them on the top step of the dais.

Turning to the Metropolitan, the Grand Duke declared his intention of confirming Dmitry with the dignity of Grand Duke and blessing him to rule the principalities of Vladimir, Moscow, and Novgorod. He then asked the Metropolitan to bless him also.

The Metropolitan invited Dmitry to stand in the centre of the dais. After the little litany, the Metropolitan put his hand on Dmitry's head and read a prayer recalling the Anointing of King David by Samuel, and asked the Lord to bless and strengthen the newly crowned one.

Having read the prayer, the Metropolitan directed two archimandrites to bring out the holy barm-collar which he handed over to the Grand Duke who placed it on his grandson.

Then two archimandrites brought the cap of Monomach to the Metropolitan who gave it to the Grand Duke to place on Dmitry. Again the Metropolitan blessed Dmitry with the cross, exclaiming: "In the Name of the Father, and the Son and the Holy Spirit."

With the end of the service and the reading of a prayer to the Holy Theotokos, the Grand Duke and the Metropolitan again sat on their thrones while the archdeacon stepped up on the ambo and ceremoniously intoned the "Many Years", which was echoed by all the clergy.

The coronation ceremony ended with a sermon from both Metropolitan and Grand Duke. Both advised the new heir to "have fear of God in your heart, love truth and mercy, and concern yourself with being a Christian."

After the ceremony came the liturgy, after which the newly crowned Dmitry visited the Cathedral of the Archangel and the Cathedral of the Annunciation, accompanied by all his uncles and a suite of nobles.

The basic elements of this coronation—the solemn transfer of the State Regalia into the Cathedral of the Dormition, the procession of the Tsar and his family with their suite, the sitting on the throne, the laying on of hands for sanctification, the transference of the standards of the state, the singing of the "Many Years", the greetings and the sermon—all these passed down through the whole history of the coronations up to the last one. Some of these traditions have been enlarged into more pompous ceremonies; others have remained the same.

A distinctly Russian custom is the showering of gold and silver on bystanders, signifying the betrothal of the Tsar to the Russian State.

Grand Duke Vasili Ivanovich

The necessity for the coronation did not seem apparent to the people of Moscow immediately, for when Vasili Ivanovich assumed the throne in 1505, he was not crowned, and so remained for the whole of his twenty-eight year rule.

The Grand Duke of Moscow began to take on a new significance as the heir of the Eastern Orthodox Empire. The condition of Constantinople and the rest of the Orthodox world left Moscow as the only free centre of Orthodox Christianity. Though Christianity was comparatively young in Russia, a whole galaxy of saints had come from her and shone as the stars of the heavens. In the sixteenth century, emphasis was put on the canonization of saints.

Tsar Ivan IV

On 3rd December, 1533, the Grand Prince Vasili Ivanovich, tonsured into monkhood with the name of Varlaam, reposed, leaving as his heir his three year old son Ivan Vasilievich known to history as "The Stern".

Ivan was blessed for the throne when he was four years of age, but when he reached his sixteenth birthday, he declared to Metropolitan Makary that he wished to be crowned in the fashion of the Russian Tsars.

The new rite of coronation was well planned by both the clergy and the state, and included, in addition to the old traditions, the sacraments of chrismation and the Holy Eucharist. This gave the whole ceremony the atmosphere of the Byzantine coronations and imparted special authority to the Tsar as the elect of God.

Tsar Feodor Ivanovich

Feodor Ivanovich was crowned on 31st May, 1584 in a ceremony which was planned as a blueprint for all future coronations. The state aspect of the rite was greatly enlarged. In previous coronations, the Grand Duke had been accompanied to the Dormition Cathedral only by a suite of close family members and nobles. This time, however, representatives from all the provinces were included in the suite.

Contemporary writings reveal that the clothing of the Tsar, covered with precious stones and sewn through with gold, weighed not less than two hundred pounds; six princes were required to hold up his mantle.

Numerous amnesties were granted and taxes were relinquished.

It was clear that Russia had inherited the traditions of Orthodox Greece in full measure. All that was lacking now was to have a Russian Patriarch. Orthodoxy was, by now, woven into the fabric of the Russian nation and the other Patriarchs now granted full independence to the Russian Church. The next coronation was performed by a Russian Patriarch.

Tsar Boris Godunov

Boris Godunov was elected to the throne on 21st February, 1598. His coronation established the precedent of the triumphal entry into the Kremlin. This triumphant entry made a deep and lasting impression upon the people.

The coronation itself took place on 1st September which, at that time, was New Year's Day. It had a special significance in that it was the first crowning to be performed by the All-Russian Patriarch, Job. The rite was brought a step closer to the Byzantine tradition by the presentation of an orb to the Tsar, which represented the Empire.

Despite the triumphant air of the ceremony, a cloud of uneasiness hovered about the realm, as if in anticipation of troubles to come.

Amnesties were granted and bound serfs were released from their obligations for a full year. Boris Godunov surprised everyone by declaring that there would be no beggars in his kingdom. He declared that he would divide even his last shirt with the people.

Tsar Vasili Shuisky

If an air of uneasiness had hung over the coronation of Boris Godunov, a general despondency accompanied the coronation of another elected Tsar, Vasili Shuisky. It was never even known for certain who crowned him, whether Metropolitan Isodor of Novgorod or Metropolitan Germogen of Kazan. Everything was ostensibly as it had been at the previous coronation, except that comparatively few of the nobles were in attendance and no amnesties or mercies were granted. There was a certain feeling of oppression in the realm and the people did not accept the coronation well.

The rites took place on 1st June, 1606, but none had faith in the fairness or the durability of the reign.

The Presentation of the Orb was repeated in this coronation. This rite originated with the ascension of Caesar Augustus in Rome and it was particularly appropriate for the Tsars, since Russia possessed one sixth of the land surface of the earth and more diverse ethnological groups than Rome ever had.

Now the "Time of Trouble" erupted upon Russia with fury and a long period of interregnum lasted until 12th February, 1613, when young Mikhail Feodorovich Romanov was elected to the throne.

реемникъ Ивана Ш, Великій Князь **Василій Ивановичъ** коронованъ не былъ. При вступленіи его въ 1505 году на великокняжескій престолъ оставался въ живыхъ еще ибачанный племянникъ, Князь

Дмитрій, почившій въ заточеніи въ 1509 году. Сознаніе о необходимости коронованія, однако, еще не проникло въ московскую среду, и Василій Ивановичъ, несмотря на свою религіозность, засвидѣтельствованную принятіемъ передъ смертью монашескаго чина, такъ и остался во все двадцативосьмилѣтнее свое правленіе ибачаннымъ.

Сынъ энергичнаго, властнаго собирателя Руси и принцессы, полной преданій о величій византійскихъ императоровъ, Василій Ивановичъ неуклонно стремился къ закрѣпленію самодержавія.

3 Декабря 1533 года скончался Великій Князь Василій Ивановичъ, въ монастырѣ Варлаамъ, и „воплъ народный заглушалъ звонъ колоколовъ“, а на престолъ вступилъ трехлѣтній слабый ребенокъ, будущій Грозный Царь, преемникъ и наследникъ греко-римскихъ цесарей.

Иванъ Васильевичъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, 3-хъ лѣтъ, былъ благословленъ на престолъ митрополитомъ Даніиломъ. „И начаша“, гласитъ лѣтопись, „ставити на великое княженіе князя Ивана Васильевича, въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, митрополитъ Данило, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и князи и бояре и все православное христіанство“. Митрополитъ благословилъ его крестомъ и началъ говорить „высочайшимъ гласомъ“: „Богъ благословляетъ тебя, Государь, Великій Князь Иванъ Васильевичъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Пековскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смоленскій и иныхъ земель многихъ Царь и Государь всея Руси! Добръ, здоровъ буди на великомъ княженіи, на столѣ отца твоего!“ И начали пѣть ему многолѣтіе.

Но когда Грозный достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, то онъ объявилъ митрополиту Макарію и боярамъ о своемъ рѣшеніи вѣнчаться *царскимъ вѣнцомъ* на государство.

нынѣ царское коронованіе соединилось съ миропомазаніемъ и причащеніемъ вѣнчаннаго царя, то-есть, прибавились такія особенности, которыя составляли самое существо коронованія греческихъ императоровъ и придавали имъ по преимуществу силу и значеніе, какъ Божіихъ избранниковъ, призванныхъ развивать въ своемъ государствѣ начала православнаго самодержавія.

еодоръ Ивановичъ вѣнчался на царство 31 Мая 1584 года, по тому же чину, принятому теперь Боярскою Думою вмѣстѣ съ церковными властями, какъ обязательное руководство для будущихъ временъ. Въ Его вѣнчаніи болѣе ярко выступилъ государственный элементъ, чѣмъ въ коронаціи Его отца.

Въ шествіи Царя „со славою“ въ Успенскій соборъ участвуютъ уже не одни придворные сановники, приказные чины и дѣти боярскія, но и воєводы изъ провинцій. По словамъ современниковъ,

царская одежда, вышитая золотомъ и покрытая драгоценными камнями, вѣсила не менѣе 200 фунтовъ; шесть князей держали концы Его мантии. Царскій скипетръ сдѣланъ былъ изъ рога единорога и осыпанъ драгоценными камнями; онъ былъ купленъ еще въ 1581 году Иваномъ Грознымъ и стоилъ 7000 фунтовъ стерлинговъ. Одежды вельможъ, въ особенности Годунова и князя Глинскаго, сіяли алмазами, изонтами, жемчугомъ поражающей величинны, такъ что иноземные писатели цѣнили ихъ въ миллионы. Торжественности шествія помогла самая природа. Съ утра была страшная буря, и шель такой

Снимокъ съ первой страницы рукописи чина венчанія на царство Царя Феодора Ивановича (1584 г., 30 Іюня).

Photograph of the first page of the manuscript of Tsar Feodor Ivanovich's coronation (1584, 30 June).

проливной дождь, что затопить въ Москвѣ многія улицы; но затѣмъ скоро гроза прошла, и на голубомъ небѣ заблестало красное солнце.

Рѣчь Царя, обращенная къ митрополиту, о правѣ на престолъ указывала, что покойный отецъ его и при жизни велѣлъ и въ духовной написалъ, чтобы ему „помазаться и вѣнчаться и именоваться въ титулъ Царемъ, по древнему чину“. Если Грозный, по собственнымъ его словамъ, только искалъ этого титула, то сынъ его является уже обладателемъ царскаго достоинства и просить лишь освятить его церковнымъ священнодѣйствіемъ.

Торжество это завершилось военнымъ праздникомъ на Дѣвичьемъ полѣ. Самъ Царь, окруженный блестящими всадниками, присутствовать среди стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и бархатъ.

Выдается эта коронація и царскими пожалованіями, простиравшимися какъ на боярство, такъ и на духовенство. Еще важнѣе были чрезвычайныя царскія милости: „налоги были уменьшены; многимъ томившимся въ заточеніи была возвращена свобода; освобождены были и всѣ военнопленные“.

Едва ли не упреки со стороны Востока въ незаконности вѣнчанія на царство перваго Русскаго Царя Ивана Васильевича дали понять русскимъ, что у нихъ недостаетъ одного для полноты греческаго наслѣдія, чтобы совершенно освободиться отъ эллинскаго вліянія, именно русскаго патріарха. Царь Θεодоръ Ивановичъ повелъ переговоры съ Востокомъ объ этомъ важномъ дѣлѣ и добился желаннаго. Отнынѣ сознаніе нравственнаго величія Русскаго царства было такъ сильно, что Θεодоръ Ивановичъ могъ сказать однажды, что „если бы къ Россіи присоединились и Римъ старый и Римъ новый, то государство русское нельзя поставить подъ ними въ царскомъ титулѣ“.

Слѣдующая коронація совершена была уже русскимъ патріархомъ.

упруга Θεодора Ивановича, Царица Ирина, по кончинѣ его, постриглась въ монахини и удалилась въ монастырь. Братъ ея, **Ворисъ Годуновъ**, избранъ быть на царскій престоль 21 Февраля 1598 года. Коронація его прежде всего ознаменовалась первымъ великолѣпнымъ въѣдомъ новаго Государя въ Кремль,— что было 30 Апрѣля того же года. Карамзинъ художественно изобразилъ это торжество. Оно оставило глубокіе слѣды въ народномъ сознаніи и донинѣ сказывается въ поэтическихъ преданіяхъ Сѣвернаго края.

Самая коронація происходила въ день тогдашняго новаго года, то-есть 1 Сентября. Хотя совершалась она по прежнему чину, но была величественнѣе предъидущихъ, такъ какъ совершена была первымъ въ Россіи патріархомъ Іовомъ.

Однако, въ самомъ „дѣйствіи“ чина она отразилась какою-то неувѣренностью, сильною нервностью и крайнимъ волненіемъ духа.

Въ числѣ знаковъ царскаго достоинства, патріархъ далъ новоизбранному Царю яблоко или державу и сказалъ: „сіе яблоко— знаменіе твоего царствія; какъ это яблоко, принявъ въ свои руки, удержишь, такъ держи и всѣ царства, данныя тебѣ отъ Бога, соблюдая ихъ отъ враговъ непоколебимо“.

Совершивъ миропомазаніе и приобщивъ Царя святыхъ Таинъ, патріархъ, во второй разъ, своею рукою возложилъ на него царскій вѣнецъ и воскликнулъ: „аксіось, аксіось, аксіось“ (ἀξιός),

то-есть „достоинъ, достоинъ, достоинъ“. Въ этой особенноти сквозитъ стремленіе, какъ бы прочтѣе утвердить на Немъ царскій вѣнецъ.

Мало того, сочинены были особая молитва, направленная, очевидно, къ той же цѣли.

Но что особенно поражаетъ, это слова самого Бориса, сказанныя Имъ въ тревожномъ волненіи въ самую священную минуту. Послѣ возложенія на Него царскаго убора, въ минуту осѣненія Его патріархомъ, Онъ вдругъ воскликнулъ: „се, отче великій, патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что въ царствѣ моемъ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго“, и, тряся верхъ Своей рубашки, примолвилъ: „и сію послѣднюю раздѣлю съ народомъ“.

Кромѣ повышенія въ чинахъ и раздачи наградъ, коронація Бориса ознаменовалась еще особыми щедротами и государственными благодѣяніями разнымъ сословіямъ, какъ-то: служащимъ — двойное жалованье; московскимъ купцамъ — беспошлинный торгъ въ теченіи двухъ лѣтъ; казеннымъ крестьянамъ и жителямъ Сибири — свобода на годъ отъ всякихъ податей.

о если коронація Годунова, отзывается неуверенностью и нервною, то вѣнчаніе на царство другого выборнаго Царя, **Василія Шуйскаго**, характеризуется положительнымъ уныніемъ. Достоверно неизвѣстно даже, кто вѣнчалъ его, митрополитъ Новгородскій Исидоръ или Казанскій митрополитъ Гермогенъ? Бояре и царскій синклитъ поздравляли его также, какъ и прежнихъ вѣнчанныхъ Государей, но не было ни милостей, ни пировъ. Одинъ изъ современниковъ замѣчаетъ, что „коронованіе новаго царя было *очень бѣдно* и при этомъ находилось болѣе простаго народа, нежели бояръ“. Не одною скупостью Шуйскаго объясняется эта бѣдность, но, болѣе всего, общимъ угнетеннымъ состояніемъ духа. Никто не вѣрилъ въ прочность новаго царствованія.

Коронація происходила 1 Юня 1606 г.

Изъ всѣхъ особенностей вѣнчанія Бориса Годунова теперь принята была одна „держава“, усвоенная затѣмъ всѣми послѣдующими коронаціями. Этимъ „яблокомъ“ или державой русскій чинъ коронацій еще болѣе сближается съ византійскимъ, гдѣ эта эмблема господства надъ міромъ относится къ Цесарю Августу. Если какой странѣ приличенъ этотъ символъ, то именно Россіи, обнимающей едва не пятую часть суши земнаго шара и содержащей въ себѣ болѣе разнообразныя этнографическія элементы, чѣмъ нѣкогда Римская Имперія. Символь этотъ указываетъ, что цѣлость полсвѣтной Россіи держится рукою Самодержца. Въмѣстѣ съ державою, въ число цар-

ской утвари вошелъ „стойнецъ“ или подставка, на которую полагалось яблоко или держава.

Наступила затѣмъ эпоха междуцарствія. Настало „плачевное, рыдательное время“. Огненное запаленіе пронеслось отъ края до края. Всюду злодѣйная смерть ликовала. Отчаянные стоны и вопли раздирали воздухъ. Плакали, рыдали, вмѣстѣ съ людьми, и крестьянскіе дворы. Казалось, въ дребезги разбилось великое Русское царство.

КОНЕЦЪ СМѢТНАГО ВРЕМЕНИ И ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ФЕОДОВЕЦА ЦАРСТВО.

„Не царствовать ему! На тронъ свободный
Сядетъ лишь Избранный всенародный.“

Островскій.

ВОСКВА поставлена въ необходимость выбрать себѣ Царя между Владиславомъ, сыномъ польскаго короля, признаніе котораго требовалъ шедшій къ столицѣ Жолтваскій, и Самозванцемъ, также подступившимъ къ ней. 17 августа на Дѣвичьемъ полѣ три боярина: князья Ф. И. Мстиславскій, В. В. Голицынъ и Д. И. Мелецкій, въ сопровожденіи двухъ думныхъ дьяковъ, взяли на себя рѣшеніе судьбы отечества, объявивъ себя уполномоченными „всей земли“. Боярская дума выбрала царемъ королевича Владислава, подъ условіемъ принятія имъ православія.

Народный духъ возстаетъ противъ иноземнаго вторженія, по его отчаянныя попытки безсильны...

Первую попытку въ этомъ направленіи дѣлаетъ Прокопій Ляпуновъ. Въ январѣ 1611 года онъ собираетъ въ Рязани ополченіе со всѣхъ концовъ землѣ Русской, въ составъ котораго вошли бывшіе тушинцы—казаки, и двигается къ Москвѣ. Это антипольское движеніе было въ началѣ въ сущности религіознымъ; призывъ къ оружію дѣлается именно въ защиту православной вѣры и ея служителей.

Ополченіе простояло около двухъ мѣсяцевъ подъ Москвой, но ничего не могло сдѣлать для освобожденія столицы. Между начальниками произошло разногласіе. Ляпуновъ былъ убитъ, и войско разошлось. Это отняло у Русскихъ людей надежду на лучшее будущее.

Наступило тяжелое время для нашего отечества. Словно глубокая ночь ложится на святую Русь. Государство близко къ паденію. Но пробужденное бѣдствіями страны національное чувство не могло исчезнуть. Нашлись люди, которые стали призывать народъ къ борьбѣ за родину. Во главѣ ихъ стояли патріархъ Гермогенъ, архимандритъ Троицкой лавры Діонисій и келарь Авраамій Палацянъ.

Лѣтописцы называютъ Гермогена единственнымъ твердымъ оплотомъ истинной вѣры и національныхъ интересовъ. Какъ безоружный великанъ, онъ силой только слова двигаетъ народную полчища и уничтожаетъ безчисленныхъ враговъ Святой Руси; какъ несокрушимый столпъ, онъ поддерживаетъ все государство. Гермогенъ, мученикъ, апостолъ, проповѣдуетъ Священную войну. Патріархъ отправляетъ въ Нижній-Новгородъ грамоту, къ которой призываетъ народъ стать на защиту родины.

На мрачномъ фонѣ поработанной врагами Руси два свѣтлыхъ образа изъ этой эпохи запечатлѣлись въ народной памяти: Мининъ и Пожарскаго.

Въ началѣ октября 1611 года въ земской избѣ Нижняго-Новгорода собрались обсудить наступившія бѣдственныя времена. Полученное наканунѣ посланіе Гермогена привело всѣхъ въ удивленіе.

Тогда староста Козьма Мининъ Сухорукъ горячо сталъ призывать нижегородцевъ къ оружію. „Захотимъ помочь государству“, говорилъ Мининъ въ Соборной церкви, „такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть намъ ничего,—дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать—и бить челомъ, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ“.

Воодушевленные огненной рѣчью Минина нижегородцы поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Они послали окружающую грамоту въ другіе города. Стали стекаться служилые люди, городовые дворяне и дѣти боярскіе. Цѣной величайшихъ жертвъ составляется ополченіе, которое, по совѣту Минина, избираетъ себѣ вождемъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Последний въ то время лечился отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи съ поляками.

Въ мартѣ 1612 года русскія войска изъ Нижняго двинулись по дорогѣ въ Ярославль. Вѣсть о новомъ ополченіи дошла до Кремля. Поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ, приступили къ патріарху, чтобы онъ убѣдилъ нижегородцевъ остаться вѣрными Владиславу. Гермогенъ рѣшительно отказался и благословилъ русскій народъ, вставшій на защиту вѣры: „Благословлю всѣхъ, сказалъ онъ Салтыкову, Масальскому и полякамъ,—довести начатое дѣло до конца, ибо вижу поправленіе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ вась изменниковъ“.

Видя непреклонность Гермогена, поляки перестали спускать ему въ подземелье, гдѣ они его держали въ заключеніи, хлѣбъ и воду, и онъ скончался голодной смертью. До сихъ поръ еще въ Чудовомъ монастырѣ показываютъ темный подвалъ, гдѣ, по преданію, былъ заключенъ святитель.

14 августа 1612 года ополченіе народное прибыло къ Троицкому монастырю, гдѣ было встрѣчено архимандритомъ Діонисіемъ со всей братіей. 20 августа, вечеромъ, Пожарскій подошелъ къ Москвѣ. На выручку осажденныхъ въ Кремлѣ полякомъ спѣшилъ къ Первопрестольной гетманъ Хоткевичъ. На другой день русскіе заняли оба берега рѣки Москвы, чтобы преградить полякамъ дорогу въ Кремль. Начался ожесточенный бой. Подъ Москвой въ то время находилась казацкій отрядъ князя Трубецкаго.

Онъ долго не присоединялся къ Пожарскому, но подъ конецъ дня не выдержалъ и ринулся на поляковъ. Хоткевичъ принужденъ былъ отступить. 24 августа произошелъ новый бой; казаки опять оставались зрителями, но

Авраамей Палыцынъ уговорилъ ихъ поддержать ополчение. Въ самую рѣшительную минуту битвы Мининъ, взявъ три конныя сотни, устремился на враговъ, стоявшихъ у Крымскаго брода. Тѣ дрогнули и бросились бѣжать изъ стану гетмана. Видя успѣхъ Минина, ополченцы поддержали его, а за нимъ двинулась и конница. Полки стали отступать къ Воробьевымъ горамъ.

Въ это время въ Кремлѣ осажденные терпѣли страшную голодъ. Пожарскій вступилъ съ ними въ переговоры и убѣждалъ ихъ сдаться. Послѣ того, князь казани князь Китай-Городъ, доведенные голодомъ до крайности полки наконецъ сдались съ условіемъ сохраненія имъ жизни. 26-го октября русскіе вступили въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ была отслужена благодарственная молебенъ.

Памятникъ Минину и оп. Пожарскому на Красной площади въ Москвѣ.

По очищеніи Москвы отъ поляковъ временное правительство, во главѣ котораго стояли князья Пожарскій и Трубецкой, разослало грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать выборныхъ въ Москву для великаго дѣла. Для избранія Царя всей землей князь Пожарскій призывалъ по 10 выборныхъ отъ каждаго города, но были города, которые отправили и большее число своихъ представителей: такъ Нижній-Новгородъ послалъ 19 человекъ.

Въ самомъ началѣ 1613 года стали съѣзжаться въ Москву выборные всей земли. Это былъ *первый всеословный земскій соборъ* съ участіемъ посадскихъ и даже сельскихъ обывателей. Когда выборные собрались, была назначена трехдневная постъ, послѣ котораго начались совѣщанія. Первый вопросъ, поставленный на соборѣ — выбирать ли Царя изъ иноземныхъ королевскихъ домовъ, — была рѣшена, по словамъ Соловьева, отрицательно: „ни польскаго, ни шведскаго королевича, ни иныхъ нѣмецкихъ вѣрцъ и ни изъ какихъ неправославныхъ государствъ на Московское государство не выбирать“.

При выборѣ между боярскими родами начались волненія: всендѣ хотѣлъ своего, другіе сами стремились къ престолу; образовались партіи, но ни одна изъ нихъ не брала верхъ. Въ самый разгаръ споровъ какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣмъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, котораго и нужно избрать въ Цари. Раздался голоса противниковъ, спрашивавшихъ: кто принесъ такое писаніе, откуда? Въ это время изъ рядовъ выборныхъ подошелъ Донской атаманъ и также подаль письменное мнѣніе. „Что ты это подаль, атаманъ?“ — спросилъ его князь Пожарскій. „О природномъ Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ“, — отвѣтилъ тотъ. Однакоже мнѣніе, поданное дворяниномъ и Донскимъ атаманомъ, довѣрило уже назрѣвшее рѣшеніе: Михаилъ Феодоровичъ былъ избранъ Царемъ.

Все вышеуказанное происходило 7-го февраля на предварительномъ избраніи, а окончательный выборъ былъ отложенъ до 21-го; и въ города были отправлены доверенные люди узнать мнѣніе народа. Посланные вернулись съ извѣстіемъ, что у всѣхъ одна и та же мысль: „быть Государемъ Михаилу Феодоровичу Романову, а oprичъ его никакъ никого на государство не хотѣть“.

21-го февраля 1613 года, въ недѣлю Православія, т. е. въ первое воскресенье Великаго поста, происходило послѣднее совѣщаніе собора: каждый подаетъ письменное мнѣніе, причѣмъ оказалось, что всѣ указывали только на одного человека — Михаила Феодоровича Романова. Тогда нѣсколько духовныхъ лицъ вмѣстѣ съ бояринемъ Василиемъ Никитичемъ Морозовимъ взошли на Лобное мѣсто и „не успѣли они спросить собравшійся во множествѣ народъ, кого хотѣть въ Цари, — какъ всѣ закричали: „Михаила Феодоровича“.

Эта была искренняя и героическая попытка разслабленнаго смутю народа подняться на ноги; рождалась надежда вновь устроить свое государство.

Враги считали народъ сломленнымъ, уничтоженнымъ, но нечеловѣческимъ усиленіемъ онъ самъ восстанавливаетъ порванную нить престолонаследія.

Призывавъ къ жизни всѣ силы, дремавшія въ его нѣдрахъ, сквозь смуту тѣхъ временъ онъ самъ выходитъ на путь своего историческаго призванія. Въ тяжелую годину, когда престоль стонетъ не занятый, патриархъ умираетъ голодной смертью въ темницѣ, старое боярство разорено, войско разсѣено или выродилось въ разбойничьи шайки, въ то время какъ Москва разрушена пожарами, а Кремль занятъ польскимъ отрядомъ, — народъ встаетъ и спасаетъ себя, избравъ царемъ Михаила Феодоровича Романова.

Принявъ въ семнадцать лѣтъ въ свои руки правленіе государствомъ, Царь Михаилъ Феодоровичъ, конечно, не могъ обойтись безъ совѣта и помощи. Около него собрался кругъ приближенныхъ придворныхъ, среди которыхъ наибольшію вліяніемъ пользовалась семья Салтыковыхъ, родственниковъ государевой матери, инокини Марѣи. Царь выбралъ себѣ въ жены Марію Хлопону но Салтыковы разстроили этотъ бракъ.

На 29-мъ году Михаилъ Феодоровичъ женился на Маріи Владиміровнѣ Долгорукой, которая вскорѣ умерла; на слѣдующій годъ Царь вступилъ во второй бракъ съ Евдокіей Лукьяновной Стрешневой, отъ нея и родился сынъ Алексѣй.

Личность самого Царя Михаила Феодоровича своимъ обаяніемъ способствовала укрѣпленію царской власти. Это былъ мягкій, умный, сердечный человекъ. Его безконечная доброта не допускала возможности предположить, чтобы какая нибудь несправедливость могла исходить отъ такого великодушнаго Царя.

Михаилъ Феодоровичъ не отпустилъ изъ Москвы выборныхъ земскихъ людей. Земскій соборъ съ 1613 года по 1622 годъ постоянно находился въ Москвѣ, при чемъ почти всѣ обстоятельства предлагались на разсмотрѣніе собора непосредственно самимъ Государемъ. Это народное представительство не только не уменьшало значенія царской власти, но, напротивъ, ее закрѣпляло.

Съ пріѣздомъ Филарета и поставленіемъ его въ патриархи, соборъ разрѣшилъ рядъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Такъ, въ іюнѣ 1619 года собору были предъявлены слѣдующія Царю патриархомъ указанія, что съ однихъ взимаютъ подати по „дозорнымъ книгамъ“, т. е. по податной оцѣнкѣ имущества, а съ другихъ, не менѣе разоренныхъ, — по простой податной переписи, при которой не обращаютъ вниманія на благосостояніе плательщиковъ. Были посланы писцы и дозорщики, которые должны были описать всѣ земли, принадлежащія казнѣ, городамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ, со всѣми ихъ угодьями, количество собираемыхъ съ нихъ доходовъ, число дворовъ и жителей.

Результаты этой переписи, занесенные, въ такъ называемыя, писцовыя книги, позволяли почти въ точности опредѣлить общія и военныя права и обязанности владѣльцевъ помѣстій и вотчинъ, что, въ свою очередь, помогло восстановить порядокъ въ нарушенной смутю помѣстной системѣ.

Однако воеводы и приказные в областях по прежнему позволяли себѣ всякія насилія и беззаконія; въ 1627 году Царь рѣшилъ возстановить повсемѣстно губныхъ старостъ. Эта разумная мѣра ограничивала кругъ вліянія воеводъ.

Необходимость организованной защиты царства вызвала въ 1632 году преобразование военного дѣла: появились четыре солдатскихъ пѣхотныхъ и одинъ рейтарскій полки, въ составѣ 9.500 человекъ, изъ которыхъ до 6.500 русскихъ солдатъ, а 3.000—иноземныхъ инструкторовъ. Однако, опыты дали отрицательные результаты, и полки были распущены. Въ 1642 году, когда приходилось рѣшать вопросъ относительно войны съ Турціей, были образованы два Московскіе солдатскихъ выборныхъ полка. Ихъ формировавіе окончательно разрѣшило планъ учрежденія новыхъ сухопутныхъ частей войска.

Загѣмъ въ царствованіе Михаила Феодоровича впервые былъ построенъ корабль на русской территоріи. Въ 1633 году Голштинскій герцогъ Фридрихъ, желая завязать торговые сношенія съ Персіей, просилъ разрѣшенія построить въ Россіи 10 кораблей. Голштинцы построили одинъ корабль, который назвали по имени герцога „Фридрихъ“. При разрѣшеніи кораблестроенія иностранцамъ мастерамъ ставилось въ обязанность: съ русскихъ плотниковъ, которые будутъ съ ними работать, „корабельнаго мастерства не скрывать“.

Повидимому уже первому Царю Романову мысль объ устройствѣ въ Россіи флота не была чужда. „Фридрихъ“ по Волгѣ добрался до Каспія, но у береговъ Дагестана потерпѣлъ крушеніе и затонулъ.

Съ нимъ какъ бы затонула надежда на собственный флотъ въ царствованіе Михаила Феодоровича, на которомъ за послѣднее время стали сказываться слѣды тяжелой государственной работы: онъ постепенно сталъ недомогать.

12 Іюля 1645 года, въ свои именины, Царь пошелъ къ заутренѣ, но въ церкви съ нимъ сдѣлался припадокъ и его принесли въ хоромы. Къ вечеру болѣзнь усилилась. Чувствуя конецъ, Государь зоветъ царицу и сына, шестнадцатилѣтняго Алексія Михайловича, съ дядькой его, Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патриарха. Проставшись со всѣми, умирающій Михаилъ Феодоровичъ благословилъ сына на царство и сказалъ Морозову: „Тебѣ, божьину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостью, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и поученіи страху Божію и всякой премудрости, и соблюдалъ его, какъ зеницу ока, такъ и теперь служи“. Ночью, причастившись Св. Тайнъ, Михаилъ Феодоровичъ тихо скончался. Утромъ печальный колокольный звонъ московскихъ церквей извѣстилъ жителей о смерти пераго Царя Романова.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ПЕЧАТНИКА
ОТДЕЛЪ ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ И ПАМЯТНИКОВЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ПЕЧАТНИКА
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

The End of the 'Time of Troubles' *Tsar Mikhail Feodorovich Romanov*

Moscow was forced to choose her Tsar from between Vladislav, son of the King of Poland, and the False Demetrius, both of whom were advancing upon the capital with their troops. The Boyar Duma elected Prince Vladislav, but on condition that he embrace the Orthodox Faith.

The national spirit revolted against this foreign invasion. Prokopyij Liapunov made the first attempt to repulse the foreigners. . . . In January, 1611 he gathered together in Riazan volunteer corps from all over Russia and moved on Moscow. This anti-Polish movement was in the beginning essentially religious; the call to arms was specifically made for the defense of the Faith.

This volunteer army laid seige to Moscow which was maintained for close on to two months. However, friction arose between its leaders, Liapunov was killed and the army disbanded.

The nation as a political entity was close to collapse. But the national consciousness, awakened by the country's tribulations, gave rise to leaders who began to rally the people to the struggle for their native land. At the head of these leaders stood Patriarch Hermogen, Archimandrite Dionysius of Holy Trinity Monastery and Avraamij Palitsin.

Contemporary chroniclers describe Patriarch Hermogen as an unarmed giant, whose oratory alone moved the Russian people to arms and destroyed Holy Russia's countless enemies; as some indestructible pillar of strength, he propped up the entire State. Patriarch Hermogen, a martyr and an Apostle, preaches a Holy war: he sends a proclamation to Nijnij Novgorod in which he calls upon the people to rise up in defense of their land.

Two outstanding personalities stand out starkly against the dark background of a Russia smitten by her enemies: Meenin and Pojharskij. Early in October, 1611, in Nijnij Novgorod, village elder Kozma Meenin Sochorook made an impassioned appeal to his countrymen, calling them to arms. "Let us not spare any of our possessions, let us sell our homes, our wives and our children, and pledge allegiance to one who will be willing to defend the true Orthodox faith and be our leader," he exhorted.

The Nijnij Novgorodans rose as one man and sent proclamations and appeals to arms to other cities. A people's volunteer corps is soon organized which elects Prince Dmitry Mihailovich Pojharskij its head.

In March, 1612 the Russian volunteer army moved out of Nijnij Novgorod and advanced on Yaroslavl. As soon as this news reached the Kremlin, the Poles in Moscow demanded from Patriarch Hermogen that he convince the Russian volunteers to remain loyal to Vladislav. In reply, the Patriarch blessed the defenders of the Russian faith with these words: "My blessing upon all to finish what they have started out to do." The Poles stopped sending him his daily ration of bread and water, and the Patriarch died from starvation in his underground cell.

In the evening of August 20, 1612 Pojharskij began his seige of Moscow. An attempt by Hetman Hotkevich to force the Russians to lift their seige was foiled when Pojharskij's forces occupied both banks of the River Moskva and defeated the Poles after a bloody battle. By this time hunger began in the besieged capital. The defenders surrendered to Pojharskij on October 26, 1612 after he agreed to spare their lives. The victorious Russian volunteer army immediately offered a thanksgiving service in the Cathedral of the Assumption of the Virgin Mary.

When Moscow had been cleared of the Poles, Prince Pojharskij and Prince Trubetskoy, as leaders of the Provisional Government, issued invitations to all the cities in the land to send elected representatives to Moscow to take part in a grand and historic event: the election of a Tsar over all the land.

From the very first days of January, 1613 through early February, representatives, elected from all the cities of Russia, converged upon Moscow. This was to be the first National Council (Sobor) in Russian history, composed of members of all levels of society, including village commoners and city workers. When all had arrived, a three day period, devoted to prayer and fasting, was set aside, after which the Sobor was formally opened. After rejecting all members of foreign Royal families as prospective candidates to the Russian throne, the National Assembly (Sobor) considered a great number of available and suitable Russian candidates, rejecting them one by one. Finally, on February 7, 1613 the Sobor cast a preliminary ballot and elected nobleman Mihail Feodorovich Romanoff. The final vote was postponed until February 21 to enable runners to take an opinion poll throughout the land and apprise the Sobor of the people's views regarding its preliminary choice. The runners returned with the unanimous approval of the entire nation.

On the first Sunday of Great Lent, February 21, 1613 the final session of the All-Russian National Assembly (Sobor) was held. A secret ballot in which one vote was allowed each Assemblyman, revealed Mihail Feodorovich Romanoff to be the Sobor's unanimous choice. The new Tsar was a bare seventeen years of age.

At the age of twenty-eight, Tsar Mihail Feodorovich married Maria Vladimirovna Dolgorouky. Very soon after, Maria Vladimirovna died, and within a year the Tsar married Evdokia Loukianovna Streshneva, who bore him a son, Aleksey, the future Tsar Aleksey Mihailovich Romanoff.

Mihail Feodorovich was a soft, intelligent and warm-hearted Tsar. He did not dismiss the National Sobor of elected representatives which had elevated him to the throne. The Sobor remained in Moscow from 1613, when it first convened, through 1622, during which period the Tsar personally presented State matters to the Sobor for its consideration. The existence of this national assembly side by side with the monarch not only did nothing to diminish the Tsar's powers, but on the contrary, enhanced them.

During the reign of this first Romanoff, in 1633, was built the first ship on Russian territory: the "Frederick".

On July 12, 1645—the Feast of the Tsar's Saint—Mihail Feodorovich attended Divine Liturgy, but during the services he suffered a stroke and was carried to his bedroom. Toward evening, the Tsar's condition took a turn for the worst. He summoned his wife and sixteen year old son, with his uncle, Boris Ivanovich Morozoff, and the Patriarch to his bedside. After saying farewell to everyone, the dying Mihail Feodorovich blessed his son to succeed him on the throne.

That night, soon after partaking of the Holy Mysteries of the Body and Blood of Christ, Mihail Feodorovich passed away in his sleep. In the morning, the mournful peals of church bells from Moscow's many belfries announced the death of the first Romanoff Tsar. He had reigned for a total of thirty-two years.

Coronations of Tsar Mikhail Feodorovich Romanov

But God did not forsake the suffering Russian Orthodox people. After . . . years of civil strife, all the discord and sedition ceased, yielding to the powerful awakening of patriotism. With the complete accord of the Russian people and the blessing of the Church, young Michael Feodorovich Romanov was elected to the throne on February 12, 1612.

The more terrifying were the calamities in the time of no rule, the greater was the indescribable enthusiasm which swept the Russian land at the ascension to the throne of the first of the House of the Romanovs.

His entrance into Moscow was that of a triumphant conqueror in whom the masses saw their salvation. He spent the whole Holy Week at the Holy Trinity Monastery under the protection of St. Sergius for whom he had a special reverence, which later became a characteristic of the Romanov dynasty.

The closer he came to Moscow, the greater became the ecstasy of the people. His entrance into the city lasted several hours because of the crowds blocking the way, for everyone wanted to look upon their saviour. After praying by the Holy Relics in the Assumption Cathedral and worshipping by the tombs of his fore-fathers in the Archangel Cathedral, he entered the royal mansion where his mother-nun blessed him and retired to live in the convent of the Ascension.

The date of his coronation was set for July 11, when the Czar would become seventeen years old. There were no significant changes in the coronation ritual, no outstanding innovations; however, the events which preceded the coronation are indicative of the elated thought and spirit which permeated this memorable event.

The state's role in the event was more prominent in this coronation. Before, all the czarist regalia, with the exception of the sceptre, was carried on a gold tray from the palace to the cathedral by the court archpriest. Now, the orb and sceptre were carried by government officials.

During the procession to the cathedral, the Czar walked in front, followed by the Duma, the Moscow nobility, the court scribes and clerks, nobility from the provincial cities, the children of the boyars, and people of all ranks.

Reflecting the personality of the young Czar and the religious fervor of the land, the ceremony displayed its fundamentally religious character. The night before the coronation, All-Night-Vigil Services with prayers to St. Sergius, were held in all the Moscow churches at the special request of the Czar. As in previous coronations, next to the Czar's throne, on the right stood the boyars and nobles by rank, while on the left side stood monks from different monasteries.

Because Patriarch Germogen had died, the Czar was coronated by Metropolitan Efrem of Kazan, assisted by four archbishops, two bishops and five archimandrites.

The most outstanding moment of the coronation was the Czar's speech and the response of the metropolitan. These speeches, before the altar of God, reviewed the "troubled times" and expressed the mood prevalent after that period. In the midst of the deep silence and the reverent attention to the Czar's words, the young Czar addressed his speech not to the metropolitan, but to the whole Sobor, the Duma and the "Christ-loving" army:

"It is known to you," he said, "That from the great Rurik and the apostle-like Vladimir Monomach who accepted the Crown and the Diadem from the Byzantine emperor, to our uncle, the well-remembered Feodor Ivanovich, all the Russian Czars ruled from this throne without upheavals. Feodor Ivanovich died without an heir. Your choice, Boris Godunov, also died, and his place was taken by the evil wolf and beast of prey, the heretical unfrocked monk, Grishka Bogdanov, Otrepiev's son. And such a person, through the devil's suggestions, touched this royal throne. Then you chose Czar Schuisky; but he soon also abandoned the nation through the evil sedition of the Polish king. Now, on the strength of our relationship to our uncle, Feodor Ivanovich, by the unfathomable will of God, you, the

whole Russian land, chose us to sit on this historical throne of the Russian nation; and you, the faithful, coronated us by the ancient royal ritual and rites."

The Metropolitan, reaffirming all that was said by the Czar, depicted the preceding epoch even more clearly. Speaking about the usurper, he sketched his moral image:

"With the help of the Deceptor, he called himself the son of Czar Ivan Vasilievich, and through satanic machinations placing himself on this royal throne, he desecrated the Assumption Cathedral, brought heretics into the holy churches and greatly profaned the Orthodox faith. All this", he said, "we saw with our own eyes. All this happened according to the evil designs and malevolence of the Polish king, Sigismund, and his court."

Further, the metropolitan presented a picture of the horrible calamities during the "time between reigns", and mentioned that the bloodshed and the ravaging of the land that occurred, were not just by the hands of the Poles and the Lithuanians, but also by native "thieves", i.e. those, who allegedly serving the country like sons, secretly try, like "thieves", to shake and destroy it.

The metropolitan also remembered the martyr Patriarch Gernogen, as being the first one to point out the right of the Romanovs to the Russian throne.

He also mentioned the Czar's father, Filaret Nikitich, suffering at this moment for his country in a Polish prison.

Finally he remembered how the Czar himself, and his mother were arrested in the city of Kitai and held captive.

"Accept, Czar," concluded the metropolitan, "On your head the historical crown of rule. You are the shining and beautiful branch of the ancient and famous royal root."

This speech was supposed to make a deep impression on those present, since all that was spoken of was still fresh in everyone's mind.

In the coronation text it was beautifully said about the new young Czar as being "the renewer of the tarnished and crumbling sceptre."

Before leaving for the Assumption Cathedral, the Czar, sitting on his throne in the Golden chamber, raised Prince Tcherkasky and Prince Pojarski to the rank of boyars.

At the feast in the Granovite Chamber, the Czar sat at a special table and was served only by the nobility. Nearest to the Czar, at the "curved table", sat the clergy; the boyars, Duma members and civil servants sat at the "big table". All the guests returned home with generous gifts.

On this day, all the boyars were not allowed to "pull the rank" and in "disputes in the future, could not allude to this day."

The festivities lasted three days.

Церковь в Макарьевском Угличском монастыре, построенная на месте земли, в которой по преданию жил царь Михаил Фёдорович, в 1612 году.

Крест, фонарь и икона, несенные во время крестного хода 14го марта 1613 года.

Тронъ царя Михаила Федоровича.

Проф. Успенский. Патриарх Гермогенъ въ казні Чудова Монастыря.

Смерть Сусанны.

о Богъ не попустилъ и явить милость къ изстрадавшемуся православному народу. Раздоры и крамолы замолкли, уступивъ мѣсто общему патриотическому призыву. Единодушнымъ изволеніемъ Русской земли и съ благословеніемъ церкви въ 1613 году, 12 Февраля, избранъ быть юный **Михаиль Θεодоровичъ Романовъ**.

Чѣмъ ужаснѣе были бѣдствія въ эпоху безначалія, тѣмъ глубже охватить неописуемый восторгъ всю Русскую землю, при появленіи на престолѣ родоначальника Дома Романовыхъ.

Шествіе Его въ Москвѣ было триумфомъ побѣдителя, въ которомъ народныя массы видѣли свое спасеніе. Всю святую недѣлю Онъ провелъ у Троицы, подъ сѣнію преподобнаго Сергія, къ которому питалъ особое благоговѣніе, ставшее затѣмъ природнымъ свойствомъ Дома Романовыхъ.

Чѣмъ больше приближался Онъ къ Москвѣ, тѣмъ осязаемѣе становились неудержимые народныя восторги. Въѣздъ Его въ Москву продолжался нѣсколько часовъ, такъ какъ народныя массы затруднили движеніе, и каждому хотѣлось взглянуть на свое спасеніе въ лицѣ юнаго Самодержца. Поклонясь предъ святынею Успенскаго храма и поклонясь гробамъ Своихъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Онъ вошелъ въ царскія хоромы, а инокиня-мать благословила Его и удалилась на житіе въ Вознесенскій монастырь.

и Юля, когда минуло Царю ровно 17 лѣтъ, назначено было Его коронованіе. Оно не представляетъ въ своемъ чинѣ никакихъ

Patriarch Philaret - The Emperor's Father

Портретъ, именованъ Марья Ивановна, матери царя Михаила Феодоровича.

The Emperor's Mother – Mother Martha.

Пётр Иванович Звонарёв. Царская коронация Михаила Фёдоровича Романова в соборе Успенском в Москве (1613).
(Из книги «История России» М. В. Давыдова.)

Photograph of the first page of the book about the coronation of Tsar Mikhail Fedorovich and his coronation (1613).

Михаилъ Феодоровичъ

МИХАИЛЪ ФЕОДОРОВИЧЪ
Государь, Царь и Великій Москвитинъ, Самодержецъ Всероссийскій.
1613 — 1645

TSAR MICHAEL FEODOROVICH — 1613-1645

ярких особенностей, но все изложенное выше указывает, какимъ свѣтомъ мысли и какимъ огнемъ было озарено и согрѣто это памятное событіе. Впрочемъ, государственное значеніе выразилось теперь замѣтнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ коронаціяхъ. Прежде не царскія регалии, за исключеніемъ скипетра, несъ изъ двора въ соборъ, на золотомъ блюдѣ, „на верху главы“ придворный протопопъ; теперь же державу и скипетръ, стоилицу и золотое блюдо несутъ въ храмъ государственные сановники, бояре и дьяки. Во время шествія въ соборъ „со славою“ Самъ Царь шель впереди, а за нимъ Боярская Дума, стряпчие, дворяне московскіе и дьяки, въ золотныхъ одѣяніяхъ, а потомъ дворяне изъ городовъ, дѣти боярскія и всякіе чиновъ люди, въ нарядныхъ платьяхъ. Тѣмъ не менѣе, эта коронація и по личному складу юнаго Самодержца, и подъ воздействием общаго религіознаго настроенія имѣла, по преимуществу, церковный характеръ. Вначалѣ Его на царство, за смертью патріарха Гермогена, Ефрема, митрополиты Казанскій и Свияжскій, съ 4 архіепископами, 2 епископами и 3 архимандритами. Наканунѣ коронаціи во всѣхъ храмахъ Москвы совершенно было всенощное бдѣніе, съ молебнами преподобному Сергію, очевидно, по личному желанію юнаго Царя. Около чертога, съ правой стороны стояли бояре и прочіе вельможи, по своему чину, а съ лѣвой—цѣлый соборъ иноковъ изъ разныхъ монастырей, какъ было и въ послѣдующихъ царскихъ коронаціяхъ.

Самымъ выдающимся и трогательнымъ дѣйствіемъ въ этомъ вѣнчаніи является рѣчь, произнесенная Царемъ, и отвѣтная рѣчь митрополита. Въ нихъ, съ высоты чертога, предъ олтаремъ Божіимъ, выражены были воззрѣнія на смутную эпоху, и осязаемо сказалось общественное настроеніе того времени.

Среди глубокой тишины и благоговѣннаго ожиданія царскаго слова, юный Самодержецъ, стоя на высокомъ чертогѣ, обратился съ рѣчью, но не къ митрополиту, а ко всему церковному собору, къ Царской Думѣ и къ христолюбивому воинству: „вѣдомо вамъ“—говорить. Опъ—„что отъ Великаго Рюрика и отъ равноапостольнаго Владиміра Мономаха, воспріявшаго царскій вѣнецъ и діадиму отъ Царградскаго Императора, до дяди нашего достохвальнаго Θεодора Ивановича всѣ русскіе Государи сидѣли на семь царскомъ престолѣ безъ колебанія и потрясеній; но вотъ Θεодоръ Ивановичъ умеръ бездѣтенъ; вашего

Вънецъ, скипетръ и держава царя Михаила Георгиевича.

Crown, Sceptre and Orb

Снимокъ съ первой страницы книги оъ избраніи и венчаніи на царство
Царя Михаила Феодоровича (1613 г.).

избранника Бориса Годунова также не стало. Его место занялъ злѣйшій волѣсъ и хищникъ, богоотступникъ, еретикъ, разстрига, Гришка Богдасѣй, но и онъ скоро оставилъ государство по злой смутѣ польскаго короля. А мы, въ силу нашего родства съ дядею Феодоромъ Ивановичемъ, по несповѣданнымъ судьбамъ Божиимъ, вы, всю Русскую землю, избрали насъ на этотъ историческій престолъ Россійскаго государства; и вы бы, богомольцы, вѣнчали насъ по прежнему нашему царскому чину и достоинству“.

новъ сынъ Отрещенъ— и такой-то человекъ, бѣсовскими наводненіями, коснулся этого царскаго престола. Затѣмъ были избраны нами Царь Шуйскій

Грѣшъ Царя Михаила
Феодоровича

Митрополитъ, подтверждая все сказанное Царемъ, еще нагляднѣе и подробнѣе изобразилъ предыдущую эпоху; говоря о самозванцѣ, онъ въ слѣдующихъ очертаніяхъ нарисовалъ его нравственный образъ: „вражескимъ дѣйствомъ, назвался онъ сыномъ Государя Царя Ивана Васильевича и, при посредствѣ сатанинскихъ козней, сѣлъ на царскомъ престолѣ, соборный храмъ Успенія обругалъ, во св. церковь ввелъ множество еретиковъ и православной вѣрѣ великое поруганіе учинилъ; все это“, говоритъ, „мы видѣли собственными своими очами. Все это совершилось по замысламъ и зложелательству Польскаго короля Сигизмунда и его панской рады“. Далѣе представить онъ картину ужасныхъ пережитыхъ бѣдствій во время междуцарствія и замѣтить, что кровопролитія и государственное раззореніе произошли не отъ польскихъ только и литовскихъ людей, но и „отъ враговъ, кои зовутся дѣтьми государскими“, то-есть, кои,

состоя на службѣ государству, какъ сыны его, стремятся и тайнѣ, какъ *воры*, къ тому, чтобы колебать и разрушать его.

Вспомнилъ при этомъ митрополитъ и страдальца патриарха Гермогена, впервые указавшаго прямое право Романовыхъ на престолъ российский.

Вспомнилъ и Государева отца Филарета Никитича, томившагося въ эти минуты въ польскомъ плѣну за государственное дѣло.

Вспомнилъ, наконецъ, и то, какъ Самого Государя, нынѣ коронуемаго, вмѣстѣ съ Его матерью, захватили въ городѣ Китаѣ и держали въ злой неволѣ.

„Прими же, Государь“—закончилъ митрополитъ—„на главу свою историческій вѣнецъ царствія: ты еси свѣтлая и прекрасная вѣтвь древняго, преславнаго царскаго корня“.

Рѣчь эта должна была произвестъ глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, ибо всѣ отмѣченныя въ ней событія были еще свѣжи и переживались. Прекрасно сказано о новомъ юномъ Царѣ въ чинѣ Его коронаванія, что *„онъ есть обновитель обветшавшаго и изнемогающаго скипетра“*.

Предъ выходомъ „со славою“ въ Успенскій соборъ, возсѣдая на тронѣ въ Золотой палатѣ, Онъ пожаловалъ изъ стольниксъ въ бояре князя Черкаскаго и знаменитаго князя Пожарскаго.

На ширѣ въ Грановитой палатѣ Царь сидѣлъ за особымъ столомъ, и Ему прислуживали только стольники; духовенство—за ближайшимъ къ Государю, такъ называемымъ „кривымъ столомъ“, а бояре, окольные и думные люди—за „большимъ столомъ“. Всѣ приглашенные вернулись домой съ богатыми дарами.

Въ этотъ день всѣ бояре должны были „не считаться мѣстами“ и въ „спорахъ на будущее время не ссылаться на этотъ день“.

Торжество продолжалось три дня.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЦАГСТВОБАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

„Петербургъ, суабы уаары,
Одѣланъ Русь...“

Пушкинъ.

АРЬ Алексѣй родился въ 1629 году. Главнымъ его воспитателемъ былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Подъ руководствомъ дьяка Московскаго приказа, царевичъ прошелъ полный курсъ древнерусскаго образованія. Морозовъ ввелъ въ учебную программу Алексѣя приемъ нагляднаго обученія, знакомилъ его съ нѣкоторыми предметами посредствомъ картинокъ, онъ же вносилъ и другую, еще болѣе сибую новизну: нѣмецкое платье для царевича Алексѣя и его брата.

Въ зрѣлые годы Царь Алексѣй былъ образцомъ набожности и благочестія, строго соблюдалъ посты, въ церкви проставалъ иногда часами по пяти. Вместе съ исключительной древнерусскою набожностью, Алексѣй обладалъ добрымъ и мягкимъ характеромъ. Иностранцы современники этого Царя отмѣчаютъ, что этотъ Государь, облеченный неограниченною властью, никогда не посвятилъ на жизнь, честь и имущество хотя бы одного изъ своихъ подданныхъ.

Это производило обязательное дѣйствіе на окружающихъ и дало Алексѣю прозвание „Тихаѣшаго Царя“. Умѣніе входить въ положеніе другихъ, чувствовать и принимать къ сердцу ихъ горе и радость было одною изъ лучшихъ чертъ въ его характерѣ. Дурные поступки другихъ тяжело отзывались на Государя, потому что возлагали на него тяжелую обязанность наказывать виновныхъ. Грѣвъ его былъ отзвонивъ, проходить минутной вспышкой, и Царь первый шелъ на встрѣчу къ потерпѣвшему съ примиреніемъ, стараясь загладить свою ошибку. Морозовъ, пользуясь привязанностью своего воспитанника, приобрѣлъ исключительное вліяніе на управленіе государствомъ, въ особенности когда Алексѣй въ 1648 году вступилъ въ бракъ съ дочерью стольника Маріей Ильининой Милославской, а самъ Морозовъ женился на ея сестрѣ.

Внутреннее состояніе Московскаго государства все еще носило на себѣ нѣкоторые слѣды смутнаго времени, и бѣдствія, на которыя жаловались выборные люди 1642 года, продолжались. Народъ былъ обремененъ повинностями, все болѣе и болѣе возрастающими. Налоги вместе съ притѣсненіями приказныхъ людей вызвали, наконецъ, сильное народное неудовольствіе, которое разрѣшилось открытымъ мятежемъ московской черни. Отъ Царя требовали выдачи боярина Морозова, окольничаго Плещеева и дьяка Чистаго. Алексѣю Михайловичу пришлось лично два раза вступать въ переговоры съ мятежниками и удалось временно успокоить ихъ обѣщаніемъ, что онъ сошлетъ послѣдняго въ Кирилловскій монастырь. Несмотря на это, Плещеевъ и Чистый были убиты мятежной толпой 29 июня 1648 года.

Черезъ 8 лѣтъ послѣ нѣзложенія Никона исторія отмѣшаетъ на своихъ страницахъ второстепенный по своему внѣшнему значенію эпизодъ: ласковый приемъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ славянскихъ купцовъ, прїѣхавшихъ въ Москву. Однако слова, сказанныя Московскимъ Государемъ своимъ гостямъ при этой встрѣчѣ на Пасхѣ, бросаютъ яркій свѣтъ въ глубину грядущихъ вѣковъ, и изъ мрака неизвѣстнаго будущаго встаютъ четыре цифры—1877—дата освободительной войны.

По свидетельству современника, архиепископа Павла Алеппского. Царь Алексѣй Михайловичъ, христосуясь со славянскими купцами, „принялъ обильныя слезы и сказалъ боярамъ—мое сердце сокрушается о поробоженіи этихъ бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры. Богъ призываетъ меня къ отчету въ день Суда, если, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ... если Богу угодно, то потрачу все свои войска и казну, пролью свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь ихъ освободить...”

Впервые Русскимъ Государемъ выражено въ категорической формѣ историческое призваніе Россіи, приведшее ее при Императорѣ Александрѣ II къ войнѣ за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига. Такъ великій зачетъ второго государя изъ Дома Романовыхъ осуществляетъ его вѣнценосный потомокъ—Царь-Освободитель.

Въ области внѣшней политики Алексѣя Михайловича крупнымъ событіемъ было присоединеніе Украины. Она давно уже томилась подъ польскимъ игомъ.

Мечта нашего времени — объединенія славянъ съ Россіей во главѣ,—захватываетъ умы блестящаго дипломата царствованія Тихайшаго Государя, Ордынъ-Нащокина. Поэтому понятно стремленіе этого талантливаго государственнаго человека покончить враждебныя дѣйствія противъ Польши, чтобы начать борьбу съ Турціей.

Въ 1667 году по приказу Алексѣя Михайловича выписываютъ изъ Голландіи корабельнаго техника Ванъ-Сведена съ партіей судовыхъ рабочихъ, во главѣ съ опытнымъ мастеромъ Ванъ-Гольдтомъ.

Для устройства верфи перваго русскаго судна было назначено село Дѣдиново, на рѣкѣ Оси, а строительнымъ матеріаломъ служили лѣса въ Вяземскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

The Reign of Tsar Aleksei Mikhailovich Romanov

Aleksei Mikhailovich was crowned on 28th September, 1645, by Patriarch Joseph.

The State element was even more strongly expressed at this coronation. The honour of bearing the cap of Monomach and the Imperial Regalia was bestowed upon the boyar Streshnev and his servants. The procession into the Cathedral of the Dormition was much more solemn than before. The new Tsar was preceded by the boyar Vasili Petrovich Sheremetiev and his men-at-arms. Behind the Tsar came nobles, members of the Duma, and the court and children of the nobility. For the first time large numbers of foreigners were present.

Tsar Aleksey was born in 1629. His principal tutor was the nobleman Boris Ivanovich Morozoff. When Aleksey Mikhailovich reached maturity, he presented a perfect example of piety: strictly observed lent and regularly attended church services, remaining up to five hours in a row at a service. His was a soft and kindly nature. Foreign contemporaries observed that this Tsar, possessing as he did absolute power, never once violated the life, honour or possessions of any of his subjects. History has accorded Tsar Aleksey Mikhailovich the unique honour of calling him "the Mildest of Tsars."

This second Tsar from the Romanoff dynasty was the first to raise the question of Russia's obligations toward her Slavonic neighbours, languishing under the Turkish yoke. However, it was not until 1877 that the Tsar-Liberator, Emperor Alexander II, fulfilled this dream of all the Romanoffs when he defeated Turkey and freed the Slavs.

In foreign affairs the great historical event was the Ukraine's union with Russia, once again becoming her integral part, after having been forcibly annexed by Poland. Russia ceased hostilities against Poland so as to begin her struggle with Turkey.

Алексѣй

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссийскій.

1645—1676.

TSAR ALEXEY MICHAÏLOVICH — 1645-1676

Снимок съ первой страницы рукописи чина вѣнчанія на царство
Царя Алексѣя Михайловича (1645 г., 28 Сентября).

о кончинѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, 12 Июля 1645 года, вступилъ на престолъ сынъ Его **Алексѣй Михайловичъ**.

За тридцать два года царствованія Михаила, перваго Самодержца изъ дома Романовыхъ, измученная за смутное время Россія успѣла нѣсколько вздохнуть и начала оправляться отъ погрома и междоусобицы. Алексѣй Михайловичъ, тишайшій Царь, продолжаетъ устройство государства и постепенно раздвигаетъ предѣлы его.

Доброму и мирному Царю выпало, однако, на долю пережить много тревоженій и политическихъ бурь. Достаточно вспомнить про войны съ сильной тогда Польшей, бунты: Новгородскій, Псковскій, Стеньки Разина, Соловецкій, а также расколъ и Никоновскую распрю. Все это было пережито, Россія выдержала натиски внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, устояла и еще болѣе расширилась.

При Алексѣѣ Михайловичѣ наѣлены окраинные наши предѣлы на Востокъ: протянута дружественная рука къ Грузіи и поставлены городки на Амурѣ. Но всего важнѣе было рѣшеніе прійти на помощь Украинѣ, принявъ ее подъ свою руку. Въ 1654 г. свершилось великое событіе присоединенія къ великой Руси значительной части Малороссіи, вмѣстѣ съ матерью Русскихъ городовъ, древнимъ

Кіевомъ, гдѣ проповѣдывалъ св. апостолъ Андрей Первозванный, гдѣ княжилъ Владиміръ Свѣтой, и гдѣ впервые шапка Мономаха покрывала царственную главу всероссійскаго Великаго Кнзя.

Алексѣй Михайловичъ короновался 28 Сентября 1645 г. Вѣнчалъ

Его на царство патриархъ Іосифъ.

Государственный элементъ въ этой коронаціи выражается еще замѣтнѣе, чѣмъ при коронаціи Его родителя. Тогда царскій вѣнецъ несъ въ соборъ, вмѣстѣ съ животворящимъ крестомъ, бармами и золотою цѣпью, придворный протоіерей, а теперь и несеніе царскаго вѣнца или шапки Мономаха предоставлено было боярину Стрѣшневу, какъ равно государственные же сановники несли и всѣ прочіе знаки царскаго достоинства.

Шествіе Государя изъ двора въ Успенскій соборъ „со славомъ“ было теперь торжественнѣе, чѣмъ ранѣе. Впереди Государя шли бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ „да окольничіе и стольники“, а позади Его также бояре и думные люди и огромная свѣта изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и чиновниковъ; по обѣимъ сторонамъ царскаго пути стояли струнцы, чего не было прежде. Но особенно выдается то, что теперь было здѣсь много иноземцевъ, состоявшихъ на службѣ у Государя, и великихъ людей чужеземныхъ государствъ.

Вѣнецъ къ Царскому Трою

Вѣнецъ

The Reign of Tsar Feodor Alekseevich Romanov

Feodor Alekseevich ascended the throne on 29th January, 1676, and was crowned on 16th June. The coronation began with a procession into the Cathedral of Christ the Saviour where the new Tsar venerated the holy icons. From there he proceeded in state, along a path blessed with holy water, to the Granovite palace. Here he performed various ceremonies, promoting civil servants and preparing for the transfer of the regalia from the Treasury. With the issuing of the order for the transfer of the regalia, the coronation officially commenced.

In all previous coronations the religious service was in conjunction with the coronation ceremony. Now, however, it became a separate part. The service was conducted right after the transfer of the regalia into the cathedral and it was not until the very end of the service that Patriarch Joakim informed the Tsar that everything was ready for the coronation. Only then did the procession "in State" start towards the Cathedral of the Dormition.

The rites began with the Patriarch's question: "What is your faith, and how do you confess your faith in the Father, the Son and the Holy Spirit?" The Tsar then recited the Symbol of Faith as the Byzantine Emperors had done before him. This ceremony passed on into all subsequent coronations, but the most striking introduction into the rite was in regard to the Holy Eucharist. In previous coronations, the new Tsars had received Holy Communion at the ambo. This time, following the example of the Greek Emperors, the Tsar was led into the sanctuary and received the Eucharist with the clergy.

Снимок с первой страницы рукописи чина венчания на царство Царя Феодора Алексеевича (1676 г.).

ЦРЬ И ЦЕЛАНКІИ КНІЗЬ
РОССІИ

ФЕОДОРЪ АЛЕКСІЕВЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ

2
ЦРЬ ФЕОДОРЪ

ФЕОДОРЪ АЛЕКСІЕВІЧЪ
Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссийскій,
1676—1682.

TSAR FEODOR ALEXIEVICH — 1676-1682

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

Сохранился со стороны тех экземпляров, кем даны о рукописях на
 название Ипатьевского Архимандрита (1676 г., 18 л.).

решеникъ Царя Алексѣя Михайловича, **Феодоръ Алексѣевичъ** взошелъ на престолъ 29 Января 1676 года и короновался въ томъ же году 16 Июня.

Коронація началась шествіемъ Его въ придворный Спасскій храмъ, что на сѣнцахъ, гдѣ лобызять Онъ святая иконы; отсюда выходъ Его въ Грановитую палату быть „со славою“. Передъ Нимъ шли окольные и думные дьяки и комитетные люди, а за Нимъ бояре и думные дьяки; путь отъ церкви Спаса до Грановитой палаты кропиль святою водою Спасскій протопопъ. Здѣсь Онъ сѣлъ на Своемъ царскомъ тронѣ, а боярамъ, окольнымъ и думнымъ людямъ, конъ всѣ были въ золотномъ платьѣ, съ низанными ожерельями, въ горлатныхъ шапкахъ и цѣпяхъ, Царь велѣлъ сѣсть; а стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, приказнымъ людямъ, дьякамъ и гостямъ велѣлъ быть въ сѣняхъ предъ Грановитую палату, въ золотномъ же платьѣ и горлатныхъ шапкахъ. Самъ Государь былъ одѣтъ въ „обашень золотъ“, съ низаннымъ кружевомъ и нашивкою.

Здѣсь же Алексѣй Михайловичъ сдѣлать нѣсколько пожалованій изъ окольныхъ въ бояре, а изъ стольниковъ и думныхъ дворяны въ окольные. Затѣмъ Царь сдѣлать обычный парадъ для перенесенія царскихъ регалій съ Казеннаго двора въ Грановитую палату. Этимъ парадомъ и начинались всѣ прежнія коронаціи.

Но особенно замѣчательно вѣчаніе Феодора Алексѣевича на царство именно тѣмъ, что нѣкоторыми нововведеніями оно еще болѣе, чѣмъ прежде, приблизилось къ ритуалу коронаціи греческихъ императоровъ.

Молебствіе, съ которымъ до сихъ поръ соединялось царское вѣчаніе, теперь было отдѣлено отъ него. Молебенъ былъ прочтѣнъ тотчасъ по принесеніи царскихъ регалій въ церковь, и, лишь по окончаніи его, патриархъ Іоакимъ, совершавшій это вѣчаніе, извѣстилъ Государя чрезъ бояръ, что къ вѣчанію все уже готово. Затѣмъ слѣдовало шествіе Государя „со славою“ въ Успенскій соборъ.

Чинъ коронаціи начинался вопросомъ патриарха: „како вѣруещи и исповѣдуещи Отца и Сына и Св. Духа?“ и Государь, подобно греческимъ императорамъ, торжественно провозгласилъ символъ вѣры. Въ этомъ актѣ Онъ является не просто, какъ властитель судебъ Своего народа, но какъ представитель его совѣсти и проводитъ въ Своемъ царствѣ тѣхъ нравственныхъ началъ, на коихъ зиждется царство Божіе. Эта особенность существенно входитъ затѣмъ во все послѣдующія коронаціи.

За исповѣданіемъ Царемъ православной вѣры, патриархъ говоритъ рѣчь и затѣмъ „новельтъ ризничему да черному діакону“ взять у стряпчаго Лихачева царскую одежду и принести къ себѣ; принявъ и благословивъ ее, онъ велѣлъ боярину князю Куракину и окольничему Хитрово возложить ее на Государя, а прежнюю Его верхнюю одежду принять стряпчий Лихачевъ. „Царскій опашень“, по примѣру греческихъ царей, былъ замѣненъ „порфиною“, въ которой пріобщался св. Таинъ отецъ государевъ, Царь Алексѣй Михайловичъ.

Во всехъ прежнихъ коронаціяхъ, государямъ, по ихъ миропомазаніи, пречистыя Тайны Христовы преподаваемы были вѣдь олтаря, по чину мірянъ, теперь же Царь, по примѣру греческихъ императоровъ, впервые введенъ былъ во святилище прямо царскими вратами, гдѣ Онъ пріобщался по чину священнослужителей.

Торжество закончилось обычнымъ шромъ въ Грановитой палатѣ. Царь сидѣлъ за особымъ столомъ вѣстѣ съ патриархомъ; духовенство обѣдало за лѣвымъ, а бояре—за правымъ столомъ.

Peter the Great *His Brother John and Sister Sofia*

The five sons born to Tsar Aleksei Mikhailovich and his first wife, Maria Miloslavskaya, were all physically weak, and of ill health. Three of the sons died during the lifetime of the father and the new Tsar Feodor Alekseevich survived his father by only five years. The second marriage of Tsar Aleksei, to Natalie Narishkina, produced a child of a completely opposite physical nature—Peter, known in history as “the Great”.

Peter, like Ivan “the Stern”, became fatherless at the age of three. Unlike Ivan, however, Peter was blessed with a kind and loving mother who taught him from his earliest days.

Peter was caught up in political turmoil at a very early age and the future “Great Tsar” developed a suspicious distaste for many of the old Russian customs and ways. At the same time, he was under strong Western influences.

Feodor Alekseevich did not leave a direct heir to the throne and, by the right of the next of kin, the sickly Ivan became heir. At this point, the remarkable figure of the Tsarevna Sofia stepped onto the stage of Russian history. A loving sister, and an energetic, strong-willed politician, she was determined to see Peter on the throne even if he had to share it with Ivan.

On 18th May, 1682, that unprecedented double reign began. The coronation took place on 25th June of that year and was, in all other respects, exactly like the rites of the ancient Russian Tsars.

The Reign of Emperor Peter the Great

The historical portrait of Peter the Great may be divided into three dimensions: in width he is endless, for he represented all the needs and capabilities of his native land, so that even to this day traces of his hand may be seen in almost every branch of Russia's economy; in height, he towers beyond measure, having been the incarnation of all strata of Russian society, from carpenter to Emperor; in depth, he has no limit, having indicated the only possible path of progress for Russia—in active participation in the cultural development of the whole of Europe.

Peter made everything come into motion somehow at once. There was no set plan, no order in anything at the beginning of his reign.

In 1695 Peter undertook his first military campaign—against the Black Sea fort of Azov—which was unsuccessful. The Tsar immediately took steps to rectify this. Realizing the need of warships, Peter built ship-building yards on the River Voronezh where 26,000 men toiled under Dutch and English shipbuilders to create Russia's navy in a hurry.

The Tsar travelled incognito overseas, lived and toiled as a common workman on the wharves of Saardam and Deptfort. During his absence overseas, the country was governed by the boyar Duma.

In Moscow various schools of learning were established, including a naval academy, a school of medicine, engineering school, school of navigation and trades school.

In his drive for "windows" to the West, Peter set his eyes on the Baltic seaboard, controlled by Sweden and the finest army in all of Europe. Peter formed alliances with King Augustus II of Poland and King Christian of Denmark, but hesitated to move against Sweden while Russian troops were occupied on the Turkish front. When on August 8, 1700 peace was concluded with Turkey, the Russian army moved toward the Baltic sea.

He had to reckon with the genius of Charles XII of Sweden at the head of the strongest army at that time. The Russians were defeated at Narva on November 19, 1700 and lost all their artillery. Peter's allies, Poland and Denmark, were both forced into submission by the brilliant Swedish king.

But Peter was not disheartened. The entire country came to his aid so that even church bells were melted down to build cannon. What has come down in history as the "Great Northern War" continued until that famous battle at Poltava in June, 1709, when Charles was soundly defeated by the Russians and barely escaped being taken prisoner. Gratefully, Peter laid the foundations of the new Russian capital—St. Petersburg. But the War was not officially ended until 1721 by a peace treaty which granted to Russia the entire southern seaboard of the Baltic Sea, from St. Petersburg to the Duchy of Courland, with parts of Finland.

When he died on January 28, 1725 Peter the Great left Russia a well-disciplined army of 200,000 men in the regular forces and 100,000 reserves, and a navy of 30,000 men manning 48 large ships and 800 smaller war craft. During his reign, he increased the State's income from 3 million roubles to 11 million.

IOANNE ALEXANDROVITZ
 Czar de Grande Duché de
 Russie Autocrateur de Mos-
 covie de plus grande terre et
 Michaelovitch Czar et Grand Duc de Mos-
 covie et Grand Duc de Mordovie deinde en
 Naupit on 1687 et le Czar Nicolas en
 Conventement au préjudice de l'étranger que
 l'empereur du Conventement Nicolas même
 duquel toutes les brigues et séditions la-
 chés sur deux frères royalement en repos avec unons fraternelle, ses Princes se portant l'ententeur me-
 bonne amitié et correspondance avec la France, estant parvenue et charmée d'une très haute
 estime des Grandeur de Son Puissance Monarque Louis le Grand, luy ont envoyé tout ce qu'il
 doit Ambassadeurs avec une très belle suite de plus de quinze cent personnes en 1683, qui
 ont été reçus avec tout honneur qu'on rend aux Ambassadeurs des toutes Couronnes,
 dont le Czar est Czar très satisfait et content, &c.

C'est à son le Vainc Bernardin Pissot l'auteur de la Pomme d'Or, par le Sr Coustier.

PETER ALEXANDROVITZ
 la Grande Poite et Blanche
 Czar, Conventeur et Domi-
 nateur de plus grande terre et
 Michaelovitch Czar et Grand Duc de Mos-
 covie et Grand Duc de Mordovie deinde en
 Naupit on 1687 et le Czar Nicolas en
 Conventement au préjudice de l'étranger que
 l'empereur du Conventement Nicolas même
 duquel toutes les brigues et séditions la-
 chés sur deux frères royalement en repos avec unons fraternelle, ses Princes se portant l'ententeur me-
 bonne amitié et correspondance avec la France, estant parvenue et charmée d'une très haute
 estime des Grandeur de Son Puissance Monarque Louis le Grand, luy ont envoyé tout ce qu'il
 doit Ambassadeurs avec une très belle suite de plus de quinze cent personnes en 1683, qui
 ont été reçus avec tout honneur qu'on rend aux Ambassadeurs des toutes Couronnes,
 dont le Czar est Czar très satisfait et content, &c.

Avec Privé du Ro

ЦАРИ ЮАННЪ АЛЕКСЪЕВИЧЪ И ПЕТРЪ АЛЕКСЪЕВИЧЪ.

Tsars Ioann Alekseevich and Peter Alekseevich.

Силіонокъ изображенія государственнаго герба на первомъ листѣ чиновной книги и вымплава на парусахъ Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682 г. Іюня 27 д.).

Photograph of the illustration of the state coat-of-arms on the first page of the book on the coronation rite of Tsars Ioann Alekseevich and Peter Alekseevich (1682, 25 June).

сеодоръ Алексѣевичъ, сильный благочестіемъ и немощный здоровьемъ, царствовать недолго. Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти отца почилъ навсегда и Онъ. Какъ извѣстно, отъ перваго брака Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильининой Милославской родились пять сыновей и шесть дочерей. Сыновья отличались болѣзненностью и трое умерли еще при жизни отца.

Черезъ три года послѣ смерти первой супруги, Царь Алексѣй, по взаимной склонности, женился на Наталіи Кирилловнѣ Нарышкиной. Богъ благословилъ этотъ бракъ рожденіемъ сына Петра.

Какъ Грозный, такъ и будущій Великій Императоръ остался послѣ смерти отца въ трехлѣтнемъ возрастѣ; но судьба послала Петру незамѣнимаго воспитателя въ лицѣ нѣжно любившей его матери. Ссербый материнской лаской, царственный ребенокъ росъ въ привольѣ и свободѣ. Скоро, однако, отроку Великому Князю пришлось почувствовать на себѣ политическій круговоротъ и съ девятилѣтняго

возраста дѣтскія игры и забавы перемѣшивать съ дѣлами иного, высшаго порядка. И материнская ласка и сестрины политическіе угрозы вліяли на богатую пылкую, воспримчивую, жаждавшую широкой дѣятельности природу царственного богатыря. Старина Его докучала, а новый западный строй улыбался и манилъ Его изъ душнаго терема къ себѣ на просторъ.

Феодоръ Алексѣевичъ не оставилъ послѣ себя потомства, и на престолъ долженъ былъ бы по праву первородства вступить слабый Іоаннъ, но у энергичной и вселюбивой сестры Его, Царевны Софіи, были свои чрезвычайные планы, и она привлекла къ трону, соправителемъ Іоанна, десятилѣтняго Петра, своего будущаго противника и покорителя.

18 Мая 1682 года явилось у насъ двоцарствіе — явленіе невиданное во всей русской исторіи. Оно создано было Царевною Софіей, стремившейся къ завладѣнію русскимъ престоломъ и, при содѣйствіи стрельцовъ, достигшей того, что два юныхъ брата, лишь раз-

ныхъ матерей,
Іоаннъ и Петръ
Алексѣевичи,
объявлены бы-
ли Самодерж-
цами Россіи.

Коронація
Ихъ происходи-

ла 25 Іюня того
же года и совер-
шалась по древ-
нему чину всѣхъ
древне-русскихъ
царей.

*Синюха съ четвертано листа чиновной книги о вънчаніи на царство
Царя Іоанна и Петра Алексеевичей (1682 г. Іюня 25 д.).*

Photograph of the fourth page of the book on the coronation rite of Tsars Ioann Alekseevich and Peter Alekseevich (1682, 25 June).

Петръ I учится обращенію съ астралійскій.

Съ картони, выставленній на Царскомъ Дворѣ въ С.-Петербургѣ 30-го мая 1822 года. По фотографіи изъ собранія П. И. Екземпери.

Схватка лодки на Язу.

Съ картони, выставленній на Царскомъ Дворѣ въ С.-Петербургѣ 30-го мая 1822 года. По фотографіи изъ собранія П. И. Екземпери.

Провозглашение самодержавия Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Съ картана, выставленнаго на Императорск. Лувр въ С.-Петербургѣ 30 мая 1872 года. По фотографіи изъ собрания П. М. Елачкова.

Царь Петръ Великій спасаетъ на Лахтѣ погибающихъ.

Съ картана, выставленнаго на Императорск. Лувр въ С.-Петербургѣ 30 мая 1872 года. По фотографіи изъ собрания П. М. Елачкова.

Петр

ПЕТРЪ I

Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.

1682 - 1725.

EMPEROR PETER THE GREAT — 1682-1725

Петръ Великій, объявивъ Себя Императоромъ и, по собственнымъ Его словамъ, „обладая даннымъ Ему отъ Бога самовластіемъ ко устроению христіанскаго государства“, наиболѣе всѣхъ прежнихъ Царей воплотить въ Своемъ лицѣ идею греческаго Самодержца.

Въ 1723 году Онъ рѣшился короновать Свою супругу **Екатерину I** и Самъ выработать церемоніаль, въ которомъ, съ удивительнымъ тактомъ и умѣньемъ, соединилъ нѣкоторыя европейскія обрядности со строгимъ греческимъ коронаціоннымъ ритуаломъ.

Такъ, объявленіе правъ на коронованіе, выразившееся прежде въ рѣчахъ, произносимыхъ государями въ Успенскомъ соборѣ, на чертогѣ, Онъ, по образцу Запада, перенесъ изъ храма на площадь и о правахъ Своей супруги объявилъ въ предварительномъ манифестѣ, чтобы знали о томъ не только присутствующіе въ храмѣ, но и „всенародное множество“. „Небезызвѣстно“, говорилъ Онъ, „какіе тяжкіе труды и какой смертной страхъ подъяли мы въ двадцатидолѣтней войнѣ за отечество наше: никогда еще Россія такого честнаго и выгоднаго мира не видала и во всѣхъ бояхъ такой славы не имѣла. Во всѣхъ этихъ подвигахъ любезнѣйшая наша супруга была намъ великою помощницею; да во многихъ и другихъ военныхъ дѣйствіяхъ, отложивъ женскую немощь, сколько возможно, намъ помогала, и въ самыя отчаянныя минуты, какъ напримѣръ, въ баталіи подъ Прутомъ (гдѣ у насъ было войска 22 тысячъ, а у

турокъ 270 тысячъ) она мужески, а не женски поступала. Того ради, въ нынѣшнюю зиму въ Москвѣ, по волю Божіей, имѣеть быть ея коронованіе“.

Въ царскихъ коронаціяхъ, какъ мы видѣли, государственные и церковные чины ходили по храму и тихо вѣшали присутствующимъ молитвенное настроеніе, отвѣчающее торжественности минуты. Петръ Великій также перенесъ этотъ обычай изъ церковнаго собранія „во всенародное множество“, и, по образцу Запада, за нѣсколько дней объявить о днѣ коронованія, чрезъ герольдовъ, съ трубами и литаврами, на разныхъ площадяхъ Москвы, „дабы вѣрные подданные вознесли горячую молитву ко Всевышнему о совершеніи сего великаго и радостнаго дѣла и дабы Всевышній ниспослалъ свои благословенія“.

Убранство Успенскаго собора было сдѣлано также по западному образцу. Императорскій тронъ, посреди собора, также какъ и древне-русскій царскій чертогъ, устроенъ былъ о двѣнадцати ступеняхъ, но съ двумя расширенными выступами, и шире и выше прежняго чертога; весь онъ былъ позолоченъ и украшенъ живописною работою; кругомъ былъ обнесенъ довольно высокими перилами съ рѣзьбою и разными іероглифическими фигурами; книзу, по направленію къ олтарю перила расширялись въ формѣ циркуля, для удобства церковнаго дѣйствія; полъ трона и ступеньки обиты были кармазиннымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ.

Надъ трономъ устроенъ былъ балдахинъ, утвержденный на тысячей цѣпи отъ свода церковнаго; онъ весь былъ убранъ чрезвычайно богато и великолѣпно. Внутри, наверху вышитъ былъ всероссійскій гербъ; по сторонамъ же 6 гербовъ древне-русскихъ княжествъ: Кіевскаго, Владимірскаго, Новгородскаго, Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго.

На самомъ тронѣ, подъ балдахиномъ, стояли два кресла, украшенныя драгоценными камнями, для Императора и Императрицы. Немного вправо, на томъ же тронѣ поставленъ былъ длинный столъ, покрытый золотою парчею до самаго пола, для Императорскихъ регалій.

Отъ трона, по направленію къ олтарю, по обѣимъ сторонамъ, на церковномъ полу устроены были длинныя скамьи, обитыя кармазиннымъ сукномъ, для архіереевъ и властей духовныхъ.

Изъ панцидиль особенно было разукрашено, такъ называемое, Морозовское, висевшее по срединѣ собора, вылитое изъ серебра. По своей величинѣ и работѣ оно считалось, какъ „*наидивнѣйшее во Европѣ*“; всѣ свѣчи на немъ были золоченыя. Богатыя золотыя ковры разостланы были отъ самаго олтаря до трона, а также и до церковнаго постоянного мѣста Императрицы. Какъ это послѣднее, такъ и „ординарное мѣсто“ Императора внутри и снаружи обиты были золотою парчею, съ такими же подушками и полносѣями, украшенными аламомъ бархатомъ и золотымъ позументомъ. Около обыкновеннаго мѣста Императрицы, по лѣвой сторонѣ устроено было еще „малое мѣсто“, также богато убранное, для пяти придворныхъ дамъ, кои назначены были нести шлейфъ Государыни, по выходѣ Ея изъ кареты, для шествія въ Вознесенскій монастырь.

Въ прежнія времена, при царскихъ коронаціяхъ, какъ ни высокъ были чертоги, присутствующіе, однако, не всѣ могли видѣть торжественность коронаванія. Петръ Великій позаботился о зрителяхъ и, также по европейскому образцу, приспособилъ къ этой цѣли убранство собора.

Между двумя средними столбами, около правой стороны трона, близъ ступеней устроено было мѣсто, обитое золотою парчею, съ вышитыми по ней золотыми орлами, для Государыни Цесарены и

герцогинь
Меклен-
бургской и
Курлянд-
ской; не-
много по-
зади—осо-
бое мѣсто для герцога
Голштинскаго, обитое
золотыми шпалерами и
золотыми коврами.

У западной стѣны
собора устроены были
двѣ галлерей, въ видѣ
амфитеатра, съ перилами;
та и другая были пере-
горожены; пер-
вая назначена
была, съ одной
стороны, для ге-

Корона

Императрицы ЕКАТЕРИНЫ I

В. Перин

нераловъ и прочихъ знатныхъ особъ, а съ другой, ближе къ трону, для знатныхъ дамъ и дѣвицъ; вторая галлерей — въ одной перегородкѣ представляла мѣста для чужестранныхъ министровъ, а въ другой — для тѣхъ иностранныхъ господъ и кавалеровъ, кои „ту славную церемонію смотрѣть желали“.

Подобная же галлерей встроены были вдоль по обѣимъ сторонамъ собора, для почетныхъ дамъ и дѣвицъ, получившихъ пригласительные билеты.

Внизу, на полу собора, кругомъ устроены были помосты изъ досокъ, въ видѣ амфитеатра, „для кавалеровъ Россійской націи“, не участвовавшихъ въ самой церемоніи.

Для Императорскаго шествія въ соборъ „со славою“ сдѣланы были на Ивановской площади два помоста, шириною каждый въ 15 футовъ, обитые краснымъ сукномъ; одинъ отъ Краснаго крыльца къ Успенскому собору, а другой отъ послѣдняго къ собору Архангельскому.

У Южныхъ дверей собора, снаружи устроено было просторное мѣсто, на коемъ 6 генераль-маіоровъ должны были держать балдахинъ, на 5 серебряныхъ столбикахъ, на коняхъ было по 8 орловъ съ коронами и по 4 цвѣтника вызолоченныхъ.

Дамамъ и дѣвицамъ, назначеннымъ къ церемоніи, повелѣно быть „въ робахъ изъ золотыхъ и серебряныхъ парчей и въ брилліантовыхъ уборахъ; господамъ и кавалерамъ — также въ богатѣйшихъ нарядахъ“.

Петръ Великій, по образцу Запада, придать этой церемоніи исключительно государственный характеръ. Древнія бармы Олъ замѣнить западной епанчей или магіей изъ золотого штофа, подбитой бѣлыми горностаями и во множествѣ расшитой, какъ бы усѣянной орлами; отмѣнено было и несеніе Мономахова креста.

Прежній выходъ въ соборъ, извѣстный подъ именемъ „*шествія со славою*“ Петръ просто назвалъ „*маршемъ*“.

Маршъ этотъ долженъ былъ открыться половиною кавалер-гвардіи со своими офицерами; за ними — пажи Императрицы и первый церемоніймейстеръ; далѣе, депутаты изъ провинціи; „бригадиры и кои въ рангѣ бригадирскомъ; генераль-маіоры и другіе того же ранга; генераль-лейтенанты и гг. генералы; оба герольдмейстера Имперіи“; далѣе, должны быть несены Императорскія регалии; за верховнымъ маршаломъ имѣють слѣдовать Императоръ съ двумя ассистентами;

Императрица съ 5 придворными дамами для несенія шлейфа, и также съ двумя ассистентами; Императрицу вести подъ руку назначенъ былъ герцогъ Голштинскій; далѣе, должны были слѣдовать дамы и дѣвицы перваго класса и придворныя особы; за ними—полковники, офицеры и прочее Русское дворянство. Другая половина кавалергардинъ должна была замыкать шествіе.

На Ивановской площади и по обѣимъ сторонамъ моста должны были стоять два полка въ строю и, во время церемоніальнаго шествія, при колокольномъ звонѣ, держать на караулѣ, съ барабаннымъ боемъ и военною музыкою.

Церемоніймейстеры, оберъ-герольдмейстеры должны были стоять на указанныхъ ступенькахъ трона, съ посохами своего достоинства; верховный же маршалъ со своимъ жезломъ, на верхнемъ концѣ косяго слѣзани былъ Императорскій гербъ, а надъ гербомъ былъ изумрудъ съ янною величиною, илучи предъ Государемъ, должны были держать жезлъ въ высь и, проводить Государя до верху трона, стоять на приступѣ внизу трона. Весь этотъ поринокъ также заимствованъ съ Запада.

Въ виду того, какую почетную роль играли въ этой коронаціи герцогъ Голштинскій, будущій зять Петра, со своею свитою, естественно предположить, что всѣ отмѣченныя нововведенія были приняты у насъ подъ прямымъ воздействиемъ голштинцевъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что объявленія о днѣ коронаціи чрезъ герольдовъ имѣли мѣсто въ прусскихъ коронаціяхъ, и тамъ шествіе въ храмъ происходило въ томъ же порядкѣ, какъ у насъ; для публики въ переквахъ во время коронаціи также устраивались хоры; внизу стояли члены владѣтельнаго дома и прѣзидія высочайшія особы; знаки придворныхъ сановниковъ были тѣ же самыя.

Этотъ первый русскій императорскій государственно-коронаціонный церемоніаль обращаетъ на себя особое вниманіе, въ виду того, что онъ послужилъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ коронацій до нашего времени и, если развивается, то лишь въ смыслѣ еще большаго блеска и великолѣпія коронаціонныхъ торжествъ.

Петръ Великій, дѣлая эти нововведенія, въ то же время стремился къ тому, чтобы русская коронація оставалась русскою и вѣрною историческимъ преданіямъ.

Въ первомъ же Своемъ манифестѣ о правахъ Своей супруги на коронованіе Онъ сослался на примѣры греческихъ императоровъ и указалъ, что Императоръ Василскъ короновать свою супругу Зиновію; Юстиніанъ—Лющію; Иракліи—Мартинію; Левъ Премудрый—супругу свою Марію, и прочіе то же чинили, о чемъ пространно говорить здѣсь „за потребное не разсудили“.

Приготовляясь къ убранству Успенскаго собора, Петръ поставилъ правиломъ, чтобы уборъ этотъ настолько былъ „дражайшимъ“, насколько греческимъ закономъ дозволяется, „ибо“, замѣчаетъ Онъ, „по греческому закону не пристойно покрывать святые образа шпалерами или иными какими украшеніями“. Чтобы возможно строже выдержать это соответствие, для наблюденія надъ убранствомъ собора, Онъ отправилъ въ Москву не только графа Петра Толстого, но вмѣстѣ съ нимъ и перваго архіепископа Θεодосіа.

Шапка Мономаха была неудобна для Императрицы, и потому для Нея изготовлена была новая корона, но придана ей форма послѣдней эпохи греческихъ императоровъ. Корона эта, слѣпанная изъ чистаго золота, состоитъ изъ двухъ частей, указывающихъ на западную и восточную имперіи; въ раздѣленіи находится дуга, украшенная драгоценными камнями и увѣнчанная на дивномъ дѣлѣ брилліантовымъ крестомъ. Всѣ прочія регаліи, за исключеніемъ императорской эпафрей, какъ-то скипетръ и державу, Петръ оставилъ прежнія—Мономеховы.

Молебствіе, съ которымъ соединялось вѣнчаніе на царство въ старія времена, уже при Θεодорѣ Алексѣевичѣ было отдѣлено отъ

самаго дѣйствія коронаванія и совершаемо было патриархомъ еще до прихода Государя въ соборъ. Петръ I, повелѣвъ совершать молебствіе о здравіи Ихъ Величествъ, придать ему смыслъ, вполне отвѣчающій характеру торжества.

Указавъ предварительно совершать также и литургійные часы, Онъ еще болѣе соединилъ государственннй чинъ коронаванія съ существенною частью литургіи и тѣмъ еще болѣе приблизилъ его къ греческому коронаціонному ритуалу.

Порядокъ церковнаго дѣйствія, выработанный Св. Синодомъ, исправленъ былъ Новгородскимъ архіепископомъ Θεодосіемъ и просмотрѣнъ былъ Самимъ Петромъ, который начерталъ въ этомъ чинѣ нѣсколько словъ Своею рукою.

Петръ Великій на коронаціонныхъ медаляхъ наглядно выразилъ ту идею, которою руководился въ устройствѣ настоящаго торжества. На одной сторонѣ начертаны портреты Государя и Государыни, а на другой изображено, какъ Онъ, въ одеждѣ римскихъ, то-есть, *византійскихъ императоровъ*, стоя *подъ западнымъ балдахиномъ*, коронуется колѣнопреклоненною супругою. На жетонахъ же, предназначенныхъ для народа, на одной сторонѣ былъ портретъ Екатерины, а на другой — греческій *олтарь* съ подушкою, на коей положена корона, съ надписью: „отъ Бога и Императора“.

Коронація, назначенная быть зимою 1723 года, за болѣзнию Государя, тогда не состоялась. Петръ долженъ былъ отравиться на

Олонецкія мінеральная вода і лішь въ Мартѣ слѣдующаго 1724 года прибыть въ Москву, гдѣ уже собрались всѣ лица, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, назначенныя присутствовать на коронаціи.

7 Мая, въ 10 часовъ утра, по начертанному церемоніалу, открылось шествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Успенскій соборъ, гдѣ архіереи, ожидавшіе Ихъ на рундукѣ, вѣнъ собора, встрѣтили регалии каждаго, а Ихъ Величества—крестомъ и св. водою.

По входѣ, Императоръ и Императрица возсѣли на тронѣ на Своихъ престолахъ; архіереи сѣли на своихъ мѣстахъ; все же прочее собраніе стояло. Это была величественная минута, совершенно новая въ Русской исторіи.

Впервые соборъ оглашался царскимъ псалмомъ: „Милость и судъ возною тебѣ, Господи“. „Замѣчательно“, говоритъ А. В. Горскій, „что это тотъ самый псаломъ, на который указывали еще Кіевскій митрополитъ Никифоръ Великому Князю Владиміру Мономаху и совѣтовали чаще читать и пѣть его со вниманіемъ“.

Впервые Русскій Царь съ Царшею возсѣдали теперь на тронѣ, подъ государственнымъ baldachномъ съ гербами всей имперіи.

Впервые у насъ церковное представительство, по духу греческихъ каноничекихъ, смиренно низошло съ чертога на скамью.

Царь приближаетъ къ нравственной силѣ Церкви; Церковь признаетъ государственное верховенство православнаго Самодержца. Государственная и церковная идея сливались въ одномъ внутреннемъ началѣ и одной общей міровой задачѣ.

Церковное дѣйствіе коронаціи осталось неизмѣннымъ: торжественное исповѣданіе православной вѣры, святительское руковожденіе, коронаціонныя молитвы и возложеніе короны, со словами церкви: „во имя Отца и Сына и св. Духа“.

Петръ Самъ возлагаетъ на Свою супругу и императорскую мантию и корону, кои подавались Ему архіереями, какъ было и въ царградской церкви; но при этомъ все время Онъ держалъ въ Своихъ рукахъ скипетръ, указывая тѣмъ, что Царь лишь приобщаетъ Свою супругу къ Императорскому достоинству, но Верховная власть неизмѣнно, какъ и прежде, принадлежитъ Ему одному.

Миропомазаніе и причащеніе Императрицы было совершено также по установившемуся чину. Самъ Петръ подвелъ Ее къ Царскимъ

Ц Екатерина

ЕКАТЕРИНА I АЛЕКСЪЕВНА
Императрица и Самодержица Всероссийская.
1725—1727.

EMPERESS CATHERINE I — 1725-1727

вратамъ по драгоцѣнной бархатной дорожкѣ и присутствовать какъ при помазаніи Ея миромъ, такъ и во время приобщенія Ея св. Тани.

Императрица на колѣняхъ слушала объ коронаціонныя молитвы; на колѣняхъ принимала и таинство миропомазанія.

По окончаніи литургіи, Феофанъ Прокоповичъ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся того, какъ достойно отъ Бога и супруга получила Она Императорскій вѣнецъ, и поздравлять Ее отъ имени всѣхъ сыновъ отечества.

Русское воинство откликалось на всѣ важнѣйшіе моменты этого церковно-государственнаго торжества. Зане изъ пушекъ раздавался и по совершеніи церковнаго коронаванія и послѣ приобщенія св. Тани, что стало правиломъ для всѣхъ коронацій до нашего времени.

По окончаніи литургіи, Петръ, чувствуя недомоганіе, удалился во дворецъ.

По выходѣ же Государыни изъ собора, загудѣли всѣ колокола, заиграла музыка, забили въ литавры, и началась пушечная и ружейная пальба.

Генераль Ласси, идя слѣдомъ за Императрицей, бросалъ въ народъ выбитые на этотъ случай золотые и серебряные жетоны, напоминавшіе греческій обычай разбрасыванія послѣ коронаванія „эпикомій“.

Поклонившись въ Архангельскомъ соборѣ гробамъ почившихъ правителей Россіи, Императрица направилась въ каретѣ, запряженной шестеркой лошадей, въ Вознесенскій монастырь, для поклоненія почившимъ государынямъ. Въ „маршѣ“, который начинала и замыкала кавалергардія, вмѣстѣ съ пажами, камергерами и другими сановниками, впервые принимаютъ участіе и придворные лакеи, въ зеленыхъ кафтанахъ съ красными обшлагами, въ шляпахъ съ позументами, въ красныхъ чулкахъ и при шпагахъ золоченыхъ.

У дворцоваго подъѣзда Императрицу встрѣтилъ принцъ Голштинскій и, принявъ у кареты, вель Ея до внутреннихъ покоевъ.

Въ Грановитой палатѣ средній столбъ обдѣланъ былъ полками, на коняхъ разставлены были золотые и серебряные сосуды съ драгоцѣнными украшеніями дивнаго „древняго греческаго, римскаго и прочаго мастерства“. Здѣсь приготовлено было въ этотъ день пять

столовъ: для Императора и Императрицы—на богатыхъ креслахъ, подъ балдахиномъ; по лѣвую сторону—для герцога Голштинскаго; нѣсколько далѣе—для высшаго духовенства; по правую руку отъ стола Государева—для свѣтской знати, и противъ стола духовныхъ—для дамъ и фрейлингъ. Кушанья подавались по принятому церемоналу европейскихъ дворовъ. Всѣ знатныя особы получили изъ рукъ Меншикова выбитыя на этотъ случай большія золотыя медали.

Изъ двухъ фонтановъ лилось въ бассейны бѣлое и красное вино. Для народа были выставлены на рундукахъ жареные быки, начиненные птицами. Эта форма народного угощенія восходитъ своимъ началомъ къ египетскимъ фараонамъ и относится къ культу аписа. Въ Омвахъ сохранился барельефъ, указывающій, въ ряду другихъ коронаціонныхъ церемоній египетскихъ царей, и на то, какъ около аписа жрецъ бьетъ въ ладоши, выражая тѣмъ радость народа по поводу коронаванія фараона. Этотъ обычай проникъ къ древнимъ германцамъ, и затѣмъ утвердился въ Пруссіи, гдѣ въ день коронаціи, кромѣ красного и бѣлаго вина,

бывшаго изъ фонтановъ, угощали народъ жареными быками. Быкъ подавался даже и къ парадному обѣду короля. Эта форма народнаго угощенія чрезъ голштинцевъ перешла къ намъ и повторилась при Императрицахъ Аннѣ Иоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и при нѣкоторыхъ другихъ коронаціяхъ.

На другой день, 8 Мая, были представленія и поздравленія: герцогъ Голштинскій явился въ богатомъ нарядѣ со свитой и былъ принятъ „съ отличностію и честию“; явились также и иностранные министры, и уже послѣ нихъ были допущены, какъ духовные, такъ и мірскіе чины „для отданія всеподданнѣйшей ссумиссіи“. 10 Мая былъ справленъ „торжественный фестень“ на Царицыномъ лугу „съ великою magnificentiєю“, въ присутствіи Самоѣ Императрицы, прибывшей сюда со свитой и въ сопровожденіи герцога Голштинскаго и иностранныхъ министровъ. Фестень закончился сожженіемъ „презряднаго“ фейерверка.

16 Юня Петръ съ Государыней выѣхалъ въ Петербургъ и уже навсегда. 24 Января 1725 г. Великаго Императора не стало. На престолъ вступила коронованная Имъ Императрица Екатерина I.

Императоръ Петръ Великій.

„То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Огнь, всеобъемлющій душой,
На тронѣ вѣчный былъ работникъ“.

ИКОГДА ни одинъ гениальный человѣкъ не былъ очерченъ въ болѣе смѣлыхъ и сильныхъ выраженіяхъ, чѣмъ Великій Петръ въ этихъ четырехъ стихахъ Пушкина, поставленныхъ эпитафией настоящей главы.

Стоитъ прочесть безсмертная дѣла этого Царя и онъ встаетъ, какъ сказочное воплощеніе совокупной жизни цѣлой страны, какъ эпическое олицетвореніе дѣятельныхъ силъ, дремавшихъ въ народной громадѣ и вдругъ пробужденныхъ по единоличной волѣ гения.

Все приходитъ въ движеніе какъ-то сразу—не видно порядка, не чувствуется плана въ началѣ царствованія Петра. Тѣмъ не менѣе одна общая мысль можетъ быть прослѣжена въ каждомъ его отдѣльномъ мѣропріятіи, одна конечная цѣль: увеличеніе просвѣщенія и богатства страны; все, что не клонится къ этому прямо, есть либо средство, либо необходимое послѣдствіе. Однимъ изъ такихъ средствъ была война, средство не дешевое, но ожидаемая выгода превъзшла затраты.

Совесть свое особенное основаніе у этихъ походовъ Петра Великаго; они не предпринимаются изъ за какого-нибудь запутаннаго дипломатическаго недоразумѣнія или желанія территориальныхъ приобрѣтеній—всегда чувствуется практически, жизненная цѣль вперед.

Первой боевой проверкой подготовительныхъ мирныхъ занятій былъ Азовскій походъ. Въ низовья Днѣпра сосредоточается большое войско (120.000 человѣкъ) подъ предводительствомъ Шереметьева. Наиболѣе трудная задача, взятіе Азова, возлагается на новые, по иностранному образцу устроенные полки, во главѣ которыхъ находились Головинъ, Лефортъ и Гордонъ. Всѣ ихъ распоряженія подлежали утвержденію „бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева“, оставившаго за собой начальство надъ артиллеріей.

Но первый военный шагъ Петра былъ неудаченъ вслѣдствіе отсутствія единовластія въ командованіи, а также и потому, что Азовъ получалъ на судяхъ съ моря привасы и подкрѣпленія. Царь послѣ отчаяннаго штурма крѣпости рѣшилъ отступить, и 22 ноября войска возвратились въ Москву. Походъ подъ Азовъ 1695 года ничѣмъ не уступалъ Голштинскимъ неудачамъ 1687 и 1689 г.г.

Безуспѣшность первой войны не удручила Петра: онъ понялъ причины неудачи и сталъ дѣлательно и упорно готовиться къ новымъ дѣйствіямъ противъ Азова. Созданіе флота—вотъ ближайшая задача, поставленная Царемъ. Для ея осуществленія на рѣкѣ Воронежѣ устроена корабельная верфь, изъ которой 26.000 человѣкъ, подъ руководствомъ голландскихъ и англійскихъ корабельныхъ плотниковъ и личнымъ наблюденіемъ Царя, съ лихорадочной посѣбностью создавали морскія силы Россіи. „Мы, по приказу Божію къ правдѣ нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой“—писалъ Царь боярину Стрѣшневу.

На время его отсутствія управленіе государствомъ поручено боярской думѣ. Заграничное путешествіе Петра Великаго имѣло громадное значеніе и, по мнѣнію Лейбница, являлось средствомъ для полнаго переустройства Россіи. Прежде всего пребываніе Русскаго Царя на Западѣ оживило сношенія послѣдняго съ Москвою, а затѣмъ дало возможность Петру узнать дѣйствительныя политическія отношенія державъ и намѣтить тѣ мировыя задачи, осуществленіе которыхъ мы видимъ при Александрѣ II (освобожденіе сланинъ), Александрѣ III (франко-русскій союзъ).

Петръ отправился за границу никогдѣ въ числѣ свиты, такъ называемаго великаго посольства, подъ именемъ Петра Алексѣевича Михайлова. Цѣль посольства—укрѣпить дружбу съ западными государствами и согласовать общія христіанскія дѣла для наиболѣе успѣшной борьбы съ султаномъ.

На верфяхъ Саарлама и Дентфорта Петръ самъ становится чернорабочимъ, и когда онъ возвращается домой со всѣмъ превосходствомъ Государя, умѣющаго своими руками построить корабль до послѣдняго винта, бывшіе друзья изъ Нѣмецкой слободы, имѣвшіе такую власть надъ его юношескимъ вообращеніемъ, терпятъ всю исключительность своего прежняго положенія. Великій Царь, котораго такъ много упрекаютъ за пристрастіе къ иностранцамъ, умирая, оставляетъ государство въ однихъ *Русскихъ рукахъ*. Не даромъ Петръ, какъ было сказано выше, послалъ 50 человѣкъ родонитой знати учиться въ Европу. Онъ заранѣе, задолго до своей смерти, подготавливаетъ преемниковъ великаго дѣла. Ученики возвращаются изъ-за границы и въ Россіи заводятся новыя школы, устраниваемые на практическихъ началахъ.

Въ Москвѣ открывается медицинская школа при госпиталѣ, затѣмъ „навигатская школа“, „морская академія“, инженерное училище. Путешествіе Петра за границу было послѣднимъ актомъ самообразованія Царя. На обратномъ пути онъ ѣдетъ черезъ Польшу, гдѣ сблизается съ только что избранымъ королемъ Августомъ. Между ними впервые создается тамъ планъ о соимѣстномъ дѣйствіи противъ Швеціи. Съ мыслью о борьбѣ за Балтійское побережье Петръ рѣшаетъ возвратиться домой.

Глубокая провнцательность гениальнаго полководца подсказывала Петру всю опасность задуманной борьбы съ лучшей арміей того времени.

Но часъ рожденія „новой Россіи“ сталъ неминуемъ, и война была рѣшена.

Ея предшествовали дипломатическія приготовленія, которыя должны были обезпечить успѣхъ. Петръ вступаетъ въ союзъ съ Польскимъ королемъ Августомъ II и Христіаномъ Датскимъ. Однако русскій Царь медлил и не начиналъ кампаніи до тѣхъ поръ, пока 8 августа 1700 года не пришло извѣстіе о мирѣ съ Турціею, и только послѣ этого русскія войска двинулись къ Балтійскому морю.

Въ союзѣ съ Польшей и Даніей подивался русскій богатырь на Карла XII. Первое столкновеніе съ нимъ, которымъ отмѣчается начало знаменитой „Сѣверной войны“, приводитъ къ ужасному пораженію русскихъ подъ Нарвою (19 ноября 1700 года) съ потерей всей артиллеріи. Молодой шведскій король проявилъ много энергій и выказалъ большой военный талантъ. Какъ только союзники открыли противъ него военныя дѣйствія, онъ немедленно собралъ имѣвшееся у него войско и стремительно двинулся на Копенгагенъ, принудивъ датчанъ заключить миръ. Съ той же посѣбностью онъ появился подъ Нарвою. Битва началась въ

подень 19 ноября, и къ вечеру того же дня восьмидесятитысячный отрядъ шведовъ наголову разбилъ непривыкшіе еще къ бою, недавно набранные русскіе полки.

Блестяще расправившись съ двумя врагами, Карлъ двинулся на третьего союзника, Августа, и этимъ сдѣлалъ крупную ошибку: „увязъ въ Польшѣ“, по выраженію Петра.

Подъ Нарвою наша молодая армія потерпѣла полную неудачу, почти тождественную съ неудачей перваго Крымскаго похода князя Голлицына. Несмысл, но полезный урокъ! Пораженіе не привело Петра въ отчаяніе. „Я знаю,—говорить онъ послѣ Нарвскаго пораженія,—шведы могутъ еще разъ, другой побѣдить насъ, но у нихъ же научимся мы побѣждать.“ Царь проявилъ громадную энергію и въ теченіе зимы собралъ войско, но его необходимо было вооружить.

Все было поднято на ноги: мужчины, женщины, монахи, священники, по приказанію Царя, трудятся надъ обмундированіемъ солдатъ; вновь оборудованные литейные заводы работаютъ день и ночь; церковные колокола переливаются въ орудія, и въ шестнадцать мѣсяцевъ готово триста пушекъ. Ведеть кнѣзъ самая горячая работа подъ руководствомъ царственнаго учителя-вождя.

Будущій фельдмаршалъ Шереметевъ становится во главѣ войска и идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ надъ шведами. Бодрые русскіе полки, въ новой геронитой съ запада обмундированнѣ, обученные иностранными унтеръ-офицерами, но предводимые русскими генералами, идутъ въ бой точно на состязаніе. Въ декабрѣ 1701 года Шереметевъ наноситъ пораженіе при Эрестферфѣ, а въ январѣ 1702 года разбиваетъ шведскія войска наголову при Гумельсгофѣ, въ 1703 году беретъ Копорье, Ямъ и Нарву и сообщаетъ Царю, что въ Балтійско-мъ краѣ только Перновъ, Рига и Ревель остаются не захваченными. Число пленныхъ было столь значительно, что русскій главнокомандующій былъ въ затрудненіи относительно ихъ содержанія и охраны. Захваченныя шведскія знамена развѣваются въ Кремлѣ.

Петръ осенью 1702 года появляется у истоковъ рѣки Невы и съ новой артиллеріей беретъ шведскую крѣпость Нотебургъ, стоящую на мѣстѣ-прежняго новгородскаго „Орѣшка“. Возобновивъ укрѣпленіе, онъ даетъ ей имя „Шинссельбургъ“, т. е. „Ключъ-городъ“ къ морю, и спускается внизъ для изслѣдованія устья рѣки. Неожиданно онъ встрѣчается съ двумя шведскими военными судами; завязывается бой, суда взяты, первое морское сраженіе выиграно,—мечта Царскихъ прадедовъ осуществлена. Страна, въ теченіе столькихъ вѣковъ извивавшая по свободному морю, наконецъ достигаетъ его. Такъ „небываемое бываетъ“, какъ гласитъ надпись на медали въ память этой первой морской побѣды въ ночь съ 6 на 7 мая 1703 года.

16 мая Петръ высаживается на берегъ; быстро сколачиваются нѣсколько деревянныхъ домовъ; Государь приказываетъ быть здѣсь городу, названному въ честь его патрона „Санктъ-Питербурхъ“. Завѣтная, дѣлѣнная мечта осуществилась:

„Отсель грозить мы будемъ шведу;

„Здѣсь будетъ городъ заложень

„На зло надменному сосѣду“.

Поспѣшно готовятся на рѣкѣ Свири морскія суда и въ тотъ же годъ (1703) спускаются на воду. Осенью начинаются работы на островѣ Котлинѣ для закладки предшественника Кронштадта, крѣпости Кроншлотъ. Петръ понимаетъ, что выходъ въ море нужно защитить рядомъ твердынь, и, словно по мановенію волшебнаго жезла, встаютъ крѣпости Кроншлотъ, Нарва, Ямъ, Копорье.

Въ 1704 году было приступлено къ осадѣ Дерпта, при чемъ на рѣкѣ Эмбихѣ русскимъ удалось захватить шведскую флотилію въ 13 судовъ. Петръ самъ принималъ дѣлительное участіе въ осадѣ, и послѣ упорной обороны городъ сдался. „Итакъ съ Божіею помощію, самымъ нечаяннымъ случаемъ, сей славный отечественный градъ паки полученъ“, писалъ герой осады.

Но этими успѣхами великая борьба съ Швеціей не кончена; другое страшное, но неизбежное столкновеніе было впереди. Карлъ изгналъ Августа изъ Польши и вторгнулся въ его саксонскія владѣнія, чѣмъ заставилъ его отказаться отъ союза съ Петромъ. Въ концѣ 1707 года шведы двинулись на Московское государство.

Тяжелое и суровое испытаніе вновь посылается Петру. Союзниковъ не

стало, сильный и необходимый враг готов вторгнуться въ Россію. Близится моментъ расплаты съ Карломъ за все взятое кровью народа и неутомимой энергіей верховнаго вождя. А внутри страны надвигаются неурядицы, измѣна. Этотъ искусь страданія — новый тернъ въ вѣнцѣ славы Петра. И несмотря на эти тяжелыя обстоятельства, онъ въ предѣлахъ своего государства быть Карла на рѣкѣ Сожи, при деревнѣ Лисной, разстраиваетъ его планы соединенія съ генераломъ Левенгауптомъ.

Въ это время было обнаружено предательское намѣреніе малороссійскаго гетмана Мазепы перейти на сторону шведовъ, и онъ былъ принужденъ съ небольшимъ отрядомъ казаковъ спастись бѣгствомъ къ Карлу. Такъ проходитъ 1708 годъ безъ всякаго успѣха для врага. Петръ бодро готовится къ дальнѣйшей борьбѣ съ самимъ, до сихъ поръ необходимымъ, Карломъ XII.

Наступаетъ 1709 годъ, но до весмы непріятель ограничивается лишь небольшими нападеньями на русскія войска, стремясь захватить въ свои руки московскую дорогу. Но вотъ Карлъ рѣшительно двинулся на берега рѣки Ворсклы и осадилъ Полтаву. Осада города затнулась, и Петръ, собравъ всѣ свои силы, приходитъ на выручку.

Наканунѣ сраженія передъ войсками прочитанъ безсмертный Царскій приказъ, въ словахъ котораго: „о Петръ вѣдайте, что жизнь ему не дорога. Жила бы только Россія“, раскрылась вся безграничная любовь Царя къ родицѣ и полная готовность принести себя въ жертву во имя ея интересовъ.

Высоко стоитъ яркое солнце на южномъ снѣмѣ небѣ Россіи. Жарко, душно на поляхъ подъ Полтавою 26 іюня 1709 года. Два стана раскинуты по широкой равнинѣ. Два великана привели свои арміи, чтобы рѣшить судьбу своихъ государствъ. Злоба и гордость не даютъ покоя Карлу, томить, мучать его, хуже раны, полученной при безумномъ нападѣ на русскій аванпостъ. Тщетны убѣжденія сподвижниковъ о безразсудности боя. Они доказываютъ королю, что передъ ними:

„Ужъ не разстроеныя тучи
„Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
„А нѣтъ полковъ блестящихъ, стройныхъ,
„Послушныхъ, быстрыхъ и словошныхъ...“

Но вѣнценосный полководецъ не внимлетъ словамъ разсудка: смертный бой рѣшенъ въ сердцѣ короля. Около 5 часовъ утра (27 іюня) непріятель подходитъ къ нашимъ позиціямъ, и

„...на равнинѣ по холмамъ
„Грохочутъ пушки, дымъ багровый
„Клубами всходитъ къ небесамъ...“.

Заклигла рукопашная схватка. Дрогнувъ 1-й баталіонъ Новгородцевъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, не выдержавъ стремительнаго натиска шведовъ; врагъ уже прорвалъ первую линію. Въ эту опасную для русской арміи минуту Петръ, во главѣ со 2-мъ баталіономъ Новгородцевъ, бросается навстрѣчу противнику. Крутомъ летятъ пули, одна пронзываетъ шляпу Царя, другая — сѣдело, третья ударяется въ крестъ на груди того, „кому жизнь не дорога“ для счастья родины.

И она не забыла этого геройскаго подвига гениальнаго Государя:

„Сотни лѣтъ еще пролазутъ,
„Эти царскія три пули
„Въ сердцѣ русскомъ не умрутъ...“

Къ 11 часамъ шведы были сняты и обращены въ бѣгство. Раненый Карлъ XII едва избѣжалъ плѣна. Шведы потеряли больше 9.000 убитыми и ранеными и 2.700 плѣнными.

Сквозь пелену постепенно разсѣивающагося пороховаго дыма блеснули солнечныя лучи; они скользнули по трупамъ павшихъ на полѣ битвы и освѣтили высокую фигуру Державнаго Вождя, который привѣтствуетъ своихъ сподвижниковъ: „Здравствуйте, сыны отечества, чады мои возлюбленныя! Потомъ трудовъ моихъ создалъ и насъ... мы не щадимъ живота своего и на тысячу смертей устремлялись

необязательно. Храбрые дѣла ваши иногда не будутъ забвены у потомства.

На другой день послѣ Полтавскаго сраженія надъ общей братской могильной впадиной высокой курганъ. Печальныя, похоронныя молитвы, слѣваюсь съ тихими рыданіями Петра, поднимаются въ ясную лазурь южнаго неба. Вотъ послѣднее „прости“, и Царь собственноручно подружаетъ на вершинѣ могильнаго холма крестъ съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровью вѣнчавшіеся, льто отъ воплощенія Бога-Слова 1709, іюня 27 дня“.

Съ великаго дня Полтавской побѣды завѣса подвигается передъ изумленными глазами Европы и Россія вступаетъ на сцену всемірной исторіи.

Гангутская побѣда открыла всѣ берега Балтійскаго моря и Швеціи, обезпечивая прочное занятіе Финляндіи.

Въ 1721 году была завершена послѣдній актъ Сѣверной войны—Ништадскій миръ, въ силу котораго все южное побережье Балтійскаго моря, отъ Петербурга до границы Курляндскаго герцогства и часть Финляндіи отошли къ Россіи.

Петръ Великій совершаетъ свой торжественный вѣздъ въ городъ, который, еще не сдѣлавшись столицей, былъ названъ Государевъ „мой парадисъ“.

Сенаторы и министры издали его возвращенія, 22 октября въ соборѣ св. Троицы, въ присутствіи Царя, текстъ мирнаго соглашенія читается народу, послѣ чего канцлеръ Головинъ во главѣ Сенага выходитъ на середину собора и отъ имени страны проситъ Царя принять титулъ Императора въ знакъ благодарности отъ тѣхъ, кто Державными трудами „мѣзъ небытій въ бытіе произвелъ“.

Своими водами Императоръ добивался одной цѣли: удлинить морскую границу страны и тѣмъ увеличить торговныя сношенія Россіи съ другими государствами. Какіхъ усилій стоило выполненіе этого плана! Усилія доведены до неслыханнаго, плохо вооруженное войско, Петръ, умирая, оставляетъ отечеству 200-тысячную регулярную армію, нерегулярную къ 100.000 человекъ, флотъ въ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ съ экипажемъ въ 30.000 человекъ, и 200 пушекъ, и увеличиваетъ доходъ государства съ 3½ милліоновъ рублей до 11 милліоновъ. До Петра серебряной монеты было едва на полмилліона, при немъ—свыше чѣмъ на 5 милліоновъ. Такимъ образомъ, война была и средствомъ къ просвѣщенію и обогащенію. Начиная, разрабатывались естественныя богатства въ различныхъ концахъ государства для того, чтобы „Божье благословеніе вступитъ подъ землю не осталось“. 250 фабрикъ открыто въ короткій срокъ. Замѣнивъ старый московскій строй новымъ европейскимъ, Петръ въ своихъ реформахъ не держится опредѣленнаго, строго намѣченнаго плана, точной послѣдовательности. Всѣ его преобразованія, всѣ перемѣны подсказаны военными событіями и нуждой, „уровами“.

Историческій образъ Петра Великаго имѣетъ три замѣренія: въ ширину онъ безконеченъ, ибо воплощаетъ въ себѣ всѣ потребности и способности родной земли, и до сихъ поръ, въ какой бы отрасли народнаго богатства ни прикоснуться, на всемъ чувствуются слѣды его руки; въ высоту онъ неизмѣримъ, такъ какъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ общественныя слои, отъ плотника до Государя; въ глубину онъ безграниченъ: онъ не только выводитъ страну изъ кромешнаго прошлаго и осуществляетъ въ настоящемъ самыя жизненныя задачи государства, но и подружаетъ вѣдн безпредѣльнаго будущаго, указываетъ единственно возможный для Россіи путь развитія—участіе новой Имперіи въ дѣлѣ культурнаго развитія всей Европы.

Таковъ былъ работникъ Петръ Великій, такова была его работа. Но въ то время только немногіе люди, съ широкими національными и общественными горизонтами, могли гонять его. Обычай, убѣжденія, вѣрованія, не гворя уже о предрасудкахъ, затрагивались каждымъ новымъ мѣровѣртіемъ Царя. Всю жизнь приходилось Петру работать подъ непрестанной угрозой враждебныхъ элементовъ, выполнявшихъ, точно змѣи, изъ трещины разрушаемаго имъ устарѣшаго аданія.

Въ Петербургъ Государь вернулся въ безнадежномъ состояніи. Петръ сильно простудился и слегъ, а 28 января 1725 года душа перваго Русскаго Императора отлетѣла на небо. Кончилась трудовая, многострадальная жизнь преобразователя Россіи.

Онъ умеръ, но началось безсмертіе его имени.

The Reign of Emperor Peter the Great and Empress Catherine I

In time, Peter grew in strength, and finally set aside all other contenders, making himself true Autocrat of All the Russias. In 1723, he decided to crown himself and his wife Catherine, Emperor and Empress. He worked out the rites himself, lacing the strict Byzantine ritual with Western innovations. As a step toward a more secular coronation, the rights of the Sovereign were read in the court rather than in the Dormition Cathedral as had been the custom. The rights of the Empress were set forth in a manifesto.

The coronation itself reflected heavy Western influences. The date of the ceremony was announced by heralds in all the squares of Moscow and the Cathedral of the Dormition was itself decorated in Western style. A canopy was suspended from the dome by chains. Inside this, an all-Russian State emblem, flanked by smaller emblems of the principalities of Kiev, Vladimir, Novgorod, Kazan, Astrakhan, and Siberia, were embroidered. Beneath the canopy was the dais with the throne composed of twelve steps in the manner of the ancient Russian throne. The throne was of gold, artistically decorated and surrounded by a high railing which widened out to form a circle at the front of the dais before the ambo. The dais was upholstered with rich velvet and gold lace. A table covered in gold brocade was placed on the dais to the right of the throne for the Imperial Regalia. Long benches covered with expensive cloths were provided for the hierarchy and Church officials. The magnificent "Morosov" chandelier, reputed to be the most beautiful in all Europe, was especially decorated; all the candles were sheathed in gold. Rich gold carpets were laid out from the throne to the altar. Special places were set up for the Emperor's daughter, for the Grand Duchess of Mecklenburg, and for the Duke of Holstein.

The Emperor's procession-in-state took on a new grandeur with the erection in Ivanov Square of two fifteen foot causeways lined with red cloth. The first platform led into the Dormition Cathedral from the Beautiful (Red) Gate; the other ran from the Dormition to the Archangel Cathedral. Six major-generals carried the portable canopy on six silver poles, each of which had eight crowned eagles and four golden flowers on it.

Peter, following the Western pattern, gave the ceremony an exclusively secular State character. The ancient barmi-collars were replaced with the western mantel of gold damask and white ermine. The carrying of Monomach's cross was eliminated and the "procession-in-state" was called simply "the March" and took on a military character rather than a religious one. The Empress was to be escorted by the Duke of Holstein. Staff officers and other military personages played a great part in the ceremony, replacing many functions formerly performed by the clergy.

In view of the prestigious role played by the Duke of Holstein, the future son-in-law of Peter, and the gentlemen of his court, it is natural to assume that all the above mentioned innovations were introduced under the direct influence of the Holsteiners. In any case, the new elements introduced for this first Imperial coronation bore striking resemblances to the Prussian ceremony.

This first Russian Imperial-State coronation is important, because it served as the model for all following coronations, and if it evolved, it was solely in the sense of increased brilliance and grandeur.

Peter, though making these innovations, nevertheless strove to maintain the basic Russian character and ancient traditions of the ceremony. The Empress was to be crowned by the Emperor himself, and he ordered that prayers be conducted for the health of their royal highnesses.

The order of the Church service was worked out by the Holy Synod, corrected by Archbishop Theodosy of Novgorod, and examined by Peter, who made some additions of his own.

The coronation medallions were cast with images of the Emperor and Empress on the obverse side, while on the reverse side, Peter was pictured in the dress of a Byzantine Emperor crowning his kneeling wife. On the smaller medals for the people, Catherine was pictured on the obverse, while an altar with a crown on a pillow was cast with the inscription "From God and Emperor."

The coronation was scheduled for winter of 1723, but due to Peter's illness, it was postponed until May, 1724.

On 7th May, at 10 o'clock in the morning their Imperial Majesties' procession appeared at the Cathedral of the Dormition where the hierarchs met the regalia with censuring, a cross and holy water.

Inside the Cathedral, the Emperor and Empress seated themselves on their thrones and the hierarchs sat down in their places. Everyone else stood.

It was at this coronation that the reading of the Psalm of Mercy and Justice, often called the "Royal Psalm", was introduced. As A. V. Gotsky commented ". . . this is the very same psalm which Metropolitan Nikifor of Kiev had advised Grand Duke Vladimir Monomach to read more often and with compunction".

This was also the first coronation at which the sovereigns were seated beneath the state canopy bearing the arms of the whole Empire. Another innovation was the entry of the Church representatives, to be seated on benches below the throne. This was done in the spirit of the Greek testimonial that "the Tsar turns to the moral strength of the Church; the Church acknowledges the state leadership of the Orthodox Autocrat. The State and Church concepts blend in one internal foundation and one common task."

The Church aspect of the coronation remained essentially unchanged: the confession of the Orthodox Faith, the laying on of hands, coronation prayers and the crowning: "In the Name of the Father, and the Son, and the Holy Spirit".

Peter himself placed the Imperial mantle and crown on his wife, as had been the custom in Constantinople. During this rite, however, he held the sceptre in his hand, making it clear that the Tsar was not only bestowing imperial worthiness upon his spouse, but that power belonged to him alone.

The troops responded to all the most important moments of this Church-State ceremony. Cannon volleys resounded both on the completion of the Church coronation and after the Communion of the Holy Gifts. This became the rule for all subsequent coronations.

After the Liturgy, Peter felt indisposed and departed for the palace.

When the Empress left the Cathedral, all the bells began to ring; music began to play; kettle-drums rolled and salutes were fired by cannon and rifle. Gold and silver coins, minted for the occasion, were thrown into the crowds.

The Empress visited the Archangel Cathedral to pay reverence to the deceased rulers of Russia and then visited the Monastery of the Ascension.

At the palace entrance, the Empress was met by the Duke of Holstein, who led her to the interior chambers.

The Granovite palace was lavishly decorated with treasures from ancient Greece and Rome. Five tables had been prepared for the feast; one under a canopy for the Emperor and Empress; one for the Duke of Holstein, just to the left of the sovereign's table; one for the higher clergy; one for civilian dignitaries, and another for the ladies. The food was served according to the accepted ceremonial for European courts.

A series of customs of the Prussian court were introduced, some of which had come down from the times of the Egyptian Pharaohs and passed over into the German coronation celebrations. Fountains were built which poured out both red and white wines. Oxen, stuffed with fowl, were roasted for the people. This type of feast was associated with the cult of Apis in ancient Egypt and scenes of it are preserved in bas-reliefs in Thebes. This custom came down to the ancient Germanics, and was adopted in Prussia. This form of feast for the people came to Russia through the Duke of Holstein and was repeated during the coronations of Empresses Anna Ivanovna, Elizabetha Petrovna, and at some other ascensions to the throne.

On 8th May, the Duke of Holstein was received with marked honour. Ministers from foreign states were received, and following them, the clergy and secular representatives came forth to swear homage to the new Emperor.

The feast for the people took place on the Tsaritsina Meadow on 10th May. The Empress attended, accompanied by the Duke of Holstein and foreign emissaries. The feast ended with a magnificent fireworks display.

On 16th June, Peter left Moscow for the last time, for on 24th January, 1725, the Great Emperor was no more, and Catherine the First, crowned by him, stepped onto the throne.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ПЕРВОЙ И ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВТОРОГО

И Русь въ порывъ благодарномъ
За преданность жемь Великому Петру
Ту лѣтосица и сей въ снѣгъ лучезарномъ
Правдиво передасть грядущимъ временамъ*.
С. Скрипичкинъ.

БУРЮ смѣняетъ затишье, которое предшествуетъ новой бурѣ. Это подмеченное въ природѣ явленіе само напрашивается на сравненіе съ ходомъ Русской исторіи при характеристикѣ кипучей преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, затѣмъ промежуточнаго періода, какъ бы затишья, съ кончиной гениальнаго Императора до Екатерины II и, наконецъ, блестящаго царствованія „Северной Семирамиды“.

Въ теченіе тридцати шести лѣтъ страна была въ движеніи; къ концу царствованія неутомимаго Преобразователя Россія устала, и послѣ его кончины вступаетъ какъ бы передышка до второй половины XVIII вѣка, когда вступила на престолъ Екатерина Великая и докончила начатое Петромъ дѣло, давшее ему имя Великаго.

И послѣдующая эпоха вовсе не является эпохой регресса, какъ это можетъ показаться при поверхностномъ взглядѣ; это обманчивое явленіе происходитъ вслѣдствіе головокружительной быстроты преобразований и вогстину неистощимой титанической работы Петра I, заслонившаго колоссальными размерами и блескомъ своего гения послѣдующій періодъ Русской исторіи до Екатерины Великой.

Характеръ ея совмѣщаетъ въ себѣ удивительную женственность съ почти мужскою отвагою. Обходительная, любезная съ опружающими, ласкою и кроткимъ словомъ смягчавшая порывы крутого характера Петра, она въ минуту опасности не боялась смотрѣть въ глаза смерти. Въ 1726 году, когда къ Ревелю прибыли съ враждебными цѣлями англійской и датской флоты, она—въ то время уже самодержавная Императрица—хотѣла сама принять начальство надъ русскими морскими силами и вести ихъ въ бой.

Свято, съ благоговѣйною любовью, старалась выполнить Государыня гениальныя предначертанія своего славнаго учителя, Петра Великаго; во внѣшней и внутренней жизни государства она неуклонно старалась слѣдовать по намѣченному Преобразователемъ пути. Но тяжелыя задачи были не соразмѣрны съ ея силами, онѣ измѣнили ей. Съ потерей любимаго человѣка, которому она посвятила свою душу, всю жизнь, надломилась ея сила.

Болезнь ухудшалась, не выдержало здоровье Екатерины, и в мае того же года во дворце русских Царей пресёхла жизнь, начавшаяся в простой избе литовского крестьянина и кончившаяся вследствие благоприятно сложившихся обстоятельств на одном из самых могущественных престолов.

Она никогда не забывала, кемъ была прежде, не стыдилась своего прошлого, не отталкивала отъ себя тѣхъ, кто зналъ и окружалъ ее раньше. Блескъ, пышность и величіе Царской короны не ослабляли Екатерину, какъ бы ни мѣнялись ея имена и титулы: она всегда оставалась простымъ, добрымъ, отзывчивымъ человекомъ. Первая русская Императрица скончалась черезъ два года и три мѣсяца по смерти Петра Великаго, 7 мая 1727 года.

Она выполнила свое призваніе на землѣ, сдѣлала свое скромное дѣло: прожила около величайшаго генія своего вѣка, какъ вѣрный, надежный другъ, любящая, преданная жена, спутникъ его многотрудной жизни...

Царственному ребенку, котораго послѣ смерти Екатерины I ожидала Россійская Императорская корона, не суждено было испытать на себѣ материнской заботливости и ласки. Съ ранняго дѣтства сердце его не было согрѣто вѣжливимъ вниманіемъ близкихъ. Петру II едва исполнилось три года, когда умерла его мать Шарлотта Вольфенбуittelская, племянница Великаго Преобразователя Россіи.

Дѣя простые женщины изъ народа, приставленные къ осиротѣвшему мальчику, не могли замѣнить ему невозвратную потерю.

Еще менѣе подходилъ для этой роли наставникъ вѣмецъ, учитель танцевъ по профессіи, давшій маленькому Петру II первые уроки грамоты.

Въ 1719 году къ мальчику, послѣ смерти отца, были приставлены болѣе серьезные воспитатели—Мавриць и Зейкинъ.

Петру II было всего двѣнадцать лѣтъ, когда онъ принялъ на свои дѣтскія плечи тяжелыя бармы Мономаха.

По отзывамъ современниковъ, въ наружности маленькаго Императора было много обаятельности. Высокій, стройный, съ прекрасными голубыми глазами, свѣжими на вѣжномъ блѣдномъ лицѣ, онъ невольно привлекалъ всеобщее вниманіе. Пудренный парикъ, обрамляя мелкими буклями юное лицо, еще болѣе отбѣлялъ и подчеркивалъ красоту. По вѣщности Петръ II напоминалъ свою мать; казалось, вѣжная душа Шарлотты сіяла въ прекрасныхъ глазахъ юноши.

Иностранные дипломаты при Русскомъ Дворѣ восторгались привѣтливостью молодого Императора, а народъ, видя его великодушіе и доброту съ искренней надеждой обращалъ свои взоры на быстро развивавшагося мальчика-Государя. Его первые шаги въ качествѣ Государя произвели на всѣхъ огромное впечатлѣніе.

Изъ устъ въ уста передавалась его рѣчь въ Верховномъ Совѣтѣ. „Хочу,—говорилъ царственный отрокъ,—народъ мій подданный съ правосудіемъ управлять чтобы бѣдныхъ защищать и обиженнымъ вспомогать...

Раннее развитіе Петра II, блестящія способности, сообразительность и быстрота ума поражали его преподавателей.

Въ Москвѣ уже говорили о предстоящей свадьбѣ. Беззаботный и доверчивый Царь-юноша безъ всякихъ подозрѣній шелъ въ разставленные для него сѣти, и 19 ноября 1729 года, собравъ въ Лефортовскомъ дворѣ Верховный Совѣтъ и генералитетъ, Петръ официально объявилъ о своей женитьбѣ.

Обрученіе состоялось 30 ноября въ томъ же Лефортовскомъ дворѣ, въ присутствіи синовинокъ и иностранныхъ дипломатовъ. Архіепископъ Новгородскій совершилъ обрядъ. Во время церемоніи Екатерина не проявила признаковъ волненія или смущенія, Петръ же разсѣянно перебиралъ серебряное шитье своего камзола; утомленіе, безысходная тоска выражались на лицѣ его. Мысль о предстоящемъ, почти насильственномъ, бракѣ приводила его въ отчаяніе, но освободиться изъ-подъ каменія Долгорукихъ онъ не могъ силъ. Воля его была всецѣло поработана родителями невѣсты, и въ этомъ заключался весь

трагизмъ создававшегося положенія юнаго Царя.

Несмотря на всё эти неблагоприятныя обстоятельства, благодаря главнымъ образомъ вліанію Остермана, въ кратковременное царствованіе Петра II были уничтожены Кабинетъ, дѣла котораго перешли въ Верховный Совѣтъ, упразднены Главный Магистратъ и Малороссійская коллегія и разрѣшено ливонскому дворянству созвать по старинному обычаю сеймъ. Комиссія по пересмотру законовъ о торговлѣ въ государствѣ уменьшила пошлину на нѣкоторые товары, уничтожила монополію на торговлю иностранными продуктами. Свобода добыванія соли и новый вексельный уставъ завершили кругъ его реформъ, весьма своевременныя для улучшенія и развитія промышленности страны. Изъ дѣлъ внѣшней политики большое значеніе имѣлъ договоръ съ Небесной Имперіей, заключенный 20 августа 1727 года, которымъ были установлены торговыя сношенія между обѣими державами. Одновременно на другой границѣ Сибирскаго материка Берингъ открылъ знаменитый проливъ.

6 января 1730 года, присутствуя на водосвятіи, Петръ сильно простудился. Вернувшись домой, онъ почувствовалъ ознобъ и на слѣдующій день заболѣлъ оспой. Докторъ Блюментрость неправильнымъ диагнозомъ только ухудшилъ положеніе больного. На третій день позвали другого доктора—Биддо, и 12 января Петру временно стало лучше.

Но пять дней спустя больной, подойдя къ открытому окну, вторично простудился. Положеніе ухудшилось, не было ни малѣйшей надежды на благоприятный исходъ.

Въ часъ ночи Петръ II сталъ бредить, то призывая Остермана, то требуя лошадей, чтобы ѣхать къ покойной сестрѣ Наталіи. Черезъ нѣсколько минутъ юный Императоръ скончался.

На слабыя дѣтскія плечи Петра II непосильной тяжестью легло бремя Царской власти. Среди окружающихъ вѣчноснаго мальчика не нашлось почти никого, кто бы облегчилъ ему это тяжкое бремя и поддержалъ въ минуты колебанія, столь понятныя въ его возрастъ и высокомъ положеніи. И надломилась сила, угасла яркая, еще не расцвѣтшая, жизнь юнаго Императора.

Peter II

ПЕТРЪ II
Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.
1727 — 1730.

EMPEROR PETER II — 1727-1730

Седьмого Мая 1727 г. скончалась Императрица, и наследникомъ престола остался двѣнадцатилѣтній юноша **Петръ II**, сынъ несчастнаго Царевича Алексѣя, внукъ Великаго Преобразователя Россіи.

Рѣзко сказались теперь два противоположныхъ политическихъ теченія, отразившія печать свою и въ коронаціи новаго юнаго Самодержца. Одни крѣпко стояли за Петровскія реформы и историческій путь, намѣченный Имъ Россіи для грядущихъ временъ; другіе столь же сильно тянули къ старо-русскимъ порядкамъ и къ замкнутости, чуждавшейся всякаго европеизма. Не касаясь здѣсь бороншихся политическихъ партій, стоявшихъ у кормила правленія, отмѣтимъ лишь то, какъ сказывались эти теченія въ провинціяхъ.

Феофанъ Прокоповичъ воспользовался проѣздомъ юнаго Императора на коронацію въ Москву и устроилъ Ему встрѣчу, которая проникнута была европеизмомъ. Въ Новгородской слободѣ онъ устроилъ великолѣпныя триумфальныя ворота и самъ, дожидаясь здѣсь Государя, за версту впередъ послать 400 юношей, въ бѣломъ платьѣ, съ нашивными красными перевязями чрезъ грудь и плечи.

О вѣнчаніи Петра II на Императорскій престолъ объявлено было манифестомъ, въ которомъ выражена христіанская идея Самодержца: „послѣдуя боговѣнчаннымъ предкамъ Своимъ и всѣмъ христіанскимъ potentамъ, и исповѣдуя, что полученная Намъ держава превеликой и преславной монархіи есть даръ, данный Намъ отъ Царя царствующихъ, Мы, Петръ II, ... воспріяли намѣреніе возложить на Себя Императорскую корону и совершить священное миропомазаніе въ Москвѣ“.

О самомъ днѣ коронованія во всенародное извѣстіе объявлено было шестью трубачами.

Затѣмъ весь государственный ритуалъ, выработанный Петромъ Великимъ, былъ удержанъ, но, при церковномъ дѣйствіи, порфиру и вѣнецъ возлагать на коронуемаго первенствующій архіерей. Во время коронованія вновь было читано то самое древне-русское поученіе, которое входило въ чинъ, какъ существенная его часть, во всѣ древне-русскія коронаціи, начиная съ Грознаго. Поученіе это было раздѣлено на двѣ части, изъ коихъ одна была произнесена предъ коронаціею, а другая по окончаніи ея.

Коронація происходила 25 Февраля 1728 года. Она завершилась множествомъ пировъ, иллюминацій и фейерверковъ. Особенно выдѣлился праздникъ, устроенный для юнаго Императора цесарскимъ посланникомъ, графомъ Владиславомъ. Въ Академіи Наукъ, въ нарочитомъ собраніи Байеръ читали латинскіе стихи, сочиненные по случаю сего торжества. Народное угощеніе происходило на Дѣвичьемъ полѣ.

Коронація эта, какъ и прежняя, увѣнчана была золотыми и серебряными медалями и жетонами. На медаляхъ, съ одной стороны, были портреты Государя, а съ другой, представленъ былъ „жертвенникъ“, а на немъ лежитъ „подушка“, на которой положены корона, скипетръ и держава; вверху начертано было имя Іеговы, еврейскими буквами, отъ коего идутъ лучи, озаряющіе русскія царскія регалии. На коронаціонныхъ жетонахъ было то же изображеніе, съ надписью: „Квсенародной радости“.

Послѣ коронованія Петръ II уже не возвращался въ Петербургъ и скончался въ Москвѣ 29 Января 1730 года.

The Reign of Emperor Peter II

Exactly two years to the day from her coronation, on 7th May, 1727, the Empress Catherine died leaving the twelve year old Peter Alexseevich, grandson of the Reformer of Russia, as heir to the throne.

Two opposing movements, both sharply expressing themselves, struggled to place their seal on the coronation of the new young autocrat. The one group stood firmly for the Petrine reforms and the plans made up for Russia by Peter. The other group held fast to the Russian ways and was opposed to Europeanism. It is not our purpose to touch upon these factions here, but the manifestations of their activities cannot be ignored.

Theofan Prokopovich took advantage of the journey of the young Emperor to the coronation and arranged a reception for him which was permeated with Europeanism. In the Novgorodsky section of Moscow, he had a magnificent triumphal gate erected. He waited at this gate for Peter, but sent four hundred youths, dressed in white with red sashes, out a verst from the gate to greet the new Emperor.

In the manifesto announcing the betrothal of Peter II to the Imperial Throne, the Christian idea of the Autocrat was clearly expressed.

All the state ritual established by Peter I was adhered to, but there were some variations during the religious portion of it. The Royal Purple and Crown were placed on the Sovereign by the senior heirarch.

The coronation took place on 25th February, 1728, and was concluded with a multitude of feasts and display of fireworks. Especially noteworthy was the feast organized for the young Emperor by the Kaiser's emissary at the Academy of Sciences. Bayer read Latin verses composed for the occasion. The People's Feast took place on the Dyevechyevo Meadow.

Peter II never returned to Petersburg after his coronation: he died in Moscow on 29th January, 1730.

The Reign of Empress Catherine the First and Emperor Peter the Second

The first Russian Empress, Catherine the First, reigned but two years and three months after the death of her husband, Peter I; she died on May 7, 1727. She continued to carry out Peter's programs in every field, not leaving any traces of her own personality on the country.

Peter II was a mere twelve years of age when he was called upon to wear the heavy crown of the Romanoffs. His mother, who died when her son was but three years old, was a niece of Peter the Great.

During his short reign (1727-1730) a trade treaty was signed with China and Bering discovered the famous strait between Siberia and Alaska.

The Reign of Empress Anna Ioanovna

On the day after the death of the short-reigned Emperor, a successor was selected. Special deputies were sent to Mitau to offer the crown to Anna Ivanovna, Duchess of Courland and daughter of Tsar Ivan Alekseevich. Anna Ivanovna not only agreed to accept the crown, but she set out immediately for Moscow for the coronation. On 10th February, she arrived at the village of Vsesvyatskoye, seven versts from Moscow, and stopped over while her triumphant entry was arranged. Five days later Anna Ivanovna entered the Capital, and on 28th April the coronation took place.

The conditions under which Anna was given the throne stipulated a limitation of the Autocratic powers by a High Council. This agreement destroyed the concept of a State bequeathed to Russia by the Orthodox East and which had developed under great stress throughout all of Russian history, almost from the first days of the formation of the Russian State.

The coronation ceremony of Peter the First remained unchanged except that at this coronation, a brighter exterior lustre was presented. The procession-in-state into the Cathedral of the Dormition was now composed of groups of various court, state, and social representatives. For the first time, representatives of the cities of Narva, Revel, and Riga and the State Councils of Estonia and Lithuania were present, as well as the hetman of the Little-Russian troops.

Theofan Prokopovich expressed feelings of reverence for the ways of Providence in connection with this ascension to the throne. In his speech, he recalled how the new sovereign had suffered the early loss of her father and an early widowhood as well as political persecutions. He theorized that God had delivered her from all her sorrows and placed her on the throne of Russia.

In other quarters there was a cautious concern for the future of Russia.

The coronation medallions and medals expressed the sentiments of Theofan Prokopovich and bore phrases justifying Anna's ascension, mentioning that the name Anna, when translated from Hebrew, means grace. The fireworks which concluded the celebrations expressed, in fiery symbols, similar thoughts and feelings.

The celebrations continued for seven days and were accompanied by the traditional entertainments.

Императрица Анна Иоанновна разрывает канцелярию.

На другой же день по кончинѣ, такъ недолго царствовавшего, юнаго Императора, на престоль была избрана герцогиня Курляндская, **Анна Иоанновна**, дочь Царя Иоанна Алексѣевича. Съ предложениемъ Ей престола, въ Митаву отпращены были особыя депутаты. Анна Иоанновна не только согласилась, но и немедленно отправилась въ Москву для коронованія, 10 Февраля того же года, подъѣзжая къ Москвѣ, Императрица остановилась въ селѣ Всесвятскомъ, въ 7 верстахъ отъ столицы. Черезъ пять дней былъ торжественный въездъ Ея въ Москву, а 28 Апрѣля происходила самая коронація.

Какъ извѣстно, Анна Иоанновна согласилась вступить на престоль подл условіемъ формальнаго ограниченія Самодержавной власти Верховнымъ Совѣтомъ. Этимъ условіемъ въ концѣ уничтожалась государственная идея, завѣщанная намъ православнымъ Востокомъ и съ такими тяжелыми страдами развивавшаяся во всей Русской исторіи почти съ первыхъ дней основанія Русскаго государства.

Соотвѣтственно этимъ обстоятельствамъ, въ коронаціи этой Государыни мы видимъ проявленіе двухъ основныхъ чувствъ: съ одной стороны, явной неожиданности и благоговѣнія къ путямъ

Анна

АННА ИОАННОВНА

Императрица и Сандричица Всероссийская.

1730—1740.

EMPRESS ANNA IOANNOVNA — 1730-1740.

Промысла; а съ другой — чувства опасенія, глубокаго и затаеннаго, за грядущія судьбы отечества.

Государственный коронаціонный ритуаль, начертанный Великимъ Петромъ, оставался неизмѣннымъ, но проявлялся въ болѣе яркомъ виѣшенемъ блескъ — коврами, парчами, золотомъ, бархатомъ, жемчугомъ и брилліантами. Торжественное шествіе въ Успенскій соборъ состояло теперь изъ 19 отдѣленій разныхъ придворныхъ, государственныхъ и общественныхъ представителей. Въ этой церемоніи появились впервые депутаты изъ городовъ Нарвы, Ревеля и Риги, ландраты эстляндскіе и лифляндскіе, а также и гетманъ войскъ малороссійскихъ.

Чувства удивленія и благоговѣнія къ путямъ Промысла, по поводу этой коронаціи, выразилъ Феофанъ Прокоповичъ въ своей рѣчи, обращенной къ Государынѣ: „Радующійся духъ нашъ“, говорилъ онъ, „видитъ въ судьбѣ Твоей пути Божіи... Кому неизвѣстны Твои скорби, Твое раннее сиротство, многобѣдственное вдовство, потеря родныхъ... безчестіе и гоненіе да еще отъ безбожнаго раба; Ты была подобна горлицѣ, на сухомъ деревѣ сидящей и плачущей; но вотъ ищѣ всякій видѣть и Твое избавленіе и Твое прославленіе; ищѣ Христось устроилъ Тебѣ путь къ Высочайшей власти; многократно уязвленную исцѣлить, и какъ бы убитую воскресить и вознестъ Тебя на превысокой Императорскій престолъ. Положись на Того, Имъ же царіе царствуютъ и утвердитъ Онъ нерушимо царство Твое. Мы же не престанемъ молиться, да та же Десница, которая внезапно посадила Тебя на престолъ, прогоняетъ отъ лица Твоего видимыхъ и невидимыхъ враговъ, и да будетъ Имперіа, достояніе Твое, *незыблемо и крѣпко*“.

Тѣ же думы и чувства выражены были на коронаціонныхъ золотыхъ и серебряныхъ медаляхъ, кои были раздаваемы, частью Самою Императрицею, главнымъ же образомъ Брюсомъ, русскимъ сановникамъ и иностраннымъ министрамъ. На одной сторонѣ этихъ медалей значился портретъ Императрицы, а на другой: „около персоны Ея Величества — стоятъ три женщины; одна съ крестомъ, другая — держитъ на рукѣ младенца, и такой же младенецъ стоитъ около ея; третья, съ якоремъ, подаетъ Государынѣ скипетръ и корону“. Надпись гласила: „*Боюмъ, родомъ и сими*“. Это значило: что тяжело быть

Корона Императрицы Анны Иоанновны

крестъ Ея жизни, но вѣра Ея не по-
срамила; не люди, а Богъ дать Ей Импе-
раторскую корону; ребенкомъ осталась Она
въ семьѣ, сиротою при матери, но Она цар-
скаго рода и получила престолъ по наслѣд-
ству отъ родителей, и, наконецъ, вдали была
отъ отечества, но Ея не покидало упованіе
вернуться къ нему: отечество само вру-
чило Ей царственный скипетръ. Вѣра
любовь и надежды — вотъ до-
бродѣтели, создавшія событіе.

На коронаціонныхъ же-
тонахъ обозначена была над-
пись: „Благодать отъ Выш-
няго“, внутренній смыслъ ко-
торой совпадалъ со значе-
ніемъ самаго имени *Анна*, что
при переводѣ съ еврейскаго значитъ:
„благодать“.

Фейерверкъ, которымъ заканчи-
вались коронаціонныя торжества, въ
огненныхъ эмблемахъ выражалъ по-
добныя же думы и чувства, вызванныя внезапностью
событія.

Торжества продолжались семь дней и сопро-
вождались, по установившемуся обычаю, разно-
образными увеселеніями.

Anna Leopoldovna and Tsar Ivan VI

The Coronation and Reign of Empress Elizabeth Petrovna Daughter of Peter the Great

After the demise of Anna Ivanovna, the hated regent Biron ruled for a short time until Field Marshal von Munnich swept him from power.

On 5th November, 1740, Anna Leopoldovna, the mother of the young Tsar Ivan VI was appointed to the post of Regent from which Biron had been expelled. Russia received the news of the new Regeacy without any special joy. Neither Anna Leopoldovna nor her husband Anton-Ulrich were suited to the high calling of governing the Great Orthodox State.

The reign of the unfortunate child, Ivan Antonovich, did not last long. The younger daughter of Peter the Great, Elizabeth Petrovna, who had been pushed aside from the throne, finally yielded to the plan and exhortations of her followers. On 25th November, 1741, she proclaimed herself Empress. This decisive step on the part of a truly Russian Tsarevna was accepted with joy by the people who saw in this a deliverance from the foreign usurpers.

The coronation manifesto was issued on 1st January, 1742, and the Empress with her court arrived at the village of Vsesvyatskoye near Moscow on 26th February.

Four triumphal gates had been erected for the entry into the Capital. The first, on the ramparts of the Iver Road, was erected by the District of Moscow. The Holy Synod erected the second one in China-town near the Kazan Cathedral and the masters of the Merchants' Guild built a third on the Myasnik road. The fourth gate was erected by the Palace office near the Winter Palace. Trumpeters and kettle-drummers were on all these gates to play as Her Imperial Majesty progressed into the city.

The Sovereign arrived in a carriage drawn by magnificent Neopolitan horses and surrounded by a brilliant suite. Near the churches, she was met with banners, crosses, and icons. The bell ringing in all Moscow continued without interruption for three days.

The coronation was like Easter Week for Moscow. The whole Capital was illuminated every evening, and the bell ringing, as on Easter Week, did not cease for seven days. The routes followed by the Empress were decorated with spruce branches so that they appeared as green lanes.

There appeared again at the head of the Russian State a ruler who was a direct heir to the parental throne. A Russian sovereign akin to her own people in spirit and thus able to love and value its history; an Orthodox ruler, externally connected with the conscience of her people and with the Church's beliefs and institutions.

The clergy rejoiced; the troops rejoiced; all Russia rejoiced; and the thunderous cries of the crowds reflected this joyful mood. The delight which seized all levels of society reached such magnitude that it recalled the coronation of Tsar Mikhail Feodorovich, founder of the Romanov dynasty.

The triumphal gates were beautifully decorated with symbolic figures and sacred inscriptions which explained the State's attitude concerning the coronation.

The coronation rites took place on 25th April, 1742. At the time of the reception, the Sovereign greeted, for the first time, representatives of the Kalmins, Kalmyks, Zyngorskis, Baskirs, Myschersks, and other Eastern tribes. These receptions continued for three days and were followed by almost ten uninterrupted banquets. There were masquerade balls, balls with Italian opera, and balls with fireworks and suppers. The ceremonies were concluded on 7th June with a most brilliant illumination.

The Empress remained in Moscow until December, and during the summer, imitating the people's custom, she walked on foot to the Sergius-Trinity Monastery.

One proclamation of Empress Elizabeth Petrovna remains a great landmark of legislation and mercy: the death penalty was abolished in Russia.

From the very beginning of Elizabeth's reign at the age of thirty-two, the young Empress directed her efforts toward securing peace and prosperity for her subjects within her own borders. In this she achieved a large measure of success and her reign was a popular one.

In foreign affairs, Elizabeth Petrovna maintained Russia's prestige and power. She continued the war with Sweden, bringing it to a successful conclusion in 1743. In the west, she sided with Austria against Prussia in the so-called seven-year war. She lived to see Russia's victorious armies occupy Prussia's capital, Berlin.

When she died on December 25, 1761—Christmas Day—the Russian people had much to be grateful for. Throughout all her life, Empress Elizabeth Petrovna patronized all things Russian, and earnestly detested foreigners. But she was not at all opposed to innovations as such. Every measure undertaken by her was the result of some burgeoning national need. She was a worthy daughter of Peter the Great.

Анна

ПРАВИТЕЛЬНИЦА АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА
Великая Княгиня Всероссийская,
1740 — 1741.

ANNA LEOPOLDOVNA — 1740 - 1741

Младенец-Императоръ Иванъ VI

EMPEROR IVAN VI

А. С. Пушкин

послѣ кончины Анны
Иоанновны, недолго
удержался, въ роли
полновластнаго регента и распо-
рядителя судьбамъ страны, нена-
вистный всѣмъ Биронъ, закле-
мившій царствованіе своей благо-
дѣлительницы непомерными жесто-
костями и гоненіемъ всего истинно
русскаго.

Выдающийся военначаль-
никъ, смѣлый и рѣшительный Минихъ
смель Бирона съ высоты, на которой тотъ,
по удивительному политическому недоразу-
мѣнію, оставался и послѣ смерти Импера-
трицы.

Безъ особенной радости узнала Россія
о переходѣ бразды правленія съ 9 Ноября
1740 г. къ матери малолѣтняго Императора
Іоанна Антѣ Леопольдовнѣ. Ни она, ни
мужъ ея Антонъ-Ульрихъ не отвѣчали
высокому призванію стоять у кормила пра-
вленія великаго православнаго государства.

Недолго длилось царствованіе не-
счастливаго младенца Іоанна Антоновича. Сто-
роннишяся отъ престола младшая дочь

Елизаветъ

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА
Императрица и Самодержица Всероссийская
1741 — 1762.

EMPRESS ELIZAVETA PETROVNA — 1741-1761

Петра Великаго, **Елисавета Петровна**, наконецъ, сдѣлалась на увѣщанія Своихъ приверженцевъ и 25 Ноября 1741 года провозгласила Себя Императрицей. Этотъ рѣшительный шагъ истинно русской Царевны былъ принятъ восторженно народомъ, видѣвшимъ въ этомъ избавленіе себя отъ иноземнаго ига.

1 Января 1742 г. былъ изданъ манифестъ о коронованіи въ Москвѣ, а 26 Февраля, со всѣмъ Своимъ придворнымъ штатомъ, Императрица была уже въ селѣ Всесвятскомъ, подлѣ Москвою.

Свитокъ, на которомъ начертаны были церемоніаль Ея торжественнаго въѣзда въ древнюю столицу, представляетъ собою ленту въ пять аршинъ.

Для въѣзда устроены были четверы триумфальныя ворота: у землянаго вала, на Тверской, отъ Московской губерніи; въ Китай-городѣ, близъ Казанскаго собора, отъ Св. Синода; на Мясницкой, отъ магистрата Московскаго купечества, и, наконецъ, близъ зимняго дворца, что на Яузѣ, отъ Дворцовой Канторы. На всѣхъ этихъ воротахъ играли въ трубы и литавры. Государыня ѣхала на великолѣпныхъ, „неаполитанскихъ“ лошадей, окруженная блестящею свитой. Подлѣ храмовъ встрѣчали Ее съ хоругвями, крестами и иконами. Колокольный звонъ по всей Москвѣ, начавшійся съ момента въѣзда, продолжался три дня непрерывно.

Коронаціонные праздники были для Москвы свѣтлою пасхальной недѣлей. Дворцы Кремлевскій и Лефортовскій, весь Иванъ Великій и Кремль блистали „презрѣливыми и великими иллюминаціями“. Вся столица каждый вечеръ озарялась лучезарными огнями. Церковные звоны, какъ въ свѣтлые Христовы дни, не умолкали цѣлую недѣлю. Пути слѣдованій Императрицы украшались ельникомъ и представляли собою зеленая аллеи.

Явилась опять на Русскомъ престолѣ Государыня *природенная*, или, какъ сказано въ манифестѣ, „ближняя по крови“, прямая наследница родительскаго престола. Государыня русская, сродная со Своимъ народомъ по духу и потому умѣющая дорожить его исторіей. Государыня православная, внутренно связанная съ совѣстью Своего народа и съ церковными вѣрованіями и учрежденіями.

Ликовало духовенство, ликовало войско, ликовала вся Россія. Народныя массы оглашали воздухъ громовыми кликами, отиѣчавшими

радостному настроенію. Восторгъ, охватившій всё общественные классы, доходилъ до такого подъема, который напоминалъ собою коронацію Царя Михаила Ѳеодоровича, родоначальника Дома Романовыхъ.

Всѣ триумфальныя ворота устроены были „съ прензрядными украшеніями“, съ символическими фигурами и „со священными надписаніями“, уясняющими для насъ государственныя думы и чувства тогдашняго коронаціоннаго настроенія.

На Тверскихъ воротахъ — на одной картинѣ изображенъ быть на облакахъ Богъ Отецъ, какъ образъ той безконечной идеи, подь которымъ развивается Русское

царство, а внизу, подъ образомъ нарисованы были Государыня и народъ, Ее встрѣчающій. Надпись гласила: „*Вышній владыка царскимъ чловѣческимъ! Гряди! Ты бо унесши люди свои!*“

На Сунодальныхъ воротахъ—въ картинахъ было изображено, что знаменія царскаго достоинства суть даръ самого неба, и благодаря имъ, Россія непоколебима. Въ лучезарномъ треугольнике представлено было небо, откуда простерта благословящая рука, а подъ нею—два ангела, держащіе императорскую корону, скипетръ и державу.

Надпись гласила: „*Иду утвердити благоденствіе*“.

Само Русское царство представлено было въ видѣ тысячелѣтняго дуба съ глубокими корнями, обуреваемого вѣтрами.

Надпись гласила: „*Не поколебимо!*“

40 студентовъ Славяно-греко-латинской Академіи, въ бѣлыхъ одѣянїяхъ, въ лавровыхъ вѣнцахъ и съ такими же вѣтвями въ рукахъ, стояли около этихъ воротъ и пѣли гимнъ, выражавшій тѣ же думы и чувства: „*Приспѣ день красный, возсіяло солнце!*“

На Мясницкихъ воротахъ—также въ картинахъ было выражено, что съ воцареніемъ „*прирожденной*“ Государыни, дочери Великаго Петра, окончилась всѣ тяжкія испытанія, пережитыя въ прошлое царствованіе.

Представленъ былъ Промыслъ, въ образѣ прекрасной дѣвы, указующей десницею на Русскій престолъ со знаками царскаго достоинства.

Надпись гласила: „*Природнымъ*“.

Въ другой картинѣ изображена была карта Россійскаго государства, съ надписаніемъ: „*Се достоиствіе Твое*“.

Далѣе представлены были всѣ провинціи, въ золотомъ кольцѣ, и надпись гласила: „*Днесь забываемъ печали наши*“. Подлѣ нея изображеніе пережитыхъ горестей: Россія стоитъ на колѣняхъ, а около нея колючее терніе; она подымаетъ руки къ небу и вопіетъ: „*Доколе сія будущъ!*“

Красовался на воротахъ орелъ, прогоняющій „*словъ и нечестивей*“. Начертаны были и поборники земли свято-русской, князья Борисъ и Глѣбъ и Александръ Невскій, молитвенно взывающіе: „*Сохраняй ю во имя Твое!*“

Коронація Елисаветы Петровны происходила 25 Апрѣля 1742 г. Во время пріемовъ Государыню привѣтствовали, впервые, слѣдующіе восточные представители: Калмычій владѣлецъ Бунчинъ, Зенгорскіе послы, посланцы Калмыцкаго владѣтеля Дундукъ-Дани, депутаты другихъ кочевыхъ народностей, а также башкиры и менчерки.

Послѣ поздравленій и привѣтствій, продолжавшихся три дня, начались почти непрерывные „пребогатые столы“; балы съ маскарадами, балы съ итальянской оперой, балы съ фейерверками и съ ужинами. Торжества завершились 7 Іюня блестящей иллюминаціей.

Императрица оставалась въ Москвѣ по Декабрь мѣсяць и лѣтомъ, подражая народному обычаю, *ходила инькомъ* къ Троицъ-Сергію.

Дорогимъ для человѣчества, законодательнымъ памятникомъ этой коронаціи на вѣки остался всемогуществѣйшій манифестъ, въ которомъ провозглашалось объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи.

„Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мѣрѣ расширять науки
Николаи Елизаветъ“.

Ломоносовъ.

ИМПЕРАТРИЦА Елизавета вступила на престолъ всего 32 лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты. Многие считаютъ недостаткомъ правленія Елизаветы Петровны нѣкоторую медленность въ ходѣ дѣлъ, иногда первостепенной государственной важности. Но это отсутствіе быстроты осуществленія ея рѣшеній объясняется тою осторожностью, сдержанностью, съ которой она всегда отставала наилучшее изъ мнѣній приближенныхъ. Намѣтивъ общее направленіе политики, Елизавета предоставляла остальные детали своимъ сотрудникамъ.

Императрица стремилась внести полное благоустройство въ жизнь своихъ подданныхъ. Народъ чувствовалъ это и зналъ, кому онъ обязанъ долгимъ спокойствіемъ, а потому Елизавета была популярнѣйшей государыней.

Во внѣшней политикѣ Императрица умѣла поддерживать славу и могущество Россіи. Вступивъ на престолъ, она съ успѣхомъ продолжала, начатую въ предшествующемъ царствованіи, войну со Швеціей. Въ 1743 году былъ заключенъ выгодный для Россіи миръ въ Або. Покончивъ со Швеціей, Императрица обратила свое вниманіе на Западъ, гдѣ происходила борьба между Австріей и Пруссіей за австрійское наслѣдство. Россія встала на сторону Австріи и въ союзѣ съ ней начала въ 1756 году такъ называемую семилѣтнюю войну противъ Прусскаго короля. Наша армія подъ начальствомъ молодого, но талантливаго графа Апраксина, въ 1757 году завладела восточную Пруссію, побѣдоносно пройдя Литву и Польшу. Командующій непріятельскимъ отрядомъ сдалъ Мемель. Вскорѣ былъ взятъ Тильзитъ напоромъ татаръ и калмыковъ подъ начальствомъ генерала Фермора.

Не устоять под натиском наших храбрецов и престарелый генерал-фельдмаршал Левальд. Онъ былъ разбитъ на голову при Гросс-Эгерсдорфѣ, и слава непобѣдимыхъ пруссаковъ погасла.

Послѣ краткаго перерыва военныя дѣйствія возобновились. Противники сошлись при Цорндорфѣ 14 августа 1758 года Русскіе показали чудеса храбрости. Фридрихъ, король Прусскій, лично руководившій своими войсками, такъ отзывался о проявленной храбрости русскихъ въ этомъ сраженіи: „Ихъ можно всѣхъ до единаго перебить, но не побѣдить!“ Бой остался нерѣшеннымъ. Война продолжалась. Надъ русской арміей принялъ начальство князь Салтыковъ. Онъ соединился съ австрійцами и подъ Кунерсдорфомъ нанесъ рѣшающее пораженіе пруссакамъ. „Неужели не найдется ни одного ядра на мою долю!“ — въ отчаяніи воскликнулъ король Фридрихъ при видѣ гибели своей арміи. Онъ самъ чуть не попался въ плѣнъ казакамъ. Въ этомъ сраженіи особенно отличился, будущая гордость Россіи, Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Вскорѣ русскія войска побѣдоносно вошли въ столицу Пруссіи Берлинъ.

Въ это время въ Петербургѣ угасла Императрица Елизавета.

25 декабря 1761 года Императрица скончалась.

Дочь Великаго Преобразователя не оставила камня на камнѣ отъ нѣмецкаго засилья, столь давившаго русскихъ въ предшествовавшіе два царствованія.

Всю свою жизнь покойная Императрица оказывала широкое покровительство всему русскому и искренно ненавидѣла нѣмцевъ.

Россія при ней могла, наконецъ, успокоиться и разобраться въ своихъ дѣлахъ. Національныя „правила и привычки“ воспитали цѣлый рядъ дѣятелей, составившихъ славу Екатерины II.

Императрица, какъ видно изъ всего сказаннаго раньше, не чуждалась нововведеній. Именно въ ея царствованіе зародились сѣмена русскаго просвѣщенія и началось развитіе гражданственности въ Россіи, которой позже блистала вѣкъ Екатерины.

Всѣ мѣры, предпринятія Елизаветой, были слѣдствіемъ назрѣвшей государственной потребности: мудрая Царица чувствовала пульсъ народной жизни, и сердце ея билось въ унисонъ съ Россіей. Она настолько любила родину, что когда племянникъ ея, великій князь Петръ Теодоровичъ, оказался совершенно неподходящимъ для наслѣдованія престола по воспитанію и по личнымъ своимъ качествамъ и будущность Россіи встала передъ нею въ ужасной неопредѣленности, Елизавета передъ смертью рѣшила устранить племянника своего отъ престола. Это была послѣдняя жертва, которую желала она принести своей родинѣ, ободряемая примѣромъ отца въ дѣлѣ несчастнаго ея брата цесаревича Алексѣя. Не даромъ же она была дочерью Великаго Петра!

Что же представлялъ собой преeminъ Елизаветы?

Среда и обстановка дѣтства оказываютъ свое неизбѣжное вліяніе на воспитаніе, и часто первыя дѣтскія впечатлѣнія оставляютъ свои неизгладимые слѣды въ восприимчивой душѣ ребенка на всю жизнь. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить Императоръ Петръ III, сынъ герцога Голштинскаго и Анны Петровны, дочери Петра I.

При маленькомъ бѣдномъ Голштинскомъ дворѣ, гдѣ родился будущій Государь Россіи, отецъ послѣдняго, Фридрихъ, былъ больше занятъ постоянными хлопотами съ кредиторами и почти не обращалъ вниманія на воспитаніе сына. Нужда и отпечатокъ близкаго разоренія на всей обстановкѣ, сказывавшіеся даже въ продиравленной скатерти за столомъ окончательно придавили герцога Фридриха.

Тяжелая атмосфера отчужденности и заброшенности вокругъ малютки Петра становится невыносимой послѣ смерти матери его, Анны Петровны.

Вскорѣ умираетъ и отецъ, оставивъ маленькаго герцога круглымъ сиротой; его беретъ къ себѣ его дядя, епископъ Эйтенскій.

На воспитаніе опять почти не обращаютъ вниманія. Окружающая среда чуждыхъ, равнодушныхъ къ судьбѣ ребенка людей, конечно, не могла оказать благотворнаго вліянія на его развитіе. Мальчикъ растетъ болѣзненнымъ, хилымъ,

Когда Петръ III возмужалъ, Елизавета позаботилась о выборѣ достойной ему супруги. Ея вниманіе остановилось на дочери одного изъ владѣтельныхъ границевъ Германіи — Софіи Ангальтъ-Цербстской. При переходѣ въ православіе она была названа Екатериной Алексѣевной. Великая княгиня въ малѣйшемъ мнѣжествѣ своихъ родителей получила нѣкоторое образованіе, а природа надѣлала ее наблюдательнымъ и восприимчивымъ умомъ. При жизни Елизаветы, юши съ мужемъ вдали отъ государственныхъ дѣлъ, она пользовалась своими досугами, чтобы посвящать ихъ чтенію сочиненій серьезнаго научнаго и философскаго характера.

Въ противоположность Петру, который всѣми помыслами своими былъ въ родной его сердцу Голштиніи, Екатерина стремится понять свою новую родину. По цѣлымъ ночамъ она твердила уроки своего учителя русскаго языка, Ададурова, и вскорѣ поразила Елизавету чистымъ выговоромъ. Мало-по-малу росъ и развивался ея тонкій, живой умъ и обнаруживались блестящія способности.

Сама Императрица Елизавета обратила вниманіе на удивительный умъ Екатерины Алексѣевны и, видя, что она какъ бы создана для управленія Русскимъ государствомъ, рѣшила передать права на престолъ малолѣтнему ихъ сыну Павлу Петровичу, назначивъ мать опекуницей.

Однако Государыня, какъ было сказано выше, не успѣла осуществить этой мысли, и ея смерть сдѣлала Петра III Самодержцемъ Всероссийскимъ.

Молодой Императоръ ознаменовалъ начало своего царствованія цѣлымъ рядомъ милостей и государственныхъ распоряженій. Были возвращены изъ изгнанія Минихъ, Биронъ, Лестокъ и многіе другіе. Данъ былъ указъ объ отменѣ притѣснительной солиной пошлины, уничтожена Тайная Канцелярія и ужасное „слово и дѣло“. Дарована раскольникамъ полная свобода вѣры.

Самымъ важнымъ государственнымъ мѣропріятіемъ кратковременнаго царствованія Петра III былъ манифестъ — 18 февраля 1762 года — о волиности дворянства, снягавшій съ этого сословія тяжелую повинность обязательной личной государственной службы.

Петръ III между прочимъ указомъ воспретилъ монастырямъ имѣть крѣпостныхъ крестьянъ, что не могло не породить неудовольствій этой мѣрой среди духовенства.

Затѣмъ Императоръ приступилъ къ составленію сборника законовъ по образцу *Codex Fredericianus*. Какъ другъ и поклонникъ прусскаго короля, Петръ III при вступленіи на престолъ прекратилъ съ нимъ войну и предписалъ русской арміи изъ враждебной сдѣлаться союзной Фридриху II. И вскорѣ Петръ объявилъ Давидъ войну за Голштинію, куда намѣревался отправиться во главѣ 80-тысячной русской арміи.

Эта непопулярная въ Россіи война послужила поводомъ къ той катастрофѣ съ Петромъ III, причины которой уходили въ его далекое безотрадное дѣтство.

Онъ естественно не могъ сродниться съ Россіей.

Вѣдь съ дѣтскихъ лѣтъ его учили то любить ее, то ненавидѣть, считать то своей, то чужой, и понятно, что сердце его лежало къ родной Голштиніи.

Странно было бы требовать отъ человѣка, воспитаннаго въ греческой религіи, затѣмъ въ протестантизмѣ, потомъ снова въ православіи, — строгаго соблюденія обрядовъ Русской церкви.

А между тѣмъ послѣднее обстоятельство волновало народъ, который вмѣстѣ съ войсками преклонился передъ Екатериной, ставшей русской, православной, родной.

Но независимо даже отъ всѣхъ вышеуказанныхъ соображеній, рѣзкое, горой оскорбительное обращеніе Императора со своей женой привлекло къ ней всѣ симпатіи.

Когда же Петръ III сталъ угрожать даже личной безопасности Екатерины, то все, что имѣло власть и силу, высказалось за нее.

Переворотъ былъ неизбеженъ.

Петръ III.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.
1762.

EMPEROR PETER III — 1761-1762

двадцать пятого Декабря 1761 года на Русскій престоль возшелъ племянникъ Елисаветы Петровны **Петръ III**. При возшествіи Своемъ на

престоль, Императрица вызвала изъ Голштиніи сына Анны Петровны, Герцога Петра-Карла-Ульриха, явившагося, по завѣщанію Императрицы Екатерины I,

ближайшимъ наслѣдникомъ Петра II, при условіи, однако, исповѣданія Православной религіи.

Двадцать лѣтъ, проведенныхъ въ Россіи наслѣдникомъ Императрицы Елисаветы, не сблизили Его съ будущими подданными, не сдѣлали изъ Него русскаго человека. Онъ не скрываетъ Своей приверженности ко всему нѣмецкому, не скрываетъ Своего поклоненія передъ Фридрихомъ II и полную готовность служить ему. Чуткое къ подобнымъ проявленіямъ населеніе съ грустью узнавало о планахъ Петра III, проникнутыхъ не русскими интересами, о союзѣ нашемъ съ Пруссіей, съ которой такъ недавно русскія войска побѣдоносно сражались.

Непродолжительно было царствованіе Петра III, но и въ короткій періодъ стало ясно, какого духа и направленія былъ новый Государь. Нѣкоторые изъ изданныхъ Имъ указовъ всѣмъ ясно указывали, что ни Церковь, ни православіе, ни историческія преданія, составляющія

душу народа, не имѣли для Него заветнаго значенія. Казалось, вновь воскресаетъ страшлище, стремившееся поглотить Русскую національность.

Весьма естественно, что опасность подобнаго политическаго положенія не укрылась отъ взора такой Великой женщины, какова была Ея Августѣйшая Супруга.

Екатерина Алексѣевна, прѣѣхавъ въ 1744 году въ Россію, несмотря на дѣтскій почти возрастъ, сразу поняла необходимость отрѣшиться отъ германскихъ интересовъ, изучить языкъ новой родины и сдѣлаться вполне русской.

Проникнутая возвышенными національными чувствами, полная энергіи и обладающая выдающимися талантами правительницы, Екатерина рѣшилась отстоять Себя и вмѣстѣ съ тѣмъ Россію отъ близорукой и гибельной политики прислоченій. Она смѣло пошла навстрѣчу опасности и заставила Петра III отречься отъ престола.

Екатерина Алексѣевна вступила на престоль 28 Іюня 1762 г. и 7 Іюля объявила манифестомъ о Своемъ коронованіи въ Москвѣ въ Сентябрѣ того же года.

Emperor Peter III

During her reign, Elizabeth Petrovna summoned Duke Peter Karl Ulrich from Holstein and designated him as her heir to the throne. Peter was the son of Anna Petrovna and the nearest heir of Peter II. She stipulated that he, Duke Peter, must accept Orthodoxy.

The twenty years which the heir spent in Russia did not draw him near to his future subjects nor make him a Russian. He did nothing to conceal his devotion to everything German or his hero-worship of Frederick II and his complete readiness to serve the Kaiser.

Peter III ascended the throne on 25th December, 1761, but his reign was to be a short one.

The Russian people were sensitive to the actions of the new sovereign which were motivated by non-Russian interests. His alliance with Prussia, which had so recently been defeated by Russian arms, brought sorrow to the people. In a very short period the spirit and mentality of the new Tsar became clear. Some of the Ukases which he issued revealed to everyone that neither the Church, nor Orthodoxy, nor the historical traditions which together compose the soul of the people, had any sacred significance for him. Europeanism was again trying to swallow up the Russian nationality.

It is only natural that the dangers of such a political situation were not hidden from the view of such a remarkable woman as was the wife of Peter III.

Catherine Alekseevna had come to Russia in 1744. In spite of her youthful inexperience she at once understood the necessity of renouncing all German interests, of learning the language of the new land, and of becoming completely Russian.

Catherine was thoroughly imbued with Russian national interests; she was energetic and possessed eminent talents as a ruler. She decided to separate herself and Russia from the ruinous, near-sighted politics of the European adventurers. Catherine bravely went out to meet danger and forced Peter the Third to abdicate from the throne.

Catherine Alekseevna ascended the throne on 29th June, 1762, and on 7th July published the manifesto of the coronation to be held in Moscow that same year.

Emperor Peter the Third was the son of Anna Petrovna, daughter of Peter the Great. He marked his ascension to the throne by introducing a whole series of edicts. Many exiles were granted a safe return home, the heavy salt tax was abolished, religious freedom was accorded to sects which had defected from the Orthodox faith. His manifesto of 18th February, 1762 absolved the nobility from compulsory personal service for the State, and was one of the most radical reforms of his short reign. As friend and admirer of the King of Prussia, Peter III stopped Russia's war with Prussia, signed a peace treaty and became a firm ally of Prussia. He even declared war on Denmark over Holstein—a most unpopular war with the Russian people.

Peter III remained a foreigner to Russia, to her faith and way of life. His heart lay in his native Holstein. The people were disturbed by his lack of Orthodox customs, by his preference for everything foreign. His wife Catherine, on the other hand, accepted Russia and all things Russian with all her heart and won the love of the Russian people. Peter began to allow himself disrespect toward his wife even in public. And when the emperor began to threaten his wife's personal safety, Russia's ruling circles rallied to Catherine's side. A palace revolution became inevitable.

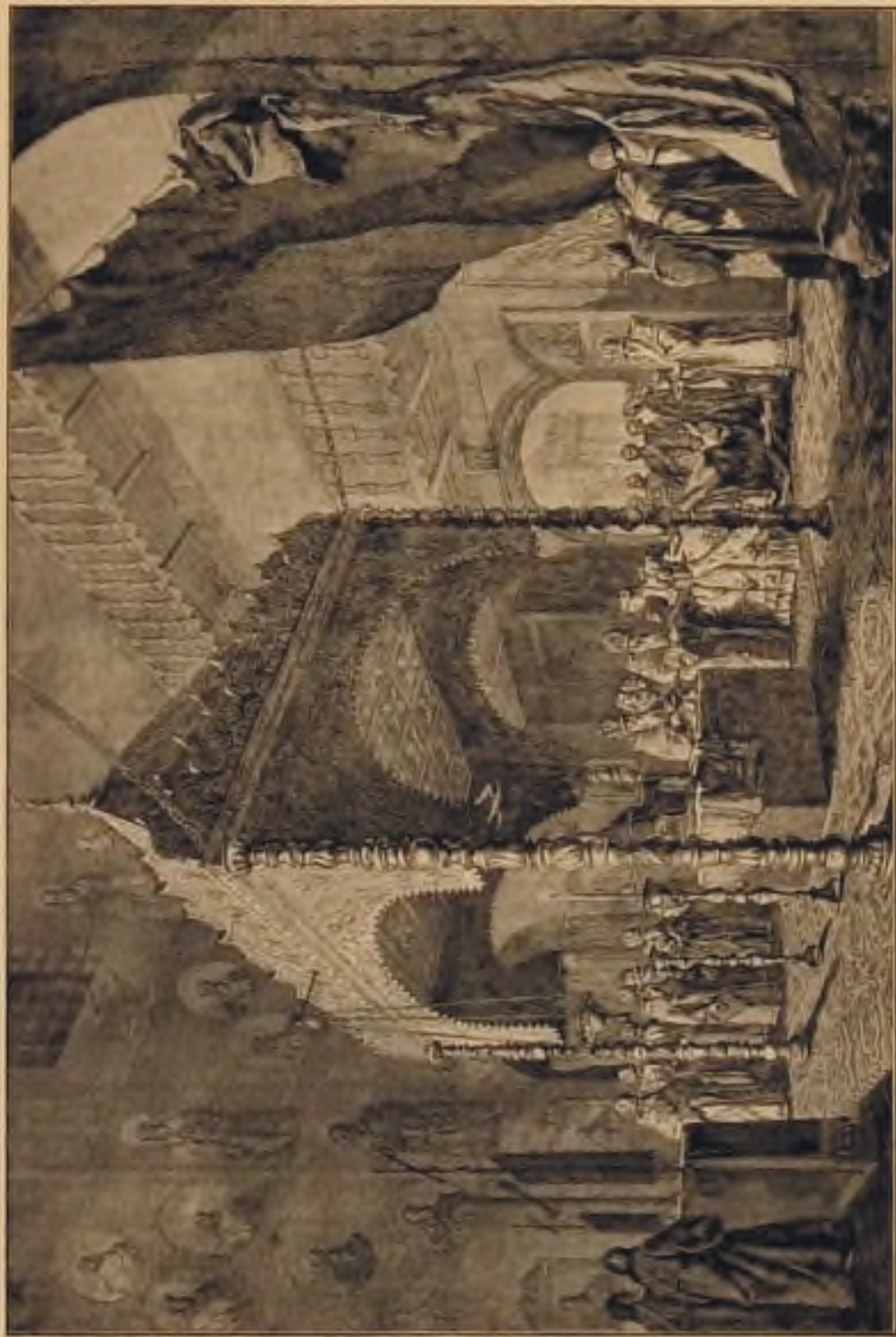
Екатерина

ЕКАТЕРИНА II

Императрица и Самодержица Всероссийская.

1762 - 1796.

EMPERESS CATHERINE THE GREAT — 1762 - 1796

Привнесение Императрицы Екатерины II во время Св. Коронования во Успенскую соборъ.

Empress Catherine II taking communion during the Holy Coronation in the Dormition Cathedral.

История

по внутреннему характеру, и по внѣшнему блеску коронація **Императрицы Екатерины II** отражала къ себѣ все особенности коронаціи прелылушей.

Коронаціонный манифестъ Ея гласилъ: „Весь свѣтъ знаетъ, что ревность къ благочестію, любовь къ Россійскому отечеству и усердное желаніе подданныхъ видѣть Насъ на престолѣ и чрезъ Насъ получить избавленіе *отъ приключившихся опасностей*, а больше еще слѣдовавшихъ Россійскому отечеству, побудили Насъ къ тому... И Мы Сами, на Своей совѣсти, не могли не имѣть праведнаго страха, что если бы *заблаговременно* не исполнили того, чего требовала отъ Насъ самая обязанность въ отношеніи Бога, Церкви и вѣры, то на Насъ пала бы тяжкая отвѣтственность предъ Судомъ Его... Всевышній Богъ благословилъ. Воспріявъ самодержавно престолъ, Мы освободили отечество, безъ всякаго кровопролитія, отъ упомянутыхъ опасностей“.

Рѣчи Новгородскаго архіепископа Дмитрія Сѣченова, произнесенныя имъ какъ во время торжественнаго вѣзда Императрицы, при вступленіи Ея въ Успенскій соборъ, такъ и во время самого

коронованія, и по своей сущности, и по вѣнчанной формѣ, напоминали рѣчи, обращенныя Амвросіемъ Юшкевичемъ къ Елисаветѣ Петровнѣ.

„Приде всѣхъ скорбей и печалей нашихъ окончаніе и всѣхъ радостей нашихъ причина“...

„Одно сожалѣніе о сѣнахъ Россійскихъ“, говорили онѣ во время коронованія, „принудили Тебя принять сіе служеніе. Увидѣла Ты озлобленіе людей Твоихъ; видѣли все и воздыхали, что близъ паденія Церкви, близъ опасности все благосостояніе Россіи. Но Ты поренновала о Господѣ, и сіе дивное строеніе исторіи не дѣло ума человеческого, а несказанныхъ Божьихъ судьбъ... Съ нами Богъ и Промысль Его... Да устрашатся, да постыдятся и посрамятся враги Твои!“

Тотъ же внутренній историческій смыслъ коронаціи выраженъ быть и на золотыхъ и серебряныхъ медальяхъ, предназначенныхъ для знатныхъ особъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

На одной сторонѣ изображенъ быть бюстъ Государыни въ Императорской мантіи, съ подписью титула.

На оборотѣ: „Православіе и Россійское отечество, спасенныя Ея прѣдками духомъ отъ угрожающихъ имъ бѣдъ, радостно возносятся шить съ Ея именемъ, украшенный дубовыми листьями, на которые Провидѣніе Божіе возлагаетъ Императорскую корону; предъ ними стоитъ курящійся жертвенникъ, съ изображеніемъ знаковъ духовнаго, военнаго и гражданскаго чина, на который Россійское отечество сыплетъ омиамъ, во изъявленіе молитвъ и усердныхъ желаній о благополучномъ царствованіи Монархини, *Избавительницы*“.

Вверху надпись гласила: „За спасеніе вѣры и отечества“, а внизу: „Коронована въ Москвѣ Сентября, 22 дня, 1762 года“.

Вѣнчаній блескъ коронаціи не только не уступать Елисаветинскому, но и во многихъ отношеніяхъ превосходить его.

9 Сентября Государыня прибыла въ село Петровское, въ 12 верстахъ отъ Москвы, принадлежавшее графу Разумовскому. Здѣсь привѣтствовали Ее съ благополучнымъ приказомъ высшій духовныя и свѣтскія лица. На 3-й день представлялся, между прочими, Запорожской кошевой атаманъ, со старшинами, который произнесъ прекрасную рѣчь о значеніи Самодержавія и выразилъ свои благожеланія въ слѣдующихъ словахъ: „Царь вѣковъ да утвердитъ Домъ и престоль Россійскаго Давида—Великаго Петра, не поколе-

бимо и непрестѣваемо пребывать на землѣ, пока пребудуть солнце и луна“.

Для торжественнаго въѣзда, также какъ и при Елисаветѣ, устроено было четыре триумфальныхъ воротъ: на Тверской улицѣ, въ Земляномъ городѣ — отъ купечества; на Тверской же, въ Бѣломъ городѣ — отъ губернской канцелярїи; въ Китай-городѣ — отъ коронаціонной комиссїи; въ Кремлѣ, у Никольскихъ воротъ — отъ Св. Синода. На нѣкоторыхъ изъ этихъ воротъ начертаны были символическія картины; такъ, напримѣръ, на однихъ нарисованы были „геліотронъ“, а подъ нимъ гора, съ надписью: „отъ всего міра видима буду“; на другихъ — четыре части свѣта, изъ коихъ Европа „особливо весело себя оказывала“. Повсюду видѣлись *ипіусы* и *фамы*, кои въ трубу „поздравленїе говорили“.

Въѣздъ происходилъ 13 Сентября. Государыня ѣхала въ каретѣ, внутри обитой бархатомъ, а снаружи вызолоченной, увѣнчанной наверху короною и расписанной по бокамъ кузова мифологическими изображенїями. Карета была запряжена, какъ и Елисаветинская, восемью неаполитанскими лошадыми.

При въѣздѣ въ купеческія ворота, на которыхъ стояло множество валторнистовъ, трубачей, литавришковъ и разныхъ другихъ музыкантовъ, загрѣла музыка.

При въѣздѣ въ Синодальныя ворота, Московскій митрополитъ Тимофей прїивѣтствовалъ Государыню рѣчью, въ коей величалъ Ее „нашей избавительницей“, а академическіе студенты пѣли:

„Воспой торжественно, Россїя,
„Возвыся до небесъ свой гласъ,
„Се Свою рабу, сильною рукою,
„Ведеть Богъ Вышній предъ Собой!

Въ день коронаціи, въ 8 часовъ утра на „Иванѣ Великомъ“ загудѣлъ новый большой колоколъ, только что отлитый къ торжеству коронаванїя, вѣсомъ въ 3500 пудовъ.

Выходъ въ Успенскій соборъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 50 отдѣленїй. Въ официальномъ описанїи коронаціи замѣчено, что „арѣлице сіе представляло обрадованное, или, лучше сказать, избавленное наше отечество послѣ бывшихъ смутныхъ временъ при послѣднемъ правленїи“.

Корона была сдѣлана известнымъ ювелиромъ Полье въ формѣ двухъ вышуклыхъ полушарій и украшена 75 крупными жемчужинами, 5012 драгоценными каменьями и 2500 превосходными брилліантами, а крестъ на ней утверждёнъ былъ на драгоценнѣйшемъ рубинѣ.

Порфира была изъ золотой парчи, усѣянная вышитыми двуглавыми орлами.

Самое платье Императрицы поражало блескомъ: оно было изъ серебряной парчи, тоже вышитое орлами и золотымъ позументомъ, а по рукавамъ брабантскимъ кружевомъ въ пять рядовъ.

Во время церемоній шлейфы несли восемь камергеровъ, а конецъ его поддерживали оберъ-камергеръ.

Аудіенціи, обѣды, балы, театральныя представленія происходили также, какъ и при Елисаветѣ Петровнѣ. Торжества продолжались 8 дней.

Во время народнаго праздника на столахъ красовались горы широгонъ и цѣлая стаи жареныхъ птицъ, а около нихъ большіе фонтаны выкидывали красное и бѣлое вино въ огромные чаны. На ближайшихъ къ Кремлю перекресткахъ стояли красивые балаганы и шатры съ шифтными флагами; здѣсь находились разные лакомые даровые принасы: груды золоченыхъ пряниковъ, маковая избойна и т. п. Государыня, со всею Своей блестящей свитой, посѣтила этотъ пиръ и смотрѣла на веселье народа, который всегда несказанно радъ царскому милостивому угощенію.

Въ заключеніе торжествъ и пировъ данъ былъ противъ Кремля, у Москвы-рѣки великолѣпный блистательный фейерверкъ. Прежде всего зажегся главный планъ и открытъ „великое сверху позорищное мѣсто“, состоявшее изъ колоннады и аркады, между которыми на пьедесталѣ видна была Россія, возносящая взоръ свой на небо, а подлѣ нея вензелевое имя Екатерины, на которое возлагалась Россійская корона; при этомъ въ свѣтломъ огнѣ явились слова: „Ob immortalia in patriam merita“, то-есть, *за безсмертныя услуги отечеству.*

По одну сторону „позорища“ опустилось въ свѣтломъ облакѣ благополучіе, со словами: „Vicit amor patriæ“, то-есть, *побѣдила любовь къ отечеству.*

Затѣмъ явилась всеобщая радость, съ вѣнцомъ изъ шифтовъ и съ бряцающимъ кимваломъ; вспыхнула блистательная надпись: „Plaudite civēs“, то-есть, *восплицайте, граждане!*

По окончании всѣхъ Московскихъ торжествъ, Государыня отправилась къ Сергію-Троицкѣ, гдѣ была встрѣчена подобающимъ образомъ; на другой день посетила Троицкую семинарію. Воспитанники приветствовали Ее стихами, а наѣстникъ Лавры Платонъ, будущій митрополитъ, — ораторскимъ словомъ.

Несмотря на глубокой внутренней смятеньи и на всю внѣшнюю торже-

Горька

ственность этой коронации, нельзя, однако, не заметить, что она не соединялась съ такимъ всенароднымъ и всеобщимъ подъемомъ духа, какой былъ вызванъ коронаціею Елисаветы Петровны, такъ какъ „приключившіяся и имѣнія послѣдовать Россійскому отечеству отчужденіи“, о которыхъ говорилось въ коронаціонномъ манифестѣ, извѣстныя Петербургу, не успѣли еще глубоко проникнуть въ общественное и всенародное сознание.

Это, повидимому, не укрылось и отъ пронизательнаго взора Самой Государыни. Она всю зиму прожила въ Москвѣ и часто посѣщала народныя гулянья въ селахъ Покровскомъ, Семеновскомъ и Преображенскомъ; ѣздила и на Соколинцѣе поле — въ цыганскіе таборы; наконецъ, Сама на масляницѣ снова устроила народу торжество, никогда не бывавшее, — въ которомъ участвовало до 4000 дѣйствующихъ лицъ и насчитывалось до 250 колесницъ, запряженныхъ волами. Въ каждой колесницѣ сидѣла группа, имѣвшая особое значеніе. Такъ, въ одной изображалось засѣданіе боговъ на Олимпѣ, въ другой — музы, въ третьей — богъ Марсъ съ греческими героями, участвовавшими въ Троянской войнѣ, и т. п. Многія колесницы представляли живую насмѣшку надъ современными нравами: тутъ видѣлись сцены взяточничества въ судахъ, пьянства, обжорства, картежной игры, доводящей до преступленія, и т. п. И это зрѣлище продолжалось цѣлую недѣлю. Маскарадъ собирался каждый день на полѣ, предъ Аннинскимъ дворцомъ, двигался чрезъ всю Нѣмецкую слободу въ Новую Басманную до Бѣлаго города и возвращался по Старой Басманной, чрезъ мосты Вхлавъ, Салтыковъ до зимнихъ горъ, иллюминированныхъ разноцвѣтными фонарями.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

На другой день послѣ переворота 28 іюня 1762 года, вызвавшего всеобщій восторгъ и ликование народа, Петръ былъ арестованъ. Фридрихъ, король Прусскій, говорилъ о своемъ поклонникѣ, что онъ сошелъ съ престола, какъ ребенокъ выходитъ изъ комнаты, когда его посылаютъ спать. 6 іюля 1762 года Петръ заснулъ навсегда.

Императрица была глубоко потрясена смертью мужа. „Je suis affectée, même tressaée par cette mort“, сказала она княгинѣ Дашковой, получивъ печальное извѣстіе изъ Ропши.

Но политическая драма воцаренія Екатерины не окончена; въ ночь съ 4 на 5 іюля 1764 года послѣдовалъ ея трагическій финалъ: смерть другого Императора, Іоанна Антоновича, въ Шлиссельбургской крѣпости. Это событіе представляется по разслѣдованію современника, генерала Веймарна, въ слѣдующемъ видѣ.

Во время поѣздки Екатерины II въ Лифляндію подпоручикъ Смоленскаго полка Василій Мировичъ, знавшій, что Императоръ Іоаннъ Антоновичъ содержится въ Шлиссельбургской крѣпости, задумалъ освободить его. Мировичъ долго обдумывалъ свое рискованное предпріятіе и рѣшилъ дѣйствовать вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, поручикомъ Ушаковымъ. Заговорщики рѣшили привести Іоанна Антоновича въ Петербургъ и вернуть ему снова тронъ, свергнуть Екатерину.

Ночью на 5 іюля Мировичъ собираетъ свою караульную команду и подступаетъ къ каземату, гдѣ жилъ Іоаннъ. Въ это время внутри темницы разыгрывалась страшная сцена борьбы за жизнь полусоннаго, беззащитнаго молодого человѣка съ нѣсколькими вооруженными людьми.

Когда Мировичъ ворвался въ крѣпость, оказалось, что Іоаннъ Антоновичъ уже погибъ. Стража умертвила бывшаго Императора, когда узнала о попыткѣ освободить его. Мировичъ былъ арестованъ, преданъ суду и казненъ. Такимъ образомъ попытка Мировича привелъ его къ печальному концу, вызвать безвременную кончину Іоанна Антоновича.

Только теперь фактически Екатерина становится Самодержавной Императрицей для счастья Россіи.

Вѣдь еще со дня воцаренія Екатерины вся страна словно ожива по мановенію руки гениальной женщины-Царицы. Своимъ первымъ манифестомъ, первыми шагами Екатерина завѣщала потомству твердо помнить и никогда не забывать, что она „вторая послѣ перваго Петра“.

Имя „Екатерина II“ не боится въ исторіи соперниковъ.

Личныя качества Императрицы, блестящія дарованія ея сподвижниковъ, широкой размахъ и твердость ея внѣшней политики, рядъ успѣховъ, одержанныхъ русскимъ оружіемъ на сушѣ и на морѣ—естественно дѣлаютъ ее центромъ вниманія той эпохи.

Время, проведенное у власти этой Великой Государыней (1762—1796), равняется суммѣ царствованій всѣхъ ея предшественниковъ со смерти Петра Великаго.

Какъ глубоко вѣрно было предчувствіе Екатерины II по прибытіи въ Россію, что ей суждено стать Самодержавной Императрицей.

Нѣмка по рожденію, она отрѣзалась отъ своего прошлаго и всецѣло отдалась своей второй родинѣ. Одинъ мелкій эпизодъ, едва уловимый штрихъ, раскрываетъ передъ потомствомъ, насколько Екатерина въ дѣйствительности была русской женщиной.

Императрица однажды почувствовала себя нездоровой; врачъ Роджерсонъ нашелъ необходимымъ пустить ей кровь. Когда на другой день прибылъ изъ Петербурга графъ Безбородко и освидомился о ея здоровьѣ, Екатерина отвѣтила: „Теперь все пойдетъ лучше: послѣднюю нѣмецкую кровь выпустила“.

Исследователя ее блестящего царствования невольно поражает глубокое знание русской жизни и обычаев страны, проявленное бывшею принцессой Ангальт-Цербстской, разносторонность ее удивительного ума и умение сродниться с Россией.

Своим гением, колоссальной трудоспособностью, любовью к России и стремлением к западной культуре она напоминает „в работѣ пребывающаго“ Петра.

Великій Преобразователь былъ для Екатерины II образцомъ, которому она постоянно хотѣла слѣдовать. Глядя на его портретъ, Императрица, по собственному призванію, перѣло думала: „слѣдалъ бы онъ точно также? одобрялъ ли бы мой поступокъ?“

„Петру Первому Екатерина Вторая“ — краткая надпись на памятникѣ Великому Государю, поставленномъ Екатериною. Эти четыре слова въ *одну строку* какъ бы свидѣлствуютъ объ одинаковой высотѣ гения перваго Императора и послѣдней Самодержицы, о глубокой преемственной связи и громадномъ историческомъ значеніи обоихъ царствованій въ жизни молодой, но уже могущественной Россіи.

Избравъ для себя образцомъ Петра I, Государыня работала надъ внутреннимъ переустройствомъ государства по намѣченному имъ плану и черезъ пять лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1767 году, нашла нужнымъ собрать выборовыхъ отъ всѣхъ сословій Русскаго народа, поручить имъ обсудить мѣры, необходимыя для улучшения состоянія общаго, но еще не явившагося устройства государства. Выборнымъ людямъ для руководства Императрица составила знаменитый „Наказъ“, въ которомъ изложила свои личные взгляды на реформы, необходимыя для общаго блага. „Наказъ“ дышалъ мудростью и гуманностью и, по тому времени, казался настолько либеральнымъ, что совѣтники Екатерины II находить необходимымъ вычеркнуть почти половину первоначальнаго его текста.

Въ этой работѣ Императрицѣ пришлось столкнуться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что руководившая занятіями выборовыхъ людей коммисія, съ Бибиковымъ во главѣ, оказалась безсильной выполнить Высочайше возложенную на нее задачу. Чего бы ни коснулася Царница-законодательница, во всемъ встрѣчалась она съ неумѣльностью коммисіи равнять, обсудить и облачить въ исказившую форму ея предположенія.

Человѣколюбивая мысль Екатерины II облегчить и упорядочить бытъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ напугала дворянъ. Скрытно, но рѣшительно они отказались сменить свои отношенія къ крѣпостнымъ, поступиться своими выгодами. Грозно отвѣтить близорукимъ бунтъ Пугачева, доказавъ всю правоту мудрой Императрицы.

Тяжкое это было время для Россіи. Въ 1771 году въ Москву, вслѣдствіе постоянныхъ полонныхъ передвиженій войскъ, занесена была изъ Турціи чума. Вспыхнула страшная эпидемія; умирало до 1000 человекъ въ день.

„Черная немочь“, какъ называли тогда чуму, приняла чрезвычайные размѣры. Всѣ, кто могъ, покидали городъ; множество домовъ стояло съ заколоченными воротами и ставнями, присутственные мѣста были закрыты.

Не прекратилась еще чума, какъ новое несчастье обрушилось на Россію. Началось возмущеніе въ казанской средѣ на рѣкѣ Яикѣ. Предводителемъ бунтовщиковъ явился бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, выдававшій себя за умершаго Императора Петра III. Съ декабря 1772 года весь юго-востокъ Россіи былъ охваченъ витежомъ. Шайки рыскали, ища добычи, истребляя помѣшниковъ, ихъ имущество и государеву казну.

Поднявъ Яицкое казачество, Пугачевъ успѣлъ захватить нѣсколько крѣпостей на Яикѣ (кромѣ Оренбурга и Яицкаго городка) и объединилъ вокругъ себя большое войско — до 25,000 человекъ. Именемъ Петра III онъ побуждалъ къ возстанію башкиръ и киргизовъ, казаковъ съ Дона и Яика. Преступная рать росла съ каждымъ днемъ, и дерзкій самозванецъ, почувствовавъ свою силу, направилъ свои шайки къ Волгѣ.

Возсталие даже не подозревали, до какой степени горячо, искренно и настойчиво желала Великая Самодержица земли Русской духовнаго и материальнаго благоденствія своихъ подданныхъ. И вотъ этотъ лучший другъ своего народа и другъ передовыхъ мыслителей Европы, та, передъ чьимъ свѣтлымъ умомъ превзошелъ тогдашній образованный мiръ, силою обстоятельствъ была поставлена лицомъ къ лицу съ предводителемъ разнузданнаго, полудикаго казачества, озвѣрѣвшаго бродячаго люда. И эта борьба подвиглась именно въ ту минуту, когда Русская армія побѣдоносно была турокъ, гѣснила крымскихъ татаръ, сдерживала ибромонихъ поляковъ!

Екатерина II, запитиона слабыхъ и угнетенныхъ, столкнулась со всѣми ужасами самаго дикаго бунта. Громадный край пылалъ пожаромъ мтежа. Тупость его быть посланъ Императрицею генералъ Александръ Ильичъ Бибиновъ, но новое горе постигаетъ Государыню: во время похода Бибиновъ умираетъ. Мтежники торжествуютъ, снова дерзко набрасываются на Казань и, несмотря на энергичную оборону города, берутъ его. Пугачевъ переходитъ Волгу и уже угрожаетъ Москвѣ.

Но со всѣми этими невзгодами и затрудненіями Екатерина II сумѣла справиться. Самозванецъ былъ выданъ своими сообщниками Суворову, отвезенъ въ Москву и 10 января 1775 года казненъ.

Съ трудомъ могли уговорить Императрицу подписать смертный приговоръ Пугачеву. Близжайшіе сотрудники его были переловлены или сами сдались въ руки правительству.

Весь свой умъ, всю доброту своей души Государыня употребляла на то, чтобы мѣрами кротости заглѣнуть ужасныя раны, нанесенныя отечеству пугачевщиной. „Для Бога“, писала она въ Москву главнокомандующему князю Волконскому, „удержитесь отъ всякаго рода пристрастныхъ допросовъ, всегда затемняющихъ истину...“ „Они не преступники, а стадо заблудшихъ овецъ“.

Возстание, поднятое Пугачевымъ, постепенно затихало, и съ нимъ сгѣло свою послѣднюю гѣсню вольное казачество, превратившееся въ послушную правительству пограничную милицію.

Реформы ея коснулись всѣхъ сторонъ административныхъ и сословныхъ установленийъ государства. Такъ, въ 1775 году вся Россія, отъ Балтійскаго моря вплоть до Уральскаго хребта, въ административномъ отношеніи была раздѣлена на 52 губерніи, составленныя изъ уѣздовъ. Въ каждой губерніи отдѣльныя отрасли управленія имѣли свои особыя учрежденія, издавшія относившіяся къ нимъ дѣла — финансовыя, судебныя, административныя. Свой проектъ управленія губерніей Екатерина II излагала особенно удивнымъ, и въ сравненіи съ нимъ „Наказъ“, по ея мнѣнію, могъ казаться лишь легкой работой. „Учрежденіемъ о губерніяхъ“ Императрица докончила дѣло Петра I о централизациі областного управленія.

Вслѣдъ за губернской реформой, черезъ три года, издано было „городовое положеніе“, завершившее устройство такъ называемаго „городскаго общества“ изъ податныхъ обывателей: купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ. Въ томъ же году дарована жалованная грамота дворянству, опредѣлявшая права и привилегіи первенствующаго сословія, этой главной опоры престола. Этими актами помѣшники объединились въ дворянскія общества, во главѣ съ губернскими и уѣздными предводителями.

Заботясь о высшихъ классахъ общества, Государыня не забывала и крестьянъ. Глубоко убѣжденная въ необходимости отмены крѣпостнаго права, въ силу котораго жизнь и имущество многомилліоннаго крестьянства всецѣло зависѣли отъ воли помѣшकों, нерѣдко злоупотреблявшихъ своею властью, Екатерина мечтала о полномъ уничтоженіи этой темной стороны русской жизни. Но событія, разыгравшіяся въ это время во Франціи — французская революція — несомнѣнно произвели на Императрицу тяжелое впечатлѣніе и заставили ее не только усомниться въ своевременности этой коренной реформы, но и отказаться отъ немедленнаго ея осуществленія.

Императрица была потрясена, узнавъ объ арестѣ Людовика XVI и заключеніи королевскаго семейства въ Тампль, извѣстіе же о процессѣ короля и его казни сильно отозвалось на ея здоровьѣ.

Опасаясь подобнаго же потрясенія для Россіи, Государыня принесла взлѣбланную ею идею раскрѣпощенія народа въ жертву высшимъ интересамъ цѣлости и спокойствія государства.

Однимъ изъ неотложныхъ вопросовъ того времени являлась необходимость закрѣпить охрану. Проникнутая мыслью, что онѣ должны вполнѣ и какъ можно скорѣе слиться съ внутренними частями государства, Екатерина, не колеблясь, отказалась сдѣлать малороссійское гетманство наследственнымъ въ родѣ своего стараго, лучшаго друга, графа Кирилла Разумовскаго. Она приняла его отставку и совершенно уничтожила гетманство въ 1764 году. А въ 1775 году свѣтлѣйшему князю Потеману, талантливому исполнителю ея мудрыхъ распоряженій, было приказано увѣчтожить потерянную смысль существованія сторожевую охрану нашей южной саванны — буйное запорожское казачество.

Все 34-лѣтнее царствованіе Екатерины II свидѣтельствуетъ, что она съ твердостью и неуклонно шла къ намѣченной ею цѣли созданія отечественной славы и „учрежденія добраго порядка и утвержденію правосудія“ въ Россіи. Изъ всѣхъ преемниковъ Петра I она одна не только царствовала, но и управляла обширнымъ государствомъ. Почти всѣ правительственныя распоряженія и реформы эпохи Екатерины II носятъ на себѣ печать ея государственнаго гени и колоссальнаго труда.

Московское царство, принятое первымъ Императоромъ, и та Россія которую оставила послѣ себя послѣдняя Самодержавная Императрица, величины почти несомнѣримыя.

Вѣдшая политика мудрой Императрицы съ первыхъ шаговъ ея царствованія ознаменовывается разрывомъ съ королемъ Фридрихомъ II Пруссіямъ, благодаря которому Россія при Петрѣ II чуть не была втянута въ совершенно неужную войну съ Даніей.

Вскорѣ событія въ Польшѣ вызвали вмѣшательство Екатерины въ дѣла исконнаго врага Россіи. Въ 1763 году умираетъ польскій король Августъ III, престолъ котораго, по желанію Русской Императрицы, занимаетъ Станиславъ Августъ Понятовскій. 7 сентября слѣдующаго года состоялось его избраніе въ король. По этому поводу Екатерина писала Панину: „Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали“. Еще со времени Петра Великаго въ Польшѣ утвердилось политическое вліяніе Московскаго Царства, теперь же оно не могло не усилиться, такъ какъ „Россія выбрала Понятовскаго въ кандидаты на польскій престолъ только потому, что изъ всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе правъ, а слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи“.

Вслѣдъ за избраніемъ Понятовскаго началось дѣло о польскихъ „диссидентахъ“, т. е. о лицахъ, не принадлежащихъ въ королевствѣ къ господствующей церкви, — православныхъ и протестантовъ.

Диссиденты всегда пользовались самымъ энергичнымъ заступничествомъ Россіи. Усерднымъ дѣятелемъ въ этомъ вопросѣ и иниціаторомъ его былъ бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій, по жалобѣ котораго Екатерина рѣшила поднять свой голосъ въ защиту православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ. Россія вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ потребовала отъ польскаго правительства уравниенія правъ диссидентовъ съ католиками.

Въ Польшѣ началась смута, воспользовавшись которой Екатерина двинула туда свою армію, но отряды конфедератовъ уклонялись отъ рѣшительныхъ сраженій съ русскими войсками. Борьба съ поляками затонула, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ Россіи Франціи и Австріи, что дало поводъ послѣдней и Пруссіи также ввести свои войска въ Польшу. Но все же наконецъ Суворовъ нанесъ конфедератамъ рядъ пораженій, занялъ Краковъ, и смута въ Польшѣ была ликвидирована. Въ то же время, стараніями Фридриха II, между дворами Русскимъ, Пруссіемъ и Австріемъ состоялось соглашеніе, повлекшее за собою первый раздѣлъ Польши 1773 года. Россія получила сѣверную и восточную Бѣлоруссію.

Тогда Франція, съ цѣлью отвлечь Екатерину отъ Польши, рѣшилась воздѣйствовать на Порту, съ которою Россія давно вела упорную борьбу изъ-за Крыма и Чернаго моря, результатомъ чего и явилась первая въ это царствованіе турецкая война (1768—1774).

Турки рассчитывали на успѣхъ, такъ какъ русскія войска еще нахлѣдѣлись въ Польшѣ. И дѣйствительно, война застала Екатерину врасплохъ, но мужество и энергія никогда не покидали Императрицу въ тяжелыя минуты опасности, и она дѣлательно стала готовиться къ борьбѣ, надѣясь выйти изъ нея побѣдительницей.

Получивъ извѣщеніе о разрывѣ съ Турціей, Императрица пишетъ: „Если бѣ я турокъ боялась, мой выборъ палъ бы неизмѣнно на покрытаго лаврами фельдмаршала Салтыкова... На начинающаго Бога! Богъ же видитъ, что я не начала. Не первый разъ Россіи побѣждать враговъ!“

Императрица не могла выставить противъ врага большого войска, но поставленный во главѣ его Руминцевъ и съ малыми силами одолѣлъ многочисленнаго непріятеля. Наступилъ блестящій періодъ этой войны—1770 годъ, когда Руминцевъ одержалъ надъ турками двѣ рѣшительныя побѣды: первую у

Успѣхи русскаго оружія на сушѣ и на водѣ обезпечили миръ (Кучукъ-Кайнарджійскій 1774 года), по которому Россія, наконецъ, укрѣпилась на всемъ сѣверномъ побережьи Чернаго моря отъ Буга до Кубани. Кромѣ того Порта обязывалась выплатить Россіи 4½ миліона контрибуціи (военныхъ издержекъ), отказывалась отъ своихъ верховныхъ правъ надъ крымскими татарами и, что всего важнѣе, предоставила Россіи право покровительства православныхъ подданныхъ Турціи. Такъ высоко подняли русскіе побѣдоносные полки православный крестъ надъ бурными волнами Чернаго моря.

Крымское ханство, признанное по Кучукъ-Кайнарджійскому договору независимымъ отъ Турціи, не въ силахъ было сохранить ни свою самостоятельность, ни внутреннее спокойствіе между двумя противоположными и враждебными другъ другу вліяніями, Россіи и Турціи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ русская власть вмѣшалась въ мѣстные распри. Династія Гиреевъ, издавна владѣвшая Крымомъ, сама себя ослабляла междоусобіями и не могла поддерживать порядокъ въ своей странѣ. По просьбѣ Гиреевъ, русскія войска вступили въ Крымъ, а затѣмъ хану предложено было отказаться отъ власти. Шагинъ-Гирей вынужденъ былъ согласиться, и 8 апрѣля 1783 года Высочайшей манифестъ извѣститъ Россію, что для спокойствія страны, дсрожа миромъ съ Турціей и желая положить конецъ вѣчнымъ волненіямъ татаръ на южной границѣ, Императрица присоединяетъ навсегда къ своей Державѣ Крымъ, Тамань и кубанскія земли.

Свѣтлая торжества добра и мира на чарующихъ берегахъ южнаго Крыма вызвали злобную зависть западныхъ дворовъ. Европа не дремала. Страхъ, что балканскіе славяне, ободренные успѣхами русскихъ на Черномъ морѣ, зашевелится, что надъ поддержать греки и тогда Турціи наступитъ конецъ, изволновала англичанъ, французовъ и пруссаковъ. Имъ удалось наконецъ поднять Порту войной противъ Россіи (1787). Последняя не могла отказаться отъ кровью завоеваннаго края, и Екатерина приняла вызовъ. Война была лишь вопросомъ времени, и Россія, занятая приготовленіемъ къ ней, желала лишь отсрочить начало военныхъ дѣйствій.

Первые мѣсяцы войны для Потемкина были несчастливы: новый русскій флотъ былъ разбитъ бурей на Черномъ морѣ.

Война сосредоточилась около Кинбурна и Очакова, пока послѣдніе не были взяты войсками Свѣтлѣйшаго послѣ кровопролитнаго штурма.

Турки, ободренные уничтоженіемъ русскихъ морскихъ силъ, стали энергично и искусно готовиться къ осадѣ крѣпости Кинбурна, которая могла заградить турецкому флоту входъ въ устье Днѣпра.

Въ этотъ критическій для Потемкина моментъ прибылъ въ Херсонъ Суворовъ и, принявъ начальство надъ войсками, сталъ выжидать непріятельскихъ атакъ.

Вскорѣ началось наступленіе турокъ на Кинбурнъ. Бой происходилъ около стѣнъ крѣпости. Суворовъ выказалъ необычайную храбрость и, дважды раненый, продолжалъ воодушевлять и руководить войсками. Солдаты дрались подъ его начальствомъ какъ львы и совершали чудеса храбрости. Съ громаднымъ урономъ для турокъ нападеніе на Кинбурнъ было отбито.

Личное участіе Потемкина ограничилось взятіемъ Очакова, послѣ трудной и дорого стоившей осады зимою 1788 года. Слава же этой войны принадлежитъ Суворову; Фокшаны, Рымнись, Измаиль — вотъ блестящія побѣды гениальнаго полководца. У Фокшанъ послѣдовалъ окончательный разгромъ непріятеля. Османы бѣжали въ безпорядкѣ, бросая укрѣпленія, обозы, раневыхъ.

Послѣ этой побѣды военныя дѣйствія начали стихать, а въ 1791 году въ Яссахъ были подписаны миръ съ турками. Черное море, Крымъ и весь берегъ до Днѣстра сдѣлались навсегда собственностью Россіи, благодаря неустранимой храбрости русскихъ героевъ — чудо-богатырей, и гению Великой Императрицы, умѣла выбравшей себѣ способныхъ помощниковъ.

Одновременно съ этой турецкой войною Россіи пришлось вести борьбу, какъ было сказано выше, на сѣверо-западѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III, желавшимъ вернуть Финляндію.

Въ послѣдній годъ Екатерининскаго царствованія Россіи пришлось еще воевать съ персидскимъ шахомъ. Нельзя было не защитить православную Грузію отъ нападений хана Астерабадскаго. Валерьянъ Зубовъ углѣжно началъ военныя дѣйствія на западномъ берегу Каспійскаго моря, но смерть Императрицы положила конецъ войнѣ.

5 ноября 1796 года угасла Великая Императрица; не стало той, которая всю жизнь преслѣдовала одну цѣль — благо русскаго народа, его пользу, дѣйствительную, практическую.

The Reign of Empress Catherine the Great

The ascension of Catherine to the Russian throne took place under extraordinary circumstances, strikingly differing from all accepted practices. Her coronation manifesto however, expressed with clarity and historical accuracy the causes and circumstances which made her ascension imperative. The manifesto summarized the dangers which faced the fatherland, the persecutions of the Holy Faith and of all things Russian which were taking place, and the genuine desire of the people for deliverance from these dangers. Catherine firmly believed that if she failed to carry out this task, she would be accountable before the judgment seat of God. It is remarkable that she thus assumed the Autocratic throne without any bloodshed.

The addresses which Archbishop Dmitry (Sechenov) of Novgorod delivered during the coronation, recalled the words of Amvrosy Ushkevich during the coronation of Elizabeth Petrovna when she ascended the throne under similar circumstances, and for like reasons. The Archbishop pointed out that Catherine, like Elizabeth before her, had been forced to assume the throne as a result of foreign domination of the government and the danger facing Orthodoxy and the whole culture and safety of Russia. His sentiments were reflected on the coronation medallions which were issued for dignitaries. On one side, the medallions were cast with a likeness of the Sovereign robed in the Imperial Purple with an inscription giving her title. On the reverse side were several inscriptions, the most profound of which was: "Orthodoxy and the Russian Fatherland, saved by her heroic spirit from the disaster which threatened them" and the date of her coronation, 22nd September, 1762.

On 9th September, the Empress arrived at the village of Count Razumovsky where she received emissaries. On the third day of these receptions, the Ataman and Elders of the Zaparoski Cossacks came forward. The Ataman greeted her Imperial Majesty with these words: "May the king of Ages maintain the House of the Russian David-Peter the Great, unwavering and uninterrupted on earth as long as the sun and moon abide."

Four triumphal gates were erected for Catherine's entry into the Capital, and a new bell was especially cast and hung in the Ivan the Great tower for the entry. The triumphant entry itself took place on 13th September. Catherine arrived in a gilded carriage lined with velvet, with crown on top and decorated with mythological depictions. The carriage was drawn by eight Neopolitan horses.

At the first gate, on the Iver road, she was greeted with trumpeters, kettle drummers and other musicians. At the fourth gate, in the Kremlin, Metropolitan Timothy of Moscow greeted the Sovereign with an address in which he praised her as "the deliverer" while a choir sang. More than fifty groups joined the joyous procession into the Dormition Cathedral.

A new crown had been made by the jeweller Posier. It consisted of two hemispheres decorated with seventy-five large pearls, five thousand and twelve precious stones, and two and one half thousand magnificent diamonds. The cross on top was fixed on a most precious ruby. The Imperial Purple was of gold brocade, embroidered with small double-headed eagles.

The Empress's attire was of brilliant silver brocade embroidered with eagles and gold braid. Five rows of Belgian lace were sewn on the sleeves. During the ceremony, the train was carried by eight gentlemen-in-waiting and a supervisor.

During the people's feast, the tables were covered with mountains of pirogs and whole mounds of fried fowl. Nearby were large fountains of red and white wine. Beautiful kiosks were erected at the nearest entrances to the Kremlin. These were decorated with colourful flags and free foods were found in them: heaps of golden treacle cakes and poppy seed rolls. The Sovereign visited the people's feast with her whole suite.

The festivities were climaxed by the usual magnificent display of fireworks, depicting idealized scenes of Russia and of the coronation.

Upon completion of the festivities, the Sovereign set out for the Sergius-Trinity Monastery. On the following day, she visited Holy Trinity Monastery.

There was, however, not the same unity of joy and enthusiasm amongst the people as there had been at the coronation of Elizabeth Petrovna, because the events behind Catherine's unusual ascension were not as well understood throughout Russia as they were in Petersburg. This fact was not hidden from the Sovereign herself. She lived the whole winter in Moscow and often visited the people's feasts in the village of Pokrovsky, Semyenov, and Preobrazhensky, and she would visit the gypsy camps on the Sokolnichye Meadow. Finally, she had a carnival organized for the people during "Butter Week," something which had never been done before. Four thousand entertainers participated. Two hundred and fifty carts, pulled by oxen, drove through the city bearing groups depicting moral teachings and ancient legends. These festivities lasted a full week.

On June 27, 1762 Catherine was proclaimed Empress and on the following day Peter the Third was arrested. News of the coup were greeted with wild rejoicing throughout Russia.

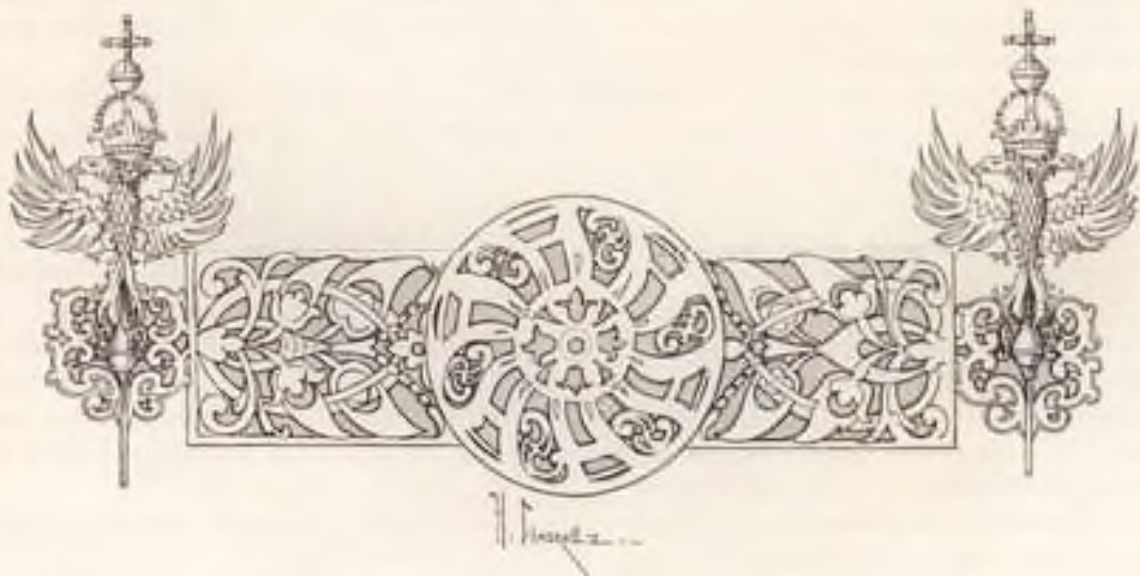
Catherine occupied the throne for the long period of thirty-four years—1762-1796. This period equals the total sum of years spent on the Russian throne of all her predecessors since the death of Peter the Great.

Regarding Peter the Great as her ideal, the Empress worked at the internal reorganization of the State in accordance with Peter's plans. Within five years of her ascension to the throne of the Romanoffs, in 1767, Catherine summoned an elected Assembly, representative of all classes of the people, for the purpose of proposing measures to increase the nation's welfare.

The nobility was frightened by Catherine's plans to better the conditions of the serfs. Their opposition to reform led to Pugachev's rebellion. These were difficult times for Russia. In 1771 the "Black Plague" hit Russia from Turkey so that at the height of the epidemic a thousand persons died each day.

In foreign policy, Catherine sharply altered the course taken by Peter the Third. She broke with King Frederick II of Prussia and succeeds in having Stanislaus August Poniatovsky elected to the Polish throne. Catherine's first war with Turkey (1768-1774) was of incalculable value to Russia, securing for her the northern shoreline of the Black Sea. Europe became concerned at Russia's growing power and her influence on all the Slav nations under Turkey's sovereignty. England, France and Prussia actively aided Turkey and urged her into war against Russia. The second war with Turkey began in 1787. In 1791 Russia won the war and secured for herself for all time the Black Sea, the Crimea and the entire coastline up to the mouth of the Dniester River.

Catherine the Great died on November 5, 1796.

Павел I.

ПАВЕЛЪ I
Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.
1796 — 1801.

EMPEROR PAUL I — 1796-1801

о кончинѣ Императрицы Екатерины II, 6 Ноября 1796 года, на престоль вступилъ сынъ Ея **Павель Петровичъ.**

Первою мыслью новаго Государя было по-

ложить конецъ политическимъ переворотамъ, которые такъ жестоко колебали государство въ теченіи почти цѣлаго вѣка и совершались почти всегда подъ прямымъ воздѣйствіемъ иноземныхъ рукъ. Онъ рѣшилъ установить

твердыя и непреложныя основы престолонаслѣдія. Порядокъ этотъ Павель I закрѣпилъ государственнымъ актомъ.

Мысль эта внутренно была связана и съ коронаціоннымъ торжествомъ Императора Павла Петровича.

Онъ желалъ придать Своей коронаціи возможно болѣе свѣтлый и величественный характеръ и потому назначилъ быть ей 5 Апрѣля 1797 года, въ первый день Пасхи. Наканунѣ, въ великую субботу, Императоръ Самъ осмогрѣлъ въ Успенскомъ соборѣ всѣ коронаціонныя приготовления и остался ими такъ доволенъ, что въ день коронаціи прислалъ орденъ Анны I-й степени протопресвитеру Успенскаго собора, распорядившемуся коронаціоннымъ благоустройствомъ собора.

Къ этой коронаціи вновь приготовлены были всѣ Императорскія регалии.

Корона Императрицы Екатерины II была переделана, сообразно головѣ новаго Императора; жемчуга въ ней замѣнены были болѣе крупными.

Сдѣланъ былъ и новый скипетръ въ видѣ золотого жезла, главнѣйшую цѣнность котораго представляетъ знаменитый Орловскій брилліантъ, имѣющій вѣсу почти 200 каратъ и оцѣниваемый нынѣ въ два съ половиною милліона рублей.

Наконецъ, вековъ приготовлена была и драгоценная держава, сдѣланная изъ золота, а обручи ея изъ брилліантовыхъ листьевъ; завершается она крупнѣйшимъ синимъ яхонтомъ — сапфиромъ, на коемъ утвержденъ брилліантовый крестъ.

Всѣ эти регалии употреблялись затѣмъ и при коронаціяхъ послѣдующихъ Императоровъ.

Самый чинъ коронаванія связанъ былъ съ такими дѣйствіями, кои должны были служить къ священному закрѣпленію на всѣ грядущія времена указанной заветной мысли Государя.

По прочтеніи Евангелія, митрополиты, кромѣ порфиры, поднесли Ему особое царское одѣяніе, названное тогда „*далматникомъ*“. Это не было собственно нововведеніемъ, но лишь возстановленіемъ древне-русскаго обычая, заимствованнаго изъ греческаго ритуала. Одѣяніе это было то царское облаченіе, которое надѣвалось, какъ мы видѣли, на древне-русскихъ царей, поверхъ ихъ кафтановъ, и въ которомъ вѣнчался на царство и Петръ Великій. Императоръ Павелъ Петровичъ возстановилъ его потому, что „*далматникъ*“, въ родѣ саккоса, былъ одѣяніемъ, котораго уже никакъ не могли возлагать на себя особы другого пола. Вводя это одѣяніе въ чинъ Императорскаго коронаванія, Онъ какъ бы желалъ установить церковное правило, въ силу коего могутъ быть вѣнчаемы на царство лишь Самодержцы, а не Самодержицы.

Впервые происходила теперь коронація Государя одновременно съ Государынею. Выше мы видѣли, что Петръ Великій, при коронаваніи Своей супруги, возлагая на Нее вѣнецъ и „*коронавательную епанчу*“, продолжалъ держать въ Своей рукѣ скипетръ въ знакъ того, что Онъ дѣлаетъ Ее лишь участницею царскаго достоинства, Верховная же власть, правящая хоругвию царствія, принадлежитъ Ему одному исключительно. Ту же самую мысль желалъ утвердить

въ церковномъ чинѣ коронованія Государыни и Императоръ Павелъ Петровичъ. Но отнынѣ эта мысль стала выражаться въ особомъ дѣйстви, прямо заимствованномъ изъ греческаго ритуала коронованія византійскими императорами своихъ супругъ. По описанію Кодина, тамъ происходило это дѣло такъ: „императоръ-мужъ, взявъ отъ руки патріарха ранѣе благословленную имъ корону, возлагаетъ ее на главу своей супруги, но не такую, какова корона императорская, но меньшую видомъ и размѣромъ; принявъ ее отъ руки мужа, императрица преклоняется прель нимъ, въ знакъ почитанія, признавая себя его подданною“. Подобнымъ же образомъ Государь Павелъ Петровичъ короновалъ и Свою супругу. Она стала предъ Нимъ на колѣни, а Онъ, снявъ съ Себя корону, подержалъ ее нѣсколько минутъ надъ Ея головой и затѣмъ возложилъ на Нее малую Императорскую корону.

По совершеніи церковнаго чина, нововѣнчанный Императоръ, стоя за тронѣ, громко прочелъ составленный Имъ законъ о порядкѣ престолонаслѣдія, ставшій отнынѣ основнымъ государственнымъ русскимъ закономъ; мало того, сойдя съ трона, Онъ вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ на жертвенникъ Успенскаго собора, въ особый, устроенный для того, серебряный ковчегъ. Въ тотъ же день было обнародовано „Учрежденіе объ Императорской фамиліи“.

Въ соборъ были допущены только особы первыхъ двухъ классовъ, а потому, желая болѣе всенародно заявить, что „далматикъ“ есть существенная и необходимая принадлежность нововѣнчаннаго царя, Павелъ I явился, одѣтый въ корону и „далматикъ“, предъ войскомъ, въ день Преображенія, а присутствовавшій при этомъ митрополитъ Платонъ, также въ саккосѣ, стоя на особомъ помостѣ, крошилъ святою водою Государя, знамя и проходившія предъ нимъ войска. Съ торжествомъ этимъ, очевидно, связывалась та же самая мысль, которая выражалась въ актѣ о престолонаслѣдіи, ибо, какъ мы выше сказали, далматикъ такое царское одѣніе, которое не принято носить особамъ женскаго пола.

Изъ другихъ фактовъ, относящихся къ этой коронаціи, отмѣтимъ слѣдующіе:

Павелъ Петровичъ, по пріѣздѣ въ Москву, первый изъ государей остановился въ Петровскомъ дворцѣ, въ которомъ останавли-

влись потомъ всѣ Его преемники передъ торжественнымъ въѣздомъ въ столицу.

По окончаніи коронаціи, Онъ, по установившемуся обычаю, посетилъ Троицкую лавру. Митрополитъ Платонъ встрѣтилъ своего коронованнаго ученика въ ризѣ самого преводобнаго Сергія и съ его посохомъ въ рукахъ. Растроганный Императоръ облобызалъ ветхую одежду преподобнаго Сергія и выразилъ признательность за такое вниманіе къ Нему митрополита; осмотрѣлъ всѣ церкви въ лаврѣ, ризницу и семинарію и затѣмъ къ Визаніи посетилъ кельи Своего бывшаго наставника, гдѣ, вмѣстѣ съ Государынею, принять предложенный Ему обѣдъ, во время коего семинаристы говорили стихи, рѣчи и вели сочиненные „разговоры изъ географіи, исторіи и философій“.

Кромѣ множества всевозможныхъ пожалованій, коронація эта ознаменована была благодѣтельнымъ распоряженіемъ, ограничивавшимъ власть помѣщиковъ надъ крестьянами: узаконилось крестьянамъ работать на помѣщика только три дня въ недѣлю; въ особенности же запрещалось помѣщикамъ заставлять крестьянъ работать въ воскресные и праздничные дни.

По окончаніи всѣхъ коронаціонныхъ торжествъ, Императоръ обѣдалъ присоединенныя отъ Польши провинціи и возвратился въ Гатчину 29 Мая 1797 года.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

„Я желаю лучше быть непозволеннымъ за право
дѣлать, чѣмъ любить за дѣло исправленія.“

Слова Императора Павла I.

„Sans la mort du Tsar l'Angleterre était perdue!“
Napoléon.

ПРЕИСПОЛНЕННЫЙ самой горчей и искренней готовностью неустанно работать на благо подданныхъ, съ непреклоннымъ желаніемъ водворить вездѣ торжество правды и законности, вступалъ Павелъ Петровичъ на Императорскій престолъ для служенія Великой Россіи.

Сознавая могущество своей родины, онъ чужды былъ честолюбивыхъ помысловъ о славіи завоевателя. Его умъ, его мудрая политика всецѣло были направлены на достиженіе полнаго внутреннего благоустройства. Чутко прислушивался новый Государь къ голосу народныхъ нуждъ и, трудясь самъ всю жизнь, требовалъ того же отъ своихъ подданныхъ.

Приходится лишь глубоко сожалѣть, что всѣ лучшіе порывы, всѣ благія начинанія Царя разбивались о каменную стѣну равнодушія и даже нѣкаго недоброжелательства его ближайшихъ сотрудниковъ, наружно преданныхъ и работавшихъ передъ нимъ. Да, Императоръ былъ почти одинъ. Какъ мало было около него талантливыхъ помощниковъ, чуждыхъ корыстныхъ помысловъ, какъ рѣдко Павелъ находилъ разумныхъ, искреннихъ исполнителей своей воли.

Часть его распоряженій и желаній перетолковывались совершенно невозможнымъ и предательскимъ образомъ. Павелъ требовалъ дисциплины, во всемъ порядка и потому выразилъ желаніе, чтобы въ обществѣ были положены наконцы предѣлы чрезвычайной роскоши въ одеждѣ. Тотчасъ же петербургскій военный губернаторъ Архаровъ принимаетъ болѣе радикальныя мѣры, чѣмъ въ свое время Петръ Великій, по приказу котораго обрѣзались бороды и длинноволосые кафтаны обывателей.

По словамъ очевидца, на другой же день послѣ восшествія на престолъ Павла Петровича „человѣкъ двѣсти солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на три или четыре партіи, бѣгали по улицамъ и, въ исполненіе повелѣнія, срывали съ проходившихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у франковъ обрѣзали отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи“.

Павелъ, узнавъ объ этомъ дикомъ извращеніи его воли, конечно страшно возмущался.

Дальнѣйшее усердіе не по разуму губернатора превысило, наконецъ, границы всего возможнаго. Онъ, отдавъ приказаніе жителямъ Петербурга перекрасить всѣ дома и заборы въ „цвѣтъ шлагбаумовъ“ (черными и бѣлыми прямоугольниками), который такъ нравился Императору. Павелъ вышелъ изъ себя, увидѣвъ пестрые ленты по обѣимъ сторонамъ улицы. „Развѣ я дуракъ, чтобы отдавать подобныя приказанія?“ вскричалъ онъ и отрѣшилъ отъ должности Архарова. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ неслись крики негодованія, тѣмъ болѣе, что исполненіе этихъ распоряженій было связано съ большими расходами для обывателей. Росло скрытое недовольство противъ Государя, который въ данномъ случаѣ былъ совершенно не виноватъ.

И подобныхъ фактовъ вышло довольно много. Объ одномъ изъ нихъ рассказываетъ Гречъ. Однажды Императоръ, стоя у окна, увидѣлъ идущаго мимо Зимняго дворца пьянаго мужика и сказалъ безъ всякаго умысла и приказанія: „Вотъ идетъ мимо царскаго дома и шапка не ломается!“ Незадолго до кончины Павелъ, находясь уже въ Михайловскомъ дворцѣ, замѣтилъ, что толпа на морозѣ стоитъ безъ шапокъ. Императоръ освѣдомился о причинѣ. „По

Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества*,—быть отвѣтъ. „Никогда я этого не приказывалъ!“ вскричалъ Государь съ гнѣвомъ и приказалъ отмѣнить нелицемерное распоряженіе полиціи. Генераль Котлубинскій рассказываетъ также о негодованіи Павла, когда онъ узналъ о странномъ приказѣ полиціи переменить русскую упряжь на нѣмецкую, на основаніи якобы личнаго желанія Государя.

Приходится невольна предполагать, что подобныя распоряженія нѣкоторыми вліятельными лицами были сдѣланы не безъ умысла. Имъ нужно было возстановить всѣхъ противъ Павла I, дабы безпрепятственно осуществить впоследствии жестокое убійство Монарха. Можно себѣ представить, какое терпѣніе и какіе нервы надо было имѣть, чтобы переносить всѣ пытки, причиненныя Павлу Петровичу его „помощниками“. Неудивительно, что и безъ того нервный Государь сталъ проявлять все большія и большія рѣзкости характера. Понятно также, что онъ поступалъ иногда довольно круто съ виновниками, извращавшими его волю. „Вы знаете, какое у меня сердце, но не знаете, что это за люди. Я же знаю, какъ ими управлять нужно“, говорилъ Павелъ еще до вступленія на престолъ.

Вѣроломство окружающихъ возбуждало въ Императорѣ подозрительность, которую онъ всегда старался побороть. Едва ли при такихъ условіяхъ можно было бы говорить о суровомъ отношеніи Государя къ людямъ, умышленно или не умышленно извращавшимъ его распоряженія и подрывавшимъ престижъ Монарха въ глазахъ всей Россіи.

Въ самой средѣ, окружавшей Императора, царило голное паденіе нравовъ.

Въ своемъ стремленіи быть полезнымъ Россіи Государь не останавливался ни передъ чѣмъ и многое успѣлъ сдѣлать въ свое кратковременное четырехлѣтнее царствованіе.

Особенно благотворна была дѣятельность Императора въ первый годъ послѣ восшествія на престолъ. Отзывы современниковъ, относящіеся къ этому времени, полны похвалъ Павлу I. Стедингъ, въ своихъ депешахъ къ шведскому королю, перечисляетъ личныя достоинства Павла Петровича: его справедливость и искренности добрыя намѣренія, его поразительное трудолюбіе, поощрявшее подданныхъ къ работѣ, простоту и достоинство въ обращеніи съ другими. Все это несомнѣнно говоритъ въ пользу Государя.

Павель Петровичъ съ первыхъ же шаговъ своего царствованія озабочился возстановленіемъ дисциплины. Гатчинскія войска перешли въ Петербургъ и все здѣсь стало на военную ногу. Царь самъ винчалъ во всѣ мелочи военного дѣла, стремился достигнуть, въ концѣ концовъ, съ своими солдатами совершенства прусской арміи.

Императоръ подавалъ примѣръ поразительнаго трудолюбія.

„Миръ,—говоритъ современникъ,—живетъ примѣромъ Царя... Онъ самъ за работой съ ранней зари, съ пяти часовъ утра! Генераль-прокуроръ каждый день отправляется съ докладомъ во дворецъ въ 5½ часовъ утра. Приходя къ графу Н. И. Салтыкову, президенту военной коллегіи, въ исходѣ 6 часа утра, не одинъ разъ находилъ и его то въ томъ, то въ другомъ комитетѣ подъ предѣлательствомъ Наслѣдника. Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ горѣли свѣчи съ пяти часовъ утра... Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли въ креслахъ“.

Желая повсюду возстановить правду и справедливость, Павелъ придумалъ средство, благодаря которому всякій имѣлъ гарантію личной и имущественной неприкосновенности, чѣмъ была достигнута цѣль — „открыть всѣ пути и способы, чтобы глазъ слабаго и угнетеннаго былъ услышанъ“.

Императоръ приказалъ поставить у дворца ищникъ, въ который всякій могъ опускать просьбы или жалобы. Павелъ самъ разсматривалъ ихъ. „Этимъ путемъ,— по словамъ Саблукова,— были обнаружены волюющія несправедливости, и въ такихъ случаяхъ Императоръ былъ непреклоненъ: никакія личныя или сословныя соображенія не могли избавить виновнаго отъ наказанія“.

Въ стремленіи быть добрымъ одинаково для всѣхъ подданныхъ, а не только для господствующаго сословія, Императоръ улучшилъ положеніе нижнихъ чиновъ арміи и особенно крестьянства, какъ сословія, которое, по словамъ Павла, „содержитъ собою всѣ прочія части своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія“... Законъ о трехдневной барщинѣ, столь облегчавшій крестьянамъ тяжесть подневольнаго труда, является лучшимъ памятникомъ отеческой заботливости Царя о благѣ простаго народа. Затѣмъ была отменена хлѣбная подать, столь тягостная и разорительная для крестьянъ вслѣдствіе злоупотребленій администраціи. „Людямъ, ищущимъ вольности“ предоставляемо было право апеллировать на рѣшенія судебныхъ мѣстъ; 10 ноября была отменена чрезвычайный рекрутскіе наборы, объявленный передъ кончиной Екатерины II.

Насколько милостивъ былъ Императоръ къ крестьянамъ, настолько строгъ къ привилегированному сословію. „Краткое царствованіе Павла I, — говоритъ современникъ Де-Сангаенъ въ своихъ запискахъ, — замѣчательное тѣмъ, что онъ сорвалъ маску со всего прежняго фантазмагорическаго міра, пронавелъ на свѣтъ новыя идеи и новыя представленія. Съ величайшими познаніями, строгою справедливостію Павелъ былъ рыцаремъ времени протекшихъ... *Онъ научилъ насъ и народъ, что различіе сословія — ничтожно*“.

Въ дѣлѣ законодательства замѣчательенъ весьма важный указъ Павла Петровича о систематизаціи законовъ, вызванный самой жизнью и стремленіемъ положить конецъ неправосудію и взяточничеству, которыя при хаотическомъ состояніи судовъ того времени приняли угрожающіе размѣры.

Павелъ оказалъ неоцѣнимыя услуги государству также возстановленіемъ русскихъ финансовъ, находившихся до него въ весьма плачевномъ состояніи. И все это было достигнуто не тяжкими обложеніями народа, не повышеніемъ налоговъ, а лишь разумной бережливой тратой государственныхъ суммъ и сокращеніемъ расходовъ. Личный примѣръ показалъ самъ Павелъ I, который за всю свою жизнь не позволилъ себѣ ничего лишняго, довольствуясь самымъ необходимымъ. Для уплаты внутреннихъ долговъ, масса придворныхъ сервисовъ была переплавлена въ монету. Императоръ говорилъ, что самъ будетъ вѣсть на оловѣ до тѣхъ поръ, пока рубль не дойдетъ до своего курса.

Въ области внутренняго управленія при Павлѣ закончился чрезвычайно важный процессъ перехода отъ коллегіальнаго начала къ единоличному.

Вышней полѣткѣ Павелъ Петровичъ намѣревался придать мирное направленіе. „Россія, будучи въ непрерывной войнѣ съ 1756 года, — говорится въ циркулярной нотѣ канцлера графа Остермана, — есть поэтому единственная держава, которая находилась сорокъ лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце Императора Павла не могло отказать его любезнымъ подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи“...

И въ 1799 году эта русская армія вписываетъ въ военныя лѣтописи легендарную страницу своей славы.

Фельдмаршалъ Суворовъ, одинъ изъ подвижниковъ предмудраго царствованія, становится во главѣ русскихъ войскъ и предпринимаетъ освобожденіе австрійскихъ владѣній въ Италіи отъ французскаго захвата. Черезъ двѣ недѣли послѣ своего прѣзда Суворовъ торжественно въѣзжаетъ въ Миланъ.

Затѣмъ взяты Туринъ, въ теченіе шести недѣль очищена вся Сѣверная Италія; два французскихъ генерала, Моро и Макдональдъ, разбиты одинъ послѣ другого; Мантуя захвачена; генераль Жуберъ убитъ при Нови и 4,500 франзовъ взято въ плѣнъ. Италія освобождена. Но французскія войска угрожаютъ Австріи изъ Швейцаріи.

Съ величайшими трудностями, цѣною 2.000 человекъ Суворовъ переходитъ С.-Готардъ; каждый шагъ завоевывается кровью; у знаменитаго Чертова моста борьба становится отчаянной, но и онъ взятъ и перейденъ; на другой сторонѣ измученное русское войско не менѣе чѣмъ въ 20.000 человекъ ната-

кидается на неприятеля въ 60.000. — вс Массена побѣжденъ, какъ и другіе, и русская армія соединяется съ австрійскою, — босоногая, но увѣчанная лаврами. Полуразрушенный Чертовъ мостъ, висѣщій надъ голубою бездною туманнаго ущелья, служить памятникомъ русской военной славы.

А внутри Россіи готовилась позорная, кровавая страница въ русской исторіи — убійство Царя. Среди придворныхъ росло недовольство противъ Павла I. Имъ было выгодно удалить строгаго Государя съ своего пути. Это все были лица, близко стоявшія къ Императору въ Гатчинѣ въ 1793 году, изъ которыхъ самый честный, по выраженію Ростовчина, „заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда“. Противъ Павла составилъ заговоръ.

Среди придворныхъ англійскія деньги сдѣлали свое дѣло. Даже Нелидова, самый близкій другъ Императора, была подкуплена (она получила триста тысячъ). Лопухинъ сообщаетъ, что любовница Уитворта Жеребицова уже послѣ смерти Павла получила два милліона рублей для раздачи заговорщикамъ. Какія же суммы получены были ими раньше?

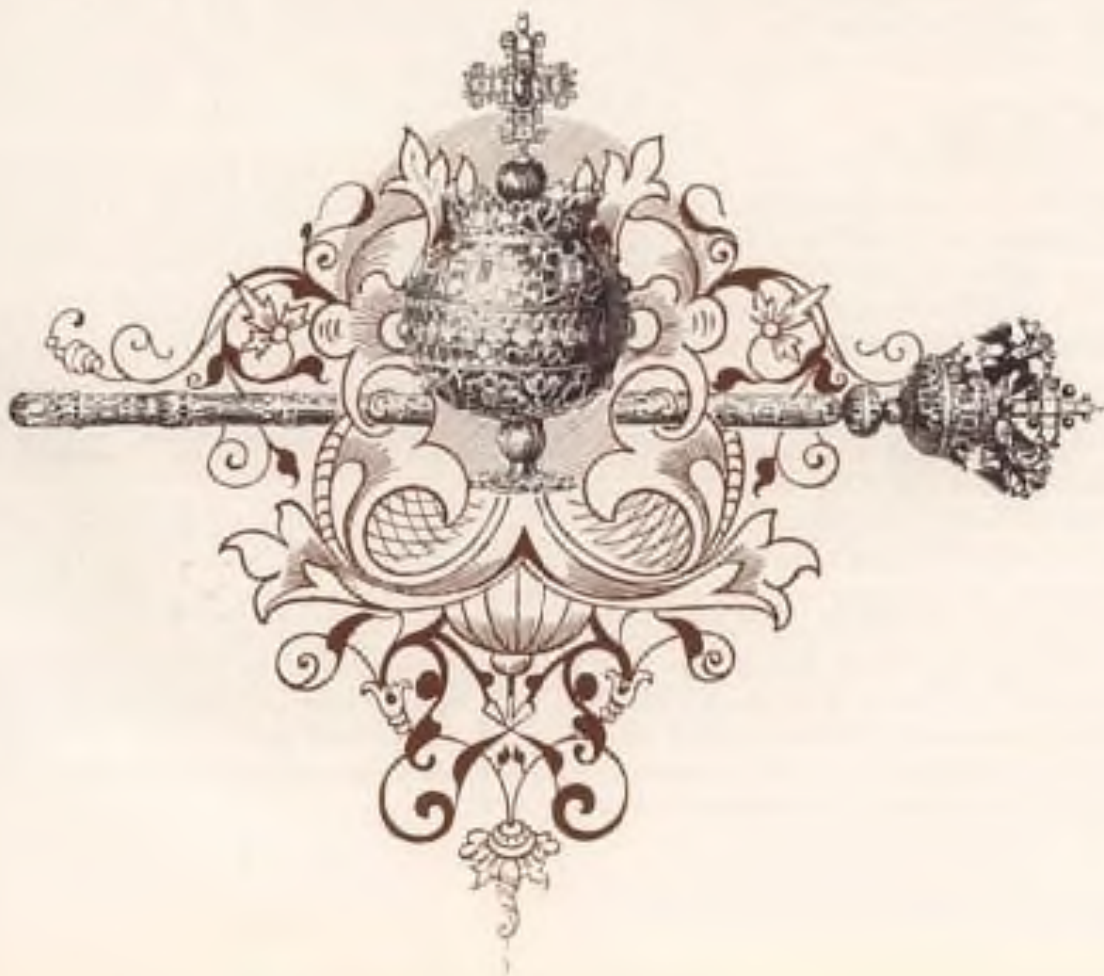
Осуществленіе заговора было назначено на 11 марта 1801 года. Павелъ, видимо, что-то подозрѣвалъ. Онъ казался грустнымъ и задумчивымъ. Вечеромъ 11 марта Императоръ говорилъ о тяжелыхъ предчувствіяхъ.

Когда явились заговорщики, Павелъ уже спалъ. Шумъ, произведенный ими, разбудилъ его.

„Государь, вы арестованы!“ сказали вошедшій Беннигсенъ. Императоръ ничего не отвѣчалъ. Сзади ложились пьяные офицеры. — „Вы должны отречься отъ престола“, продолжалъ Беннигсенъ. — „Что и вамъ сдѣлать?“ спросилъ Императоръ. Между тѣмъ произошла давка, во время которой упали ширмы, лампа погасла; сзади крикнули, что главный караулъ дворца идетъ спасать Государя. Убійцы бросились на Павла, и Императоръ погибъ.

Такъ закончилась трагедія жизни Императора Павла I.

Какимъ позорнымъ пятномъ ложится это убійство Монарха на гнусную кучку предателей.

The Reign of Emperor Pavel Petrovich I

Upon the demise of Catherine II, on 6th November, 1796, Pavel Petrovich ascended the throne.

The first thought of the new Sovereign was to bring about a complete end to the political turmoils which had shaken the realm so cruelly during nearly the entire century, and which were conducted almost entirely under the direction of foreign hands. Pavel decided to establish firm order and basis for the succession. He strengthened this order by an Act of State.

This move was directly connected with the Coronation rites of Emperor Pavel I.

He wished to give his coronation the greatest possible grandeur and magnificence, and to this end he chose the 5th day of April, 1797—the first day of Easter Week.

For this coronation all the Imperial Regalia were prepared anew. The crown of Empress Catherine II was refitted and the pearls were exchanged for larger ones. A new sceptre was made in the form of a baton and it contained the nearly 200-carat Orlov diamond. Finally, a new orb was made of gold. Its bands were in the form of diamond-encrusted leaves and it was topped with a diamond cross mounted on a spinel ruby.

All this regalia was then used at the coronation of all subsequent emperors.

The order of the service for the coronation was designed for its spiritual intensity for all future times.

After the reading of the Gospels, a special garment, called "dalmatic" was brought to the new Tsar. This was not a personal invention of Pavel, but was actually a re-establishment of an ancient Russian custom borrowed from the Greek ritual. The dalmatic was that garment which was put on all the ancient Russian Tsars over their kaftans and in which Peter the Great had been wedded to the Kingdom. Pavel Petrovich re-established this usage because the dalmatic is a form of the "saccos", a garment which personages of the female sex cannot wear. By reintroducing this attire into the order of the service of the Imperial Coronation, he wished, as it were, to establish a Church rule under which only male autocrats could be wed to the Kingdom and not female autocrats.

For the first time, the coronation of the Tsaritsa took place simultaneously with the Tsar. As we saw previously, Peter the First wished to express the personal power which he alone held by crowning his wife himself, holding the sceptre in one hand during the rite. Emperor Pavel also maintained this thought at his coronation, but he expressed it in a different way. In a special action borrowed from the Byzantine ritual, the Emperor held his own crown over the head of his wife for several minutes and then placed a smaller crown on her head.

After reading the new order of succession, which became the basis of Russian State Law, Pavel took the sheet of paper on which the law was written, entered the sanctuary, and placed it on the table of the prothesis in a special silver vessel built for it. On that very day, the Decree on Succession of the Imperial Family was published.

Emperor Pavel Petrovich further strengthened the rule governing the dalmatic as an essential and indispensable part of the coronation regalia. On the Feast of the Transfiguration, he reviewed the troops, dressed in the crown and dalmatic. A metropolitan was also present, dressed in a similar saccos, standing on a special dais. He blessed the Tsar, the colours, and the passing troops with holy water.

Pavel established the custom of stopping at the Petrovsky Palace before the triumphant entry, and this custom was maintained by all his successors.

At the end of his coronation celebrations the new Sovereign, following the ancient tradition, visited the Sergius-Trinity Lavra. Metropolitan Platon met him with the phelonion (cape) and staff of Saint Sergius. The Emperor was deeply moved by this act and, kissing the attire of the great saint, he expressed gratitude for this special attention shown him by the Metropolitan.

Amongst the "mercy decrees" issued by Pavel at his coronation, the power of the land-lords over the serfs was limited. It became law that serfs could work for land-lords only three days a week, and land owners were forbidden to work the serfs on Sundays or Feast days.

On the completion of all the coronation ceremonies, the Emperor visited the provinces annexed from Poland and returned to Gatchina on 29th May, 1797.

"I prefer to be hated for a rightful cause
than loved for a wrong one".

Emperor Paul I.

Pavel Petrovich ascended the throne of Imperial Russia imbued with a sincere desire to bestow full justice and law throughout his vast land. Being fully aware of the might of his nation, Paul I regarded with disdain ambitions to use this power for his own personal glory. Instead, all his wise policies were directed at improving conditions of Russia internally. The new Tsar and Emperor was a hard worker, persistent in achieving his ends and demanded the same of his subjects.

Unfortunately, Pavel Petrovich was surrounded by assistants who did not share his lofty views on internal policy, nor were there many whose ability and integrity left nothing to be desired. The Emperor found it extremely difficult to bring his ideas into practice. Whether by intent or servility, but a number of Paul's instructions and wishes were carried out to impossible extremes. For example, on the second day after Paul's coronation, the military governor of St. Petersburg, Arkharov, ordered a couple of hundred of his troops to stop well-dressed passers-by in the streets and to destroy their rich and too-ornate clothing. This was done because Paul's love of simplicity in dress was well-known and the governor felt his actions would be approved by the new Emperor. Of course, Paul was greatly upset by this incident. But when the same Governor Arkharov ordered the citizens of St. Petersburg to paint their houses in the Emperor's favorite black and white color designs, the Tsar removed the governor from his post. There were many incidents of a similar nature throughout the Empire, so that the murmurs of discontent among people became increasingly louder.

It may be safely assumed that in a majority of cases those influential circles who wanted to be rid of the Emperor deliberately misrepresented and distorted his instructions whenever possible. Certainly the Tsar's unpopularity was an important, even vital, factor in their plans to murder the Tsar.

Despite this opposition on the part of the people who surrounded Pavel Petrovich and who were, by the way, of a very low moral caliber, the Emperor accomplished much in his short four-year reign. One of the Tsar's contemporaries wrote the following:

"The world is striving to live up to the example set by the Tsar. . . He himself is at his work daily before sunrise, since 5:00 a.m. The Attorney-General daily arrives with his report at the Palace at 5:30 a.m. . . . In the chancelleries, in the departments, in the assemblies . . . everywhere candles were burning from 5:00 a.m. . . . The Senators were already in their chairs at 8:00 a.m."

Pursuing his aim of justice for all, Pavel Petrovich installed a "complaint box" in front of his palace which was personally opened by him. This enabled any man, no matter how humble his calling in life, to voice whatever grievance he had to the Emperor in person. In this way a great number of instances of gross injustice was uncovered and the Tsar was adamant in such cases: severe punishment was meted out to the guilty, no matter how influential or important they may have been.

Especially were the Emperor's efforts directed at bettering the lot of the common people. A contemporary wrote: "Pavel Petrovich has taught us and all the people that the difference between classes in society is insignificant".

Paul's prudent fiscal policies restored value to the rouble and economic stability to the Empire. Even the Tsar's palace silver was melted down to coin money.

In foreign affairs, Paul's armies, commanded by the brilliant military genius Suvorov, occupy Milan, Turin and all of Northern Italy. Surmounting incredible hardships, Russian soldiers exhibit legendary endurance in crossing the Alps into Austria and defeating 60,000 French—an Army three times their size!

Meanwhile, within the Emperor's palace, plans were being laid to murder the Tsar. The plotters were all well-known to the Tsar, being his closest advisors and assistants. In the words of Rostopchin, the most honorable among them "deserved death without trial". On March 11, 1801, the plotters, led by Bennigsen, entered the Tsar's bedroom and murdered him in cold blood.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Александръ I'.

АЛЕКСАНДРЪ I
Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.
1801—1825.

EMPEROR ALEXANDER I — 1801-1825

вѣдцатаго Марта 1801 года скончался Павелъ Петровичъ, и на престолъ вступилъ, 23-хъ лѣтъ, **Александръ Павловичъ, Царь „Благословенный“**.

Коронація Его происходила въ Москвѣ 15 Сентября того же года. Въ силу личнаго настроенія и положенія юнаго Монарха, коронація эта отражала въ себѣ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ всѣ предыдущія.

Несмотря на то, что ея начинался текущій вѣкъ, именно о ней менѣе всего дошло до насъ свѣдѣній въ отечественныхъ источникахъ. Очевидно, въ тогдашнихъ придворныхъ сферахъ мало придавали значенія коронаціонному торжеству и относились къ нему, какъ къ отжившему обряду византійскихъ церемоній, мало достойному вниманія новаго вѣка.

По прибытіи въ Москву 5 Сентября, Государь и Государыня остановились въ Петровскомъ дворцѣ. Торжественный въѣздъ происходилъ 8 Сентября. Отъ этого дворца до Слободского, что въ Нѣмецкой слободѣ, по обѣимъ сторонамъ пути стояли пѣшіе гвардейцы. Вдоль домовъ, въ три ряда и больше, устроены были мѣста для зрителей; а изъ оконъ домовъ были вывѣшены ковры и дорогія матеріи. Поѣздъ состоялъ изъ 12 отдѣленій. Пушки извѣщали о приближеніи Государя

На молодого Государя священнодѣйствіе произвело глубокое впечатлѣніе и, вѣроятно, заставило задуматься о многомъ.

Пожалованія, сравнительно съ предыдущей коронаціей, отличались бережливостью и воздержанностью.

Всемилоостивѣйшимъ манифестомъ прощены были казенные штрафы и взысканія, освобождены отъ тюремнаго заключенія посаженные по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ и за долги казны. Офицерамъ прибавлена четверть ихъ годового жалованья. Рекрутскій наборъ на этотъ годъ совершенно былъ отмененъ. Въ тотъ же годъ учреждена была коммисія для пересмотра уголовныхъ дѣлъ, и ей дана милостивая инструкція по отношенію къ преступленіямъ политическимъ.

Что касается событій, предшествовавшихъ коронаціи и слѣдовавшихъ за нею, то стоитъ упомянуть о слѣдующемъ:

Многочисленныя и разнообразныя

увеселенія сопровождали торжество коронаванія. Въ Слободскомъ дворцѣ были роскошныя обѣды и блестящія маскаралы для дворянства и купечества. Черезъ три дня послѣ коронаціи былъ устроенъ для народа большой праздникъ на Сокольничьемъ полѣ. На столбахъ висѣли разныя яства; изъ башенъ било струею вино въ подставленные чаны. Праздникъ этотъ посетилъ Императоръ со всею Царскою фамиліею, но столы съ яствами къ Ихъ пріѣзду оказались уже пустыми. Взвѣшавшаяся ракета поддла знакъ къ Бахусову ликованію, при чемъ, по словамъ очевидцевъ, народъ велъ себя приличнѣе, чѣмъ при подобныхъ случаяхъ въ Петербургѣ. Когда, около 3 часовъ, Дворъ уѣхалъ, большая часть народа спокойно разошлась по домамъ.

23 Сентября Царская фамилія посетила Троицкую лавру, гдѣ, по обычаю, была принята митрополитомъ.

Выше мы замѣтили, что Императоръ Александръ I далъ убѣжище и защиту въ Своихъ областяхъ французскимъ изгнанникамъ. Это, конечно, не могло остаться безслѣднымъ. Французы совершили торжественное молебствіе о благополучномъ царствованіи коронованнаго Государя въ церкви св. Людовика. Служба исполнялась аббатомъ Беневенти, чрезвычайнымъ посланникомъ Святѣйшаго папы Пія VII.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЪЛЪ ПЕТРОВИЧЪ
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

„Не кротости ль символъ въ немъ зрится,
Не возрожденъ ль прежнихъ благъ?
Екатерина воскреснетъ
Знать Александра въ временахъ“.

Державинъ.

„Россия, встань и возмывайся!“

А. Пушкинъ.

АЛЕКСАНДРЪ I вступилъ на престолъ 12 марта 1801 года съ полнымъ сознаниемъ всей отвѣтственности, которую онъ принималъ на себя.

„Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго родителя Нашея, Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося въ ночь съ 11-го на 12-ое число сего мѣсяца. Мы, воспріемши наследственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемаемъ купно и обязанность управлять Богомъ Намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу ихъ Божь почитавшей Августѣйшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, коея память Намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнопоклоннымъ нашимъ“.

Такъ гласилъ манифестъ Государя въ день его воцаренія. Коронація происходила 15 сентября. Въ этотъ день съ утра погода была пасмурная, но когда Государь вышелъ изъ Успенскаго собора, яркіе дучи солнца освѣтили картину торжественнаго шествія. Въ Александрѣ прежде всего поразила не красота его, а выраженіе той безвѣстной доброты, которая особенно привлекаетъ сердца всѣхъ окружающихъ.

Завѣтной мечтой Государя было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но онъ встрѣтилъ противодействіе даже среди близкихъ ему лицъ, которыя находили, что народъ еще не подготовленъ къ этой великой реформѣ. И Александру I пришлось только ограничить крѣпостное право. Издавъ былъ указъ о „свободныхъ хлѣбопашцахъ“, позволявшій помѣщикамъ отпустить на волю цѣлыя деревни; приказано было отбирать крестьянъ у лицъ, уличенныхъ въ жестокомъ обращеніи, и имѣнія этихъ помѣщиковъ отдавать въ опеку; прекращена была раздача населенныхъ земель въ награду за службу.

Что же касается идеи о перемѣнѣ образа правленія, которой Монархъ похощался въ первой половинѣ своего царствованія, то она не была проведена въ жизнь. Причина этому лежала главнымъ образомъ въ характерѣ самого

Императора, въ его уклончивости и нежеланіи на что-нибудь окончательно рѣшиться. Во многихъ отношеніяхъ среда, окружающая Государя, не соответствовала его личнымъ склонностямъ, и въ то же время самъ онъ не былъ человѣкомъ сильнаго характера, который могъ бы повліять на окружающихъ, а потому онъ постепенно втягивался въ этотъ міръ, не имѣя въ себѣ силъ сохранить свою полную самостоятельность.

Отечественная война

12 іюня 1812 года Наполеонъ во главѣ 600-тысячнаго войска, безъ объявленія войны, перешелъ черезъ Нѣманъ и вторгся въ русскіе предѣлы. Александръ Павловичъ послалъ Наполеону предложеніе о мирѣ, но когда переговоры не привели ни къ чему, онъ далъ торжественный обѣтъ не полагать оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется въ Россіи. Полчищамъ Наполеона, состоявшимъ почти изъ всѣхъ народовъ Западной Европы, Россія могла противопоставить на границѣ только 200 тысячъ человѣкъ. Но зато всѣ они были одушевлены горячимъ желаніемъ постоять за родину, и приказъ Александра по арміи, закончивавшейся словами: „Вонны! вы защищаете зѣру, царя и отечество. На начинающаго Бога!“, нашелъ откликъ въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка. Война съ перваго же момента стала народнымъ дѣломъ.

Велика была сила удара, занесеннаго надъ Россіей, и казалось, что все то, что могъ предусмотрѣть геній человѣка, было предусмотрѣно: громадная, невданная по численности армія, вооруженіе, широко и обильно оборудованная база, превосходное ядро войскъ изъ боевыхъ старыхъ усадеб, обаяніе имени полководца-императора, исключительнаго по своей гениальности, приниженный трепетъ почти всей Европы, дипломатическіе союзы, обезличивающіе широкую свободу дѣйствій, словомъ, подготовка дипломатическая, стратегическая и тактическая, все было предусмотрѣно и завершено Наполеономъ. Но одно забылъ полководецъ, — что не могъ онъ заглянуть въ тайники души народной, который заключалъ въ себѣ необоримую силу.

Русская армія была раздѣлена на три части. Главная сила, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, находилась въ Виленской губерніи; другая меньшая

Князь Михаилъ Илларионовичъ
Кутузовъ-Смоленскій.

Портретъ Виссана Грива Грива.

часть стояла въ Гродненской губерніи подъ начальствомъ Баграціона, и наконецъ 25-тысячный корпусъ князя Витгенштейна защищалъ дорогу на Петербургъ. Александръ видѣлъ, какъ трудно будетъ бороться съ Наполеономъ, такъ какъ силы Россіи далеко не соответствовали громадной численности великой европейской арміи, и рѣшилъ самъ руководить своими войсками и не разлучаться съ арміей. Но когда трое его приближенныхъ, графъ Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ, подали ему записку, въ которой доказывали, что благо отечества требуетъ, чтобы Государь находился среди своего народа и оттуда управлялъ арміей, Государь послушался ихъ совѣта, покинулъ армію и направился черезъ Смоленскъ въ Москву. Пребываніе въ Первопрестольной и тотъ энтузіазмъ, то воодушевленіе и готовность на жертвы, которые встрѣтилъ Александръ во всѣхъ слояхъ общества, окончательно убѣдили его не уступать врагу. Призывъ организовать всеобщее ополченіе, обращенный ко всѣмъ сословіямъ, произвелъ громадное впечатлѣніе по всей Россіи.

„Да встрѣтитъ непріятель“, — говорилось въ манифестѣ, — въ каждомъ дворничѣ Покрсаго, въ каждомъ духовномъ Палишана, въ каждомъ гражданѣ Мишина. Соединитесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія вамъ не одолѣютъ“. Когда Александръ прѣхалъ въ Москву, народъ встрѣтилъ его съ неопредѣлимъ восторгомъ. Со всѣхъ сторонъ неслись возгласы: „Не унывай! видишь сколько намъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя“. Очевидецъ этого событія пишетъ: „Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“.

Эти сцены народнаго воодушевленія происходили въ то время, когда Наполеонъ приближался къ Смоленску вслѣдъ за отступающими русскими войсками. Планъ же главнокомандующаго Барклая заключался въ томъ, чтобы, непрестанно отступая, соединиться съ Багратиономъ и дать рѣшительное сраженіе лишь тогда, когда непріятельская армія ослабѣетъ отъ тяжелаго похода по опустошенной странѣ. Обѣ русскія арміи соединились, наконецъ, подъ Смоленскомъ. Наполеонъ направилъ 200-тысячное войско съ цѣлью овладѣть этимъ городомъ и перерѣзать дорогу русскимъ въ Москву, но генералъ Раевскій съ 16-тысячнымъ корпусомъ блистательно отбивалъ всѣ приступы врага, пока главныя силы не вступили въ Смоленскъ. Барклай, однако, не видѣлъ никакой возможности удержать городъ въ своихъ рукахъ и двинулся дальше, оставивъ поодаль Смоленскъ для прикрытія корпусъ Дохтурова въ 40 тысячъ человекъ. Въ 5 часовъ пополудни болѣе двѣхсотъ ядеръ и гранатъ посыпались въ городъ. Загорѣлись деревянныя строенія, и французы ринулись къ стѣнамъ черезъ пылающія предмѣстья, но не могли взобраться наверхъ за неимѣніемъ лѣстницъ. Русскіе храбро отбивались и опрокинули врага, ударивъ въ штыки. Второй штурмъ часовъ въ 7 былъ тоже отбитъ. Жители бѣжали, спасаясь какъ можно дальше по Московской дорогѣ. Дохтуровъ геройски удерживалъ Смоленскъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ извѣстія, что главная армія перебралась черезъ Днѣпръ. Тогда только онъ отступилъ, и Смоленскъ былъ занятъ французами.

Въ то время, когда рѣшалась судьба Смоленска, Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Або. Еще въ началѣ войны Государь писалъ наследственному шведскому принцу о желаніи свидѣться съ нимъ. Чрезвычайно важно было не только обезпечить себя въ лицѣ Швеціи вполне нейтральнымъ сосѣдомъ, но и пріобрѣсти въ ней союзника. Союзный договоръ, обезпечивавшій Россіи содѣйствіе Швеціи, былъ дѣйствительно заключенъ. Переговоры велись настолько успешно, что Императору удалось даже отклонить домогательства принца получить обратно Аландскіе острова.

Между тѣмъ русскій народъ съ ужасомъ видѣлъ, что Барклай-де-Толли все отступаетъ и вся страна отъ западной границы, отъ береговъ Нѣмана и за самый Днѣпръ, сдѣлалась сплошной пустыней: города, села, деревни по пути движенія обѣихъ армій были выжжены и раззорены.

Путь къ Москвѣ былъ уже открытъ, и русскіе люди, видя надвигающуюся на Первопрестольную столицу неминуемую бѣду, начали громко роптать, приписывая Барклаю-де-Толли вину въ неудачахъ нашихъ войскъ. Даже въ самомъ войскѣ ропотъ становился все громче, и главнокомандующаго начали подозревать въ измѣнѣ. Тогда Государь выслушалъ голосъ народа и назначилъ главнокомандующимъ Кутузова, старѣйшаго изъ всѣхъ генераловъ, ученика Суворова, не разъ бившаго турокъ. Армія и народъ съ восторгомъ встрѣтили это назначеніе, коимъ былъ Кутузовъ уполномоченъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Одно только строжайше запретилъ ему Государь — вступать въ переговоры съ Наполеономъ. Александръ твердо стоялъ за продолженіе войны во что бы то ни стало и ни о какомъ мирѣ ни при какихъ обстоятельствахъ онъ слышать не хотѣлъ. Россія должна побѣдить Наполеона; мало того, — она должна освободить всю Европу отъ его ига. Эта точка зрѣнія Императора проводится во всѣхъ его манифестахъ и приказахъ, во всѣхъ его словахъ, обращенныхъ къ приближеннымъ. Когда одинъ изъ собесѣдниковъ спросилъ, дѣйствительно ли Государь намѣревается не заключать мира съ Наполеономъ, даже если француз-

скія войска одержать выдающіяся побѣды, Александръ быстро выпрямился, ударилъ кулакомъ въ столу и отиѣтилъ: „Нѣтъ, даже изъ берегахъ Волги“. „Въ эту минуту, — шепеть это лицо, — Государь показался мнѣ столь величественнымъ и могучимъ, звукъ его голоса и жесты выражали такую силу и такое непоколебимое рѣшеніе, что всякія сомнѣнія должны были исчезнуть“.

Назначеніе Кутузова подняло духъ войска. „Приѣхалъ Кутузовъ битъ французовъ“, неслоя по лагерямъ и на стоянкахъ русскаго войска. Передъ отъѣздомъ въ армію полководецъ говорилъ своимъ родственникамъ: „Я бы ничего такъ не желалъ, какъ обмануть Наполеона“. Когда Кутузовъ узналъ, что Наполеонъ называлъ его старой лисой, „le vieux renard du Nord“, онъ сказалъ: „Постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ“. Всѣ ожидали, что новый вождь, по прибытіи въ армію, начнетъ рѣшительный бой, но онъ, признавъ мѣстность невыгодной для сраженія и желая дать время подойти подкрѣпленіямъ, приказалъ продолжать прерванное Барклаевымъ отступленіе. Наконецъ, онъ остановился на поляхъ Бородинскихъ, гдѣ 26 августа 1812 года и произошло знаменитое сраженіе.

„Грозный день сей бородинскій.

„Имъ и намъ въ почетъ равно

„Славься битвой исполнискон

„Славься въ вѣкъ, Бородино!..“

26 августа въ Бородинѣ сошлись двѣ силы. Съ одной стороны, подъ предводительствомъ Наполеона, собралась почти вся Европа. Этою силою, вѣривъ въ свое могущество, завоеватель думалъ сокрушить послѣднее препятствіе своему всемірному господству. Съ другой стороны стояла Россія передъ своею древней столицей, со всѣми ея святынями, собиравъ грудью защитить ее.

Бородино было первымъ общимъ столкновеніемъ этихъ силъ, и отъ исхода этой „битвы гигантскъ“ зависѣла судьба Россіи. Наканунѣ сраженія по войскамъ понесли чудотворную икону Смоленской Божіей Матери и служили молебны. Ночью въ русскомъ лагерѣ царствовало глубочайшее молчаніе; французы же ликовали въ ожиданіи конца трудныхъ и лишеній тяжелой кампаніи, такъ какъ въ побѣдѣ никто изъ нихъ не сомнѣвался.

Начинало свѣтать. Но вотъ раздался первый выстрѣлъ, сдѣланный съ нашей батареи: онъ прогремѣлъ одиноко и смолкъ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ, раздался второй отиѣтный выстрѣлъ, потомъ еще и еще, и загремѣла канонада. Не помогли Наполеону численное превосходство войска, огонь семисотъ орудій и стремительная атака. Съ равнодушіемъ къ опасности, презрѣніемъ къ смерти, твердостью и терпѣніемъ отражали русскія войска, воодушевленные любовью къ родинѣ, Царю и народной чести, вражескіе удары: они явились истинными сынами отечества, и всѣ народы Европы, составившіе армію Наполеона, убѣдились, что русскіе могутъ скорѣе пасть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ остаться побѣжденными.

Все громадное пространство подъ Бородинымъ дрожало отъ непрерывныхъ выстрѣловъ. Раскаленные жерла пушекъ не выдерживали количества выстрѣловъ и разрывались. Сивозъ гроизъ и рокотъ пальбы слышались страшные людскіе голоса. Стоны раненыхъ, предсмертныя жалобы, проклятія, крики побѣдителей, команды, произносимыя на всѣхъ европейскіхъ языкахъ, и, вмѣстѣ съ веселыми звуками барабаннаго боя и музыки, вопли угрозы, отчаянія, ожесточенія—дѣлали Бородино непросвѣтнымъ адомъ. Съ утра до поздняго вечера текла на полѣ кровь и бивалъ народъ Европы съ русскими.

„Кровь на немъ была святая:

„Тамъ, престоль и Русь спасая,

„Войско цѣлое легло

„И престоль, и Русь спасло...“

Сраженіе кончилось тѣмъ, что французы не выгнали противъ насъ ни одной пяди земли. А русское войско послѣ битвы осталось въ полномъ порядкѣ и на слѣдующій день могло вступить въ новый бой.

Борьба Александра съ Наполеономъ достигла своего кульминаціоннаго пункта: давно ожидаемое столкновение произошло; русскія войска остались на своихъ позиціяхъ и готовы еще отразить исподна.

Но страшное испытаніе было еще впереди. Послѣ Бородина представилось два исхода: оборонить Москву съ возможностью потерять все войско и тѣмъ оставить и древнюю столицу, и всю Россію во власти Наполеона, или безъ боя отдать Москву, но зато сохранить цѣлыми все военныя силы. 1 сентября главнокомандующій Кутузовъ созвалъ военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ, на которомъ было рѣшено пожертвовать Первопрестольной столицей. „Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія! Властью, врученной мнѣ Государемъ и отечествомъ, я приказываю отступать“, произнесъ Кутузовъ. И этими словами участь Москвы была рѣшена.

2 сентября, вслѣдъ за арьергардомъ русскихъ войскъ, въ Москву вступили авангарды французскіе во главѣ съ Мюратомъ. Но когда одноставный французскій орелъ вознесся надъ осиротѣлымъ Кремлемъ, Москва воздвигла на безжизненный трупъ. Не ключами городскими, не поклономъ, не мольбой о пощаду встрѣтила Бѣзъкаменная врага, а лютымъ ревущимъ пожаромъ. Оставшіеся въ ней немногіе жители съ начала поджогать столицу со всѣхъ сторонъ, и Москва запылала. Русскій народъ не хотѣлъ отдать врагу невредимымъ сердце своей родины.

Тяжело было перенести это испытаніе. Рана была слишкомъ глубока. Россія затангла дыханіе и ждала... Тогда раздались мужественныя слова русскаго Царя, съ которыми онъ обратился къ полковнику Мишо, посланному Кутузовымъ съ официальнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы: „Возвратитесь въ армію, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподаннымъ вельдѣ, гдѣ вы пробуждать будете, что, если у меня не останется ни одного солдата, и стану во главѣ моего дорогаго дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и жертвую всѣми средствами моей Имперіи. Но если Божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ все средства, которыя въ моей власти, я отрошу себя бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подлинно позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы конхъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“.

Между тѣмъ, 3 сентября Наполеонъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Кремль. Войска его начало грабить Первопрестольную. Оскорбляя религіозное чувство русскаго народа, французы помѣщали своихъ лошадей въ Успенскомъ соборѣ. Но Москва была уже въ пламени. Искры пожара, казалось, разнеслись по всей Россіи и зажгли сердца русскіихъ людей. Народъ слыхъ съ арміей и Царемъ въ одномъ горячемъ чувствѣ, въ страстномъ порывѣ спасти родину. Все поднялось противъ Наполеона. Началась отечественная, всенародная война. Того, что проявила Россія въ этой кровавой борьбѣ, Наполеонъ не могъ предвидѣть, не могъ охватить даже своимъ гениальнымъ умомъ.

Когда, наконецъ, пожары въ Москвѣ начали уменьшаться, на сѣнѣу нмъ среди французскіе появился голодъ. Не хватало хлѣба. Наполеонъ отправлялъ вооруженные отряды для добыванія фуража, но съ каждымъ днемъ его доставляли все меньше и меньше. Недостатокъ провіанта сильно озлобилъ державшихся сравнительно мирно французскіе. И если до сихъ поръ грабежи и насиія были рѣдкимъ явленіемъ и прекращались французскими властями, то теперь озлобленные голодомъ солдаты вымещали свою злобу на оставшихся жителяхъ столицы и не останавливались ни передъ чѣмъ. Французы дѣлали попытки доставить фуражъ въ окрестностяхъ Москвы, но и здѣсь вскорѣ все было использовано.

Положеніе Наполеона въ Москвѣ становилось все хуже и хуже. Онъ начинаетъ дѣлать попытки къ сближенію съ русскимъ Государемъ, въ надеждѣ покончить съ честью для себя войну. Но свято и непоколебимо осталось слово

русского Императора. „Нѣтъ мира съ врагами!“ Видя, что крѣпокъ русский народъ, постоянно получая извѣстія о пораженіяхъ своихъ войскъ, не имѣя возможности уже принудить къ повиновенію своихъ солдатъ, превратившихся въ безпорочныхъ грабителей, Наполеонъ былъ вынужденъ покинуть Москву. Надо было уходить, какъ ни старался онъ избѣжать этого позора, а тутъ пришла вѣсть, что Кутузовъ самъ напалъ побѣдною на французскій авангардъ при Тарутинѣ. 7 октября „великая армія“ двинулась на Калугу, но русскія войска преградили ей путь у Малоярославца. Городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и самъ Наполеонъ чуть не попалъ въ плѣнъ Платову. Оставалось повернуть на Смоленскую дорогу, черезъ Бородину, еще усѣянное трупами. А въ это время на помощь регулярнымъ русскимъ войскамъ выступили знаменитые партизанскіе отряды и народное ополченіе. Подъ ударами ихъ остатки великой арміи таяли съ каждымъ днемъ все больше и больше. У гордаго французскаго ора, прилетѣвшаго въ Россію съ тѣмъ, чтобы покорить ее однимъ только взоромъ, ожидавшаго, что и эта страна, какъ и всѣ другія европейскія страны, падеть иносъ передъ нимъ, сломались крылья... Уже передъ Бородинскою битвою Наполеонъ предчувствовалъ начало своего конца. Пребываніе въ сожженной Москвѣ настолько усилило это предчувствіе, что онъ, великій геній войны, ведѣ и всюду только привыкшій диктовать условія мира, принужденъ былъ смириться и, преодолевая немонѣрные трудности, теряя ежедневно громадное количество людей, двинулся обратно за предѣлы Россіи.

Окруженные зепрїателемъ, оборванные, полунагіе, оконечные отъ рѣзкихъ порывовъ вѣтри при сильныхъ морозахъ, французы падали отъ истощенія и голода по пути отступленія. Гибли обезсиленные лошади, покидались пушки, такъ что обратное шествіе французскаго императора скорѣе было погребальнымъ шествіемъ толпы, а не движеніемъ когда-то могучей арміи во главѣ съ гениальнымъ вождемъ, покорившимъ передъ этимъ всю Европу.

14 ноября началась переправа французовъ черезъ Березину, а затѣмъ жалкіе остатки французской арміи, до 9.000 человекъ, бѣжали къ Вильнѣ, преслѣдуемые русскими войсками. Морозы довершили разстройство неприятеля; вся дорога была усѣяна трупами погибшихъ отъ холода и голода.

„Бѣгутъ Европы ополченья,
„Окровавленные снѣга
„Провозгласили ихъ паденья...“

Видя гибель своихъ войскъ, потерявъ въ Россіи свою военную славу, Наполеонъ завершаетъ послѣдній актъ своей трагедіи въ Россіи.

„Онъ видитъ бездну предъ глазами,
„Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ...“

Онъ выѣзжаетъ 23 ноября изъ села Сморгони въ Парюкъ или вѣрнѣе бѣжитъ отъ своихъ солдатъ, оставивъ послѣднихъ на произволъ судьбы. Отъ великой арміи осталось 1.000 человекъ и 9 орудій, если не считать 20.000 безоружныхъ, добравшихся до Нѣмана.

Отечественная война закончилась.

Подъ Парижемъ произошла одна изъ самыхъ кровавыхъ битвъ кампаніи 1813 года. Въ самый разгаръ ея Александръ отправилъ къ французскому главнокомандующему своего адъютанта съ требованіемъ о сдачѣ столицы и велѣлъ объявить, что ведетъ войну не со страной, а съ Наполеономъ. „Парижъ, — говорилъ онъ этому адъютанту, — лишеныи своихъ защитниковъ и своего великаго вождя, не въ силахъ сопротивляться, — я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Но Богъ послалъ мнѣ власть и побѣду лишь для того, чтобы я доставилъ вселенной миръ и спокойствіе. Если мы можемъ достигнуть этого безъ борьбы, тѣмъ лучше, въ противномъ случаѣ уступимъ необходимости и будемъ сражаться, потому что съ бою или церемониальнымъ маршемъ, на развалинахъ или въ пышныхъ палатахъ, но Европа должна нынѣ же почевать въ Парижѣ“.

Когда, наконец, капитуляция была подписана и депутация от парижанъ явилась къ русскому Государю выразить свои покорность, Благословенный встрѣтилъ ее слѣдующими словами: „У меня только одинъ врагъ во Франціи, это человѣкъ, который обманулъ меня самымъ недостойнымъ образомъ, который нарушилъ по отношенію ко мнѣ все клятвы, который внесъ въ мое государство войну, самую беззаконную, самую возмутительную. Всякое примиреніе между нами и мною отнынѣ невозможно; во повторю, у меня во Франціи нѣтъ врага. Все французы, за исключеніемъ его, пользуются моимъ благоволеніемъ“.

Этими великодушными словами гуманный Императоръ платилъ Парижу за разграбленную и сожженную Москву. Союзники вступили въ столицу мира. Александръ въ темнозеленомъ кирасерскомъ мундирѣ, на своемъ мекленбургскомъ бѣломъ конѣ, дѣлается предметомъ оваций парижанъ. Онъ главный герой союзниковъ, герой событія.

Союзники рѣшили низложить Наполеона и возстановить во Франціи династію Бурбоновъ. Послѣ паденія „тирана Европы“ монархи со своими министрами отправились на конгрессъ въ Вѣну, чтобы сообща возстановить порядокъ, нарушенный Наполеономъ въ Европѣ.

Александръ, какъ главный виновникъ низверженія Наполеона, имѣлъ во время конгресса первенствующее значеніе. Вопросъ о вознагражденіи Россіи являлся на конгрессѣ сильная разногласія: Александръ требовалъ себѣ всѣ польскія земли, входящія въ составъ Варшавскаго герцогства, Австрія же и Англія возстали противъ этого. Возникли горячіе споры, чуть было ни дошедшіе бывшихъ союзниковъ до войны между собою. Дѣло уладилось, однако, тѣмъ, что Императору Александру предоставлена была большая часть Варшавскаго герцогства, а другія части отошли къ Пруссіи и Австріи.

Со своими польскими владѣніями Александръ рѣшилъ поступить такъ же, какъ ранѣе поступилъ съ Финляндіей. Онъ считалъ наиболѣе полезнымъ дѣлать Царству Польскому особое, отаичное отъ остальной Россіи, политическое устройство съ національнымъ сеймомъ.

Въ періодъ Отечественной войны онъ сблизается съ представителями той русской партіи, которая на своемъ знамени имѣла яркую надпись святой лобанъ къ отечеству и его прошлому. Среди этихъ представителей на первое мѣсто выдвинулся знаменитый русскій историкъ Карамзинъ, который и получаетъ особое приближеніе къ Государю.

Однако событія отечественной войны и низложеніе Наполеона оставили глубокіе слѣды въ сердцѣ Александра. Рядъ вынесенныхъ душевныхъ страданій, затѣмъ ореолъ славы, подавленное въ себѣ, уязвленное самолюбіе въ 1812 году и вервь почестей и восхваленій въ 1815 году — все эти рѣзкіе контрасты вѣли на Александра, и въ немъ постепенно слагался новый человѣкъ. Его охватываетъ религіозное чувство. До борьбы съ Наполеономъ онъ мало интересовался Библіей и не зналъ ея, теперь же не расстается съ нею. Пожаръ Москвы, по его собственному сознанію, освѣтилъ его душу и согрѣлъ его сердце вѣрой. Во всѣхъ происшедшихъ событіяхъ онъ видѣлъ теперь руку Промысла, а себя считалъ лишь ея орудіемъ. Старѣющей Императоръ обрекъ себя уединенію и молитвамъ, да какимъ молитвамъ! „Вечернія и утреннія свои молитвы совершалъ на коленяхъ и продолжительно, отъ чего у него на верху бедра у обѣихъ ногъ образовалось очень обширное омоложение обихъ покрововъ, которое у него оставалось до самой кончины“. Въ такомъ религіозномъ настроеніи онъ мечталъ о всемірномъ братствѣ народовъ, объ управленіи ими по слову св. Писанія и о союзѣ для этой цѣли государствъ. Онъ предлагалъ всѣмъ владѣтельнымъ особамъ Европы подписать союзную грамоту, въ которой говорилось, что государи будутъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться заповѣдями Спасителя о любви, правдѣ и мирѣ, будутъ проводить чувства братства среди народовъ. Все государи выразили свое сочувствіе возвышеннымъ идеямъ Священнаго Союза, но подписали этотъ договоръ только трое: Александръ, прусскій король и австрійскій императоръ. По идеѣ „Союза“, задуманнаго Александромъ, въ странахъ, подвластныхъ государямъ-членамъ Священнаго Союза, не могли

имѣть мѣста ни подавленіе мысли, ни гоненія противъ разума, ни вообще всякія стѣсненія. Но люди политики, австрійскій канцлеръ Меттернихъ, Аракчеевъ и нѣкоторые другіе, успѣли изъ лучшихъ побужденій Государя сдѣлать орудіе для достиженія своихъ цѣлей, и Священный Союзъ — это, въ теоріи, воплощеніе святой правды на землѣ — сдѣлался пугаломъ просвѣщенной свободы и причиной броженія умовъ и возникновенія тайныхъ обществъ.

Въ душѣ Александра произошелъ переворотъ. Онъ потерялъ надежду выполнить заветныя мечты о дарованіи своему народу представительнаго образа правленія, и развивавшаяся въ немъ меланхолія все чаще отбѣгала лицо Государя. Въ такомъ настроеніи, понятно, онъ уже не интересовался преобразованиемъ государственнаго устройства. Всѣянія душевныя потрясенія въ это время съ особой силой отзывались на его мягкой натурѣ. Такъ, наводненіе 1824 года произвело сильное впечатлѣніе на Александра, видѣвшаго всѣ ужасы этого несчастія, стоившаго многимъ жизни, Петербургу и Россіи — болѣе ста пятидесяти милліоновъ рублей и повредившаго большую часть русскаго Балтійскаго флота.

„Это наказаніе за мои грѣхи“, говорилъ онъ съ глазами полными слезъ. Онъ самъ ѣздилъ на шлюпкѣ и спасалъ утопавшихъ. Но что всего болѣе потрясло Александра, что всего болѣе налагало на него печать внутреннего страданія, это, безспорно, тайныя общества, образовавшіяся въ то время въ Россіи. Эти общества развились среди дворянской военной молодежи, участвовавшей въ войнѣ за освобожденіе Европы и познакомившейся съ порядками и бытомъ западно-европейскихъ странъ.

Душевныя тревоги Государя усилились вслѣдствіе болѣзни Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которой необходимо было ѣхать лѣчиться. Избрали мѣстомъ лѣченія Таганрогъ, куда выѣхать съ ней поѣхалъ и Государь, и тутъ его постигла внезапно опасная болѣзнь. Таганрогъ не отличался тогда здоровымъ мѣстоположеніемъ. Государь сначала простудился, а затѣмъ заболѣлъ злокачественной горячкой. Больной отвергалъ медицинскія средства... Онъ не вѣрилъ въ возможность выздоровленія и не дорожилъ жизнью... Наконецъ, наступило сырое, дождливое и холодное утро. Государь постепенно слабѣлъ. Дыханіе слабѣло, становилось рѣже, тише. Въ 10 часовъ 50 минутъ утра 19 ноября 1825 года Благословенный, поборникъ мира и добра на землѣ, отошелъ въ небесное жилище вѣчнаго мира и покоя. Благодарная Россія воздвигла ему величественный памятникъ въ Петербургѣ на площади Зимняго дворца въ видѣ высокой гранитной колонны съ ангеломъ, держащимъ крестъ въ рукахъ на верху. Опустивъ голову, ангелъ взираетъ на землю съ любовью, напоминая тѣмъ ту любовь, которую дарила ей почившій державный вождь Россіи, за что она и присвоила ему наименованіе „Благословенный“.

Emperor Alexander I — The Blessed

The Reign of Emperor Alexander I — The Blessed

On 12th March, 1801, Pavel Petrovich passed away and the twenty-three year old Alexander Pavlovich, known to history as "the Blessed", ascended the throne.

His coronation took place in Moscow on 15th September, 1801. Because of the personal mood and personality of the young monarch, this coronation reflected a very different character than had all previous ones.

Regardless of the fact that the new century began with this ascension, less information about it has come down to us than of previous coronations. Less significance was given to it because, at the time, it was considered a little outmoded for the new century.

The new Sovereign and his lady arrived at the Petrovsky Palace on 5th September and the triumphant entry took place on the 8th of that month. Carpets, banners, and flags were hung from windows, and special bleachers were erected along the route for observers. These bleachers were erected by entrepreneurs and seats were sold for a fee.

When the Tsar entered the city, accompanied by twelve groups, cannons announced his arrival.

The religious portion of the ceremonies deeply affected the young Tsar.

The grants of mercy were more restrained and cautious than those of previous coronations, but all fines and penalties were forgiven and numerous amnesties were granted and fiscal debts were relinquished. Officers were given a substantial pay increase and the draft was deferred for one year. A commission to examine penal matters was established and mercy was meted out to political offenders.

At the end of the numerous and varied celebrations, Alexander Pavlovich and his family followed the age-old path to the Sergius-Trinity Lavra where he was received by the Metropolitan.

Alexander also extended refuge to the persecuted French emigres. The French exiles expressed their gratitude by saying ceremonious masses for the successful reign of the Autocrat in the Church of St. Louis in Moscow. The service was conducted by Abbot Beneventi, the Ambassador from the Vatican.

Tsar Alexander Pavlovich ascended the throne on March 12, 1801, while his coronation took place on September 15 of the same year.

The Emperor's greatest desire was to emancipate the serfs, but his wishes in this direction were met with hostility by those who surrounded him. He was thus forced to limit his reforms to a "Ukaze" under which landowners could free entire villages and the practice of granting inhabited land as a reward for service was outlawed; the penalty for mistreatment of serfs by landlords was confiscation of property and freedom of the abused serfs.

Tsar Alexander's greatest trial began on June 12, 1812 when that invincible genius Napoleon, at the head of a battle tried Army numbering six hundred thousand men, invaded Russia. Appalled at the prospect of shedding so much blood, Alexander Pavlovich offered Napoleon peaceful terms. When his offer was refused, the Tsar vowed not to lay down arms until the very last French soldier left Russian soil. So began what is known in Russian history as the War of the Fatherland.

Alexander could muster but 200,000 troops against Napoleon's 600,000 experienced fighting men. At the same time, the French Emperor's genius in war and diplomacy were sufficient to dampen the spirits of even his bravest opponents. But the Tsar was not disheartened. He issued a manifesto, which said in part: "Let the enemy meet in the face of every nobleman,—a Pozharsky; in every member of the clergy,—a Palitsin; and in every citizen,—a Meenin. Unite . . . with a crucifix in your heart and a weapon in your arms: no human power will be able to prevail against you."

In November the last sorry remnants of Napoleon's Grand Army retreated from Russia and the war was won. In 1813, Alexander entered Paris at the head of his victorious armies.

Toward the end of his reign, Alexander Pavlovich became increasingly disillusioned with ever converting the other monarchies of Europe to follow Christian precepts in foreign and internal policies to which he himself was so deeply committed. Secret societies became all the vogue among young noblemen in Russia and increased the Tsar's apprehensions.

When he died on November 19, 1825 a grateful Russia bestowed upon Tsar Alexander I the title of "Blessed".

A handwritten signature in black ink, which appears to be "Николай I".

НИКОЛАЙ I
Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.
1825 — 1855.

EMPEROR NICHOLAS I — 1825-1855

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

EMPEROR NICHOLAS I — 1825-1855

Преемникъ Александра I, родной братъ Его, **Николай I**, прибылъ въ Москву на коронацію 21 Юля 1826 г.

Думы и чувства, вызываемая коронаціей, какъ выражено въ официальномъ описаніи Св. Коронованія Императрицы Елисаветы Петровны, „рождаются изъ прошедшаго и сказываются въ настоящемъ“, а потому необходимо представить то внутреннее государственное наслѣдство, которое получили новый Императоръ, и при этомъ вспомнить ту мудрость, съ которою Онъ отнесся къ этому наслѣдству, чтобы лучше постигнуть и смель, и духъ, и силу все-народнаго общественнаго впечатлѣнія Его коронаціи.

Славу Екатерининскаго царствованія создали орлы гнѣзда Петрова, который, по словамъ Пушкина:

„Не презирать страны родной,
„Онъ знать ея предназначеніе.

Его школа была крѣпко связана со своимъ отечествомъ, съ его вѣковой исторіей, съ его православнымъ духомъ.

При Александрѣ I на сцену Русской исторіи явилось поколѣніе иной школы и иного закала; дѣтели этой эпохи, пропитанные духомъ вольтеріанства, утратили не только историческую самодержавную идею, создавшую необъятное великое царство, но даже понятіе и о самихъ себѣ, какъ *русскихъ людей*. Революціонный духъ въ концѣ этого царствованія широко разлился въ высшихъ классахъ и организовался въ тайныя общества, направленные къ низверженію историческаго государственнаго порядка.

И вотъ разразились тяжелыя событія — 14 Декабря 1825 года.

Не смутилась богатырская душа Николая I тѣмъ, что совершалось передъ Его дворцомъ. Героемъ явился Онъ предъ лицомъ возмущившихся и, съ глубокою вѣрою въ Свою историческую мощь, проявивъ непреклонную волю истиннаго Самодержца, заставить пасть предъ Собой на колѣни возмущившихся.

Подавивъ крамолу, Императоръ Николай I явился въ первопрестольную столицу для Своего коронаванія.

Понятно, ноль какимъ впечатлѣніемъ встрѣтила Его Москва, создававшая, въ теченіи вѣковъ, тяжкими страдами идею Самодержца. Понятно, какую нравственную бодрость стремилась влить въ Его душу св. Церковь, признающая въ Самодержцѣ творческую силу православнаго государства. Понятно соревнованіе богатыхъ и знатныхъ москвичей съ наибольшимъ блескомъ почтить нововѣнчанаго Царя, какъ истиннаго русскаго героя.

Еще до приѣзда Государя, по преждевременнымъ слухамъ, нѣсколько дней сряду массы народа выходили на Петербургскую дорогу, для встрѣчи новаго Царя-богатыря.

Наступилъ самый день коронаціи, 22 Августа 1826 года.

При торжественномъ выходѣ, предъ вратами Успенскаго собора, Московскій архіепископъ Филаретъ привѣтствовалъ Государя словами, разъяснившими глубокой смель церковно-государственнаго торжества.

„Наконецъ ожиданіе Россіи совершается“, говорить онъ...

„Не спѣшишь Ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшишь утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконецъ, какъ Царь не только наследственнаго Твоего, но и *Тобою сохраненнаго царства*“.

„Не возмущаютъ ли при селѣ духа Твоего прискорбныя напоминанія? Да не будутъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Иоана и Семеня; не диво, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сѣи плевелы; а преемнику его досталось очищать землю Израилеву. Чтожъ, если и преемнику Александра палъ сѣй жребій Соломона! Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровать ему Богъ въ Соломонѣ. Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей“...

„Види, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! Знаменіями величества облекъ свойства истиннаго величества. Помазаніе отъ Святаго да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долголѣтственнымъ и вѣчнымъ“.

Эти короткія слова, воспроизводившія цѣлыя историческія картины, возбуждившія въ духѣ Государя цѣлый міръ тревожно пережитыхъ думъ и ощущеній, растрогали Его до глубины души, и на рѣсницахъ Его показались слезы.

Во время самаго коронованія, приступая къ чтенію царской молитвы о ниспосланіи свыше мудрости для достойнаго прохожденія Своего нысѣкаго служенія, Онъ, въ порфирѣ, окруженный всѣмъ блескомъ земной славы и величія, повергся на колѣни и прочелъ молитву, безъ книги, наизусть, съ глубокимъ чувствомъ, громко и внятно.

Затѣмъ всю литургію слушалъ Онъ въ благоговѣйномъ смиреніи предъ величествомъ Царя царствующихъ, ни разу не надѣвая на Себя Своей короны, какъ знака земного величія.

По миропомазаніи и приобщеніи святыхъ Таинъ Новгородскимъ митрополитомъ Серафимомъ, Ему преподнесенъ былъ для цѣлованія тотъ самый крестъ, который былъ на Государѣ Петрѣ Великомъ въ день славной Полтавской битвы и который избавилъ Петра отъ явной смерти, ибо пуля, попавъ въ край лѣваго затвора креста, надломилъ нѣсколько серебра и отскочила. Поднося Николаю I этотъ крестъ для цѣлованія, Церковь освящала Его геройство духа, явленное Имъ при защитѣ государственной безопасности въ тяжкія минуты вступленія Его на престоль, о чемъ говорилъ въ своей рѣчи Московскій архіепископъ Филаретъ.

*Коронованіе Императора Николая I и Императрицы Александры Феодоровны
въ Успенскомъ соборѣ.*

Обойдя соборы Архангельскій и Благовѣщенскій и взойдя на Красное крыльцо, Государь, во всѣхъ знаменіяхъ Императорскаго достоинства, остановился здѣсь и загѣмь, обратившись къ

народу, поклонился на все три стороны. Этот акт напоминать собою обычай греческих императоров послѣ коронованія, съ возвышеннаго мѣста, являться предъ лицомъ народа. Взоры народнаго восторга, словно раскаты грома, раздавались по Первопрестольной.

Коронаціонныя медали, которыя раздавались предъ торжественнымъ обѣдомъ въ Грановитой палатѣ, существенно отличались отъ медлей XVIII вѣка. Съ одной стороны значилось профильное изображеніе Императора Николая Павловича, а съ другой — эмблема Закона, съ надписью: „Залогъ блаженства всехъ и каждою“.

Присутствіе на коронаціи Великаго князя Константина Павловича, по словамъ даже иностранца, герцога Рагузскаго, имѣло огромное значеніе въ Москвѣ. Отказъ Цесаревича отъ престола, хранившійся втайнѣ, былъ причиною многихъ недоразумѣній. Теперь же особенно трогательна и вразумительна была минута, когда, привѣтствуя Своего нововѣнчаннаго брата, Константинъ Павловичъ хотѣлъ поцѣловать Его руку, но Тотъ отклонилъ ее и любовно облобызавъ Его.

Милостивымъ манифестомъ, при этой коронаціи, прощены преступники, осужденные при прежнихъ царствованіяхъ, и отчасти смягчена участь нѣкоторыхъ изъ декабристовъ; прощены недоимки и пени, сдѣланы облегченія въ платежахъ по ссудамъ изъ казны; уменьшенъ гербовый сборъ съ паспортовъ и прощены оштрафованные офицеры и чиновники.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованъ былъ манифестъ о порядкѣ престолонаслѣдія, на случай кончины Императора до совершеннолѣтія Его Настѣдника.

Иллюминація, въ первые три дня, своимъ величественнымъ блескомъ поражала не только русскихъ, но и иностранцевъ. Зубчатая стѣна и Кремлевскія башни казались унизанными брилліантами; Иванъ Великій горѣлъ разноцвѣтными фонарями. Безконечное море огней, разлитое по Москвѣ, представляло нѣчто волшебное. Нѣкоторые изъ иностранцевъ ѣздили даже на Воробьевы горы, чтобы оттуда любоваться этою интересной картиной.

Коронація эта соединялась съ торжествами военными; такъ, 15 и 16 Августа происходили большіе маневры; 3 Сентября былъ

смотреть войскамъ и затѣмъ военный обѣдъ въ манежѣ, данный Московскимъ купечествомъ.

Балы, спектакли, обѣды и ужины слѣдовали одни за другими. Особенно удалась балы князя Н. Б. Юсупова и графини Орловой-Чесменской.

Народный праздникъ происходилъ на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ, въ самой серединѣ возвышался нарядный павильонъ для Царской фамилии, а отъ него простирались четыре галлерей, на красивыхъ колоннахъ, для особъ первыхъ трехъ классовъ и дипломатическаго корпуса, и затѣмъ еще три галлерей — для высшихъ военныхъ чиновъ.

Мѣста для зрителей устроены были антрепренерами на пять тысячъ человѣкъ.

Для народа раскинуто было 250 столовъ, длиной въ 10 аршинъ каждый. Въмѣсто жареныхъ быковъ, теперь на столахъ появились жареные бараны, также съ позолоченными рогами, на огромныхъ блюдахъ, покрытыхъ красною камкой; между ними красовались громадныя горшки съ розами изъ кондитерскаго пирожнаго. Кромѣ березокъ, раскинутыхъ по всему полю, съ висѣвшими на нихъ яблоками, каждый столъ убранъ былъ молодыми дубками — также съ фруктами на вѣтвяхъ, лучшаго качества. Громадныя корзины, окрашенныя въ самыя яркіе цвѣта, вмѣшали въ себѣ горы калачей. Кромѣ водки и пива, цѣлыми ведрами разставленныхъ по столамъ, два громадныя фонтана и 16 малыхъ струились бѣлымъ и краснымъ виномъ.

Праздникъ удался, какъ нельзя лучше. Прекрасная погода, веселость Императора, народныя игры и забавы много содѣйствовали незабвенному впечатлѣнію этого праздника.

Московскія коронаціонныя торжества завершились великолѣпнымъ фейерверкомъ. Кромѣ картинъ, поражающихъ искусствомъ пиротехники, были и такія, кои указывали на внутренней историческій смыслъ коронаціи. Такъ, напримѣръ, постѣ изверженія марсова огня, пробѣжавшаго, въ видѣ метеора, вдоль всей декорации, глазамъ зрителей представились „Триумфальныя ворота“, съ надписью: „*Успокоителю Отечества Николаю Первому*“.

Въ Троицкой лаврѣ, куда, по обычаю предковъ, отправился коронованный Государь со всею Своей Августѣйшею фамиліей, Николай I

провелъ два дня: прикладывался къ мошамъ преподобнаго Сергія, слушалъ литургію, обозрѣвалъ богатую ризницу и другія достопамятности, посѣтилъ Духовную Академію, обѣдалъ у архіепископа Филарета и затѣмъ оставилъ лавру, при такихъ же торжественныхъ проводахъ, какова была и самая встрѣча. Филареть, между прочимъ, показалъ Государю собственноручное письмо покойнаго отца Его, Императора Павла I, коимъ извѣщаль Онъ Своего наставника Платона о великой Своей радости—рожденіи сына Николая. Государь, съ умиленьемъ прочитавъ это письмо, поцѣловалъ его и показалъ Императрицѣ Маріи Ѣвдоровнѣ, которая долго держала его въ Своихъ рукахъ со слезами радости.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I

„И новый Царь, суровый и могучий
На рубежъ Европы добро сталъ...“

Пушкинъ.

„...памя грозы и мрака,
Стремлясь на изъсъ разнулакъ глубина,
На твоего не понутила зрака...
Внѣрь свирѣлѣлъ; но... „да не будетъ тая“,
Ты рекъ, и всасть отклинула волна“.

Тютчевъ.

СЗВѢСТІЕ о кончинѣ Александра I пришло въ Петербургъ 27 ноября 1825 года въ то время, когда Царская семья стояла въ Зимнемъ дворцѣ на молебнѣ, назначенномъ о здравіи Государя по случаю его серьезной болѣзни.

Вопросъ о престолонаслѣдіи, осложненный стеченіемъ послѣдующихъ обстоятельствъ, предвѣщала цѣлый рядъ неминуемыхъ тревожныхъ событий. Дѣло въ томъ, что еще въ 1819 году Николай Павловичъ былъ поставленъ въ извѣстность Александромъ I о категорическомъ отказѣ Константина Павловича наследовать престолъ.

Временемъ краткаго междуцарствія, породившаго смущеніе въ войскахъ и народѣ, не знавшихъ кому присягать, рѣшили воспользоваться руководителями разныхъ тайныхъ обществъ, образовавшихся среди офицеровъ въ царствованіе Александра I.

Заговорщики рѣшили торопиться и использовать день присяги.

Наступило сѣрое утро 14 декабря, когда въ Петербургѣ вышелъ манифестъ Николая I о восшествіи на престолъ.

Часть гвардіи, изволнованная ложными увѣреніями, что Константинъ Павловичъ насильно устраненъ отъ престола и даже арестованъ, отказалась отъ принятія присяги новому Императору.

Миткевичи съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ въ количествѣ двухъ тысячъ человекъ, съ примкнувшей къ нимъ уличной чернью, двинулись на Сенатскую площадь.

Не объединенная общими начальством и без участия достаточного числа старших офицеров толпа бунтовщиков бездействовала.

Государю было доложено о начавшихся беспорядках, и онъ, „перекрестясь, отдался въ руки Божія, рѣшивъ самому идти туда, гдѣ угрожала опасность“.

Твердость и энергія Николая Павловича нашли ему приверженцевъ между тѣми кто при другихъ обстоятельствахъ могъ оказаться на сторонѣ заговорщиковъ. Въ парадной формѣ, въ одномъ мундирѣ съ лентою черезъ плечо, несмотря на рѣзкій зимній холодъ, стройный, красивый молодой Императоръ выѣхалъ верхомъ изъ Зимняго дворца на усмиреніе возмущавшихся.

Вся площадь, отъ дворца до Исаакія, была покрыта ваволизованной толпой, которая разступалась передъ Государемъ. Увѣщанія вѣрныхъ Царевыхъ слугъ не дѣйствовали на мятежниковъ; были убиты Милорадовичъ, петербургскій генералъ-губернаторъ. Конногвардейцы ударили въ атаку по оледенѣлому булыжнику мостовой, но были отбиты.

Опасность грозила Императору со всѣхъ сторонъ.

Жизнь Царскаго брата, Михаила Павловича, была спасена лишь благодаря тремъ матросамъ, успѣвшимъ выбить пистолеть изъ руки одного изъ мятежниковъ.

Изъ толпы къ Государю успѣлъ пробиться офицеръ съ преступнымъ намѣреніемъ убить Монарха, и только нерѣшительность злодѣя спасла жизнь Николаю Павловичу. Несмотря на упорство бунтовщиковъ и на слѣзанные въ этотъ роковой день два покушенія на особу Его Величества, Императоръ старался принять всѣ мѣры къ тому, чтобы образумить мятежную толпу и закончить день своего вступленія на престоль безъ кровопролитія.

Но мѣры увѣщанія были тщетны. Настала рѣшительная минута, и Государь командовалъ „пли“.

Громъ боевыхъ орудейныхъ выстрѣловъ огласилъ площадь и улицы столицы и произвелъ впечатлѣніе на толпу, которая, не зная и не понимая, откуда и куда посылались снаряды, бросалась вразсыпную, давя другъ друга и очищая площадь.

Такъ кончился въ Петербургѣ этотъ „роковой день“, во словамъ Николая Павловича.

Императору тяжело было карать этихъ пылкихъ мечтателей, тѣмъ болѣе, что главной задачей ихъ политическаго движенія было освобожденіе крестьянъ,—мысль, далеко не чуждая самому Николаю I. Но онъ искренно думалъ, что время для этой реформы еще не наступило, что не помѣшало, однако, Царю, съ его обычнымъ прямотушіемъ и честностью, признать правильными нѣкоторые взгляды декабристовъ, руководствоваться иногда ихъ идеями и шесть разъ созывать комиссіи по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Государь Николай воплотилъ въ себѣ, такимъ образомъ, высшій героизмъ, доступный человѣку — героизмъ, который признается въ своихъ заслуженіяхъ и для блага страны, забывъ свое личное самолюбіе, беретъ лучшіе принципы у своихъ враговъ, поднявшихъ противъ него свое оружіе. Немедленно по окончаніи процесса „декабристовъ“ дворъ переселился въ Москву.

22 августа 1826 года состоялась, наконецъ, давно ожидаемая коронація Императора Николая Павловича.

Въ это время между Россіей и Турціей обострились отношенія, и шахъ, готовый было согласиться на миръ, началъ заигрывать переговоры. Тогда Паскевичъ двинулся на столицу Персіи — Тегеранъ.

Стремительный натискъ русскихъ войскъ вынудилъ непріятеля подписать 10 февраля 1828 года Туркманчайскій трактатъ ; Персія подпала подъ вліяніе своего могущественнаго сосѣда, къ которому отошло ханство Эриванское и Нахичеванское.

Между тѣмъ на Востокѣ произошли событія, приведшія къ разрыву дипломатическихъ сношеній между Россіей и Турціей. Доведенные до отчаянія звѣрствами турокъ, греки возстали противъ своихъ вѣковыхъ враговъ. Началась

неравная борьба. Императоръ Николай не могъ остаться равнодушнымъ къ участи несчастныхъ единоверцевъ, борющихся болѣе шести лѣтъ со своими поработителями, и рѣшилъ заключить съ Франціей и Англіей союзъ, чтобы общими силами принудить, дипломатическимъ путемъ, Порту къ прекращенію рѣни въ Греціи.

Съ цѣлью демонстраціи союзный флотъ появился въ водахъ Архипелага у Наварина, гдѣ располагалась громадная турецкая эскадра.

Убить парламентаря, турки 8 октября 1827 года пытались выйти изъ гавани и первые открыли огонь по союзникамъ. Такъ началось Наваринское сраженіе. Послѣ четырехчасового боя турецко-египетскій флотъ, состоявшій изъ 122 судовъ, былъ цѣлкомъ сожженъ и потопленъ 26 европейскими кораблями.

Султана стали готовить къ войнѣ съ Россіей, считая ее главной виновницей гибели своего флота. Государь обнародовалъ манифестъ съ повелѣніемъ войскамъ двинуться на врага, „поправшаго святость мирныхъ союзовъ и международныхъ обычаевъ“. Рѣшившись на войну съ Турціей, Императоръ пожелалъ принять личное участіе въ предстоящихъ на Дунаѣ военныхъ дѣйствіяхъ.

Державный Вождь считалъ своей обязанностью принять „скромную долю участія“ въ трудахъ и опасностяхъ своей арміи.

Прибывъ на театръ войны, Николай Павловичъ лично руководилъ осадой крѣпости Браиловъ. Повсюду войска восторженно встрѣчали своего Государя.

Въ присутствіи и по указаніямъ самого Царя, фельдмаршалъ Витгенштейнъ переправилъ войска черезъ Дунай. Передъ русской арміей пала крѣпость Варна.

Вскорѣ послѣ этого событія Государь покинулъ театръ военныхъ дѣйствій.

Послѣ Вѣнскаго конгресса изъ Варшавскаго герцогства было создано конституціонное королевство Польское, которое становится, по словамъ польскаго писателя Мохнацкаго, „настоящей политической амбей за пазухой самодержавной Россіи“.

Императоръ Николай, по вступленіи своемъ на престолъ, храния завѣтъ брата, „сохранилъ всѣ учрежденія Польши и не переставалъ выполнять обязанности конституціоннаго короля, можетъ быть, лучше, чѣмъ его предшественникъ“.

Но польскіе патриоты не умѣли оцѣнить доброты Царей,

21 ноября 1830 года разразился такъ долго подготовлявшійся взрывъ: въ Варшавѣ вспыхнуло возстаніе, и польская армія обратила оружіе противъ Россіи. Въ столицу привали вѣсти о первой крови, пролитой мятежниками, о первыхъ жертвахъ долга, чествовавшихъ на своемъ посту.

Негодование охватило русскія войска, особенно гвардію. При разводѣ въ манежѣ Преображенскаго полка, когда Императоръ объявилъ окружающимъ его офицерамъ о польскихъ событіяхъ, единодушный крикъ былъ ему отвѣтомъ: „Веди насъ противъ мятежниковъ: мы отомстимъ за оскорбленную честь Россіи!“.

И тогда наступилъ страшный расчетъ между Россіей, доверчивой и великодушной, и вѣроломной Польшей. Русскія войска вступили въ предѣлы Польскаго королевства подъ начальствомъ Дибича-Забалканскаго и подъ Прагою, при Гроховѣ нанесли первое пораженіе мятежникамъ. Польскія войска отступили къ Варшавѣ, вносъ панику среди населенія.

14 мая произошло кровопролитное сраженіе при Остроленкѣ, и полки вновь были разбиты.

Доблестный предводитель русскихъ войскъ, графъ Дибичъ, умеръ на своемъ посту, заразившись холерой, и мѣсто его занялъ Паскевичъ.

И какъ всегда, Царь находился тамъ, гдѣ было горе и опасность. Холера появилась сначала въ Москвѣ, и Монархъ стремится туда, чтобы лично распорядиться организаціей помощи. При въѣздѣ въ Кремль Императоръ остановился у Иверскихъ воротъ и приблизился къ образу. Умиленный народъ окружилъ экипажъ, тысячи рукъ поднялись для крестнаго знаменія, тысячи голосовъ молились о здравіи Монарха. „Отецъ нашъ, — шептали уста, — мы знаемъ, что Ты будешь: гдѣ наша бѣда, тамъ и Ты“.

Митрополитъ Филаретъ встрѣтилъ Государя въ Успенскомъ соборѣ съ крестомъ въ рукѣ и въ своей пріѣзжей рѣи сказалъ: „Такое царское

дѣло выше славы человеческой, поелику основано на добродѣтели христіанской... Съ крестомъ встрѣняемъ Тебя, Государь; да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь!»

Бѣдствіе распространилось и на Петербургъ; по улицамъ на каждомъ шагѣ встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено, какъ на далекомъ югѣ; ни одно облако не застилаало его синевы; трава поблекла отъ страшной засухи, ведѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Народъ въ смертельномъ страхѣ и отчаяніи волновался и ропталъ. Люди терили головы, вѣрили неслышимъ слухамъ, стали, наконецъ, врываться въ больницы, избивать санитаровъ, докторовъ, обвиняя ихъ въ отравленіи жителей.

И ночь 23 іюня среди пятидесятичной шумной толпы, собравшейся на Сѣнной площади, появилась высокая и величественная фигура Императора, и раздавалась его грозный голосъ. Дрогнула толпа, обнажились головы, народъ опустился на колѣни.

— До кого вы добираетесь, кого вы хотите? Меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я! Тогда глаза людей заблестѣли слезами восторга и раскаянія, и ликующее „ура“ прокатилось надъ толпою. Государь поцѣловалъ въ лобъ сѣдого старика изъ толпы народа и уѣхалъ, сопровождаемый криками и благословеніями.

Тамъ же безпорядки произошли въ Старой Руссѣ въ тамошнихъ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ толпа набрасывалась на офицеровъ и врачей и избивала ихъ. И опять довольно было одного появленія Государя, его гнѣвнаго голоса и укоряющихъ рѣчей, чтобы склонились къ землѣ повинныя головы и зачинщики сами вышли изъ толпы.

Но темныя тучи мало-по-малу рѣдѣли надъ Россіей, и скоро радостныя извѣстія доходятъ до Государя. 4 сентября внуку великаго Суворова привезъ Императору донесеніе отъ Паскевича. Фельдмаршалъ писалъ: „Варшава у ногъ Вашего Величества“. Послѣ этого событія война продолжалась, но не долго: полки мятежниковъ быстро таяли или скрывались за границу.

Всѣ штандарты и знамена польской арміи были привезены въ Москву и поставлены въ Оружейную палату; тамъ же была положена и хартія, пожалованная Царству Польскому Александромъ I.

Послѣ усмиренія польскаго возстанія наступило для Россіи мирное восемнадцатилѣтіе, если не считать постоянныхъ мелкихъ стычекъ съ кавказскими горцами. Кавказъ въ царствованіе Николая дѣлается постоянной военной школой для русской арміи, но школою иногда дорогою.

Миръ и тишина возворились на Руси; гордый гигантъ простеръ надъ ней свою сильную руку, держащую свитокъ, на которомъ были начертаны слова: православіе, самодержавіе и народность.

Улеглись волненія и политическія страсти, спокойствіе и довѣріе къ правительству осыпало сердца подданныхъ, и могущество Россіи высоко вознеслось надъ Европой, оберегая и тамъ миръ и тишину.

И Николай I въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ свою власть средоточіемъ жизни страны. Дѣятельность собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи расширяется съ каждымъ годомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ многія отрицательныя стороны государственной жизни обнаруживаются передъ Николаемъ I. Печальное положеніе русскаго правосудія обратило на себя всю заботливость Монарха послѣ его воцрѣнія. „Я желаю положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и строгость законовъ“, сказалъ Императоръ своему бывшему наставнику, бесѣдуя съ нимъ о задачахъ своего царствованія.

24 апрѣля 1826 года послѣдовало открытіе комиссіи для пересмотра и кодификаціи законовъ, получившей названіе Второго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Работы этого отдѣленія поручены были члену Государственнаго Совѣта Сперинскому, и едва ли Государь могъ найти лучшаго исполнителя для задуманнаго дѣла.

Результатомъ дѣятельности Сперанскаго явились „Полное собраніе законовъ“ (вышедшее въ 1830 году) и систематическій „Сводъ законовъ“ (выпущенный въ 1833 году).

Въ 1826 году было учреждено также и Третье Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. Въ обязанность этого новаго учрежденія входило все знать, все видѣть и обо всемъ доносить прямо Императору. Государь надѣялся такимъ образомъ прервать многочисленныя злоупотребленія агентовъ власти, отъ которыхъ страдала Россія, искоренить всякія неправды и навсегда положить конецъ всевозможнымъ пагубнымъ заблужденіямъ. Некоторымъ доказательствомъ истинно благихъ наміреній Государя при учрежденіи этого Отдѣленія можетъ также служить разсказъ о платѣ, переданномъ вмѣсто инструкціи начальнику Третьяго Отдѣленія генералъ-адъютанту и шефу жандармовъ Бенкендорфу; ему вмѣнилось въ обязанность отереть какъ можно больше слезъ, проливаемыхъ въ Россіи.

Когда 24 октября 1828 года скончалась Императрица Марія Феодоровна, Августѣйшая мать Царя, заботы объ учебныхъ заведеніяхъ, которыя раньше были подъ ея покровительствомъ, перешли къ Императору, для чего было учреждено Четвертое Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

Государь былъ вѣрному центру страны; ничто не ускользало отъ его орлиныхъ глазъ, и множество заботъ ложилось на него тяжелымъ бременемъ; онъ самъ посѣщалъ петербургскія больницы, лично былъ цензоромъ Пушкина, котораго считалъ лучшимъ украшеніемъ своей короны. И дѣйствительно, Пушкинъ былъ рельефнымъ показателемъ прогресса русской литературы.

Отъ Пушкина пошли всѣ великіе художники слова XIX вѣка, и нѣтъ въ русской литературѣ ни одного явленія, корни котораго не крылись бы въ его многогранномъ гениі. Государь предугадалъ великое значеніе Пушкина для родной поэзіи и, заботясь о славѣ ея, прощалъ ему многія вольности и легкомысліе. Покровительствомъ Монарха пользовался и Гоголь, и только благодаря приказу Государя его „Ревизоръ“ не былъ снятъ съ репертуара. Но Николай I не забывалъ и представителей литературы XVIII столѣтія, честно сдѣлавшихъ свое дѣло и теперь сходящихъ со сцены. Весною 1826 года, по приказанію Императора, военный корабль стоялъ наготовѣ, чтобы везти больного Карамзина въ Италію, но тотъ уже не могъ воспользоваться этимъ послѣднимъ знакомъ Царскаго благоволенія, — онъ скончался 22 мая.

Напряженная дѣятельность, въ которой проходили дни Государя, давала себя чувствовать: иногда не хватало силъ. 29 октября 1829 года Императоръ занемогъ. Тревога овладѣла городомъ, всѣ трепетали при мысли о потерѣ Монарха, столь необходимаго для блага и славы Имперіи. Императрица выходила по временамъ изъ комнатъ своего супруга съ заплаканными глазами сообщать о положеніи Августѣйшаго больного собравшимся придворнымъ.

Дѣцать дней прошло въ томительномъ ожиданіи между страхомъ и надеждой, наконецъ врачи объявили, что Николай I выздоравливаетъ. А въ декабрѣ Государь уже писалъ: „Милосердіе Божіе на этотъ разъ меня сохранило, чувствую только слабость въ ногахъ, однако я могу сегодня сѣсть верхомъ и слѣдовательно готовъ на службу“.

Величественный и строгій Императоръ заставилъ вѣрить въ божественное происхожденіе своей власти, и подъ его защиту добровольно возвращалось все раньше отпавшее. 12 февраля 1839 года всѣ греко-униатскіе епископы подписали просьбу объ уничтоженіи униі и о возвращеніи ихъ въ лоно общей матери, греко-россійской церкви. „Благодарю Бога и принимаю“ — отвѣтилъ Государь. Такъ мирно совершилось духовное воссоединеніе дѣтей одного русскаго народа подъ сѣнью единой ненарушимой церкви православной и подъ скипетромъ Самодержца-Царя. Государь закончилъ великое дѣло, начатое Екатериной, и, подобно ей, „отторгнутое насиліемъ воссоединилъ любовью“.

Между тѣмъ, съ первыхъ дней 1853 года, на политическомъ горизонтѣ Россіи собираются зловѣщія грозовыя тучи. Возникшее разногласіе между Россіей и Портою скоро приводитъ къ столкновенію съ великими державами Запада. Понятно было единодушіе всей Западной Европы, оплывшейся противъ сѣвернаго богатыря, котораго она такъ недавно еще уфѣрляла въ дружбѣ и расположеніи. Но не дрогнулъ богатырь, онъ затаилъ скорбь въ своемъ сердцѣ, высоко поднялъ вѣчанную главу и принялъ вызовъ.

Начало кровавой эпопеи, которая носит название Севастопольской кампании, положил славный герой Нахимовъ. 16 ноября 1853 года онъ вывелъ въ море свою эскадру, и среди бурныхъ волнъ, подъ змуримъ осеннимъ небомъ грянулъ Синопскій бой. Турецкіе корабли одинъ за другимъ шли ко дну, звучала канонада, всюду пламя, кровь, вопли и стenanія. И вотъ, какъ очистительная жертва, запылала фрегатъ „Фазли-Аллахъ“, наше судно, когда-то славившееся безъ выстрѣла противнику. Прошелъ часъ, и неприятельскій флотъ и батареи Сивкопа исчезли съ лица земли.

Враги не замедлили отплатить на это славное дѣло. На Страстной недѣлѣ 1854 года, во время субботней заутрени, когда въ соборѣ совершалось торжественное богослуженіе, а молящаяся толпа даялась въ глубокомъ молчаніи „хорони Христа“, во трогательно-наивномъ выраженіи народа, — гулъ орудійныхъ выстрѣловъ прокатился надъ Одессой: то союзный флотъ осыпалъ бомбами беззащитный городъ. Но у Одессы нашлись свои герои: прапорщикъ Щеголевъ со студентами линей храбро отплатилъ врагу выстрѣлами изъ четырехъ небольшихъ пушекъ, и бомбардированіе города такъ и окончилось ничѣмъ.

На разсвѣтѣ 5 сентября англо-французскій флотъ сталъ на якорѣ у Евпаторіи. Попытка загородить неприятелю путь къ Севастополю окончилась неудачей, и послѣ сраженія при Альмѣ войска наши, подавленные численностью врага, принуждены были отступить. Союзная армія подступила къ Севастополю.

Кажется, что здѣсь кончается дѣйствительность и начинается прекрасная легенда о простыхъ и чистыхъ душахъ людей, умѣвшихъ умирать скромно и мужественно, безъ громкихъ словъ, безъ мечты о славѣ. Они покоятся теперь на братскихъ кладбищахъ, и лишь немного именъ дошло до насъ сквозь длинный рядъ годовъ: но ихъ души не разлучились еще съ мѣстами, гдѣ они приносили свои жертвы и проливали кровь. Потому-то такой скорбной тоской воспоминанія сжимается сердце зрителя, когда онъ бродитъ по „святымъ мѣстамъ“ Севастополя, но въ то же время растеть въ его груди гордость и радость.

Вонъ тамъ у входа въ гавань, гдѣ солнце такъ ослѣпительно играетъ на волнахъ, медленно погрузились въ сплѣтъ воды славные корабли Черноморскаго флота, преграждая собою путь врагу. Восходящее солнце оварило одиѣ верхушки мачтъ надъ водой да толпу моряковъ на берегу, хоронившихъ своихъ богатырей.

Здѣсь вокругъ города кипѣла лихорадочная дѣятельность: при помощи жителей, женщинъ, дѣтей, воздвигались батареи, укрѣпленія; раздавались ласковыя, ободряющія слова Нахимова, начальника гарнизона Корнилова, инженера Тотлебена. Въ мѣсяцъ опоясался Севастополь грозными бастионами.

5 октября состоялось первое бомбардированіе Севастополя; самый адъ ворвался на землю и затопилъ городъ моремъ огня, дыма, крови и нечеловѣческихъ мукъ. И среди этого ужаса люди умѣли быть спокойными и величественно-просто умирать.

Все еще окутаны дымомъ, гремѣтъ батареи Севастополя, и дрожатъ отъ выстрѣловъ земля.

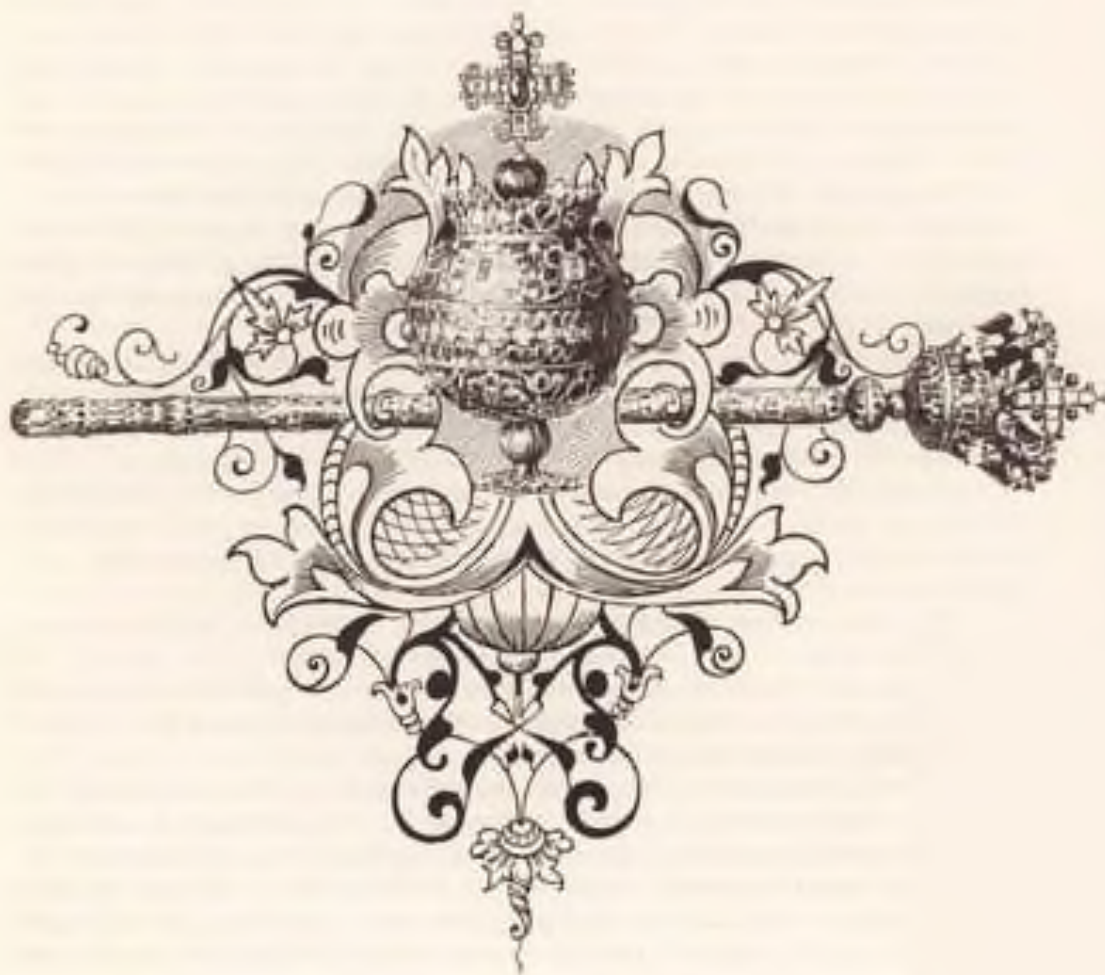
„Буди воля Божія, буду нести крестъ мой до истощенія силъ“, пишетъ Императоръ Николай князю Горчакову. И съ скорбнымъ лицомъ несетъ безропотно этотъ тяжелый крестъ Монархъ.

Но силъ не хватило. Простудившись въ началѣ февраля 1855 года, Государь не пожелалъ остаться дома, а 9 февраля въ сильный морозъ выѣхалъ, чтобы проститься съ полками, уходившими въ Крымъ; то же случилось и 10-го, несмотря на протесты врачей. Наконецъ, 11 числа того же мѣсяца Императоръ слегъ въ постель. Болѣзнь быстро развивалась, силы Николая Павловича падали; онъ не могъ уже болѣе заниматься дѣлами и бремя ихъ вынужденъ былъ возложить на Наслѣдника.

Горе сломало гиганта. Чувствуя, какъ уходитъ послѣдняя сила, Государь пожелалъ приобщиться Св. Таинъ и проститься со всѣми членами Царской семьи. Особенно долго и скорбно смотрѣлъ Императоръ на того, кто смѣнитъ его на прародительскомъ престолѣ, возложить на свои юныя плечи страданіе, неразлучное съ вѣщомъ, и повесить его многіе дни и годы.

„Мнѣ хотѣлось, — сказалъ Наслѣднику Императоръ, — принять на Себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи Я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Служи Россіи!“

18 февраля, въ 20 минутъ послѣ полудня, Императоръ Николай I почилъ смертию праведника, и Александръ II вступилъ на престолъ. Съ вѣрой, любовью и надеждой обратились на него взоры русскихъ людей, ожидая, что солнце его милосердія взойдетъ надъ странюю, согрѣетъ и обновитъ ее, что, исполняя завѣтъ починашаго, будетъ онъ служить родинѣ, снимать съ нея гнетъ и тяжесть рабства, избавитъ родину отъ мукъ, проклятій и слезъ.

The Reign of Emperor Nicholas I

During the reign of Alexander I, the "New School" activists of the epoch, imbued with Voltairian ideas, lost not only the historic autocratic concept which had created the unified realm, but even lost sight of the fact that they were Russians. Towards the end of this reign, a new spirit spread widely among the higher classes; a spirit which organized them into secret societies and directed its efforts toward the overthrow of the State.

When Tsar Nikolai Pavlovich ascended the throne, conditions in Russia required the exercise of much wisdom and courage on his part. The chaotic events of 14th December, 1825 erupted at the very beginning of his reign. Nikolai I was not confused by what took place before his palace. He appeared as a hero before the face of the agitators and, with deep faith in his historic power, manifesting the adamant will of a true autocrat, he forced the trouble-makers into submission.

It was understandable how Moscow greeted the new Tsar when he arrived for his coronation on 21st July, 1826. The concept of the Autocrat had developed in Moscow. The Autocrat was acknowledged as the creative strength of the Orthodox State and Muscovites vied for the chance to honour the new Tsar as a true Russian hero.

During the triumphant entry, Archbishop Philaret of Moscow greeted the Sovereign with words explaining the deep significance of the Church-State celebration. He recalled how the new Tsar had postponed his own earthly glory, pausing to restore order and safety to Russia. The Tsar was touched to tears.

During the coronation, Nikolai Pavlovich dropped to his knees and recited the prayer for wisdom from memory, very loudly, and with deep feeling. During the liturgy, he stood bare-headed in humility, not displaying his own earthly grandeur before the King of Kings.

After the anointing and Communion, received from Metropolitan Serafim of Novgorod, he was presented to venerate that same cross which Peter the Great had carried on his person at the battle of Poltava. This cross had saved Peter's life because a bullet had been intercepted by the left point of the cross and had left an indentation where it struck.

The Tsar visited the Cathedrals and then went to the Red Staircase where he bowed to the people in all three directions, recalling the Byzantine custom. The people roared with ecstasy at seeing the Tsar.

The presence of Grand Duke Constantine in Moscow had a great significance. His rejection of the throne was kept secret and caused many misunderstandings. When Constantine attempted to kiss the new Emperor's hand, Nikolai brushed his hand aside and instead kissed Constantine on both cheeks.

Amnesties were granted to criminals convicted in former reigns and partial remissions were granted to some of the Decemberists.

On 15th and 16th August, troop maneuvers were conducted and on 3rd September, the Tsar reviewed the troops and attended a military dinner. The usual series of balls was conducted.

At the People's Feast, two hundred and fifty tables, each ten yards long, were set up and covered with food. A special pavilion was erected for the Tsar and his family. Birch trees were set up around the field and decorated with apples.

At the end of festivities, the trip to the Sergius-Trinity Lavra was made by the Imperial family. The Tsar venerated the relics of St. Sergius, attended the Liturgy and inspected the monastery. At the end of the visit, Archbishop Philaret showed the Tsar a letter which his father, Pavel Petrovich, had written to Metropolitan Platon, expressing his joy at the birth of his son Nikolai. The Sovereign was deeply moved and he kissed the letter, passing it to his wife who also kissed it.

Nicolai Pavlovich had already in 1819 been informed by Emperor Alexander I that Constantin Pavlovich had categorically renounced all his rights as heir to the throne. However, this was not widely known outside Court circles, and a number of leaders of various secret societies decided to benefit from the uncertainty that reigned immediately upon receipt in St. Petersburg of the news of Alexander's death.

In the morning of December 14, 1825, when Nicholas issued his manifesto of having ascended the throne, part of the Imperial Guard, believing in the false assertions that Constantin Pavlovich had been forcibly denied the throne, refused to swear allegiance to the new emperor. The mutineers, numbering some two thousand men, and followed by a mob of the city's citizens, moved toward the Senate Square. Not even the appearance in person of Tsar Nicolai Pavlovich before the rioters and his impassioned plea to them to disperse so as to avoid bloodshed was sufficient to bring them to their senses. Attempts were made to assassinate the new emperor, who continued his efforts to resolve the conflict without bloodshed, at great personal risk to his life and safety. However, all proved futile, and the new Tsar was forced to order his troops to clear the streets and arrest the ring-leaders of the plot.

Emperor Nicolai Pavlovich personified courage as it is attainable by man: the courage to admit his own mistakes openly and to adopt the reforms proposed by his enemies. Six times he summoned commissions to study the problems of liberation of the serfs.

The coronation of Emperor Nicholas Pavlovich I took place on August 22, 1826. At that time, Russia's relations with Turkey were very strained and Russian troops were ordered to advance on Teheran, Persia's capital. This forced the Shah to sign the treaty of Turkmanchaisk. In the East, nationalism was growing into a mighty force and Russia could not remain impartial to these stirrings within Turkey's domains. When the Greeks rose up in revolt, the Tsar formed an alliance with France and England so as to force Turkey to make concessions without war. The Allied fleet sailed through the Dardanelles to confront the huge Turko-Egyptian armada of 122 ships. The Turks opened the hostilities against the 26 ships of the Allies and suffered complete defeat.

The Sultan began to make preparations for war with Russia, correctly considering her to be the main cause of the destruction of his navy. The Emperor replied by ordering his armies to advance against Turkey "for having trampled upon the sanctity of peace treaties and international customs."

In the meantime, open revolt broke out in Poland on November 21, 1830. Russian troops moved in and after a series of bloody battles Warsaw was taken on September 4. Throughout the uprising, an epidemic of cholera raged in Moscow and Petersburg. The Tsar appeared in all the stricken areas, personally directing medical and relief work.

After the end of the Polish insurrection, peace reigned in Russia for an uninterrupted period of eighteen years. The Tsar ruled with a firm hand, being governed in his actions by the finest traditions of Orthodoxy, monarchy and democracy.

During the Crimean War, the Emperor became ill and requested his spiritual father. He partook of Holy Communion and said goodbye to all the members of his family. On February 18, 1855 Emperor Nicholas I died and his son Alexander Nicolaevich II ascended the throne of the Romanoffs.

ь тяжелую годину вступилъ на Императорскій престоль Государь **Александръ II**. Восточная война была въ самомъ разгарѣ и доводила силы Россіи до крайняго напряженія.

„Не съ обнаженнымъ мечемъ желать принять Благочестивѣйшій Монархъ отъ миротворной Церкви св. таинство Царскаго миропомазанія.

Въ годину народныхъ жертвъ и лишеній, державная сердобольная забота, обращающая къ мѣсту побойща, отклоняла приуготовленія къ торжествамъ, свойственнымъ вѣнчанію на царство Россійскихъ Самодержцевъ... Когда же вождельный миръ положилъ конецъ зловолучіямъ войны, Высочайшій манифестъ возвестилъ о нахѣреніи Императора приступить къ обряду Священнаго Коронованія“.

Манифестъ этотъ, отъ 17 Апрелья 1856 года, приглашалъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ соединить усердная мольбы съ теплыми мо-

АЛЕКСАНДРЪ II
Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій,
1855 - 1881.

EMPEROR ALEXANDER II — 1855-1881

Москва. коронация Императора Александра II — Восшествие на престол Императора.

литвами Самого Государя, „да илїется на Него и на царство Его благодать Господня, да поможет Ему Всемогуцій, съ возложеніемъ вѣнца Царскаго, возложить на Себя торжественный передъ свѣтомъ обѣтъ — жить единственно для счастья подвластныхъ Ему народовъ, и да направитъ Онъ къ тому, наитіемъ Всесвятаго, животворящаго Духа Своего, всѣ помышленія, всѣ дѣянія Его“.

Въ этотъ періодъ, отъ восшествія на престолъ — до дня коронаціи стать извѣстенъ Россіи ясно и опредѣленно и самый обѣтъ новаго царствованія.

Восточная война, возгорѣвшаяся изъ-за ключей Визеумскаго храма, громко вошїяла къ нашему внутреннему государственному порядку, который менѣе всего отвѣчалъ Визеумской идеѣ. Великая міровая задача освобожденія массы православнаго народа отъ гнета вѣкового рабства возникла сама собою, какъ прямая и ближайшая задача русской исторіи, и пала на великую христіанскую душу новаго Самодержца. О чемъ мечтать только Его дѣдъ, на что не рѣшался Его отецъ, то поставилъ Онъ завѣтомъ и первымъ дѣломъ Своего царственнаго служенія.

Мысль Царя сливалась съ волею всей земли, и свѣтлые лучи упованія охватили весь народъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца.

Вѣра Царя въ Свое святое призваніе къ величайшей исторической задачѣ и лучезарная чаюнія народа, возбужденныя царскимъ завѣтомъ, отразили печать свою и на всемъ коронаціонномъ торжествѣ.

Церковная сторона коронаціи была теперь особенно торжественна, и на ней сосредоточено было особенное вниманіе. Живѣйшая радость одухотворяла всѣ предшествовавшія и послѣдующія торжества, и тѣмъ ярче, чѣмъ свѣтлѣе были упованія, возбужденныя нововѣнчаннымъ Монархомъ.

На эту коронацію созванъ былъ цѣлый соборъ архипастырей россійской Церкви. Въ Москву были вызваны не только архіереи ближайшихъ къ ней епархій, какъ было прежде, но всѣ тогдашніе знаменитѣйшіе іерархи, изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Приглашены были, кромѣ присутствовавшихъ членовъ Синода, и Литовскій митрополитъ Іосифъ, отличенный еще Императоромъ Николаемъ за его дѣятельность по обращенію въ православіе

Митрополитъ катънопреклонно читаетъ молитву.

*Шествіе Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны къ Святиславу
Коронному въ Успенскій соборъ.*

знамено-русскихъ униатовъ, знаменитый проповѣдникъ Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, гремѣвшій своимъ словомъ во время Восточной войны, Варшавскій Арсеній, впоследствии митрополитъ Кіевскій, Казанскій Григорій, впоследствии митрополитъ Петербургскій, Нилъ Ярославскій, знаменитый дѣятель Сибири, Симбирскій Θεодосій, Костромской Филофей, впоследствии митрополитъ Кіевскій. Соборъ состоялъ изъ 12 высшихъ іерарховъ русской Церкви и 28 архимандритовъ, протопресвитеровъ и протоіереевъ.

Кромѣ того, на коронацію прибыли съ Востока православные митрополиты, Погопѣанскій Никандръ, Ангорскій Іерофей и епископъ Ошанскій Никаноръ, впоследствии патриархъ Александрійскій.

Первенство при совершеніи церковнаго торжества предоставлено было не первенствующему члену Синода, какъ было прежде, а старѣйшему и знаменитѣйшему архимастырю первопрестольной столицы, митрополиту Филарету.

Копейничина на полюдье в городе.

При входе Государя въ Успенскій соборъ, Филаретъ кратко и сильно выразилъ смыслъ настоящаго торжества.

„Молитвою любви и надежды навутствуетъ Тебя Россія. Съ молитвою любви и надежды пріемлетъ Тебя Церковь“..

„Но кто достоинъ здѣсь благословить входъ Твой? Первопрестолникъ сей церкви, за пять вѣковъ донынѣ предрекавшій славу царей на мѣстѣ семъ. Святитель Петръ да станетъ предъ нами, и, чрезъ его небесное благословіе, благословіе пренебесное да спадеть на Тебя и съ Тобою на Россію“!

Самъ Государь готовился къ этому священнодѣйствию особенно усердно. Вскорѣ, по торжественномъ вѣздѣ въ Большой Кремлевскій дворецъ, Онъ удалился въ село Останкино, въ хоромы, построенныя въ 1797 году графомъ Шереметевымъ, по случаю ибичанія на царство Павла I. Здѣсь, въ уединеніи, вдали отъ столичнаго шума, готовился Онъ постомъ и молитвою къ таинствамъ миропомазанія и причащенія.

Первоначально днемъ коронаванія назначено было 19 Августа, но такъ какъ этотъ день совпадалъ со днемъ празднованія явленія иконы Донской Божіей Матери, и ежегодно бываетъ изъ Кремля крестный ходъ въ Донской монастырь, въ силу вѣкового народнаго обычая, то, вѣроятно, по совѣту Филарета, коронація была перенесена на 26 Августа.

Какъ и при предыдущей коронаціи, въ торжествѣ участвовала вдовствующая Императрица, возсѣдавшая на особомъ тронѣ, подъ балдахиномъ, вправо отъ трона Императорскаго, что усиливало впечатлѣніе самаго торжества.

Во время чтенія коронаціонныхъ молитвъ митрополитъ Филаретъ покрылъ главу Государя своимъ омофоромъ и затѣмъ уже возложилъ на нее свои руки.

Хоръ, состоявшій изъ ста челобѣтцъ, отвѣчая на молитвы Всероссийскаго церковнаго собора, овладѣвалъ благоговѣйнымъ настроеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ. Звукъ православнаго пѣнія звучалъ, какъ пѣсни небесныхъ ангеловъ, и проникали даже въ душу, которая и не хотѣла бы поддаться ихъ обязательному могуществу.

Все это, и особенно молитвенное настроеніе Самого Царя, глубоко затронуло сердце иноземцевъ и иновѣрцевъ.

Коронаціонныя торжества завершились фейерверкомъ; но неблагоприятная и нѣсколько туманная погода много воспрепятствовала эффекту огненныхъ картинъ.

Во время посвященія Троицкой лавры, Ихъ Величества собственноручно возложили драгоценный покровъ на раку преподобнаго Сергія.

Милостивѣйшимъ манифестомъ, между прочимъ, отменены были рекрутскіе наборы на три года и облегчены наказанія за разныя преступленія — особенно политическія. Однихъ декабристовъ освобождено было 32 человека; нѣкоторымъ изъ нихъ возвращены были дворянскія права, княжескіе титулы; и это распространено было и на дѣтей тѣхъ изъ осужденныхъ, кои умерли въ ссылкѣ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ОСВОБОДИТЕЛЬ.

„Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, падшее по воле Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?“

Пушкинъ.

Дзаря занялась надъ Россіей. Вотъ уже сіяетъ небо, и на его фонѣ сіють яркія, драгоценныя слова: „Какъ оплакиваемая Намъ любезный Родитель Нашъ посвящала всѣ Свой усилія, всѣ часы Своей жизни трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ, такъ и Мы въ сей печальный, но торжественно важный часъ, вступая на Прародительскій Нашъ престолъ Россійской Имперіи, передъ лицомъ невидимо соприсутствующаго Намъ Бога, приемлемъ священный обѣтъ, имѣть всегда единою цѣлю благоденствіе Отечества Нашего...“.

Но Царь знаетъ, какъ тяжелъ подвигъ служенія Россіи, который онъ принимаетъ на себя, и потому проситъ „первопрестольный градъ, колыбель свою“ и весь народъ „стать на колѣни въ своихъ домахъ и молиться, невидимо и неслышно, но усердно и тепло за Него, за Его счастье и крѣпость въ подвигъ жизни“.

Молитвы нужны были Александру II, ибо такая скорбь переполнила Его доброе сердце, какую рѣдко приходится испытать простому смертному. Взоръ его неотступно былъ устремленъ на югъ, туда, гдѣ, какъ скала среди бурнаго кроваваго моря, стояла Севастопольская твердыня, разрушаясь мало-по-малу въ неравной борьбѣ.

Все выше и выше взмываются разъяренныя волны, и битва съ ними уже не напоминаетъ объ адѣ и не наполняетъ душу ужасомъ: люди свыклись съ самою смертью.

6 іюня — штурмъ. Волны хлещутъ о подножіе многострадальнаго Малахова кургана, но генералъ Хрулевъ обращается къ солдатамъ съ простыми словами: „Навались, ребята! благодѣтели, за мной!“ Яростная схватка — и штурмъ отбитъ.

Но дни шли, одинаково безотрадныя и кровавыя, и не обѣщали никакой перемены; герои-защитники напрягали послѣднія силы; Севастополь сталъ грудой обугленныхъ развалинъ, и въ рядахъ бойцовъ не досчитывались лучшихъ людей: Нахимовъ — убитъ на Малаховомъ курганѣ, Тотлебенъ — раненъ; медленно подходятъ послѣдніе дни; наступаетъ 27 августа 1855 года.

Въ полдень начался штурмъ. Послѣ цѣлаго дня отчаянной и ожесточенной борьбы, послѣ многихъ подвиговъ самоотверженной храбрости, русскія войска стали отступать, потому что „есть не возможное даже для героевъ“. Пороховые погреба, батареи взлетали на воздухъ, пожаръ бушевалъ надъ развалинами, а въ морѣ тонули остатки Черноморскаго флота. Севастополь палъ, но имя его, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и „имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавы и Бородино“.

Императоръ не терялъ надежды на лучшее будущее; онъ вѣрилъ въ звѣзду Россіи, но сожалѣніе „о дорогой крови, которая ежедневно проливалась геройскимъ гарнизономъ Севастополя“, такъ терзала его сердце, что онъ невольно ищетъ отрады въ родномъ городѣ, подъ сѣнью Московскихъ святыхъ.

Царское горе было горемъ народа, и глубокой нѣжностью звучать простые слова, которыми толпа привѣтствовала, по свидѣтельству очевидца, скорбнаго Императора: „Родной нашъ! Утѣши его, Господи! Помоги ему, обрадуй его! Помилуй насъ!“.

Можно было заранѣе предугадать, что Государь захочетъ увидѣть своихъ героевъ, поблагодарить ихъ и поклониться павшимъ. Но отправляясь въ Ново-

россійскій царь, онъ „строжайшимъ образомъ“ запретилъ дѣлать какия-либо приготовления для смогровъ войскъ, говоря: „Они и безъ того много претерпѣли, и потому не хочу, чтобы припадъ Мой былъ имъ въ тягость“.

28 сентября Александръ II, сопутствуемый двумя младшими братьями, прибылъ ужъ въ Бахчисарай, гдѣ находился главный штабъ Крымской арміи. Едва войска завидѣли его съ крутой, почти отвѣсной горы, какъ стремглавъ бросились къ Императору и остановили коляску. Солдаты цѣловали его руки и ноги. Удерживая ихъ, Царь говорилъ имъ объ усталости, но толпа не слушала его.

Государь въ землю поклонился Севастополю, долго молясь со слезами о павшихъ въ бою. Въ продолженіе четырехъ дней Императоръ объѣзжалъ войска, расположенныя на позиціяхъ вокругъ Севастополя; всѣхъ осѣтило солнце Царской ласки: не забылъ онъ ни офицеровъ, ни солдатъ, ни раненыхъ, ни вдовъ, ни сиротъ. Рѣдкая надежда оставалась послѣ его посѣщенія, и благословенія и молитвы неслись ему вслѣдъ.

И надеждамъ измученныхъ людей суждено было сбыться: 16 ноября палъ Карсъ, крѣпостной флагъ и ключи цитадели были положены къ ногамъ Государя. Восточная кампанія завершилась побѣднымъ подвигомъ.

17 августа состоялся торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ и Высочествъ въ первопрестольную столицу. Поклонившись святынямъ Москвы, Императоръ, съ супругою и дѣтьми, переселился въ Останкино, гдѣ въ глубокомъ уединеніи готовился постомъ и молитвою къ обряду коронаціи и миропомазанія.

26 августа совершилось торжество въ большомъ Успенскомъ соборѣ по чину въѣзанія на царство русскихъ Государей, установленному со времени Царя Ивана IV.

Въ мартѣ 1856 года въ рѣчи, обращенной къ представителямъ Москвы, Государь возвѣстилъ о своемъ намѣреніи уничтожить рабство въ Россіи. Тогда все, что было благороднаго, сильнаго, лучшаго въ странѣ, встало, какъ одинъ человѣкъ, и доказало, что Россія готова принять отвѣтственность за разрѣшеніе одной изъ крупнѣйшихъ задачъ человѣческой исторіи.

Четыре года работали подготовительныя коммисіи надъ составленіемъ плана реформъ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ двадцать два миліона людей ожидали разрѣшенія своей судьбы. „Я не могу не удивляться и не радоваться, — сказалъ Государь, передавая Государственному Совѣту проекты, выработанные коммисіями, — Я не могу не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ Нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ“.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ государственныя дѣтели шли такъ далеко въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, какъ самъ Государь и лучшая часть общества.

Нашлись другіе люди, которые стремились свести великую реформу къ минимуму, въ угоду сословнымъ интересамъ. Была даже сдѣлана попытка освободить народъ безъ зсман, но всѣ эти ограниченія разбились о личную волю Императора Александра II.

„... Я запомнилъ, — рассказываетъ князь В. П. Мещерскій, — что Государь высказался самымъ категорическимъ и рѣшительнымъ образомъ за освобожденіе крестьянъ съ землею...“.

Это воспоминаніе современника подтверждается словами Императора въ его рѣчи, произнесенной 28 января 1861 года на общемъ собраніи Государственнаго Совѣта.

Эта рѣчь „поставила Монарха безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ приобрѣлъ себѣ безсмертіе...“.

Недовольный медленнымъ ходомъ работъ и попытками исказить его свѣтлую мысль о благѣ народа, Государь подчеркнул присутствующимъ чле-

намъ Совѣта, что „Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ, и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ... Всѣ различныя мнѣнія Я выслушиваю охотно, но Я вправѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные Моемъ довѣріемъ“...

Такимъ образомъ Царь громко заявилъ свою неизмѣнную волю и далъ определенное направленіе ходу работъ Государственнаго Совѣта.

И вотъ наступило 19 февраля 1861 года, „великій день, новозавѣтный день“, когда Царь,

„Замѣченный отъ вѣка
„Великою Господней благодатью,
„Рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
„И возвратилъ семь меньшую братью“...

Александръ подписалъ манифестъ, кончавшійся памятными для всѣхъ словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословіе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Какимъ великимъ бы ни представлялся этотъ актъ Александра II съ точки зрѣнія общечеловѣческой, онъ кажется еще выше, когда разсмотрѣть мѣсто, которое онъ занимаетъ въ нашей отечественной исторіи. „Значеніе крѣпостнаго права въ русской жизни, — говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей, — было универсально. Это право обуславливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупнѣхъ и кончая самими мелкими“. И дѣйствительно, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права должно было измѣниться все общественное устройство. Поэтому эпоха Александра II ознаменовалась такими преобразованиями, какъ учрежденіе земства (внутренняго самоуправленія), введеніе новыхъ судебныхъ установленій, когда воистину „правда и милость воцарились въ судахъ“, начало всеобщей воинской повинности, отмена тѣлесныхъ наказаній и др.

Жизнь горячимъ ключемъ забила въ Россіи. Перевооруженная армія, въ рядахъ которой братски сошлись члены всѣхъ сословій, и новый броненосный флотъ, „представлявшій изъ себя живую силу, заключающую всѣ данія для дальнѣйшаго развитія“, стали прочнымъ оплотомъ обновленной страны.

Сѣть желѣзныхъ дорогъ покрыла Россію; развилось пароходство, исправнились шоссевыя пути. Прогнали заводская и мануфактурная промышленность и вывѣсивъ и внутренняя торговля. Обороты государственнаго банка расширились, были основаны общественныя и частныя коммерческія банки, общества взаимнаго кредита, ссудо-сберегательныя товарищества, частныя и городскія ломбарды, земельныя банки.

Соотвѣтственно общему хозяйственному развитію страны улучшились почтовое и телеграфное сообщенія, что вызвало расширение круга дѣятельности почты и телеграфовъ и коренное ихъ преобразование; въ 1874 году Россія вошла въ составъ всемірнаго почтоваго союза, и въ 1875 году была установлена одинаковая такса за письменную корреспонденцію, какъ международную, такъ и внутреннюю.

Въ началѣ царствованія Александра II въ Россіи существовало всего три линіи электрическаго телеграфа, а въ 1880 году русская сѣть по протяженію занимала уже первое мѣсто среди телеграфовъ прочихъ государствъ.

Вмѣстѣ съ матеріальнымъ ростомъ шагнула впередъ и духовная жизнь страны. Развитіе просвѣщенія въ русскомъ народѣ и утвержденіе его въ вѣрѣ и благочестіи составляли предметъ постоянныхъ заботъ Императора Александра II, признававшаго въ томъ для Россіи „вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастья“.

Множество новыхъ учебныхъ заведеній, высшихъ, среднихъ и низшихъ,

были открыты за 26 лѣтъ этого царствованія; большое вниманіе обратилъ Государь и на женское образованіе.

Быстро и широко разросся кругъ дѣятельности вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, состоявшихъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Монарха; въ нихъ повеченіе о воспитаніи юношества тѣсно связывалось съ дѣломъ благотворительности.

Подъ властью Царя-Освободителя Русь растетъ и ширится отъ моря и до моря. Въ 1860 году былъ заключенъ Пекинскій договоръ, по которому владѣтельство Россіи распространилось на обширныя земли отъ Уссуріи до океана, гдѣ основывается Владивостокъ. „Всѣ сомнѣнія разсѣяны, — писалъ генералъ-губернаторъ восточной Сибири, — теперь мы законно обладаемъ и прекраснымъ Уссурійскимъ краемъ, и южными портами, приобрѣли право сухопутной торговли изъ Кяхты, и все это безъ пролитія русской крови — благодаря неуклонной твердости, съ которой поддерживали это дѣло самъ Императоръ“.

Во время царствованія Александра II было совершено окончательное покореніе Кавказа, такъ долго вызывавшаго Россію на постоянную утомительную борьбу. Это важное событіе окончилось такъ блистательно опять только вслѣдствіе личнаго вмѣшательства Императора.

Но мирное настроеніе удержалось не долго: въ 1875 году молодому генералу Скобелеву пришлось усмирять возстаніе въ Кокандѣ, слѣдствіемъ чего было присоединеніе къ Россіи всего ханства въ 1876 году. Наконецъ, послѣ двухъ походовъ Скобелева въ туркменскую степь противъ Ахаль-Текинскаго племени, царственная мечта Петра Великаго осуществилась. Россія владѣла въ Азіи огромнымъ пространствомъ, простирающимся отъ Каспійскаго моря до западной границы Китая, отъ Сибири до Афганистана и Индіи. Просвѣщеніе и культура проникли въ сердце Азіи, и слово „Царь-Освободитель гремитъ и славится и тамъ!“.

Казалось, благоволенія и благодарности подвластныхъ Россіи народовъ долженъ былъ пожинать Императоръ на своемъ пути, но, однако, самыя слѣдныя минуты его были отравлены горемъ. Въ то время, когда всѣ помыслы Государя были заняты мечтой о свободѣ, которую онъ даруетъ своимъ подданнымъ, въ Польшѣ вспыхнула смута. Польскіе, не удовлетворенные уступками, сдѣланными имъ Александромъ II при вступленіи на престолъ, стремились къ полной политической свободѣ и національной независимости.

Но въ неистощимомъ своемъ милосердіи Императоръ шадилъ измѣнниковъ до конца; въ первый день Пасхи 1863 года онъ издаетъ манифестъ, въ которомъ увѣщаетъ возставшихъ положить оружіе, обѣщаетъ имъ полную амнистию, и предлагаетъ помочь ему провести необходимую для блага Польши реформу. Но повстанцы не вняли призыву Государя, и тогда негодованіе овладѣло русскими людьми, которые спѣшили высказать Александру II свою готовность жертвовать собой для Россіи и исполнять его велѣнія. „Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ передъ всеслышнымъ призывомъ отечества. Мы молимъ Всевышняго, да отвратитъ Онъ отъ нашего отечества бѣдствія войны. Но война не страшитъ насъ. Всѣ сословія, всѣ вѣроисповѣданія готовы были слотиться въ виду опасности, угрожающей родинѣ. Сила русскаго патриотизма сломала мятежниковъ; порядокъ былъ восстановленъ сначала въ Литвѣ, а затѣмъ, къ 1 мая 1864 года, и въ Польшѣ.“

Пять покушеній было совершено на драгоценную жизнь Великаго Монарха, реформатора исвой Россіи.

Но невидимая рука Промысла Божія отводила руку убійцѣ.

И не было страха въ душѣ Монарха, не было злобы на своихъ преслѣдователей. Вокругъ него народъ и Царская семья то замидали отъ ужаса, то праздновали новое чудесное спасеніе Государя; онъ же былъ неизмѣнно покоенъ: по прежнему благостно глядѣли прекрасные глаза, и взоръ часто обра-

щазся въ небо: „На Него возлагаю, какъ всегда, всю свою надежду. Да будетъ воля Его.“

Безропотно принялъ Александръ II и несчастье, ниспосланное ему въ его семьѣ: измученная постояннымъ страхомъ за Государя, 22 мая 1880 года скончалась Императрица Марія Александровна, столько лѣтъ длѣвшая съ Царственнымъ подножникомъ его труды и страданія.

Предчувствіе бѣды грознымъ облакомъ поднялось надъ Россіей; все яростнѣе становилась злоба преступнаго подполья, но свѣтель и безстрашенъ по-прежнему былъ Царь.

На первой недѣлѣ Великаго поста 1881 года Императоръ говѣлъ съ семьей, и никогда еще такимъ радостнымъ миромъ не было ослѣнено его чело.

Первое марта...

Словно спустилась тьма надъ страной; безривинный страхъ оковала души людей; оживленіе необычнаго ужаса повисло надъ землей. Жуткая тишина, и только величественная благовѣсть сворбной волной плыветъ надъ столицей.

И вотъ это напряженное безмолвіе нарушается ужаснымъ звукомъ взрыва, раздавшагося на набережной Екатерининскаго канала. Вся Россія дрогнула и отозвалась зломъ воплей и стenanій.

А на камняхъ мостовой, обгаренныхъ кровью, лежалъ въ это время Императоръ, опираясь на чугунную рѣшетку канала, съ обнаженной головой и раздробленными ногами; поблѣвшія губы его шептали: „Помогите!“

Царь, великій Царь Россіи, всю жизнь отдавшій на служеніе родному народу, теперь слабый и изнемогающій, просилъ о помощи! Сотни преданныхъ рукъ протягиваются къ Монарху, поднимаютъ его бѣдное изуродованное тѣло и несутъ къ санямъ, чтобы везти во дворецъ. И вотъ тутъ случилось нечто такое великое и прекрасное, передъ чѣмъ съ благоговѣніемъ склоняется толпа: увидя, что любимый слуга его не можетъ подняться съ земли, Императоръ, забывъ свои собственные нечеловѣческія муки, спросилъ его: „Ты раненъ?“ и, не получивъ отвѣта, повторилъ свой вопросъ.

Вступая на престолъ, Государь широко открылъ свою душу и принялъ въ нее все людское горе и все страданіе и, умирая, теряя сознаніе, хотѣлъ въ послѣдній разъ взять на свои истомленные плечи чужую ношу, чужую бѣду.

Въ 3 часа 35 минутъ повзлудни заколебался штандартъ надъ Землемъ дворцомъ и медленно началъ опускаться... Государь-Мученикъ почилъ вѣчнымъ сномъ. Народъ, въ глубокое безмолвіе стоявшій на Дворцовой площади, ослѣпиль себя крестнымъ знаменіемъ.

„Въ это время въ воздухѣ пронесся глухой ударъ, Исакиенскаго колокола — церковь звала вѣрующихся къ повседневной вечерней молитвѣ...“

Среди народа слышались плачь и рыданія. А по воздуху неслись торжественные звуки колокола, какъ бы призывая людей склониться къ престолу Всевышняго и въ молитвѣ встрѣтить новую невѣдомую эру историческаго бытія Россіи, окропленную на своей зарѣ мученичскою кровью Царя-Освободителя.

Теперь на мѣстѣ ужасной кончины Императора Александра II, уходя въ небо пестрыми главами, стоитъ „Храмъ на крови“.

The Reign of Emperor Alexander II — The Emancipator

Alexander II, called "the Liberator", ascended the Imperial throne at a difficult time. The Eastern War (Crimean war) was at its height and was placing the might of Russia to a severe test.

The devout monarch did not approach the peace-loving Church for the Holy Mysteries of Royal Anointing with a bared sword. At the time of the people's sacrifices and deprivations, the compassionate attention of the State was directed at the bloody conflict and distracted from preparations for the celebrations peculiar to the wedding of the Autocrat to the Realm. Only when the longed-for peace at last put an end to the ill-fated war, was a manifesto issued announcing the intention of the Emperor to approach the holy rite of the coronation.

This manifesto of 17th April, 1856, invited all faithful subjects to unite their fervent prayers with those of the Sovereign, "that the grace of the Lord may descend upon him and his kingdom; that the All Mighty may help him so that, with the placing of the Tsars' crown upon him, he may utter before the world an oath to live exclusively for the happiness of the people under him; that he may be directed by the inspiration of the All-Holy, life-giving Spirit in all his thoughts and activities."

In the period from the ascension to the throne to the day of the coronation, this vow of the new reign became known to Russia, clearly and precisely.

The great world task of freeing the masses of Orthodox peoples from the yoke of age-old slavery presented itself as the prime target of Russian historical development and fell on the great Christian soul of the new Autocrat. What his grandfather had only dreamed of and what his father had not resolved, he now placed as his first Tsarist act.

The thoughts of the Tsar blended with the will of the whole land and bright rays of hope infused the people to the innermost recesses of their hearts.

This spirit and will of the new monarch made an imprint upon the entire coronation celebration.

Special attention was now focused upon the spiritual aspect of the coronation and the Church portion was made especially triumphant. A lively joy inspired the preceding and following celebrations and bright hopes were aroused by the newly crowned Monarch.

An entire sobor of archpastors of the Russian Church was convened. Hierarchs were called not only from the dioceses nearest to Moscow, but from the remotest parts of Russia. Aside from presiding members of the Synod, there were present such hierarchs as Iosif, Metropolitan of Lithuania, who had been especially honoured by Tsar Nikolai I for his role in the return to Orthodoxy of the Western Russian Uniates; the famous preacher Innokenty, Archbishop of Kherson, whose stirring sermons had resounded during the Eastern War; Arseny of Warsaw, later Metropolitan of Kiev; Gregory of Kazan, later Metropolitan of Petersburg; Nil of Yaroslav, the famous missionary of Siberia; Feodosy of Simbirsk, and Filofey of Kostroma, later Metropolitan of Kiev.

In addition to the Russian hierarchs, there arrived Orthodox Metropolitans from Asia: Nikandor of Pogonia, Ierothey of Angora, and Bishop Nikanor of Thivaid, later Patriarch of Alexandria.

The place of eminence during the service was not given to the senior member of the Synod, as was the practice in previous coronations, but to the eldest and most renowned of the Archpastors, Metropolitan Philaret.

As the Sovereign entered the Dormition Cathedral, Metropolitan Philaret briefly but profoundly expressed the theme of the celebration.

"With prayers of love and hope, Russia admonishes you; with prayers of love and hope, the Church receives you. . . ." "But who here is worthy to bless your entry? The throne in this church has for centuries reflected the glory of Tsars on this place. May St. Peter the Illuminator stand before us and through his holy blessing, may the heavenly blessing descend upon you, and with you upon Russia!"

The Sovereign prepared for this holy activity with especial diligence. Soon after the triumphant entry into the Great Kremlin, Alexander Nikolevich left for the village of Ostankino to the mansion which Count Sheremetev had built in 1797, on the occasion of the coronation of Pavel the First. Here, in isolation, far from the noise of the capital, he prepared by fasting and prayer for the mysteries of anointment and Holy Communion.

The coronation was originally scheduled for 19th August, but since this was the day of the appearance of the icon of the Donskaya Theotokoi and the occasion of a cross procession from the Kremlin to the Donskoy Monastery, the enthronement was postponed until 26th August.

As in the previous coronation, the Dowager Empress took part, seated upon a special throne to the right of the Imperial throne.

During the reading of the coronation prayers, Metropolitan Philaret covered the head of the Sovereign with his omophorion and then crossed his hands upon it.

A choir of one hundred people responded to the supplications of the All Russian Church Sobor. Sounds of the Orthodox hymns resounded like the songs of heavenly angels and penetrated even the hardest of souls.

All this, and especially the spirit of prayer in the Tsar, deeply touched the hearts of all the foreigners and heterodox who were present.

The coronation celebrations ended with fireworks, but poor weather somewhat hindered their effect.

During their visit to the Sergius-Trinity Lavra, Their Majesties placed, with their own hands, a precious lid on the shrine of St. Sergius.

A most merciful manifesto was issued suspending the draft for three years, relinquishing punishments for a variety of crimes, especially political offenses. Thirty-two Decemberists were freed; some had their ranks restored and the children of those who had died in exile were also rehabilitated.

The new Tsar's first act after ascending the throne was an appeal to the nation to turn to God in humble and sincere prayer on his behalf. Great trials lay ahead—the Crimean War raged unabated. Finally, on August 25, 1855, Sevastopol fell, because "there are things which are impossible even for heroes."

The Emperor's grief was very deep and was shared by the entire nation. He sought solace among Russia's ancient spiritual treasures in Moscow and from there departed for the front, having issued strict orders that no advance notice of his visit be given to the army. "They have suffered enough," said the Emperor, "and I do not want my visit to be a burden to them." In Sevastopol the Tsar prayed long and tearfully for the fallen. For a period of four days in a row, he did nothing but visit his troops at the front, and the army responded by taking the fortress of Karss, thus successfully concluding the eastern campaign. In March, 1856, in a speech before representatives from Moscow, the Tsar first announced his intention to abolish serfdom in Russia. For four years after this speech, a number of committees labored at compiling a plan for the implementation of reform, while twenty-two million human beings awaited a decision on their future fate.

Unfortunately, not all of the Tsar's ministers and assistants shared his enthusiasm for the emancipation of the serfs, nor were all prepared to go quite as far as the Emperor. There were powerful forces working to weaken the Tsar's great reforms, but all of these were shattered upon coming into contact with Alexander's iron will. The great day finally arrived on February 19, 1861, when Alexander signed his greatest manifesto putting an end to serfdom in Russia.

During the reign of the Tsar Emancipator, a network of railroads covered Russia, the ship-building industry flourished and many miles of highways were built. Foreign trade reflected a buoyant and healthy economy, as private banks and mutual credit institutions multiplied throughout the country. In 1874 Russia joined the International Postal Union.

Whereas at the beginning of Tsar Alexander II's reign there were only three telegraph cables in Russia, by 1880 the network in Russia ranked first in the world in extent. A large number of schools were built at every level of education and the Emperor devoted much attention to the education of women. In foreign policy the Tsar Liberator achieved much during his twenty-six year old reign. By the Treaty of Peking in 1860 the Russian Empire extended into China. In the Far East was founded port

of Vladivostock. The Caucasus were finally conquered. In Asia, Russia came to control vast reaches of land, extending from the Caspian Sea to the western borders of China, from Siberia to Afghanistan and India.

At home, five attempts to assassinate the Emperor were made, all unsuccessful. "Upon God, as always, I place my trust," the Tsar would say, "His will be done."

On May 22, 1880, the Empress Maria Alexandrovna died, her death coming early as a result of constant concern for the life of her husband. On March 1, 1881, after the Emperor had spent the entire first week of Great Lent in prayer with his family, the sixth attempt upon his life was made. This time, the exploding bomb inflicted mortal injury on the one man who had done so much for Russia: at 3:35 p.m. Emperor Emancipator Alexander Nicolaevich II was no more.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

EMPEROR ALEXANDER II — 1855-1881

The Reign of Emperor Alexander III — The Peacemaker

No other Tsar had done so much for his people and yet five attempts to assassinate him were made during his reign. The sixth attempt, by a bomb explosion on March 1, 1881, snuffed out the life of Russia's most liberal and dedicated servant—Tsar Emancipator Alexander Nicolaevich II.

"It was pleasing to the Lord God, in His inscrutable paths to strike Russia with a fateful blow and suddenly call to Himself its benefactor, the Sovereign, Emperor Alexander the Second. He fell by the sacrilegious hands of assassins who had more than once made attempts on his precious life. They made attempts upon this precious life because they saw in it the stronghold and guarantee of the greatness of Russia and the prosperity of the Russian people.

Submitting to the mysterious Will of Divine Providence and raising prayers to the Most High for the repose of the pure soul of our Father, we ascend the throne of our Ancestors".

Thus did the young Emperor Alexander the Third announce to the world the demise of his father and his own ascension to the throne.

The terrifying, bestial crime of March 1 threw all Russia into deep grief. Still, the enemies of order could not rejoice. They soon became aware not only that they had not overthrown the historic foundations, but that there now appeared a hand which would hold and strengthen the age-old structure of the Fatherland.

The image of Tsar Alexander Alexandrovich grew in stature before the people and before all Europe. Not without cause does history remember him as "The Peacemaker", for he attracted hearts to himself and silently preached everywhere the blessings of peace and truth.

"His soul was sensitive, in sympathy with everything in which was revealed to it the nature of its world and its people", wrote K. P. Pobedonostsev.

Alexander grew up close to his older brother, the heir to the throne Nikolai Alexandrovich, in his shadow, taking impressions and tastes of mental and moral development from him.

The early death of Grand Duke Nikolai Alexandrovich separated the brothers who had been tied by the most tender bonds of attachment.

The unexpected burden lay on the soul of the new Tsarevich and he accepted it in humility, as a duty placed upon him by Providence. He accepted and he believed with all his heart in God, his fate, and Russia.

The heavy times endured by Russia at the end of the reign of Alexander the Second and then the terrifying event of 1st March finally plunged everyone into despondency.

The present was terrifying, the future seemed to be inscrutable and threatening.

These fears were unfounded, however, for Alexander Alexandrovich was a true Autocrat whose actions were not political but were aimed at the welfare of Russia. He spared himself nothing. At the time, many wavering minds anticipated a whole series of Western intellectual invasions and foreign type reforms, but the manifesto of the Tsarist State Address of 29th April, 1881, ended this fear. It ralled from end to end of the vast realm, faithful subjects felt reassured and once again faith in the great future of the Fatherland began to burr in them.

"Our Sire," read the manifesto, "resting in God, who had accepted from God Autocratic authority for the good of the people entrusted to him, was true until death to the vow made by him and he sealed his great service with blood. . .!"

"But amidst our great sorrow, God's voice commands us to stand firmly at the helm of government, with hope in Divine Providence, with faith in the strength and truth of the autocratic authority, which we are called upon to affirm and guard for the good of the people from all enfeebling encroachments upon it."

Alexander the Third's word was always in accord with his deeds. His entire reign was dedicated to fulfilling the plan set forth in the manifesto.

Throughout his entire reign, Alexander Alexandrovich toiled against sedition and the disorders which were growing throughout the whole world.

Alexander was an Autocrat in the true sense of the word and he demanded obedience to the laws and ordinances of the land. His first care, like that of his predecessors, was to maintain order in the realm so that the country could develop in peace.

For the coronation, the Sovereign ordered the restoration of the Dormition Cathedral and the Granovite Palace, thus showing the spirit of the new Tsar who aimed towards a resurrection of historic traditions.

The iconostasis and metallic parts of the coronation church were restored to the form in which they had been in the seventeenth century under Tsar Aleksei Mikhailovich. Some of the ancient icons were found and placed in the iconostasis. The Granovite Palace was restored to the appearance it had under Tsar Ivan Vasilievich, "the Stern".

On 8th May, the Imperial family arrived at the Petrovsky Palace.

On 10th May, after having received high-ranking guests and foreign ambassadors, their Imperial Majesties made their triumphant entry into the Kremlin.

At 1:55 p.m., their Imperial Majesties, together with Tsarevich Georgi Alexandrovich, Grand Duchess Xenia, and the suite, including foreign princes, set out for the Kremlin.

The Emperor mounted a white horse, devoutly crossed himself, said: "with God," and everyone began the journey. Cannon shots heralded their approach and the shouts of the people blended with the church bells. Many people crossed themselves, others blessed the Tsar and Tsaritsa.

At 3:10, the Emperor arrived at the Chapel of the Iverskaya Icon of the Theotokos. He and the Empress entered, received the blessings of Bishop Aleksei of Dmitrov, revered the icon, and prayed. The procession then continued on its way through the Resurrection Gate.

A huge stage was erected in the Beautiful (Red) Square between the Nikolsky and Spasky gates. Orchestras, singers and performers, numbering up to ten thousand were concentrated on the stage. Nothing like it had ever been seen in Moscow.

At the Dormition Cathedral, their Majesties were met at the south door by Metropolitan Isidor. Having also visited the Cathedrals of the Archangel and the Annunciation, their Majesties, accompanied by members of the clergy, proceeded to the Red Staircase where Prince Dolgorukov and officials of the Coronation Commission met them in the traditional Russian manner, with bread and salt.

Finally, cannon shots announced the safe arrival of the Tsar and Tsaritsa in the Kremlin Palace.

In the evening, their Majesties withdrew to the suburban palace called "Neskuchnoye" for three days in order to prepare for the Coronation by fasting and prayer.

On 2nd May, the new State colours were consecrated; there was a new coat of arms for Turkestan.

The day of the coronation was Sunday, 15th May. At 7:00 a.m., cannon shots and the ringing of the bells in the tower of Ivan the Great summoned all the participants in the celebration.

In the Dormition Cathedral, as during all such occasions, the clergy served a molieben for the health of their Majesties and then read the liturgical hours.

At about 9 o'clock, the Heir-Tsarevich, accompanied by the Grand Dukes and Duchesses, foreign princes and the suite, entered the cathedral.

Their Imperial Majesties proceeded to the Cathedral under canopies carried by sixteen generals.

Having entered the cathedral, their Majesties approached the Royal Gates and made three bows to the Lord, after which they revered the icons of the Saviour.

The Emperor took his place on the throne of Tsar Mikhail Feodorovich and the Empress on the throne of Tsar Aleksei Mikhailovich.

Three metropolitans, ten archbishops, two bishops, twelve archimandrites and protopresbyters and six protopriests officiated. Metropolitan Isidor celebrated the order of the coronation.

The prayer for the sending down of wisdom was read by the Tsar with great emotion.

After the liturgy, the Tsar and Tsaritsa proceeded to the Cathedrals of the Archangel and Annunciation. When they appeared on the Red Staircase and bowed thrice to the people, they were answered with thunderous cries of "hurrah".

The coronation Manifesto of 15th May granted pardon even to those convicted of treason and sedition against the fatherland and the throne. Many prisoners were freed, fines were relinquished, and punishments for both lesser and serious crimes were lightened. The main aim of the manifesto was to ease the burdens of the working class and the needy.

For the next three days, the usual homages and greetings were received.

After the Synod of the Orthodox Church were presented, there followed leaders of foreign sects and non-Christian religions in Russia. State officials, Marshals of the Nobility from each of the Provinces, deputies from the Grand Duchy of Finland, cossack warriors, Asiatic peoples, representatives from the local elective councils and heads of provincial cities of the Russian Empire with their equivalents from the Kingdom of Poland. All these representatives maintained the immemorial custom of bringing bread and salt with the wish of good health and a happy reign. In addition to the salt and bread, icons were presented. A descendant of Susanin brought the Sovereign a beautifully inscribed plate with bread and salt.

On 18th May, the first act and the finale of the opera "Life for the Tsar" was presented at the Imperial Bolshoi Theater, followed by the new ballet "Day and Night".

Of the many coronation feasts there was one which was outstanding by its historical significance: that of the heads of the rural districts and the Polish districts at the Petrovsky Palace on 21st May. All the provincial marshals of the nobility were present. Before the feast, the Emperor said: "I am very happy to see you once again; I sincerely thank you for your wholehearted participation in our celebrations in which all Russia took part so zealously. When you go home, deliver my sincere gratitude to everyone; follow the advice and guidance of the marshals of the nobility and do not believe the absurd and foolish rumors and talk about new partitions of land, of gratuitous parcelling out, and such. These rumors are spread by our enemies. All property, exactly as you possess it, must be inviolable. May God give you happiness and health."

This address ended certain confusion which had been spread in people's minds by seditious traitors.

All previous sovereigns had visited the Trinity Lavra after their coronation celebrations, but Alexander III and his Empress, with some of the dignitaries, visited the Monastery of St. Sergei before the celebrations had ended. Then they visited the Gethsemane Skete which lay a few versts away.

From Philaret's kelia, they went to visit the Chernigov icon of the Theotokos.

On 21st May, more than half a million people came out to the Khodynskoye field for the people's feast. Their Imperial Majesties were present in their pavilion.

On 23rd May the 200th Jubilee of the Preobrazhensky and Semyenovskiy Regiments was celebrated. The former still carried the old colours of 1700 which had been at the battle of Narva.

On 26th May, the Church of the Saviour was consecrated—the magnificent memorial to the wondrous salvation of Russia, by Divine Providence, from Napoleon.

In 1883, for the first time, local and foreign news correspondents were allowed to participate in all the coronation celebrations.

"One cannot but acknowledge", notes the "Standard", "that Russians have the right to be proud of Moscow—the white-stoned and golden crowned—as they like to call their old capital. How many times the Poles and Tartar hordes humbled it; how many times it suffered from epidemics, hunger and fire, more terrifying than even the Mongols, Poles, and Tartars; how many times the city and even the Kremlin were emptied. But regardless of all these troubles, Moscow remained true to itself. The city of Peter the Great can rule for a time, but Moscow remains, nevertheless, the centre of national life and may again become, with greater right, the capital of the Russian sovereigns."

An English correspondent wrote thus of the people's entertainment:

"In no other country in the world could such a sight be improvised or such a multitude of people gathered together with less manifestation of disorder. Imagine the confusion in which London would be if it were announced that three-quarters of a million rations and one hundred and fifty wagons with barrels of beer would be given out in Hyde Park to Her Majesty's faithful subjects! But Russian mouzhiks, with child-like simplicity and joy, accepted the baskets of provisions and carried away with themselves the clay cups as a precious remembrance of their Tsar-Little Father, and during the course

of the whole day, they joyfully looked at the performance in the theaters, the fantasy-filled processions of the circus which had been arranged for them. They seemed to be completely free of that coarse element which is often present at our national gatherings!"

The Tsar-peacemaker passed away in peace on 20th October, 1894.

Alexander III, son of the Tsar Liberator, was profoundly affected by his father's assassination. Russian society was riddled with secret and semi-secret societies, all imbued with radical, revolutionary ideologies imported from the West. The press was oriented anti-government, sowing discontent.

Tsar Alexander Alexandrovich was determined to preserve peace at home and abroad. His foreign policy pursued peace with all the nations of Europe and Asia. During his reign of fourteen years, not one war was fought by Russia, thus entitling Alexander III to be known in history as "the peacemaker".

When the tripartite union of Germany, Italy and Austria threatened the peace of Europe, Emperor Alexander III entered into a pact with France so as to maintain the balance of power. The French wrote about him:

". A nos petits enfants
L'histoire redira ces deux noms triomphants:
Alexandre le Grand, Alexandre le Juste."

Within the Empire, the Tsar promoted industrialization as the foundation of the nation's economic independence. The vast natural resources of that immense country began to be developed. Russia traded extensively with Asian countries.

In 1882 the Farmers' Bank was established, enabling the emancipated serfs to purchase land at nominal rates of interest.

The Emperor did not spare himself, working long hours daily, so that even his exceptionally good health began to fail. On October 20, 1894 life ebbed out of the Emperor's herculean frame and another Romanoff was summoned to take up the heavy cross of power in Russia.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III

EMPEROR ALEXANDER III — 1881-1894

ПИСАНИЕ

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ

ВЕЛИЧЕСТВЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬАГО

И ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

ВСЕЯ РОССІИ

АМН

Императоръ Александръ III Миротворецъ.

Emperor Alexander III

Императрица Марія Федоровна.

Empress Maria Feodorovna

Коронаціонна эмблема.

Coronation Regalia.

МЛВА ПЕРВАМ.

Нсполняя вѣковой обычай вѣщепосылыхъ своихъ предковъ, **БЛАГОЧЕСТИВѢЙШИЙ САМОДЕРЖАВНѢЙШИЙ ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III** вѣра Россіи изволятъ вѣчаться на Царство въ Первостроительной своей столицѣ Москвѣ Торжественный образъ Коронаванія и Священнаго таинства Муронокванія на Царство совершены были въ 1863 году отъ Рождества Христова, Мая 15 дня.

Прошло уже два года два мѣсяца и пятнадцать дней послѣ вочаренія **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**. Но **ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ** благоугодно было замедлить образъ Коронаванія. Самъ **ГОСУДАРЬ** и вѣстѣ съ нимъ вса Россія находилась тогда подъ гнетомъ тягостнаго правственнаго впечатлѣнія. Съ чувствами болѣе спокойными и сѣтлыми мыслями, показала сердечию — **БЛАГОЧЕСТИВЫЙ МОНАРХЪ** принять передъ лицомъ всей Русской земли Корону и Скипетръ, предназначенные Ему Промышленъ.

О намѣреніи **ИМПЕРАТОРА** приступить къ образу Священнаго Коронаванія извѣстно стало только 24 Января 1863 года, въ слѣдующаго Манифеста:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ТРѢТІЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЕ, И ПРОЧАЕ, И ПРОЧАЕ,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ **НАШИМЪ** подданнымъ:

Гогу угодно было принять **НАСЪ** на Прародительскій Всероссийскій Престолъ и вѣраадѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финлянд-

скаго въ минуту страшнаго потрясенія. Посреди тяжкихъ ощущеній скорби и ужаса, которыми объаты были вѣстѣ съ **НАМИ** сердца вѣрныхъ **НАШИХЪ** подданныхъ, неблаго-временно было назначать и устроить торжество Коронаванія. Смиралась предъ неслыханными судьбами Провидѣнія и наказанія Господня, **МЫ** положили въ сердца **СВОЕМЪ** не приступить къ ому священному дѣйствію, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшными злодѣяньемъ, жертвою всего палъ Владычѣтель Своего народа, возлюбленный **НАШЪ** Родитель.

Ныкѣ настаетъ уже время отворить волю Господню и совершить вѣлѣнное жезло **НАШЕ** и вѣста вѣрными силами Отечества. По призыву благочестивыхъ **ГОСУДАРЕЙ**, предковъ **НАШИХЪ**, вѣкамѣривалась **МЫ** возложитъ на **СЕБЯ** Корону и воспріять, по установленному чину, святое Муропоканіе, приобщитъ къ ому дѣйствію и Любезнѣйшую Супругу Нашу, **ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦЮ МАРІЮ БЕОДОРОВНУ**.

Волѣщія о такомъ намѣреніи **НАШИМЪ**, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ Май мѣсяцѣ сего года, въ Первостроительномъ градѣ Москвѣ, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ **НАШИХЪ** подданныхъ соединиться съ **НАМИ** въ горячей и смиренной молитвѣ: да соблюдетъ Господь Водержитель **НАСЪ** и **ЦАРСТВО НАШЕ** въ мирѣ и безопасности; да влечетъ на **НАСЪ** Духа премудрости и разума; да поможетъ **НАМЪ**, съ возложеніемъ Царскаго вѣнца приснопамятнымъ Предкомъ, исполнить вѣрно принятый **НАМИ** обѣтъ — всего **СЕБЯ** посвятить благоденствію и славѣ возлюбленнаго Отечества, служенію правды и пощению о благѣ народа, Богомъ вѣреннаго **НАШЕМУ** Правленію.

Данъ въ С-Петербургѣ, въ 24-й день Января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третья, Царствованія же **НАШЕГО** во второе.

На подлинномъ Собственною **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ

„Господу Богу угодно было въ несповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля Государя Императора Александра II. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцы, неоднократно покушавшихся на Его драгоценную жизнь. Они посягали на сію столь драгоценную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Смиривсь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души Родителя Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престоль“. Такъ возвѣстить міру о кончинѣ Державнаго отца и Своемъ вступленіи на престоль молодой Императоръ Александръ III.

Страшное, звѣрское преступленіе 1 Марта погрузило Россію въ глубокой трауръ. Однако, врагамъ порядка не приходилось ликовать. Вскорѣ они должны были понять, что имъ не только не удалось повалить историческіе устои, но что появилась такая рука, которая поддержитъ и укрѣпитъ вѣковой отечественный укладъ.

Эта народившаяся сила, эта могучая рука была Самодержецъ Александръ III.

„Страшно было вступленіе Его на царство *), Онъ возсѣлъ на престоль Отцовъ Своихъ, орошенный слезами, поникнувъ главою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихій свѣтъ, горѣвшій въ душѣ Его, со смиреніемъ, съ покорностью воле Промысла и долгу разсѣять скопившіеся туманы, и Онъ воспринялъ оживить надежды народа. Когда явился Онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь Его, но взоры Его были краснорѣчиѣе рѣчей, ибо привлекали къ себѣ душу народную: въ нихъ сказывалась сама тихая и глубокая и ласковая народная душа, и въ голосѣ Его звучали сладостныя и ободряющія сочувствія. Не видѣли Его господственнаго величія въ дѣлахъ побѣды и военной славы, но видѣли и чувствовали, какъ отзывается въ душѣ Его всякое горе человѣческое и всякая нужда, и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды, лжи и насилія.

*) К. П. Побѣдоносцевъ. Сборникъ „Вѣщія Пахты“. „Приваніе Москвитинъ съ Царемъ своимъ“.

A handwritten signature in black ink, which appears to be "Александръ III", written in a cursive style.

АЛЕКСАНДРЪ III
Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.
1881 — 1894.

EMPEROR ALEXANDER III — 1881-1894

Таковъ, самъ собою, выросъ образъ Его предъ народомъ, предо всею Европой и предъ цѣлымъ свѣтомъ, привлекая къ Нему сердца и безмолвно проповѣдуя всюду благословеніе мира и правды“.

„Душа Его была чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ сказывалась ей природа своей земли и своего народа“ *).

„Онъ выросъ возлѣ старшаго брата, Наслѣдника престола, можно сказать, въ тиши Его, питая Свою душу дружбой съ Нимъ, воспринимая отъ Него впечатлѣнія и вкусы Его умственного и нравственного развитія“.

Кончина Великаго Князя Николая Александровича разлучила братьевъ, связанныхъ узами самой нѣжной привязанности.

„Нежданное, негаданное бремя легло на душу новаго Цесаревича, и Онъ принять его въ смиреніи, какъ долгъ, возложенный на Него Провидѣніемъ, принять и въ глубинѣ души Своей повѣрить *Богу судьбу* Свою и Россіи“.

Съ этого дня, до вступленія на престоль въ 1881 году, Онъ зрѣлъ въ тишинѣ, не думая, не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе Его на царство. Эти годы были для Него, поистинѣ, годами воспитанія, и онс совершалось въ духѣ историческихъ завѣтовъ народа Русскаго и Русскаго государства“.

Тяжелое время, пережитое Россією въ концѣ царствованія Императора Александра II, а затѣмъ страшное событіе 1 Марта повергли окончательно всѣхъ въ уныніе.

Настоящее было страшнымъ, будущее казалось неизвѣстнымъ и грознымъ.

Къ счастью, опасенія вѣрноподданныхъ оказались неосновательными. Скоро всѣ поняли, что бразды правленія находятся въ надежныхъ рукахъ истаго Самодержца, который глубоко вѣритъ въ Божій Промыслъ, который не поступится изъ-за политическихъ миражей исконными правами Верховнаго Правителя и который для счастья отечества не пощадитъ Себя.

Въ то время, какъ немногіе, колеблющіеся умы ожидали какихъ-то не отвѣчающихъ духу Россіи реформъ, по обширному

*) К. П. Побѣдоносцевъ. Сборникъ „Вѣчная Память“, стр. 107 и 108. „Рѣчь въ засѣданіи Историческаго Общества“.

нашему отечеству радостнымъ благовѣстомъ раздѣлось въ манифестѣ 29 Апрѣля 1881 года Царское Державное слово. Прокатилось оно отъ края и до края обширнѣйшей монархіи, и почувствовали вѣрноподанные успокоеніе, и вновь загорѣлась въ нихъ вѣра въ великое будущее нашего отечества.

Что же говорилось въ этомъ историческомъ актѣ, въ этомъ царскомъ оповѣщеніи?

Приведемъ главную часть текста манифеста, объяснить и дополнить которую не приходится; все здѣсь опредѣленно, вразумительно и поучительно:

„Въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ, пріязь отъ Бога Самодержавную власть на благо вѣреннаго Ему народа, пребыть вѣренъ до смерти принятому Имъ обѣту и кровію запечатлѣлъ великое Свое служеніе. Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостью ея и кротостью совершилъ Онъ величайшее дѣло Своего Царствованія—освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, успѣвъ привлечь къ содѣйствию въ томъ и дворянъ владѣльцевъ, всегда послушныхъ гласу добра и чести; утвердилъ въ Царствѣ Судъ, и подданныхъ Своихъ, конхъ всѣхъ безъ различія содѣлать навсегда свободными, призвать къ распорядженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во вѣки!“

Далѣе въ манифестѣ идутъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Но посреди великой Нашей скорби Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло Правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее попятновеній“.

„Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ Наслѣдственной Царской власти. Подъ сѣнію Ея и въ неразрывномъ съ Нею союзѣ земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбы ея“.

„Посвящая Себя великому Нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству

вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — къ утвержденію вѣры и нравственности, — къ доброму воспитанію дѣтей, — къ истребленію неправды и хищенія, — къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея, Возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ“.

У Императора Александра III слово не расходилось съ дѣломъ. Все царствованіе Свое посвятилъ Онъ на выполненіе указаннаго Имъ въ манифестѣ плана.

Онъ укрѣпиль Самодержавіе, искоренилъ крамолу, потрудился на утвержденіи вѣры, нравственности и устроеніи порядка.

Сила характера, правдолюбіе Царя и Его приверженность ко всему русскому, родному скоро стали всеѣмъ извѣстны и любы народу.

„Для крѣпости правленія, нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего дороже вѣры народной въ своего правителя, ибо все держится *на вѣру*. Что бы ни случилось, — все знали и были увѣрены, на что, въ важныхъ случаяхъ государственной жизни, дастъ Онъ отрицательный и на что положительный отвѣтъ изъ Своей русской души. Все знали, что не уступить Онъ русскаго, исторіей завѣщаннаго, интереса ни на польской, ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранить Онъ въ душѣ Своей одну съ народомъ вѣру и любовь къ Церкви Православной, понимая все ея воспитательное значеніе для народа, — наконецъ, что заодно съ народомъ вѣруетъ Онъ въ непоколебимое значеніе власти самодержавной въ Россіи и не допустить для нея, въ призракъ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мѣтъ“ *).

Императоръ Александръ III быть истиннымъ воплощеніемъ Закона.

„Повсемѣстное и постоянное соблюденіе законовъ и установленнаго ими порядка **“ составляло одно изъ важнѣйшихъ попеченій Государя. Высоко цѣня законность повсюду, Онъ ожидалъ и требовалъ ея прежде всего отъ дѣйствій представителей правительственной власти. Всегда строгое отношеніе Государя къ уклоне-

*) К. П. Побѣдоносцевъ, Собраніе „Вѣста Правды“, стр. 113.

**) 1834, „Журналъ Министерства Юстиціи“.

нїямъ отъ закона умѣрялось только въ случаяхъ отсутствїя злаго умысла и личныхъ побужденїй, или при стеченїи тягостныхъ обстоятельствъ, которыя быстро оцѣнивала Его необычайная чуткость къ нравственному и бытовому характеру дѣла. И самая законность представлялась Верховному Законодателю Русской земли не какъ бездушная, условная форма безъ жизненнаго и моральнаго содержанїя, а какъ дѣйствительный оплотъ и живая охрана всего честнаго, разумнаго и полезнаго. Царь-Правдолюбецъ, снисходительный къ простымъ ошибкамъ, Онъ цѣлѣе непродолимое отвращенїе ко лжи и корысти. Все сомнительное, неискреннее, затененное въ дѣянїяхъ человѣческихъ возмущало Его прямодушїе; наоборотъ, все сткрытое, прямое, чистосердечное доставляло Ему утѣшенїе, а въ Немъ находило вѣриѣйшую опору. Съ твердымъ, хотя и не чуждымъ грусти, спокойствїемъ мудрости, вѣдающей слабость людскую и ограниченность средствъ общественной борьбы со зломъ, взиралъ Онъ на раскрывавшіяся у Его подножїя картины людской вражды и паденїя. Онъ вѣрилъ въ силу добра, но не скрывалъ отъ Себя препятствїя къ его побѣдѣ, и всѣ надежды на успѣхъ какъ въ государственномъ, такъ и въ частномъ быту возлагалъ на тотъ единственный путь, которымъ неизмѣнно совершалъ Онъ царственное Свое служенїе — путь непоколебимо мужественнаго и добросовѣстнаго выполненїя долга по чистой совѣсти и крайнему разумѣнїю“.

„Широко пользуясь священнѣйшимъ правомъ Монарха Онъ радостно миловалъ или смягчалъ участь того изъ виновныхъ, кто сколько-нибудь заслуживалъ жалости, не исключая тѣхъ безумцевъ, которые устремляли свои безсильныя ковы противъ Его Верховной, отъ Бога установленной, власти и противъ вѣковаго отечественнаго уклада. И часто, когда вѣрноподданичeskїй голосъ Его служителей, поставленныхъ на стражѣ закона, высказывался за строгое его при-мѣненїе къ преступленїю и молившему о пощадѣ преступнику, чуднымъ благовѣстомъ раздавалось Монаршее слово: „Богъ съ нимъ, можно его простить“,— слово, превращавшее для цѣлыхъ семействъ и поколѣнїй отчаянїе въ надежду, горе въ отраду, тревогу въ успокоенїе“.

Богъ помогъ Императору Александру III успокоить страну и приступить къ постепенному прочному ея устроенїю. Приспѣло тогда

FERIA DE SAN MATEO, MEXICO. (Illustration by J. M. W. Turner, 1840)

время и Св. Коронація, о чемъ и возглаголено было манифестомъ 24 Января 1883 года.

„Посреди тяжкихъ ощущеній скорби и ужаса, которыми объты были вмѣстѣ съ Нами сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, неблаго- временно было назначать и устроить торжество Коронація. Сми- ряясь предъ несповѣдимыми судьбами Провидѣнія и наказанія Господня, Мы положили въ сердца Своёмъ не приступать къ сему священному дѣйствию, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшнымъ злодѣяніемъ, жертвою коего палъ Благодѣтель Своего народа, возлюбленный Нашъ Родитель“.

„Нынѣ настаетъ уже время сотворить волю Господню и совершить заветное желаніе Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества“.

Ко дню коронація, по волѣ Государя, произведены были обновленія Успенскаго собора и Грановитой палаты, въ такомъ направленіи, которое прямо указывало на историческій духъ новаго Государя, стремившагося воскресить историческія преданія. Иконостасы и металлическія части коронаціоннаго храма возстановлены были въ томъ видѣ, какой они имѣли въ XVII вѣкѣ, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Розысканы были нѣкоторыя древнія иконы и поста- влены въ соответствующія мѣста иконостаса; возстановленъ былъ въ древнемъ видѣ киотъ Владимірской иконы Богоматери, и приняты мѣры къ сохраненію изображеній вновь открытой древней стѣнописи. Грановитой палатѣ приданъ былъ тотъ видъ, какой имѣла она при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ: по дошедшему описанію, стѣны ея были расписаны священными изображеніями историческаго Божественнаго міроуправленія, начиная отъ Адама и Евы, и при этомъ отдано было преимущество мастерамъ русскимъ, наиболѣе знакомымъ съ иконописнымъ художествомъ XVI вѣка.

8 Мая Государь со всею Августѣйшею семьей прибылъ въ Москву и прямо прослѣдовалъ въ Петровскій дворецъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ „Подъыздного“.

10 Мая, послѣ двухъ дней, посвященныхъ приему высокихъ гостей и чрезвычайныхъ пословъ отъ иностранныхъ государствъ, состоялся торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ златоглавый Кремль.

Съ самаго ранняго утра все обширное пространство между Кремлемъ и Петровскимъ дворцомъ было наполнено несмѣтными, густыми толпами народа.

Съ 10 часовъ утра въ Петровскій дворецъ стали съѣзжаться члены Россійскаго Императорскаго дома, иностранные принцы, высшіе сановники, иностранные послы и представители населеній, сословіи, общества и вѣдомствъ.

Въ часъ 55 минутъ Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Георгія Александровича и Великой Княжны Ксеніи Александровны, сопровождаемые всѣми присутствующими, вышли на крыльцо; Его Величество было въ общегенеральской формѣ.

Государыня Императрица, вмѣстѣ съ Великою Княжною Ксеніей Александровной, сѣла въ карету. Государю Императору подали верхового коня бѣлой масти. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ сѣли также на лошадей.

Выждавъ, когда Ея Величество и Ихъ Высочества заняли мѣста, Государь, набожно перекрестившись, произнесъ „съ Богомъ“, и, сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, въ сопровожденіи кареты Государыни Императрицы, направился изъ Петровскаго дворца въ Кремль. Въ два часа три минуты Его Величество появился въ воротахъ дворца, о чемъ возвѣстили пушечные выстрѣлы. Мгновенно громовое „ура“ понеслось по линіи войскъ и слилось съ колокольнымъ звономъ и съ восторженными кликами народа, бросившагося по бокамъ шоссе за Государемъ и Государыней. Многие набожно крестились, другіе издали крестили Царя и Царицу.

Отъ Новыхъ Триумфальныхъ воротъ, по Тверской, къ часовнѣ иконы Иверской Божіей Матери торжественная процессія двигалась среди стоявшихъ по сторонамъ шпалерами войскъ, сопровождаемая неулолкаемыми „ура“ несмѣтной толпы народа, тѣснившейся на тротуарахъ; окна и балконы домовъ, украшенныхъ флагами, вензелями и коврами, были переполнены зрителями. Всѣ переулки, примыкающіе къ Тверской, сплошь были заняты тѣснившимся народомъ, который съ самаго ранняго утра стремился занять мѣста, откуда можно было лучше видѣть Царя и Царицу. Задолго до полудня всѣ находив-

шіяся на пути торжественнаго шествія площади и прилегающая къ нимъ мѣстность, сколько можно было окинуть взоромъ, были буквально залиты народомъ.

Въ 3 часа 10 минутъ Государь Императоръ прибылъ къ часовнѣ иконы Иверской Божіей Матери. Здѣсь Его Величество сошелъ съ коня и остановился у входа въ часовню, ожидая Государыню Императрицу. Когда карета Ея Величества приблизилась къ часовнѣ и остановилась, Государь вышелъ вмѣстѣ съ Своей Августѣйшей супругой на паперть часовни. Здѣсь Ихъ Величества встрѣчены были преосвященнымъ Алексіемъ, епископомъ Дмитровскимъ, архимандритами Знаменскаго и Перервинскаго монастырей съ братіей. Ихъ Величества, поцѣловавъ св. крестъ и окропленные св. водою, принесли колѣнопреклоненную молитву предъ иконою Божіей Матери и приложились къ ней, затѣмъ, снова преклонивъ колѣни, молились и, приложившись ко св. кресту, поднесенному преосвященнымъ Алексіемъ, вышли изъ часовни. Государь снова сѣлъ на коня, а Государыня Императрица въ карету, и шествіе двинулось дальше черезъ Воскресенскія ворота.

На Красной площади представляла особенно величественный видъ эстрада, которая занимала все пространство между Никольскими и Спасскими воротами. Правая и лѣвая стороны ея были отведены для публики. Вся средняя часть была занята оркестромъ и хорами преимущественно изъ воспитанниковъ и воспитанницъ различныхъ учебныхъ заведеній Москвы. Въ Москвѣ еще никогда не было ничего подобнаго: десять тысячъ исполнителей были сосредоточены на этой эстрадѣ! Размѣры хора и оркестра соответствовали размѣрамъ площади, величію и торжественности минуты. Послѣ исполненія народнаго гимна, вся площадь и все безчисленное множество народа, сплошь занимавшаго Никольскую и Ильинку, сливалось каждый разъ въ новый гигантскій хоръ непрерывнаго „ура“.

Въ Успенскій соборъ Августѣйшая семья вступила Южными дверями, гдѣ встрѣтилъ Ихъ Величества митрополитъ Исидоръ со св. крестомъ и св. водою, въ сопровожденіи всего бывшаго въ соборѣ духовенства. Посѣтивъ затѣмъ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, Ихъ Величества, сопровождаемые протопресвитеромъ Бажановымъ и прочимъ духовенствомъ, шествовали по разостланному красному сукну къ Красному крыльцу, на нижней площадкѣ котораго

верховный маршалъ князь В. А. Долгоруковъ, президентъ и вице-президентъ Московской Дворцовой конторы и председатель Коронаціонной Комиссіи встрѣтили Ихъ Величества съ хлѣбомъ-солью.

Ихъ Императорскія Величества, сопровождаемыя верховнымъ маршаломъ и другими чинами Двора, вступили въ Святыя сѣни, гдѣ, встрѣченныя духовенствомъ придворнаго Верхоспасскаго собора, приложились ко кресту и были окроплены св. водою.

Наконецъ, пушечные выстрѣлы возвѣстили о благополучномъ вступленіи Царя и Царицы въ Кремлевскій дворецъ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Ихъ Величества изъ Кремля перѣхали въ „*Искучное*“ — въ загородный дворецъ, по Старо-Калужской дорогѣ. Здѣсь, въ уединеніи, провели Они три дня, готовясь молитвою и постомъ къ великому священнодѣйствию вѣнчанія на царство. Наканунѣ дня коронаванія Царь и Царица возвратились въ Кремлевскій дворецъ и всенощное бдѣніе и молитвы ко св. причащенію изволили слушать „у Спаса, что за золотую рѣшеткою“.

и Мая состоялось освященіе новаго Государственнаго знамени, въ коемъ, среди областныхъ гербовъ, окружающихъ Государственный гербъ, видѣлся новый гербъ Туркестанскій, въ видѣ единорога. По освященіи знамени, Царь прикоснулся къ древку Своєю рукою и затѣмъ приложился къ св. кресту, поднесенному духовникомъ Его — протопресвитеромъ Бажановымъ.

Наступилъ, наконецъ, самый день коронаціонный.

Этотъ Воскресный день, 15 Мая, былъ, поистинѣ, днемъ свѣтымъ, и не только для Москвы, но и для всей Россіи.

Въ 7 часовъ утра пушечные выстрѣлы и удары колокола Ивана Великаго понеслись по Москвѣ призывнымъ сигналомъ для всѣхъ участниковъ торжества. Наступило время собираться на мѣста, указанные церемоніаломъ.

Въ Успенскомъ соборѣ, какъ всегда при подобныхъ случаяхъ, высшимъ духовенствомъ отслужено было молебствіе о здравіи Ихъ Величества и затѣмъ прочтены были литургійные часы.

Около 9 часовъ въ соборъ шествовать Настѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи Великихъ Князей и Княгинь, иностранныхъ принцевъ и блестящей свиты, при восторженныхъ, неумолкавшихъ привѣтствіяхъ народа. Встрѣченный на паперти высшимъ духовен-

Ихъ Величества у входа въ Успенскій Соборъ.

Their Imperial Majesties at the Entrance to the Cathedral of the Assumption

ствомъ съ крестомъ и св. водою, Онъ вступилъ въ соборъ и сталъ на приготовленномъ для Него мѣстѣ, у передняго праваго столба.

Вслѣдъ затѣмъ открылось и главное торжественное шествіе въ соборъ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Троннаго зала. Въ этомъ шествіи, между прочими, участвовали городскіе головы губернскихъ городовъ и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, а также волостные старшины. Однихъ волостныхъ старшинъ было болѣе 200 человекъ.

Вотъ на Красномъ крыльцѣ появился Царь съ Царицей.

Громовыми раскатами покатилося по Кремлю „ура“ сотенъ тысячъ голосовъ. Сѣрое пасмурное небо раздвинуло свои морщины, и золотоверхіе купола заиграли отъ солнечнаго луча. Тихо, торжественно спускался по лѣстницѣ Самодержецъ, сопровождаемый Августѣйшими ассистентами и ближайшей свитой.

Народные клики нарастаютъ все сильнѣе и сильнѣе, смѣшиваясь съ торжественнымъ перезвономъ колоколовъ и звуками военной музыки.

Сойдя съ Краснаго крыльца, Ихъ Величества слѣдовали въ соборъ подъ величественнымъ балдахинномъ, который несли надъ Ихъ головами 16 генераловъ. Надо было присутствовать въ эти минуты въ Кремлѣ, чтобы испытать тотъ великій подъемъ духа, который овладѣлъ сотнями тысячъ народа. Не праздное любопытство привлекло ихъ сюда; нѣтъ! они пришли сюда, дабы слиться со своимъ Царемъ въ единую, неразрывную семью. И вотъ, послѣ долгаго тревожнаго ожиданія, предъ ихъ глазами является Избранникъ Божій, готовящійся къ великому священнодѣйствію. Онъ полонъ вѣры въ Свое призваніе свыше, въ милость Творца и въ то же время Онъ весь проникъ значеніемъ принятаго на Себя бремени правленія и ответственности за государство передъ Вышнимъ Судіею. Искреннее, глубокое душевное настроеніе Самодержца нравственнымъ токомъ передается несмѣтной народной массѣ, будитъ лучшія чувства и побужденія и вызываетъ бурю восторговъ...

У дверей собора встрѣтилъ Царя и Царицу Московскій митрополитъ Іоаннскій и обратился къ Нимъ съ приветственной рѣчью. Рѣчь эта, по своему содержанію, вполне отвѣчала личному историческому духу Самодержца.

Святини Коронація Імператора Александръ Третій и Императрицы Маріи Федоровны Аглицкой 15 Мая 1883 года.

The Holy Coronation of Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna on May 15, 1883

Митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій Исидоръ подалъ Ихъ Величествамъ крестъ къ цѣлованію, а митрополитъ Кіевскій Платонъ окропилъ Ихъ святою водою.

Вступивъ въ храмъ, Ихъ Величества приблизились къ Царскимъ вратамъ, совершили троекратное поклоненіе Господу и затѣмъ, приложившись къ мѣстнымъ иконамъ Спасителя, взошли на тронное мѣсто и возсѣли на престолахъ — Государь Императоръ на престолѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, а Государыня Императрица на престолѣ Царя Алексѣя Михайловича.

Церковный соборъ состоялъ при этомъ изъ 3 митрополитовъ, 10 архіепископовъ, 2 епископовъ, 12 архимандритовъ, придворнаго и военнаго протопресвитеровъ и 6 протоіереевъ.

Чинъ коронаціи совершалъ первенствующій членъ св. Синода, митрополитъ Исидоръ.

Нельзя безъ умиленія вспомнить того момента, когда Царь читалъ молитву о ниспосланіи Ему свыше царственной мудрости. Онъ читалъ ее на колѣняхъ, яснымъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ, и крупныя слезы умиленія катились по Его ланитамъ.

Самодержецъ многихъ народовъ — Онъ весь былъ проникнутъ вѣрою во Вседержителя вселенной, Который не только держитъ въ Своей волѣ личную жизнь, но и правитъ судьбами народовъ и дѣлами земныхъ царей и царствъ. Призванный по праву рожденія къ царскому служенію и нынѣ посвященный въ санъ Самодержца благодатію Церкви, Онъ несомнѣнно въ сердцѣ Своемъ ощущалъ Бога, какъ идеаль безусловной истины, правды, мира, любви и готовился отдать все Свои силы и самую жизнь для устроенія довѣреннаго Ему царства.

Миропомазаніе Ихъ Величествъ совершено было Новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ, по дѣйствующему церковному чину.

По окончаніи литургіи, шествіе Царя и Царицы въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы отличалось величіемъ и благоговѣйнымъ настроеніемъ. Когда затѣмъ на верхней площадкѣ Краснаго крыльца Они явились предъ массаи народа и троекратно, по древнему обычаю, поклонились ему, то въ отвѣтъ пронеслось громовое, восторженное „ура“ умиленнаго населенія.

Коронование Государя Императора.

Coronation of Emperor Alexander III

Самое торжественное и величественное Божество в Царском Дворце, 13 Мар. 1883 года.

The Anointing with Holy Oil of their Imperial Majesties

Коронованіе Государыни Императрицы.

Coronation of the Emperor

„Не забудеть Москва *) лучезарный день Его Коронаціи, свѣтлый, тихій, точно день Пасхальный. Тутъ, казалось, Онъ и Его Россія глядѣли другъ другу въ очи, лобзая другъ друга“.

„Благочестивый Царь, облеченный всѣмъ величіемъ сана и священія церковнаго, являлъ Своему народу въ церкви и все величіе Своего царственнаго смиренія.

Не забыть той минуты, когда сіялъ на Немъ Его царскій вѣнецъ, и передъ Нимъ, колѣнопреклоненная, принимала отъ Него вѣнецъ Царица, — Она, обреченная Ему, какъ залогъ любви, на одрѣ смертномъ, умирающимъ братомъ. Съ того самаго дня полюбили Ее народъ, увѣровавъ въ святость благословеннаго Богомъ союза, и, когда Они являлись народу, неразлучные, вмѣстѣ, въ Его и въ Ея взорахъ чувяль одну и ту же ласку любящей русской души“.

По поводу вѣнчанія на царство Императора Александра III, И. С. Аксаковъ отозвался въ „Руси“ *) такими словами:

„О, какой день! какой великій, историческій день! Не подь силу бы, кажется, и перенести человѣку полноту пережитыхъ имъ сегодня исполинскихъ ощущеній, если бъ онъ испытывалъ ихъ только лично; но никто не жаль нынѣшній день личною жизнью, всѣ и всякій слились въ одно исполинское тѣло, въ одну животрепещущую душу, чувствовали и сознавали себя единымъ Русскимъ народомъ, — *единымъ во вѣкахъ и пространствахъ*. Два Лица, два гиганта, только и стояли сегодня другъ передъ другомъ: Царь и Народъ, Народъ и Царь, и творили вмѣстѣ великое дѣло исторіи. Стономъ стонала земля отъ восторговъ народныхъ. Это она заговорила, Святая Русь! Эти раскаты грома, заглушавшіе пальбу орудій и гулъ кремлевскихъ колоколовъ, — это ея ликованія, ея клики любви и радости, — ея голосъ!... Да, это торжество — именно историческое, и притомъ не только русское, но и вселенскаго значенія событіе: *новое утвержденіе* своему старому государственному строю положила и всему міру явила сегодня Россія! Сегодня, по завѣту и преданію минувшихъ вѣковъ, по древле-установленному чину, въ томъ же Московскомъ Кремлѣ, въ томъ же Успенскомъ Соборѣ,

*) К. П. Побѣдоносцевъ. Сборникъ „Вѣчная Память“, стр. 102.

***) „Русь“, 1883 г., № 10.

Государь причащается Св. Христоваго Тиня въ Алтарѣ.

Communion of the Emperor

среди нетлѣнныхъ останковъ Святыхъ отцовъ Русской земли, вблизи гробницъ князей и царей, основоположниковъ и зиждителей Русскаго государства, снова, торжественно, священнодѣйствіемъ Церкви и молитвами всего народа, совершилось посвященіе Русскаго Царя на Его высокое царственное служеніе, — высшее изъ всѣхъ служеній земныхъ!⁴¹

Около 3 часовъ пополудни, въ тотъ же день происходилъ обѣдъ въ Грановитой палатѣ, украшенной теперь стѣнописью, какъ выше сказано, въ томъ видѣ, какой имѣла она при первомъ Русскомъ Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, пред-

Ипирн, мюхтарсели.
Рецепшон ат Конграулатиона

ставляя въ своихъ изображеніяхъ событія Божественнаго міроуправленія. Во время обѣда оркестръ и хоръ Императорскихъ театровъ исполняли кантату, написанную къ этому дню поэтомъ А. Н. Майковымъ и переложенную на музыку П. И. Чайковскимъ. Кантата эта превосходно изображаетъ, какъ татарская сила, погубившая южную Русь, сама была испровергнута Москвою, въ коей самодержавная идея, какъ свѣча, зажжена была святителемъ Петромъ и Московскимъ княземъ. Басма ханская была растоптана Московскими Самодержцами. Еще изобразительнѣе, подъ образомъ русскаго богатыря, очерчена собирательная дѣятельность всѣхъ благовѣрныхъ московскихъ царей. Кантата, называя:

„И ірди жь въ ихъ путь, православный Царь!“ заканчивается „Славою“ Богу на небѣ, а Государю на сей землѣ.

„Съ нами Богъ“ — вотъ надпись на коронаціонныхъ медаляхъ, которая рождена была высшимъ сановникамъ и иностраннымъ гостямъ при настоящемъ торжествѣ.

Та же надпись значится и на коронаціонныхъ жетонахъ. Очевидно и здѣсь сказалось основное настроеніе души нововѣнчаннаго Царя.

Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, даннымъ 15 Мая, излиты милости на бѣдствующимъ и страждущимъ. Помимо облегченія участи лицъ, совершившихъ маловажныя преступленія, манифестъ распространяетъ сію милость и на многихъ изъ числа болѣе тяжкихъ преступниковъ, „кои смиреніемъ въ наказаніи, поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе“. Даже отступившимъ отъ святой клятвы вѣрности престолу, закону и отечеству и впавшимъ въ преступленія государственныя открыть манифестомъ путь къ помилованію, при условіи проявленія ими искренняго раскаянія.

Облегчая участь множества осужденныхъ, освобождая многихъ отъ тюремнаго заключенія, покрывая прощеніемъ и забвеніемъ многое содѣянное, слагая многоразличные штрафы, пени и начеты, манифестъ имѣетъ своею главною цѣлью даровать облегченія массѣ трудящагося и нуждающагося населенія.

Вечеромъ въ день коронованія городъ освѣтился огнями небывалой, по великолѣпію и изяществу, иллюминаціи. Дождь въ первый

Корпоративни събирания в Москва.

Illuminated Moscow

вечеръ повредилъ ея эффеку, за то въ слѣдующіе два иллюминаціи вполнѣ удалась. Особенно поразителенъ былъ видъ съ Каменнаго моста на Кремль: электрическія солнца съ башенъ Кремля пронизывали воздухъ волшебными лучами, которые передвигались и скрещивались въ воздухѣ; огненныя башни, огненныя стѣны, огненный Иванъ Великій волшебной декорацией выступали передъ толпами зрителей, волнами двигавшихся по сіявшимъ огнями улицамъ Первопрестольной.

Въ слѣдующіе три дня приносились обычные поздравленія съ вѣнчаніемъ на царство.

При представленіи Синода, Кіевскій митрополитъ Платонъ, закончивая свою рѣчь, воскликнулъ: „Господи, спаси Царя! А Ты, Царь православный, уповай на Господа и мужественно носи крестъ, возложенный Имъ на Тебя съ царскимъ достоинствомъ: Ты не одинъ, съ Тобою Богъ и Россія“!

Послѣ представителей иностранныхъ исповѣданій и не христіанскихъ религій въ Россіи, слѣдовали привѣтствія отъ государственныхъ сановниковъ, губернскихъ предводителей дворянства всѣхъ губерній, отъ депутатовъ Великаго Княжества Финляндскаго, казачьихъ войскъ, азіатскихъ народовъ, отъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и головъ губернскихъ городовъ Россійской Имперіи и равныхъ имъ лицъ губерній Царства Польскаго. Въ лицѣ ихъ, вся Россія представилась нововѣнзанному Самодержцу и отъ любви своей несла Ему, по исконному обычаю, русскую хлѣбъ-соль, съ пожеланіемъ добраго здоровья и счастливаго царствованія. Нѣкоторыя блюда, на коихъ подавалась эта хлѣбъ-соль, были изъ чистаго золота, покрытыя художественною чеканкой и эмалевыми изображеніями Государственныхъ регалій и гербовъ губерній, уѣздовъ, областей и городовъ Россіи, съ инициалами Августѣйшихъ именъ и посвятительными надписями; многія отдѣланы были бирюзой, драгоценными каменьями, горельефными медальонами, изображающими важнѣйшія событія изъ русской исторіи, портретами Ихъ Величествъ и видами городовъ. Кромѣ хлѣба-соли, подносимы были и иконы. Одинъ изъ потомковъ Сусанина поднесъ Государю хлѣбъ-соль на роскошномъ блюдѣ со слѣдующею вырѣзанной на немъ надписью: „Благочестивѣйшему Царю Александру III и Царицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ Коробовскихъ хлѣбопашцевъ, потомковъ Ивана Сусанина“. На иныхъ блюдахъ красо-

1-й акт и финаль 2-го акта оперы
ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ.

Музыка М. И. ГЛИНКИ
 действительная опера

Иванъ Суваровъ	Г-ль Каренинъ
Борданъ Сабининъ	Г-ль Орловъ
Антонидя	Г-жа Кочетова

Крестыане, крестьянка, Бояре, Царевна Анна, Царевичъ, Царьковны
 рыцари, охотничьи, стрелькины и ратники

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Благость сего балетмейстера Г. Маргуса Петрова, музыка сего Г. Мюльера

НОЧЬ.

действующія лица

Царьня Ночь	Г-жа Ев. Соловья
Историческая збѣда	Г-жа Гершенкова?
Лебединая дѣва	Г-жа Огальтъ?
Русалка	Г-жа Шаповалова
Дриада	Г-жа Каренина
Нилла	Г-жа Петрова

Звѣздъ Киноты, Чары дѣв,
 Чародейка, Лебединая дѣва,
 Русалка, Дриада, Виллы, Морены,
 Паноретинныя

ДЕНЬ.

действующія лица

Царьня Дня	Г-жа Валивъ
Утренняя збѣда	Г-жа Гаврилова
Муха	Г-ль Герать?
Голубь	Г-жа Шенкина
Бабочка	Г-жа Станиславская
Царьня вечеръ	Г-жа Викторовна

Голубъ дѣв, Чары дѣв,
 Птицы, Бабочки, Мушкетеры, Волшебники

ПЛЕМЕНА РОССИИ.

АПОВЕДОЗЪ.

МОСКВА, ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА

вались изображенія знаменательныхъ моментовъ исторiи: „тысячелѣтiе Россiи, Куликовская битва, избранiе на царство Михаила Романова, Ипатьевскiй монастырь“ и т. п. Среди массы золота, серебра и драгоценныхъ камней, нѣкоторыя приношенiя выдѣлялись своею простотою и оригинальностью, таковы напримѣръ: калмыцкое блюдо, кожаное въ мѣдной оправѣ, двѣ бутылки изъ корельской березы съ кумысомъ и такiя же двѣ чашечки и т. п. Блюдо московскихъ дворянъ сдѣлано было въ видѣ шапки Мономаха, отороченной собольимъ мѣхомъ, изъ серебра, изумительной работы. Преобладавшiй историческiй характеръ во всѣхъ этихъ произведенiяхъ любви и искусства вполне соответствовалъ эстетическому вкусу Самодержца.

Вечеромъ, 18 Мая, въ Императорскомъ Большомъ театрѣ былъ парадный спектакль.

Давали первый актъ „Жизни за Царя“ и финаль этой оперы. Затѣмъ шель новый балетъ „День и Ночь“.

Роскоши и великолѣпiю параднаго спектакля соответствовало убранство горѣвшей огнями Театральной площади.

По своему историческому значенiю, изъ всѣхъ бывшихъ во время коронацiи пировъ, выдѣляется обѣдъ, данный волостнымъ старшинамъ и гминнымъ войтамъ въ Петровскомъ дворцѣ 21 Мая, въ присутствiи всѣхъ губернскихъ предводителей дворянства.

Столы для сельскихъ гостей раскинуты были, подъ бѣлыми шатрами, на площади Петровскаго дворца. Предъ каждымъ приборомъ лежала роспись блюдо, на которой, подъ красной виньеткой, изображающею княжескiй пиръ, крестьянъ съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ, племена, населяющiя Россiю, въ національныхъ одѣянiяхъ, и виды Москвы, было напечатано: „Роспись блюдо стола Царскаго. Старшинскiй обѣдъ 21 Мая 1883 года“.

Удостоивъ Высочайшимъ гостепрiимствомъ это собранiе представителей сельскаго мiра, Государь Императоръ, предъ началомъ обѣда, обратившись къ старшинамъ, сказалъ:

„Я очень радъ еще разъ видѣть васъ; душевно благодарю за сердечное участiе въ торжествахъ нашихъ, къ которымъ такъ торжчо отнiслась вся Россiя. Когда вы разъдетесь по домамъ, передайте всѣмъ мое сердечное спасибо; слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ пред-

Иллюстрация спектакля.

Theatrical Parade

водителей дворянства и не вѣрныя вѣдѣнья и нелѣпыя слухамъ и толкамъ о предѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно также какъ и душа, должна быть неприкосновенна. Дай вамъ Богъ счастья и здоровья“.

Это задушевное, ясное и прямое царское слово, какъ лучъ солнца среди непрогляднаго сумрака, озарило всенародное сознание истиною и правдою и разъ навсегда положило конецъ смутѣ народныхъ умовъ, посѣянной предшествовавшей крамолою и „хожденіями въ народъ“ агентовъ противогосударственной партіи.

Затѣмъ, обратившись къ губернскимъ предводителямъ дворянства, Онъ столь же просто и сердечно сказалъ:

„Благодарю васъ за вѣрность. Я всегда былъ увѣренъ въ искреннихъ чувствахъ дворянства и твердо надѣюсь, что оно какъ было, такъ и будетъ опорю во всемъ хорошемъ — для пользы престола и отечества. Дай Богъ намъ жить мирно и тихо; благодарю васъ отъ души“.

Послѣ обѣда, согласно Высочайшей волѣ, губернскіе предводители дворянства роздали всѣмъ старшинамъ портреты Его Величества, долженствующіе напоминать имъ царское гостепримство и царское слово.

Всѣ Государи не только новой, но и древней исторіи, какъ мы видѣли, посѣщали обитель преподобнаго Сергія, столь памятнаго въ судьбахъ государственныхъ, но посѣщали лишь по окончаніи всѣхъ коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ. Теперь же извѣстныя Царь и Царица, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ Августѣйшихъ Особъ и Августѣйшихъ гостей, почтили Своимъ вниманіемъ эту обитель 22 Мая, не дожидаясь окончанія Московскихъ торжествъ, а среди нихъ, что было замѣчено и высоко оцѣнено Сергіевою лаврою.

Въ Троицкомъ соборѣ Ихъ Величества слушали литургію, молебень преподобному Сергію и панихиду по въ Бозѣ почившей Государынѣ Маріи Александровнѣ. Приложившись къ мошамъ преподобнаго Сергія, Высочайшіе Богомольцы посѣтили кельи митрополита. Обзрѣвъ затѣмъ Успенскій соборъ, Ихъ Величества осчастливили Своимъ посѣщеніемъ Московскую Духовную Академію.

Отсюда Ихъ Величества направились въ Геосиманскій скитъ, отстоящій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сергіевой обители.

Росс. Императоръ Александръ III выступившій 21 Мая 1883 года.

Emperor Alexander III's Speech before the Representatives

Изъ кельи Филарета Они пошли пѣшкомъ, чрезъ весь скитъ и черезъ мостъ, къ иконѣ Богоматери, называемой Черниговскою.

При входѣ въ пещерный храмъ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества спустились по лѣстницѣ, ступеней въ двадцать, въ нижнюю церковь, къ самой иконѣ Богоматери, гдѣ изволили слушать молебень и приложиться къ чудотворному образу.

Изъ Геосиманскаго скита Высочайшіе Богомольцы прямо отправились въ первопрестольную столицу.

Народное гулянье 21 Мая представляло величественную картину. Болѣе полумилліона народа побывало въ теченіи дня на отведенномъ для гулянья обширномъ пространствѣ Ходынскаго поля.

Народъ сталъ сходитьсѣ съ 5 часовъ утра. Между Ходынскимъ полемъ и Москвой, по двумъ направленіямъ, отъ Тверской и Прѣсенской заставъ, народъ шелъ непрерывною и до того сплошною толпой, что въ ней съ трудомъ могли двигаться экипажи. Въ то же время другая народная струя стремилась къ полю съ противоположной стороны, отъ Всѣхсвятской роши. То были крестьяне, пришедшіе изъ уѣздовъ Московской губерніи. Между крестьянами видѣлись многіе съ котомками за плечами и посохами въ рукахъ. Начало гулянья было назначено въ 12 часовъ дня, но, вслѣдствіе сильнаго прилива народныхъ массъ, за черту гулянья стали выпускать съ 10 часовъ утра. Каждому входившему подавались гостинцы: два пирога, фунтъ сластей и кружка или стаканъ. На кружкахъ—Государственный гербъ и подъ нимъ цифра 1883.

На отведенномъ для гулянья пространствѣ Ходынскаго поля были выстроены: четыре театра, циркъ, карусели, эстрады для гѣсельниковъ и музыкантовъ, мачты для лаванья на мѣста для зрителей, между которыми быть расположенъ царскій павильонъ.

Ровно въ 12 часовъ дня у Всѣхсвятской роши раздались пушечные выстрѣлы, возвѣстившіе начало гулянья. Вся необозримая народная масса, наполнявшая поле, порывисто заколебалась. Тысячи людей пустились бѣгомъ по направленію къ Петровскому дворцу, чтобы расположиться поближе къ царскому павильону и ожидать прибытія нововѣнчаннаго Государя. Скоро въ пространствѣ между зданіями театровъ и павильоновъ до того столпился народъ, что негдѣ было яблоку упасть. Въ началѣ третьяго часа „ура“, загремѣвшее у Петровскаго дворца,

Народни гулаши.

Grasshopper Walk

возвѣстиво прибытіе Ихъ Величествъ въ павильонъ, гдѣ успѣли собраться представители иностранныхъ державъ, придворные дамы и чины. Государь Императоръ вмѣстѣ съ Государыней Императрицей извѣстили выйти на балконъ павильона. Невозможно описать взрывъ восторга, съ какимъ народъ привѣтствовалъ Царскую чету; сотни тысячъ голосовъ слились въ одинъ могучій кликъ, которому, казалось, и конца не будетъ. Представленія въ театрахъ и циркѣ мгновенно прекратились. Всѣ артисты, оркестры и хоры исполнили народный гимнъ.

Когда народные клики стали затихать, изъ цирка тронулось грандіозное аллегорическое шествіе „Весна“, авторъ котораго образно представилъ постепенное развитіе этого всевоскрешающаго времени года, побѣду жизни и добра.

Народъ разсыпался по всему полю слушать музыку и пѣсенниковъ, забавляться петрушками, лазаньемъ на мачты. Всюду видѣлись радующіяся, смѣющіяся лица; весельемъ звучали удалыя пѣсни, разносившіяся по полю. Пиво и медъ лились рѣкой изъ сотни вагоновъ, обращенныхъ въ буфеты.

По всему полю, несмотря на такое громадное стеченіе народа, соблюдался удивительный порядокъ. Замѣчательно, что самъ народъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы „въ Царскій праздникъ все было смирно и чинно“. Послѣ праздника многіе съ чувствомъ самодовольства передавали другъ другу изъ „Вѣдомостей“, какъ весь міръ удивляется что русскій народъ „такой порядокъ соблюдаетъ, какого ни въ одной заграничной землѣ не видано“.

Гулянье кончилось блистательнымъ фейерверкомъ. Народъ возвращался съ гулянья почти до полуночи, съ криками „ура“ и пѣснями.

23 Мая происходило празднованіе двухсотлѣтняго юбилея преображенскаго и семеновскаго полковъ. Къ этому торжеству приезжены были древнія знамена — какъ молчаливые свидѣтели героическихъ подвиговъ этихъ полковъ. Преображенцы имѣли при себѣ полковое знамя 1700 г., которое участвовало въ битвахъ подъ Нарвою, два знамени ротныхъ 1701 и 1702 гг., два штандарта, такъ какъ преображенцы нѣкоторое время были въ конномъ строю, и затѣмъ морской флагъ, пожалованный имъ въ ознаменованіе морскихъ заслугъ. У семеновцевъ красовались также старинныя знамена.

Освящение храма Христа Спасителя.

Consecration of the Cathedral of Christ the Savior

26 Мая свершилось освященіе храма Спасителя — этого величественнаго памятника нашествію на Москву двадцати языкъ и дивнаго спасенія Россіи Божественнымъ Промысломъ.

Въ заключеніе описанія нельзя не вспомнить, что въ 1883 году впервые были допущены къ участию во всѣхъ торжествахъ корреспонденты ежедневной печати не только русскіе, но и иностранные. Отмѣтимъ только общіе отзывы послѣднихъ о Россіи, о Москвѣ, о Русскомъ Царѣ и Русскомъ народѣ. „Не даромъ Россія такъ долго была замуравленной“, говоритъ одинъ французъ, „она осталась сама собою; я вовсе не желаю, чтобы ее опять замуравили; но если она хочетъ сохранить симпатіи людей, любящихъ прелестные виды, то пусть бережется она, какъ отъ язвы, отъ той банальной наружности цивилизаціи, отвратительный видъ которой преслѣдуетъ васъ при проѣздѣ по Европѣ“. „Нельзя не признать“, замѣчаетъ „Standard“, „что русскіе имѣютъ право гордиться Москвою — этою *блокаменной и златоглавой* — какъ они любятъ называть свою старую столицу. Сколько разъ полки и татарскія орды унижали ее; сколько разъ терпѣла она отъ эпидемій, голода и огня, болѣе страшныхъ, чѣмъ даже монголы, полки и татары; сколько разъ опустошали городъ и даже Кремль. Но, несмотря на всѣ испытанныя бѣдствія, Москва осталась вѣрна самой себѣ. Городъ Петра Великаго можетъ на время господствовать, но Москва все-таки остается центромъ національной жизни и нѣкогда можетъ сдѣлаться съ большимъ правомъ столицею русскихъ государей“. Какъ и слѣдовало ожидать, иностранныхъ корреспондентовъ должны были поразить депутаціи азіатскихъ народовъ. „Гуляя около Кремлевскаго дворца“, говоритъ корреспондентъ Times'a, „мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣли на живописныя группы важныхъ и серьезныхъ людей, со смуглыми лицами, въ цвѣтныхъ костюмахъ и съ женскими головными уборами, какія встрѣчаются только въ Хивѣ, Мервѣ, Бухарѣ и въ Самаркандѣ. Это, дѣйствительно, народные представители, присланные изъ равнинъ и степей центральной Азіи засвидѣтельствовать великому *Бѣлому Царю* ленную преданность обитающихъ тамъ народовъ. Всѣ они кажутся весьма заинтересованными предметами, которые показываетъ имъ офицеръ, играющій роль проводника. Восточные инородцы тихо и съ важностью прогуливаются по Кремлевскимъ мостовымъ, прислушиваются къ объясненіямъ проводника, то не спуская

Освященіе храма Христа Спасителя.

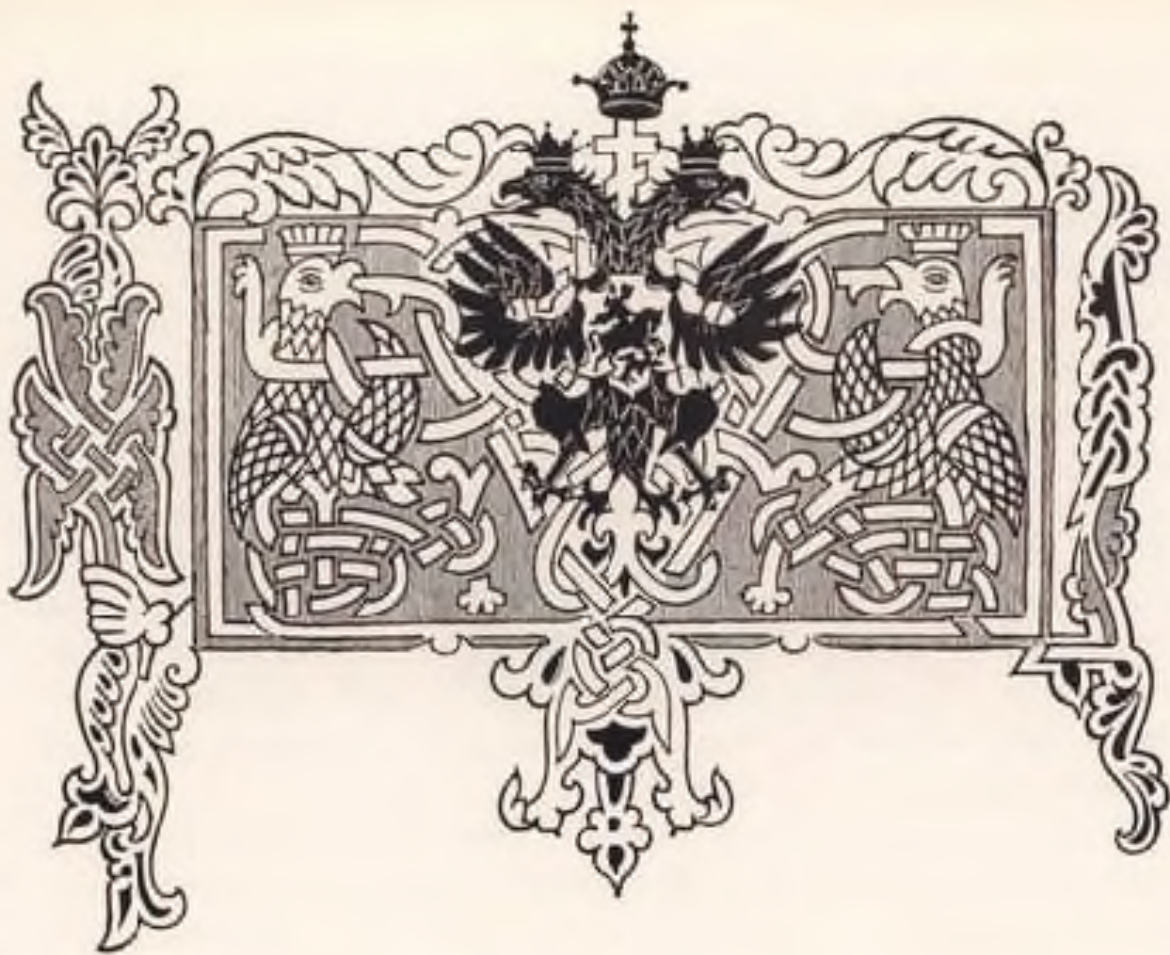
Consecration of the Cathedral of Christ the Savior

глазъ съ блестящаго креста на высокомъ соборѣ, то нѣсколько критически посматривая на сѣрыя зубчатая стѣны крѣпости, или съ изумленіемъ взирая на громадный колоколъ Ивана Великаго, похожіи на огромную пещеру циклоповъ. Подобно индійскимъ офицерамъ, перевезеннымъ въ Англію послѣ Египетской войны, эти предводители восточныхъ народовъ возвратятся къ себѣ домой съ яркими и точными понятіями о могуществѣ и великолѣпін ихъ Императора и Повелителя“.

А вотъ отзывъ также англійскаго корреспондента о русскомъ народѣ. Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ, болѣе, чѣмъ съ полумилліономъ народа, вызываетъ у иностранца слѣдующія думы: „Ни въ какой другой странѣ на свѣтѣ такое зрѣлище не могло быть импровизовано, или такое огромное множество народа собрано вмѣстѣ съ меньшими проявленіями безпорядковъ. Вообразите себѣ смущеніе, въ какое бытъ бы повергнуть Лондонъ, если бы было возвѣщено, что три четверти милліона раціоновъ и сто пятьдесятъ вагоновъ съ бочками пива будутъ розданы въ Гайдъ-паркѣ вѣрно-подданнымъ Ея Величества! Но Русскіе мужики съ дѣтскою простотою и радостью приняли корзинки съ провизіей и унесли съ собою глиняныя кружки, какъ драгоценное воспоминаніе о своемъ Царѣ-Батюшкѣ, и въ теченіи всего дня весело смотрѣли на устроенныя для нихъ представленія въ театралъ и фантастическую процессію цирка. Отъ того грубаго элемента, который нерѣдко присутствуетъ на нашихъ народныхъ сборищахъ, они, кажется, совершенно свободны“.

Мирныя стремленія нововѣччанаго Государя тогда же отмѣчены были французскою печатью. „На демонстраціи иностранныхъ державъ“, говоритъ „République Française“, „Царь отвѣчалъ превосходнымъ, внушеннымъ Ему пламенною любовью къ миру рескриптомъ, адресованнымъ къ Своему министру Иностранныхъ Дѣлъ Г. Гирсу“.

Императоръ Александръ III придавалъ такое значеніе Своему Св. Коронаванію, что, десять лѣтъ спустя, въ 1893 году праздновалъ торжественно десятилѣтіе этого событія, приурочивъ къ этому и закладку памятника Своему Родителю.

Недолго послѣ этого Царь-Миротворецъ оставался на землѣ. 20 Октября 1894 года въ мирѣ и тишинѣ Онъ воистину отдалъ Богу душу, и вѣсть объ этой утратѣ громовымъ ударомъ проиделась по всему земному шару.

„Прошло 13 лѣтъ *) царствованія Императора Александра III, и чѣмъ торопливѣе рука смерти снѣшила закрыть Его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ, и камни возопіяли, органы общественнаго мнѣнія Европы заговорили о Россіи правду и заго-

*) В. О. Ключевскій. Речь, произнесенная въ послѣдніи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 28 Октября 1894 г.

ворили тѣмъ искреннѣе, чѣмъ непривычнѣе было для нихъ говорить это. Оказалось по этимъ признаніямъ, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе, для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ, что горящій фитиль не разъ съ разныхъ сторонъ приближался къ этому опасному оборонительному складу, и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука русскаго Царя тихо и осторожно отводила его. Тогда историческое сознаніе Европы сдѣлало надъ собою одно изъ тѣхъ великихъ усилій, какія не разъ поднимали его въ минуты ослабленія и въ которыхъ сказывается его сила, воспитанная строгимъ научнымъ знаніемъ и добросовѣстной мыслью,—его способность при встрѣчѣ съ истиной отрѣшиться отъ своихъ вѣковыхъ предрасудковъ.

Европа признала, что Царь русскаго народа былъ и государемъ международнаго мира и порядка, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое призваніе Россіи, ибо въ Россіи, по ея политической организаціи, въ волѣ Царя выражается мысль Его народа, а воли народа становится мыслью Царя. Европа призналась, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, понимаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ; она признала Россію органически необходимою частью своего культурнаго состава, кровнымъ, природнымъ членомъ семьи своихъ народовъ. Это признаніе само собою, невольно, вырвалось изъ души европейскаго общества подъ впечатлѣніемъ извѣстій о послѣднихъ минутахъ жизни почившаго Императора и не замреть съ его послѣднимъ вздохомъ: октябрьскіе дни ливадійскихъ страданій были для западной Европы днями нравственнаго сближенія съ Европой восточной и, проводя въ могилу гробъ русскаго Царя, она впервые оплакиваетъ въ немъ своего европейскаго государя“.

В. О. Ключевскій оканчиваетъ свою вдохновенную рѣчь слѣдующими золотыми словами:

„Наука отведеть Императору Александру III подобающее мѣсто не только въ исторіи Россіи и всей Европы, но и въ русскои исторіографіи, скажетъ, что Онъ одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достаются побѣды, побѣдиль предрасудокъ народовъ

и этимъ содѣйствовать ихъ сближенію, покорить общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличить количество добра въ нравственномъ оборотѣ человѣчества, ободрить и приподнять русскую историческую мысль, русское національное сознаніе и сдѣлать все это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его ужъ нѣтъ, Европа поняла, чѣмъ Онъ былъ для нея”.

Cathedral of the Assumption

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III ЦАРЬ-МИРОТВОРЕЦЪ.

„На плени мещане, какъ Святославъ въ билинѣ,
Веленъ Свѣ Русь словъ, а какъ казнь оца,
Указывая путь, на каменной веревкѣ
Вѣн събитыхъ истини стонъ изрече!
О Миротворецъ Царь! Чья ратьма старца
Не запытана ни клочкомъ клана,
Вѣкъ поворота мѣръ кланчеству любви,
Тебя боготворятъ Европа и Россія!“

Львовъ.

Мученическая смерть Августѣйшаго отца, его послѣдній призывъ „Помогите!“, вся эта ужасная драма на Екатерининскомъ каналѣ— неотступно стояли передъ глазами молодого Царя и невыносимымъ гнетомъ ложились на его душу.

Между тѣмъ внѣшнія обстоятельства требовали усиленнаго напряженія ума и воли Государя, не оставляя времени его личному безконечному горю.

Отечественная жизнь въ предшествующіе годы подъ напоромъ разрушительныхъ вѣтаній съ запада стала отливать разноцвѣтными переливами, гдѣ красный цвѣтъ, цвѣтъ крови, получили преобладающее значеніе.

На мѣсто безвременно погибшаго кормчаго встать у государственнаго руля его сынъ, Александръ III.

Растерявшійся экипажъ плохо случался, голость командира временами заглушалась ревомъ удаляющейся бури и непогоды.

Нужно было великое мужество и глубокое пониканіе Россіи, чтобы при такихъ обстоятельствахъ взять правильный курсъ государственнаго корабля.

И правъ былъ поэтъ, посвящая стихи Императору Александру III въ день его восшествія на престолъ:

„Была ужасная кровавая година,
Когда Ты изилъ могучею рукой
Бразды, и долгъ Царя и сына
Исполнить твердо, жертвуя собой...“

Да, это была ужасная година.

Преобразовательная эпоха потребовала слишкомъ большаго напряженія силъ государства. Больно отозвались на организмъ страны и славныя войны съ сильными противниками; финансы разстроились, крупныя дефициты стали неминуемыми спутниками государственнаго бюджета и привели къ необычайному паденію кредита.

Настроеніе страны, какъ было сказано выше, все еще оставалось неспокойнымъ: смута дерзко поднимала голову, стремилась пошатнуть устои государства, проникла въ печать, вызывая недовольство. По заблудленному морю, по волѣ свирѣпыхъ волнъ неслась Россія, и гѣла и лавина волнъ пятнала бѣлизну Андреевскаго флага. Мракъ впереди, и, казалось, никогда не придетъ желанное успокоеніе.

Твердая рука оперлась на кормило, и ровнѣе сталъ бѣгъ корабля.

Ожила сѣдая старина, изъ народной былинны вывелъ простой, мощный богатырь, Илья Муромецъ, и своей широкой грудью, какъ въ давно минувшіе дни, заслонила Россію отъ бурь и бѣдъ; пусть за плечами у него стонъ кровавый призракъ смежи отца — у него нѣтъ мѣста личной мести, какъ въ тѣ далекія времена, когда и вправду былъ онъ Ильей Муромцемъ, а не Царемъ всея Руси, Александромъ III.

Глубокая дума на открытомъ челѣ Императора, и ясныя глаза читають въ книгѣ судьбы предназначене Россіи: „Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостію ея и кротостію совершилъ Родитель Нашъ величайшее дѣло Самого царствованія — освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ... утвердилъ въ царствѣ судъ подданныхъ своихъ, концы всѣхъ безъ различія сдѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распорядженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во-вѣки!“ Призывая всѣхъ вѣрноподанныхъ „къ утвержденію въ вѣрѣ и нравственности, къ искорененію лжи и лицеія, къ подворенію порядка и правды“, Императоръ говорить, что „посвятить Себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ усилѣніемъ гражданственности и съ вопросами экономическими и социальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ. Высшійя политико Наша будетъ вполнѣ миролюбива“.

Великое слово сказалъ Александръ III. Онъ не мечталъ о громкой славѣ завоевателей, передъ которыми дрожатъ и склоняется міръ, опьяненный кровью. Командуя во время турецкой кампаніи Руцукскимъ отрядомъ, Александръ III имѣлъ возможность понять, что слава эта покупается слишкомъ дорогой цѣной. Онъ не стремился также къ мирной славѣ преобразователя, который призываетъ къ дѣлу всѣ скрытыя силы своего народа. Государь хотѣлъ только мира и тишины для утомленной родины, чтобы страна окрѣпла и чтобы слезы ея возобновились.

И невольнаго царствованіе Императора Александра III напрашивается на сравненіе съ подвигомъ любимаго героя русскихъ былинъ, который выхлѣлъ на заставу и, зорко впери очи вдаль, оберегалъ отдыхъ и покой усталой Руси. Богатырь Илья стоялъ на границѣ въ полномъ вооруженіи, готовясь дать должный отпоръ врагу; такъ и Государь, заботясь о мирѣ въ Россіи, не забывалъ о возможности войны, потому что „любить миръ, не имѣя силъ воевать и даже боясь войны, не заслуга“.

Царь зналъ это, и военная мощь страны не ослабѣвала при немъ. „Воля и мысли Мои, — говорить онъ, направлены къ мирному развитію народнаго благоденствія; но обстоятельства могутъ затруднить исполненіе Моихъ желаній и вынудить Меня на вооруженную защиту государственнаго достоинства“. Всѣ помыслы миролюбиваго Императора были направлены къ тому, чтобы предотвратить такія обстоятельства, и за все время его царствованія, несмотря на неоднократныя поводы къ нарушенію мира въ Россіи ни разу не пришлось воевать, если не считать совершенно случайныхъ военныхъ дѣйствій противъ афганцевъ.

Пока стоялъ богатырь на стражѣ русскаго благополучія, высоко вознеслось знамя Россіи; не силой оружія, но сознаніемъ своей глубокой правоты и своей волей, покорной волѣ Бога, Александръ III заставилъ склониться Европу передъ собой. Ясный умъ, твердый характеръ, самое искреннее примодушіе, высокая честность, вотъ качества, которыя выдѣляли русскаго исполнителя среди семьи европейскихъ монарховъ. Особенно влекло къ нему сознаніе, что на него можно положиться, ибо онъ былъ непоколебимымъ оплотомъ правды и достоинства среди моря обмана, хитрости и лжи. Далекій отъ дипломатическихъ ухищреній, этотъ черноземный богатырь теперь, какъ нѣсколько вѣковъ назадъ, защищалъ слабыхъ, мудро удерживалъ сильныхъ, предпочитая смѣлый и честный бой въ открытомъ полѣ!

Тройственный союзъ Германіи, Италіи и Австріи несомнѣнно угрожалъ миру, нарушая политическое равновѣсіе Европы. Тогда Императоръ Александръ III заключилъ союзъ съ Французской республикой. По словамъ современника, „день, когда Россія черезъ Германію протянула руку Франціи, долженъ былъ повлечь за собой ужасную войну, какой еще не видѣлъ міръ. Но со свойственной Ему осторожностію Императоръ Александръ III отвелъ роковой ударъ. Сближеніе Франціи и Россіи, обѣщавшее неминуемую кровопролитную войну, Онъ обратилъ въ орудіе международнаго мира и согласія. Никогда ни одинъ Монархъ

не провадилъ столь мощнаго давленія на судьбу народовъ. Царь обратился къ уму и сердцу двухъ націй и соединилъ ихъ вѣчными узлами. Съ непокрытой головой слушала Огнь національнѣй французскій гимнъ и отдавъ честь французскому знамени*.

Крикъ энтузіазма, пронесшійся по всей Франціи, былъ ему отвѣтомъ. Политика получила новое направленіе. Европейское равновѣсіе возстановилось. „Безопасность была дарована міру, и чтобы сдѣлать это чудо, Русскому Государю достаточно было вѣсколькнуть минуту*“. Французская нація, любившая громкіе подвиги войны, была поражена незнакомой ей тихой мощью этого мирнаго завоевателя; ей чудилось что-то сказочное за его простотой, и французы готовы были молиться за него. Вотъ мнѣнія писателей объ удивительномъ образѣ этого Императора: „Я не иду и мнѣ не надо другого Божества; *Namque erit ille mihi semper Deus illius apud...*“; „Царь Александръ III былъ столько же великъ въ мирѣ, какъ другіе владыки были велики въ войнѣ*“, потому нми его сохранится на страницахъ исторіи наряду съ самыми громкими именами вождей.

„...A nos petits enfants
L'histoire redira ces deux noms triomphants:
Alexandre le Grand, Alexandre le Juste*“.

Но лучшее имя дать своему Государю призвательствамъ русскій народъ: *Царь-Миротворецъ* — эти два слова вошли и остались навѣки на страницахъ исторіи.

Подъ мудрою властью Государя неуклонно шло впередъ развитіе русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Промышленность, какъ залогъ экономической независимости страны, была предметомъ особаихъ заботъ Императора. При немъ началась серьезная разработка огромныхъ естественныхъ богатствъ страны. Для воощренія торговыхъ предпріятій были вдвое понижены проценты на займы (вмѣсто прежнихъ 7% взялось 3½%); значительно облегчилось пользованіе судами, торговые пути увеличались и улучшились; были введены новый таможенный тарифъ. Наконецъ Сибирскій путь, соединивъ Европу съ Азіей, приблизилъ къ Россіи таинственный и неизомый Востокъ, куда хлынула широкая струя просвѣщенія и культуры, внося настоящую жизнь въ огромное и богатое, но незаселенное владѣніе страны. Въ Русской Азіи оживилась торговля съ Китаемъ, Японіей и получила смыслъ обладаніе морской границей на востокъ. Это было мирное вторичное завоеваніе темной и глухой Азіи для превращенія ея въ новую культурную страну.

Подъ влияніемъ Императора постепенно сглаживались вѣкоторыя ошибки прошлаго царствованія, завершалось незаконченное. Государственный бюджетъ снова достигъ своей устойчивой нормы, энергичныя разумныя мѣры положили конецъ служебнымъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ.

Загѣмъ было завершено великое дѣло освобожденія крестьянъ, и приняты всевозможныя мѣры къ увеличенію ихъ экономического благосостоянія и облегченію повинностей, а именно: уничтожена подушная подать, въ 1882 году учрежденъ крестьянскій земельный банкъ, огромное количество земель изъ удѣльнаго вѣдомства было роздано крестьянамъ.

Въ 1891 году, во время случившагося неурожая и голода, всѣ мѣры были приняты, чтобы отвратить бѣдствіе. Александръ III, побуждаемый благороднымъ стремленіемъ помочь несчастнымъ, горе которыхъ онъ чувствовалъ такъ же, какъ и они, ограничить свои собственные расходы, уменьшить содержаніе Царской фамиліи, сократить средства Двора, отбѣили многія адъютантскія и придворныя должности.

При немъ впервые освобожденные крестьяне были признаны полноправными гражданами Россійской Имперіи и допущены къ принесенію вѣрноподданнической присяги.

Дворянство было обязано Императору восстановленіемъ за нимъ былаго высокаго положенія и вѣкоторыми новыми источниками для удовлетворенія экономическихъ нуждъ. Къ числу послѣднихъ относится учрежденіе дворянскаго поземельнаго банка въ 1885 году.

Императоръ покровительствовалъ стремленію русскаго общества къ просвѣщенію.

„Онъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ другіе, которымъ несправедливость исторіи создала блестящую легенду, содѣйствовалъ развитію науки, техники, покровительствовалъ географамъ и изслѣдователямъ; онъ трудился надъ уничтоженіемъ преградъ, раздѣляющихъ народы и останавливающихъ развитіе человеческой мысли.

Такъ мирнымъ и воспитательнымъ путемъ двигая свою родину все впередъ и впередъ, Александръ III довелъ Россію до того величія, когда она ясно сознала свою святую миссію въ дѣлѣ мирнаго развитія народовъ. Страна, преже униженная у запада, вступила не только полноправнымъ членомъ въ семью культурныхъ племенъ, но со своими неистощенными еще силами, со всѣми надеждами молодого государства, стала впередъ ослабѣвшей и состарившейся Европы. И послѣдняя признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, защищаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ, и что страна эта имѣетъ всѣ права на то, чтобы быть полноправнымъ членомъ семьи культурныхъ народовъ.

Въ чемъ же была сила и превосходство Россіи, которая такъ поразила Европу, какъ нѣчто безпримѣрное? — Въ единеніи національнаго по духу Государя съ его народомъ, въ томъ, „что въ волѣ Царя выражается мысль Его народа, а воля народа становится мыслью его Царя“.

Рѣдко единеніе это сказывалось такъ ясно, какъ при Александрѣ III. Онъ явился для народа воплощеніемъ его мечты о далекомъ, сказочно-прекрасномъ времени, когда ласковый князь Владімиръ Красное Солнышко пировалъ въ своихъ палатахъ, а за столъ съ нимъ сидѣли первый помощникъ и любимый богатырь, Илья — крестьянскій сынъ. Но народъ давно пересталъ вѣрить въ легенду о вѣчно-штурмующемъ князѣ, видя за престолѣ Царей-тружениковъ.

Образъ Илья заслонилъ и вытѣснилъ его изъ народной памяти, которая радукрасила богатыря лучшими чертами князя. И вотъ въ концѣ XIX вѣка вновь онъ предсталъ передъ народомъ: могучій обликъ, мужественная осанка и русскія черты лица — все по-прежнему въ добродушномъ и улыбающемся героеъ русскаго эпоса. Не измѣнилась и душа его, „чистая, какъ самый свѣтлый кристалль“, мужественная и кроткая. И какъ въ былые дни, поднявъ Царь-богатырь на свои сильные плечи всю тяжесть русской жизни, принявъ отвѣтственность за миліоны вѣрившихся ему людей и со скромнымъ молчаливымъ героизмомъ русскаго человѣка принялся за свою исполнителскую работу.

Глубокою древностью вѣсть отъ жизни Царя. „Творите мужеское дѣло, — учить мудрый князь Мономахъ, — сами творите, не полагайтесь на слугъ и помощниковъ“; и вотъ всѣ дни Государя полны трудомъ и заботами, до послѣдняго часа его жизни. И Божія сила поддерживаетъ и осѣняетъ Императора на всѣхъ путяхъ его, потому что вѣритъ онъ, какъ и его народъ, искренно и всецѣло предавая судьбу свою на волю Бога. Вседержителю угодно было возложить на него тяжелый крестъ и великую отвѣтственность, и онъ несъ свою ношу съ покорностью, съ сознаниемъ отвѣтственности передъ однимъ Богомъ. И благодать свыше окружала Царя свѣтлымъ ореоломъ за его чистую вѣру въ вѣсь всеобщаго невѣрія и шатанія умовъ.

Образъ жизни Императора еще болѣе сблизилъ его съ русскимъ народомъ; не любилъ Александръ III роскоши и блеска; здоровой простотой все дышало въ его семьѣ. Среди всеобщаго паденія нравственности въ ней твердо держались старозавѣтныхъ дѣловскихъ обычаевъ, и царилъ чистота патриархальнаго семейства.

„И Господь спасаетъ, даже явно чудодѣйственно, спасаетъ всѣхъ изъ, идеально-прекрасное, христіанское, святое семейство для счастья и поученія Россіи“.

17 октября 1888 года Императорскій поѣздъ мчался со скоростью шести-

десяти верстах в часть Августейшие путешественники: Государь Александр III, Государыня Императрица Мария Феодоровна, Наследник Цесаревич Николай Александрович, Великое Князь Георгий и Михаил Александровичи и Великая Княжна Ксения и Ольга Александровны находились в вагоне столовой за завтраком, когда поезд, с чудовищной силой налетел на насыпь, потерял крушение. Вагон превратился в груды щепы и железа, крыша, сплюснутая с трех сторон, свернулась в сторону. Словно неистовый вихрь смерти смал поезд. Но десница Божия простерлась над Императором и его семейством и отвела удар.

Щепы мелкой осенней дождь, пронизывающий ветер дуль, не переставая, над полями, разнесся стволы раненых. Тогда Государь склонился над изувеченными и умирающими, и от Царственной ласки стизала боль, и предсмертный ужас замкнулся умиротворенной покорностью. И многим несчастным в бреду, может быть, казалось, что на землю сошло свѣтлое видѣніе неба, тогда Государыня Императрица съ нежной заботливостью приближалась къ умирающим. Только тогда послѣдній раненый былъ внесенъ въ вагонъ, Царская семья подумала о себѣ и помѣстилась въ свитскомъ поѣздѣ.

Да, это было воскресеніе изъ тьмы смуты, это являлось торжество правды надъ ложью.

Александр III одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достаются побѣды, побѣдилъ предрасудки народовъ и этимъ содѣйствовалъ ихъ сближенію, покорилъ общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличилъ количество добра въ нравственномъ образѣ человечества, ободрилъ и приподнял русскую историческую мысль, русское національное сознание и сдѣлалъ все это тихо и молчаливо.

Въ тюремѣ, неустанномъ подвигѣ служенія Россіи Императоръ Александр III подорвалъ свое крѣпкое здоровье. Недугъ Государя, переѣхавшаго изъ Петербурга въ Ливадію, все усилвался.

Вся Россія, лжорадочно слѣдя за бюллетенями в ходѣ болѣзни Царя-Миротворца, пламенно молилась за него и переходила отъ свѣтлыхъ надеждъ на исцѣленіе къ жгучей душевной тревогѣ за дорогую жизнь Монарха.

19 октября 1894 года печальный исходъ сдѣлался несомнѣннымъ.

20 октября. Сверхшлось — Государь умираетъ. Буря шумѣла, ствало море. Волны набѣгали съ ропотомъ, ударились о берегъ, словно рвались и метались туда, ко дворцу, гдѣ угасала его жизнь, и падали, и бѣжали назадъ. Скорбный, страшный день, его *послѣдній день*...

Царь-Миротворецъ умираетъ. Съ поворностью волеъ Господней, въ исномъ сознаніи свершеннаго имъ до конца великаго Царскаго долга. Окруженный колѣнопреклоненной семьей, напугтуемый молитвами праведника, Юанна Кропцгадтскаго, на рукахъ Державной Супруги и Первенца-Сына, тихо отходитъ онъ въ вѣчность. Послѣдняя мысль его была о Россіи. Послѣдняя ласка, послѣднее слово были той, которая посвятила и отдала ему свою жизнь. Ея были и послѣдній взглядъ его, послѣднее прости. А тамъ, за стѣнами дворца, море народное, пламенно молившееся, еще надѣющееся, вѣрющее въ чудо...

Не стало великаго Самодержца. Не стало Царя, тержественно возвѣстившаго, среди смуты и колебаній, истину власти и поднившшаго знамя ея такъ высоко, что современники, свои и чужіе, благоговѣнно сложились передъ нимъ. Не стало Государя, вдохновлявшшагося святыми заветами русской исторіи и самоотверженно, до послѣдняго вздоха, вѣрно и неизмѣнно служившаго родинѣ. Нѣтъ мудраго Державнаго Вождя, такъ чудодѣйственно воскресившаго наши силы, и безъ войнъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, побѣдно и грозово провешшаго русское имя по всему міру. Нѣтъ вселенскаго *Миротворца*, который, съ высоты своего мірового вліанія, спокойнымъ разумомъ, твердымъ словомъ, мощной рукой сдерживалъ столько лѣтъ столкновенія, готовый, казалось, разразиться громами и молніями. Нѣтъ его, Великаго Государя, безсмертнаго въ памяти народной!

The Reign of Emperor Nicholas II

Description of the Coronation of Their Imperial Majesties, Nikolai Alexandrovich and Alexandra Feodorovna.

Preparation for the Holy Coronation—Decoration of Moscow.—

Beginning of the arrival of Members of the Imperial Family and Special ambassadors.

Following the example set by his father, Emperor Nikolai Alexandrovich selected May for his coronation, as was proclaimed in his coronation manifesto of 1st January, 1896.

The main work for the coronation centered on the Ministry of the Imperial Court. A coronation commission was organized for deciding on general matters concerning the ceremonies.

For the coronation in Moscow, in addition to the Imperial Court and the Imperial Family, foreign princes, ambassadors, state dignitaries, the Tsar's household, about two thousand deputies, and a large number of military officers were expected to arrive.

All these people, plus many others who lived in Moscow, had to be invited to the Imperial Court for receptions, dinners, and balls. In addition, the Imperial court, according to time-honoured traditions of hospitality, took upon itself all the cares and worries concerning the travel of foreign princes from the borders to Moscow, about their quarters, meals, servants, and transportation.

THURSDAY, MAY 9

Triumphant entry into Moscow—

Passage of their Majesties from the Petrovsky Place to the Alexandria.

FRIDAY, MAY 10

Preparation for receiving the Holy Sacraments by their Majesties.—

Reception of extraordinary ambassadors and envoys.

SATURDAY, MAY 11

Preparation for receiving the Holy Sacraments by their Majesties.—

Proclamation about the Holy Coronation.—

Reception of extraordinary ambassadors and extraordinary envoys.

SUNDAY, MAY 12

Preparation for receiving the Holy Sacraments by their Imperial Majesties.—

Proclamation of the Holy Coronation—Cancelling of the Church Procession.—

Consecration of the State ensigns.

MONDAY, MAY 13

Preparation for receiving the Holy Sacraments by their Majesties.—

Proclamation of the Holy Coronation.—Transfer of the Imperial Regalia.

Passage of their Majesties from the Alexandria to the Kremlin.—

TUESDAY, MAY 14

Holy Coronation of their Majesties.—

Triumphant Feast of their Majesties in the Granovite Palace.—

Illumination of the Kremlin and Moscow.

The preparations for the coronation had been completed and people began to arrive to witness the celebrations. The morning was perfect—warm, in a spring sun,—with fragrance from the green of the Kremlin boulevard.

At 7 a.m. there was a 21-gun salute; prayers were begun in the church for the health and longevity of their Imperial Majesties.

Various regiments lined the route of the procession. There was also a court choir and six gre-

nadier artillery batteries for the salute volley.

About eight hundred leaders of the rural districts were present, as well as representatives of the Cossack population and foreigners. Various Eastern peoples, in their native costumes, were especially colorful.

The Kremlin was surrounded by crowds of people, wherever there was room for them to stand.

At 8 a.m. military and civil personages began to assemble in their assigned places either in the Kremlin Place or the cathedral.

The Dormition Cathedral, built by Ivan III on the site of an ancient church, was beautifully decorated and was truly worthy of such an occasion. This small church, according to historic tradition and the will of the people, is the most precious point of Russia's heart, and of Moscow, the true capital.

For the coronation, His Majesty selected the throne of Tsar Mikhail Feodorovich, the one used by his father in 1883. The Dowager Empress Maria Feodorovna used the same throne upon which she was crowned in 1883, the "diamond throne" of Tsar Aleksei Mikhailovich. His Majesty selected the ivory throne of Tsar Ivan III for Empress Alexandra Feodorovna—this was the throne used by Emperor Alexander II at his coronation in 1856.

Their Majesties were seated under a beautiful canopy and the Dowager Empress was seated under her own canopy.

There was a table in the throne area for the Imperial regalia. On either side of the throne were areas for the Grand Dukes and Duchesses, foreign princes and princesses and other personages of the Imperial family.

Platforms were built along the south, west, and north walls for people of importance, while behind the throne area were senators and other officials. The leaders of the rural districts were placed on the right side of the ambo and artists and correspondents were on the left side.

After completing the prayers for the reign, the "hours" were read and finished at 9 o'clock. Then the clergy went out of the cathedral with cross and holy water to greet the Dowager Empress.

At 9:15, there were shouts of "hurrah" and the National Anthem was heard, heralding the arrival of the Dowager Empress on the Red Staircase. She appeared before the people in her crown and purple, accompanied by the Grand Duke Aleksei Alexandrovich, the Danish crown-prince, members of the Imperial Family, and other persons of high rank.

From the Red Staircase to the cathedral, the Dowager Empress Maria Feodorovna walked under a canopy carried by sixteen high-ranking persons. The train of the purple was carried by four chamberlains and supported at the shoulders by two masters of the hunt. She entered the cathedral and took her place.

Meanwhile, preparations for the next procession were being completed on the cathedral square. At the Granovite Palace, 32 field-officers carried a magnificent canopy to the lower steps of the Red Staircase and there, 32 generals took it from them. This canopy was held up on sixteen posts. Four imperial crowns were placed on its gilded cornice, also four state coat-of-arms and sixteen bouquets of ostrich feathers in black, yellow, and white. The crowns and eagles were gilded. The rest of the canopy was magnificently decorated.

Protopresbyter Yanyshch, the spiritual father of their Imperial Majesties, sprinkled the procession path with holy water. The chief-marshal informed the Emperor that the procession was ready and their Imperial Majesties came out from the inner chambers into the throne hall. Trumpets and drums sounded, announcing the beginning of the Imperial exit. Near the Red Staircase, the court musical choir performed Tchaikovsky's "Fanfare".

Two masters-of-ceremonies directed the seemingly unending procession of various national representatives. Those who held invitations remained for the Holy Coronation while the rest proceeded to the Synodal Palace to wait for the return procession.

The Imperial Regalia were carried in the procession by state and military officials. When the regalia reached the doors of the church the Metropolitan of Kiev censed them while the Metropolitan of Moscow sprinkled them with holy water.

The time had come for the appearance of the Autocrat on the Red Staircase. Suddenly a loud cry of "hurrah" resounded from the hundreds of thousands who were crowding the Kremlin square

and the squares and streets adjoining it. The orchestra in the square began to play "God Save the Tsar", and as it began, with ecstatic cries, with the peeling of bells, their Imperial Majesties descended the Red Staircase, preceded by military troops and accompanied by military and state officials. They were followed by a guard of honour.

The Emperor was in the uniform of the household troops of the Preobrazhensky Regiment, with a ribbon of the Order of Alexander across the shoulder, with the chain of the Order of the Holy Apostle Andrew-the-First-Called. Empress Alexandra Feodorovna was dressed in silver brocade, embroidered in an old design by the sisters of the Ivanovsky Convent. She was wearing the star and ribbon of the Order of St. Catherine. The Imperial Couple quietly descended the staircase, bowing to all.

When their Majesties reached the Dormition Cathedral, all became silent as the Metropolitan of Moscow began to speak. He spoke of the significance of the Anointing, recalling that when King David was anointed, the elders of the tribes of Israel came to the King in Hebron and they anointed David to the Kingdom. In a similar way, the elders of the Russian land have gathered for the Tsar's anointing, and through them, all the tribes subject to him.

Metropolitan Pallady of St. Petersburg brought their Majesties the cross to kiss, while Metropolitan Ioanniky of Kiev sprinkled them with holy water. Having entered the cathedral, they bowed thrice before the Lord and then revered the icons, finally seating themselves upon the throne.

The rite of the Holy Coronation began at 10 a.m. The Metropolitan of St. Petersburg approached the Emperor, stopped before him and began to speak. According to the custom of ancient Christian Monarchs and the Emperor's own ancestors, the Tsar read the confession of the Orthodox Faith aloud from a book handed to him by the Metropolitan, crossing himself thrice as he read.

Then the Metropolitan exclaimed: "May the Grace of the All-Holy Spirit be with You, Amen," and he descended from the throne area. Thereupon, the proto-deacon began the Litany of Fervent Supplication with special petitions to the All-Mighty for this occasion.

After the singing of the tropar "O Lord, save Thy People," the prophecy of Isaiah was read. Then the Prokiemon was sung, and the Epistle of St. Paul to the Romans and the Holy Gospel according to St. Matthew were read.

The church became hushed. Beams of sunlight poured in through the narrow windows. The Metropolitans of St. Petersburg and Kiev approached the throne to assist the Emperor during his vesting. The ordinary chain of the Order of Saint Andrew-the-First-Called was removed from the Emperor and the Metropolitans brought the diamond Andrew chain and Imperial purple. They were placed on the Emperor while the Metropolitan of St. Petersburg invoked the Name of the Father, Son, and Holy Spirit.

Then Metropolitan Pallady blessed the Emperor three times and, placing his hands on the Emperor's head in a cross-shaped manner, began to pray aloud.

The words of the prayer had scarcely ended when the proto-deacon loudly exclaimed, "Bow your heads to the Lord!" And again the hierarch invoked the protection of God upon the Emperor.

All those present observed the ceremony in hushed silence and it seemed that every heart was filled with one desire—the sending down of Divine Grace upon the head of the Autocrat. Count Miliutin approached with the precious Imperial crown on a cushion. Metropolitan Pallady took the crown and presented it to His Majesty who then placed it upon himself.

"In the Name of the Father, and the Son, and the Holy Spirit. Amen," pronounced the metropolitan and he turned to the Emperor saying that with the crown he is inviolably crowned by Christ as the ruling authority over his people.

The sceptre and the orb were then handed to the Emperor with the words, "In the Name of the Father, and the Son and the Holy Spirit. Amen."

Dressed in the Imperial purple and crown, with the sceptre in his right hand and the orb in his left, the Emperor sat down on the throne. Then he placed the sceptre and orb on cushions and her Majesty came and knelt before her august spouse on a velvet cushion fringed with gold braid.

The Emperor removed his crown, touched the Empress's head with it, then placed it on himself again. The Emperor was then brought the small crown with which he crowned the head of the Em-

press. Then, with the assistance of two Grand Dukes and several ladies-in-waiting, he placed on her Majesty the purple and the diamond chain of the Order of the Holy Apostle Andrew-the-First-Called.

Their Majesties then kissed each other and sat down on their thrones. The proto-deacon proclaimed the "Many Years" for the Emperor, using his full title, naming a whole series of kingdoms, principalities and provinces from which the great state was gradually formed. In the words of the full imperial title, the whole thousand-year-history of Russia resounded. A thunderous "Many Years" resounded thrice in the church, then the "Many Years" was proclaimed for the Empress.

From the banks of the Moscow River, guns thundered, announcing to the city that the holy coronation had taken place.

When the cannon volley and bells were silent, the Emperor knelt and prayed, placing all his hope in God and humbly beseeching God's grace for the task of governing assigned to him.

Having completed his prayer, the Emperor stood up and immediately all those present knelt. Metropolitan Pallady read, in the name of the people, the "Prayer for the Tsar".

After this prayer the Metropolitan of St. Petersburg turned to His Majesty with a greeting expressing the joy of all the millions of the faithful, stating that the Orthodox Church sees in him a defender of the faith and piety, and a protector, while the fatherland sees in him a God chosen leader, a righteous judge and its own father.

With the ringing of the bells in the Ivan the Great tower, the choir sang out "We praise thee, O Lord," and with this the order of the Holy Coronation ended.

Then began the Divine Liturgy, served by the Metropolitan of St. Petersburg, Kiev, and Moscow and several other clergy. His Majesty removed his crown which was placed on the regalia table. After the reading of the Holy Gospel, Archbishops Tikhon of Irkutsk and Antony of Finland brought the Holy Book to their Majesties for kissing. During the reading of the communion hymn several state officials unrolled a carpet from the lower step of the Imperial throne to the Royal Gates, and from there to the holy table it was unrolled by protodeacons. After the co-servers of the Liturgy had communicated, the Royal Gates were opened and two archbishops—Vladimir, Exarch of Georgia and Theognost of Novgorod—approached the throne to accompany His Majesty to the ambo for the rite of Holy Chrism. Informed of the anointing by the ringing of bells and a 101 gun salute, the crowds thundered "hurrah."

Then the Empress was anointed in the ordinary manner and stepped aside to the left, in front of the Vladimir Icon of the Mother of God.

The Metropolitan of St. Petersburg then led the Emperor through the Royal Gates into the sanctuary. Here in the sanctuary of the Dormition Cathedral, the Tsar knelt before the throne of the All-High King of Kings and was communicated the Holy Mysteries by the Metropolitan of Saint Petersburg, according to the Tsar's rite, as the clergy communicates.

The Empress then stepped before the Royal Gates and took Holy Communion in the ordinary manner.

Their Majesties returned to the thrones and the rites were completed.

The Emperor and Empress descended from their thrones and at 12:25 o'clock they departed from the cathedral through the north doors, preceded by the Metropolitan of St. Petersburg. Volleys were fired, the National Anthem was played, Moscow's belfries began to peal and the crowds cried out in joy.

The Sovereign, in crown and purple, with the orb and sceptre, proceeded with the Empress to do reverence in the Archangel and Annunciation Cathedrals, and thence to the palace. The joy of the people and the ringing of bells was not confined to Moscow; all throughout the immense Russian land the thunderous "hurrahs" could be heard.

On this momentous day, the words of the Tsar's manifesto were spread throughout Russia.

Amongst the mercies announced in the manifesto there were many to lighten the financial burdens of the people—approximately 102 million rubles in various taxes were relinquished.

Many people who had been sentenced for crimes were freed from punishment or had their punishment lightened. Village inhabitants were given a reduction in the payments they were making for the purchase of their land.

There were generous favours extended to districts, institutions, and military and civil personnel.

In the evening, their Imperial Majesties went to the large balcony of the Kremlin Palace and bowed to the people.

In the Throne Hall, His Majesty again took up the sceptre and orb and, together with the Empress, entered the Granovite Palace for the Great State Dinner.

On this day, at the Tsar's expense, dinners were provided for fifty thousand poor people in cities throughout the Russian Empire. Thousands more were fed everywhere by various people and institutions.

The day ended with the traditional illumination of Moscow.

WEDNESDAY, 15 MAY

Reception of Congratulations.—Reception of the Vatican Emissary.—Dinner for the clergy and persons of the first two ranks in the Granovite Palace.—Departure of the foreign princes.

THURSDAY, 16 MAY

Reception of congratulations.

FRIDAY, 17 MAY

Reception of congratulations from the ladies.—Transfer of the regalia from the Andrew Hall to the Armory.—Cereemonious performances at the Bolshoi Theatre.

SATURDAY, 18 MAY

People's holiday.—Reception of deputies from the Moscow public and from various institutions.—Dinner at the Petrovsky Palace for the elders of the rural districts.—Ball at the French Ambassador's residence.

In accordance with tradition, the Tsar arranged for the people's feast and carnival.

The Khodynskoe Field was selected for this and many buildings were erected to house theatres, orchestras, and other entertainments. A hippodrome was erected in the centre of the field and the Imperial pavilion dominated the whole scene. Buffets were set up for the distribution of food and coronation cups to the people.

Unfortunately, this happy event became one of sorrow for many. None could have expected the tragedy which was to occur at these buffets.

The people had been arriving at the field since the evening before, and well before the appointed hour for the distribution of gifts; the crowds became dense at the buffets. A terrible crush took place and those who were knocked off their feet could not get up again as waves of people swept over them. Many of these unfortunates were trampled to death by those around them.

This terrible event cast a sorrowful shadow on the celebration, but it was impossible to cancel the feeding of the half-million people gathered for the celebration. At 2:05 o'clock in the afternoon, their Majesties appeared at the Imperial Pavilion and the crowd greeted them in delight. Hundreds of thousands of caps flew in the air.

The Emperor immediately ordered that measures be taken to provide for the families of the victims.

In the evening, their Majesties set out for the Petrovsky Palace for the required feast and acceptance of further congratulations. Upon the completion of the welcoming speeches, the guests sat down to eat in huge tents set up in the courtyard of the palace and the Emperor and Empress made their rounds of each tent, visiting their guests from the countryside.

Finally, their Majesties retired to the Great Kremlin Palace to prepare for the ball at the French Embassy.

By late evening great crowds of people had gathered everywhere to watch the fireworks displays which were held on the Vorobievsky Hills.

SUNDAY, 19 MAY

Liturgy with a litany.—The visit of their Majesties to the Old Katherine Hospital for workers.—Dinner in the Alexander Hall for various representatives.

At the Emperor's command, a Liturgy was celebrated for the repose of the souls who perished on the Khodynskoe Field. Their Majesties prayed with tear-filled eyes. A litany was served later. After that, their Majesties visited the Old Katherine Hospital for workers where casualties from the Khodynskoe Field were being treated. They visited the bed of each patient, all of whom were deeply moved by

the visit and they reached out to kiss the hand or clothing of their Sovereign and the Empress.

MONDAY, 20 MAY

Liturgy in the Imperial presence at the Chudov Monastery and acceptance of homage from Grand Duke Kirill Vladimirovich.—Visit of their Majesties to the Marienskaya Hospital.—Arrival of the Ambassador Extraordinary of Persia.—Ball at the residence of the Governor-General of Moscow.

TUESDAY, 21 MAY

Church procession.—Visit by the Dowager Empress Maria Feodorovna to the Marienskaya Hospital.—State dinner at the Austro-Hungarian Embassy.—Ball for the Assembly of the Moscow Nobility.

WEDNESDAY, 22 MAY

Pilgrimage of their Majesties to the Holy Trinity-Sergius Lavra.

THURSDAY, 23 MAY

Visit of their Majesties to the City Council.—Dinner at the residence of the British Ambassador.—Ball at Alexander Hall.

SUNDAY, 26 MAY

Parade on the Khodynskoe Field.—Imperial breakfast for the heads of military units.—Farewell audience for extraordinary ambassadors and envoys.—Dinner in the Alexander Hall for the Moscow authorities and members of the coronation commission.—Departure of their Majesties from Moscow.

О ПИСАНІИ

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНА
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ
АЛЕКСАНДРОВНЫ

189

Измайлова

С. С. Смирновъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

EMPEROR NICHOLAS II — 1894-1917

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

EMPRESS ALEXANDRA FEODOROVNA

ОПИСАНІЕ СВЯЩЕННАГО КРОУНА И ЦАРСКОГО ВѢЩЕСТВА

Приготовленія къ Священному Коронованію. — Убранство Москвы. — Начало съезда членовъ Императорской фамилии и чрезвычайныхъ посольствъ.

По примѣру незабвеннаго Своего Родителя, Державный Вождь земли русской, Императоръ Николай Александровичъ, избралъ Май мѣсяць временемъ для совершенія Священнаго Корованія. Вѣсть о предстоящемъ возложеніи короны и св. миропомазаніи разнеслась по Руси святой манифестомъ 1 Января 1896 г.

Въ этотъ день Его Императорское Величество обратился къ Россіи съ такими словами:

„Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, въ предстоящій торжественный день Корованія, раздѣлить радость Нашу и

СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ
ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Возшесть на **Патриаршескiй Наслѣдственнiй Престолъ Россiйской**
Имперiи и **Управляемыхъ съ нею Царствъ Польскаго и**
Великаго Княжества Финляндскаго по образъ **Благочестивыхъ**
Государей Предковъ Своихъ **Князя** **Святшайшему**
Коронованiю **Его Императорскаго Величества** и **отъ Святого**
Духа **помощию**, при **помощи** **Вселишшаго**, **днѣ** **сего** **Мая** **въ** **14** **дѣнь**
къ **Святшайшему** **сестѣ** **днѣ** **сего** **Его Императорскаго Величества**
Князь **прислѣдникъ** **и** **Супругъ** **Свою**, **Великую** **Государыню** **Императрицу**

Александръ Феодоровну

и **Сестѣ** **Горжестивѣ** **Величiи**, **Въ** **рочно** **подданнiи** **и** **чрезъ** **сiе**
Возвѣщаются, **дабы** **въ** **Воскресеньи** **о** **днѣ** **днѣ** **Усугубили**
толовы **свои** **къ** **Царю** **Царствующиму**, **да** **Всемошному** **Своему**
благодатию **прислѣдникъ** **Царство** **Его Величества** **и** **да**
Утвердичъ **въ** **Цетѣ** **мира** **и** **Тншннхъ** **Е** **Славу** **Свою** **Святую**
и **къ** **Непоколебимому** **благочестиво** **Государству**.

Description of the Holy Coronation of Their Imperial Majesties, the Sovereign Emperor Nicholas II and the Empress Alexandra Feodorovna.

вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да нислетъ на Насъ Дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ Державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ“.

Тогда же объявленъ былъ и указъ о призывѣ въ Москву „сословныхъ и другихъ представителей“.

Закипѣла работа по всей Имперіи. Повсюду готовились достойнымъ образомъ отпраздновать торжественные дни коронаціи.

Главная дѣятельность по приготовленіямъ къ великому празднеству, конечно, сосредоточилась въ министерствѣ Императорскаго Двора. Руководство всѣми вообще приготовленіями къ Священному Коронованію было возложено на министра Императорскаго Двора, при чемъ для обсужденія общихъ коронаціонныхъ вопросовъ Высочайше учреждено было особое совѣщаніе подъ наименованіемъ „Коронаціонной комиссіи“.

Гофмаршальская и Придворная конюшенная части, московское дворцовое управленіе, дирекція Императорскихъ театровъ, камеральный отдѣлъ Кабинета Его Императорскаго Величества и экспедиція церемоніальныхъ дѣлъ, по своему кругу вѣдомства, ближе другихъ учреждений соприкасались съ заботами объ устройствѣ торжествъ и должны были вложить въ работу неослабную энергію, чтобы успѣть заблаговременно и при томъ съ полною пышностью все приготовить къ царскому приему.

На торжества Священнаго Коронованія въ Москву, кромѣ Высочайшаго Двора, должны были прибыть: почти вся Императорская фамилія, много иностранныхъ принцевъ, чрезвычайныхъ посольствъ, высшіе чины государства, придворный штатъ, около двухъ тысячъ депутатовъ и еще болѣе генераловъ и офицеровъ.

Всѣ эти лица, помимо многихъ другихъ, проживающихъ постоянно въ Москвѣ, имѣли быть приглашенными къ Высочайшему Двору на приемы, обѣды и балы. Кромѣ того, Высочайшій Дворъ, по изстари установившемуся у насъ гостепріимству, принималъ на себя всѣ заботы и хлопоты по переезду иностранныхъ принцевъ отъ границы до Москвы, о квартирѣ, столѣ, прислугѣ и экипажахъ для нихъ.

СЛАВЯ

КО ВЪСЪКИ ВЪСЪКОСТЬ

СЛАВЯ

Четверть, 9-ое Мая.

Торжественный въездъ въ Москву. — Переездъ Ихъ Величествъ изъ Петровскаго дворца въ Александрію.

Въ числѣ коронаціонныхъ празднествъ торжественный Высочайшій въездъ занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Къ этому дню всѣ, кто можетъ, стремятся въ Москву взглянуть на пышное шествіе Монарха. По пути процессіи каждая пядь земли, каждое мѣстечко у оконъ и на балконахъ заранее занято и бережно охраняется. Въ четверть, 9 Мая, въ день памяти Святителя Николая Чудотворца, свершился въездъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву. Съ утра все обширное пространство между Кремлемъ и Петровскимъ дворцомъ наполнилось несметными толпами народа, — все стремилось къ Красной площади, къ Тверской и Московско-Брестскому вокзалу. На Ходанскомъ полѣ, противъ Петровскаго дворца, словно волны, колыхались десятки тысячъ людей; Петровскій паркъ былъ также переполненъ народомъ. Устроенная во многихъ мѣстахъ грандіозная эстрада сплошь унизана была разноцвѣтной, но праздничному разодѣтой публикой.

Триумфальный марш в Москву 9 Мая 1945 г.

Triumphant entry into Moscow.

Триумфальный въезд въ Москву. У Торговых воротъ.

Triumphant entry into Moscow, At the Tver Gate.

Въ Иверской Пустыни

Е. Введенская

At the Iverskaya Chapel.

At the Iverskaya Chapel.

Изъ всѣхъ уголковъ старой Первопрестольной историческая Красная площадь особенно поражаетъ своимъ великолѣпиемъ. Безъ Красной площади неммыслима Москва; постѣ Кремля это характернѣйшій ея пунктъ, краса и радость. Здѣсь, въ предверіи святой для русскаго твердани, сгруппированы лучшія постройки столицы, обрамляющія знаменитую площадь и лобное мѣсто; тутъ ярко выступаетъ своей причудливой архитектурой храмъ Василія Блаженнаго, этотъ драгоцѣнный памятникъ старомосковского зодчества, а Кремлевская стѣна со Спасскими и Никольскими воротами-башнями навѣваетъ воспоминаніе о славой, родной старинѣ. Новыя гигантскія зданія — Историческій музей и Торговые ряды, какъ бы провинцившись вытѣкшими здѣсь преданіями и царящею у Кремля стариной, не позволили нарваться себѣ въ иноземную форму и украсились русскимъ уборомъ на старинный ладъ.

Какъ ни торжественно было слѣдованіе Государя до Иверской часовни, но великій русскій сердцемъ почувствуетъ, что наиболѣе памятный моментъ въѣзда совпалъ съ появленіемъ Его Величества на Красной площади. При видѣ дорогаго Россіи всадника, народная

громада всколыхнулась, грянуло „ура“, громче прежнего загудѣли колокола сорока-сороковъ Москвы, чаще загремѣли орудіиные выстрѣлы, и по Москвѣ пронеслось то неизъяснимое великое, что родитъ царя съ народомъ, поднимаетъ душу и дѣлаетъ человека лучше и чище... Слезы, слезы хоронія, радостныя, невольно выступили на глазахъ, и всѣмъ существомъ ощущалась сила великая, сила стихійная въ народной любви къ Богомъ данному Царю.

Въ то время, когда Его Императорское Величество вступать въ первопрестольную столицу, на Ивановской колокольнѣ раздался звонъ во всѣ колокола, а въ Большомъ Успенскомъ соборѣ началось благодарственное къ Господу Богу молебствіе, которое совершали: высокопреосвященные митрополиты: Палладій, Іоанникій и Сергій, архіепископы: экзархъ Грузій Владиміръ, Казанскій Владиміръ, Иркутскій Тихонъ, Варшавскій Флавіанъ, Финляндскій Антоній, Херсонскій Іустинъ, Литовскій Іеронимъ и епископы: Костромской Виссарионъ, Дмитровскій Несторъ, Сухумскій Арсеній, присутствующій въ Синодѣ, бывшій Смоленскій епископъ Гурій, ректоръ духовной академіи, архимандритъ Лаврентій, членъ московской Святейшаго Синода конторы, Анатолій, оо. архимандриты: Андрей, Никонъ, Владиміръ, Іона, Інноцентій, Дмитрій, Валентинъ, Митрофанъ, Поликарпъ, настоятель Іерусалимскаго патриаршаго подворья въ Москвѣ Арсеній, намѣстникъ Троицкой лавры Павелъ, экономъ с.-петербургскаго митрополитскаго дома Никонъ и казначей Невской лавры Корнилій, протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства Желобовскій, протопресвитеръ Большого Успенскаго собора Свѣтоицловъ-Платонъ, протоіерей Іоантъ Сергійевъ (кронштадтскій), кафедральный протоіерей Соколовъ, члены консисторій, протоіерей Ильинскій, Казанскій, благочинные московскихъ церквей и прочее духовенство. Все духовенство было въ полныхъ облаченіяхъ изъ золотого глазета. На клиросахъ пѣла придворная пѣвческая капелла. Преосвященные митрополиты и архіереи стояли въ рядъ перель амвономъ, а архимандриты и протоіерей по бокамъ Царскихъ вратъ и до самаго горняго мѣста. Митрополиты, представители восточныхъ патриарховъ и представитель сербскаго митрополита, архимандритъ Веніаминъ, стояли въ соборномъ олтарѣ. По окончаніи молебна придворнымъ протодіакономъ Поповымъ было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему дому.

Свершился торжественный въѣздъ Самодержца въ русскую твердыню. Но раньше чѣмъ вступить въ дворцовыя хоромы, Православный Царь вмѣстѣ съ Августѣйшей Своею Матерью и молодою Супругою сѣли въ храмъ принести хвалу Царю царствующихъ.

Въ сопровожденіи громадной свиты, приѣзжаемые радостнымъ трезвономъ, вошли Они въ церковную ограду. Когда Ихъ Императорскія Величества приблизились къ паперти, митрополитъ Палладій взялъ св. крестъ изъ рукъ сакелларія, осѣнилъ Государя Императора, а по цѣлованіи креста, митрополитъ Іоанникій окропиль Его Величество св. водою. Затѣмъ Ихъ Величества послѣдовали за митрополитомъ Палладіемъ и вступили въ соборъ. Въ эту минуту по сигналу, данному комендантомъ, быль произведенъ изъ орудій салютъ въ 85 выстрѣловъ, а звонъ прекратился. Придворная канцеля исполнила концертъ „Воспойте, людіе, боголѣпно въ Сіонѣ“. Ихъ Императорскія Величества, приложившись къ мѣстнымъ иконамъ Спасителя и къ чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери, направились къ Сѣверной двери собора; здѣсь Они приложились къ ковчегамъ съ ризой Господней, гвоздемъ Христовымъ и ризой Божіей Матери; ковчегу

держали пресвитеры собора. Потомъ Ихъ Величества въ Петропавловскомъ придѣлѣ прикладывались къ мощамъ св. Петра митрополита и отсюда перешли чрезъ солею главного храма къ мѣстной иконѣ Успенія Богоматери и къ мощамъ св. Филиппа митрополита и прикладывались къ нимъ. Затѣмъ Ихъ Величества сошли съ амвона и у южнаго столба, возлѣ патриаршаго мѣста, дослушали концертъ. По окончаніи гѣнія, Ихъ Императорскія Величества, предшествуемая митрополи-

томъ Московскимъ Сергіемъ, съ крестомъ въ рукѣ, двумя иподіаконами, съ трикириемъ и дикириемъ, вышли изъ Успенскаго собора черезъ Южныя двери и по помосту, покрытому краснымъ сукномъ, прослѣдовали въ Архангельскій соборъ, въ которомъ до Высочайшаго прибытія совершенно было благодарственное молебствіе.

Лишь только Ихъ Величества показались въ дверяхъ Успенскаго собора, загудѣлъ вновь торжественный звонъ, и крики „ура“ огласили воздухъ. При входѣ въ Архангельскій соборъ Ихъ Величества у Южныхъ дверей были встрѣчены членомъ св. Синода, архіепископомъ Новгородскимъ Феогностомъ, со св. крестомъ и водою, настоятелемъ, протоіереемъ Амфитеатровымъ и прочимъ духовенствомъ.

Приложившись къ св. кресту, Ихъ Императорскія Величества вступили въ соборъ; протодіаконъ провозгласилъ при этомъ эктению и многословіе. Пѣли синодальные гѣвчіе. Здѣсь прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, именуемой „Благо-

датное Небо“, а также къ мощамъ св. Царевича Дмитрія, князя Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора. Поклонившись гробамъ Царственныхъ предковъ, Ихъ Величества вышли изъ Архангельскаго собора и, предшествуемая придворными чинами и митрополитомъ Московскимъ со св. крестомъ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ и кликахъ „ура“, прослѣдовали въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ, при входѣ, были встрѣчены протопресвитеромъ этого собора, завѣдывающимъ придворнымъ духовенствомъ о. Янышевымъ и остальнымъ причтомъ того же собора. Владыка, митрополитъ Сергій, осѣнивъ Ихъ Величества св. крестомъ, возвратился въ Успенскій соборъ.

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ Ихъ Императорскія Величества прикладывались къ иконѣ Спасителя, къ чудотворному образу Донской Божіей Матери, при чемъ придворнымъ протодіакономъ была провозглашена эктенія и многолѣтіе. Затѣмъ, въ предшествіи протопресвитера и хора придворной капеллы, исполнившаго тропарь „Спаси, Господи“, Государь Императоръ, Государыни Императрицы, съ прочими Особами царской фамиліи, направились изъ собора во дворецъ.

На нижней площадкѣ Краснаго крыльца Ихъ встрѣтилъ верховный маршалъ графъ Паленъ, съ завѣдывающимъ дворцовой частью въ Москвѣ, генераль-адъютантомъ Столынинымъ, и подали Государю на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль.

Здѣсь же ожидать Августѣйшихъ хозяевъ дворца настоятель придворнаго Верхъ-Спасскаго собора Благоразумовъ съ причтомъ. Приложившись къ св. кресту и принявъ окропленіе св. водою, Ихъ Величества поднялись на верхнюю площадку, откуда и поклонились народу. Въ отвѣтъ на Царское привѣтствіе по Соборной площади понеслось долго не смолкавшее „ура“. Съ Краснаго крыльца Государь Императоръ съ Супругой вошли въ Святые сѣни. При входѣ Ихъ Величества во Владимірскій залъ, протопресвитеръ Янышевъ, осѣнивъ Ихъ св. крестомъ, направился съ духовенствомъ и пѣвчими въ храмъ Спаса, что за Золотою рѣшеткой. Изъ Владимірскаго зала Ихъ Императорскія Величества, въ предшествіи верховнаго маршала, прослѣдовали чрезъ Георгіевскій, Александровскій, Тронный и Екатерининскій залы во внутренніе покои, куда и вступили въ 4 часа 40 минутъ пополудни.

На мѣстѣ старинныхъ княжескихъ теремовъ высится теперь грандіозное сооруженіе, господствующее надъ всею столицею. Выросло Московское княжество въ обширѣйшую Имперію, поднялись высоко и Царскія палаты, а внутри убрались сказочною роскошью и великолѣніемъ.

Въ моментъ входа Ихъ Величествъ въ Большой Кремлевскій дворецъ на немъ извился Императорскій штандартъ и грянулъ первый изъ ста одного салютаціонныхъ выстрѣловъ; а московскіе колокола всея Бѣлокаменной зазвонили праздничнымъ звономъ, не умолкавшимъ цѣлый день.

Въ тотъ же день, въ 6 час. 35 мин. вечера, Ихъ Императорскія Величества, по установившемуся издавна обычаю, переѣхали въ Александрійскій дворецъ, гдѣ, говѣя, оставались до дня Священнаго Коронованія. Въ Александрійскій же дворецъ переѣхала и Ея Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.

Пятница, 10-ое Мая.

*Говъніе Ихъ Величествъ.—Пріемъ чрезвычайныхъ пословъ
и посланниковъ.*

Суббота, 11-ое Мая.

Говъніе Ихъ Величествъ.—Объявленіе о Св. Коронованіи.—Пріемъ чрезвычайныхъ пословъ и чрезвычайныхъ посланниковъ.

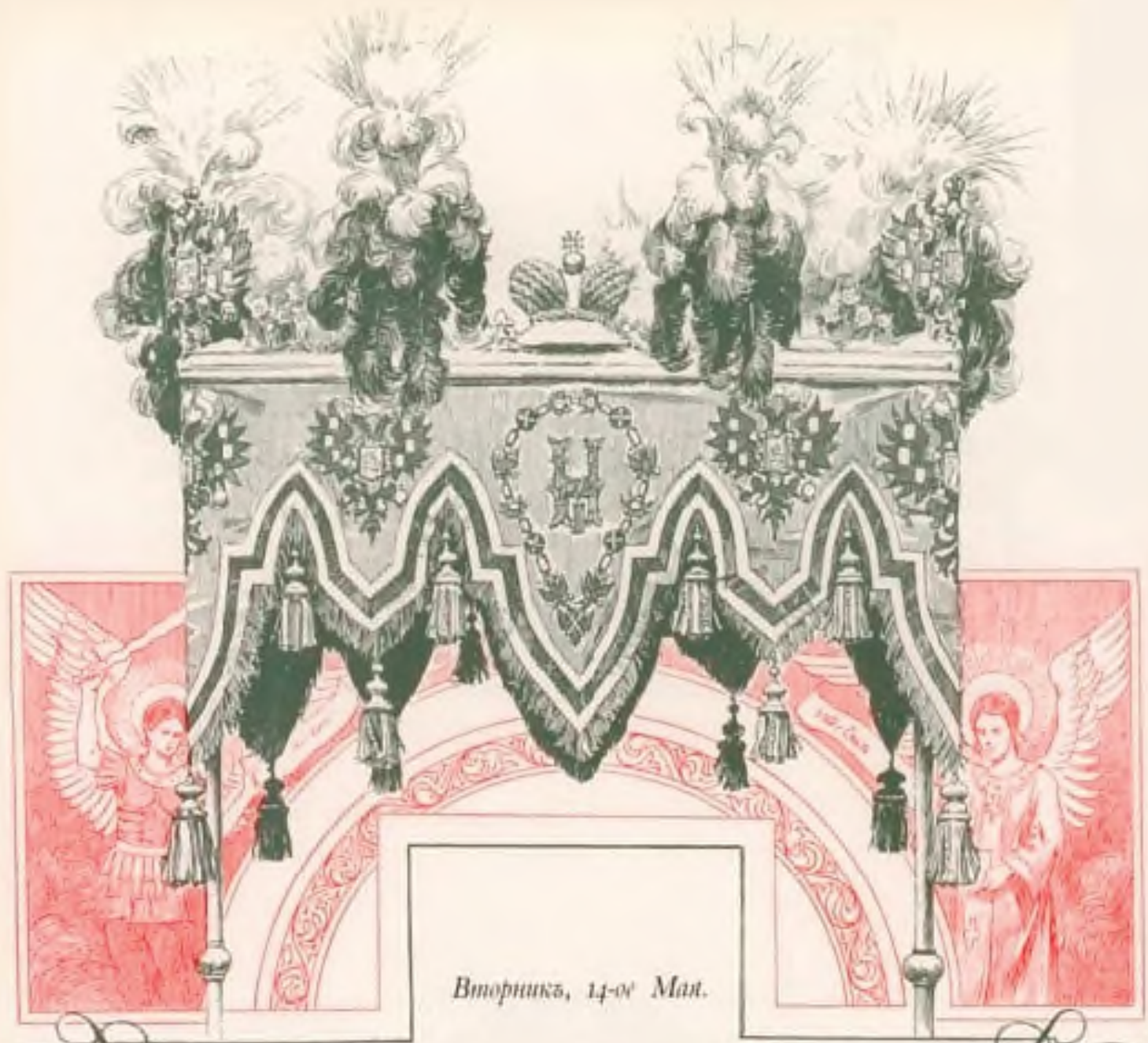
Воскресенье, 12-ое Мая.

Говъніе Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Объявленіе о Св. Коронованіи.—Отмъна церковнаго парада.—Освященіе Государственнаго знамени.

Понедельникъ, 13-ое Мая.

Говъніе Ихъ Величествъ.—Объявленіе о Св. Коронованіи.—Переездъ Ихъ Величествъ изъ Александріи въ Кремль.—Перенесеніе Императорскихъ регалій.

Вторникъ, 14-ое Мая.

Св. Коронаваніе Ихъ Величествъ.—Торжественная трапеза Ихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ.—Иллюминація Кремля и Москвы.

Приготовленія къ великому празднеству закончились и столь желанное торжество, наконецъ, настало. Уже ночью съ 13 на 14 Мая замѣтно было во всемъ городѣ необычайное движеніе; съ зарей оно усилилось, и къ 6 часамъ массы народа потянулись по всѣмъ улицамъ, направляясь къ различнымъ воротамъ Кремля. Утро было восхитительное, тихое. На небѣ ни тучки. Весеннее солнце взошло въ полной своей красотѣ и розлило живительную теплоту въ воздухѣ, напханномъ ароматомъ

распускающейся зелени Кремлевских бульваровъ. Казалось сама природа радовалась и праздновала вмѣстѣ съ народомъ.

Въ 7 час. утра изъ орудій Тайницкой башни загремѣлъ 21 выстрѣлъ; въ то же время изъ Кремля понесся по Москвѣ благовѣсть—переборомъ, какъ обыкновенно бываетъ передъ крестнымъ ходомъ, и въ древнемъ храмѣ началось молебствіе о здравіи и долгоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ это утро всѣ встали очень рано. Имѣвшіе пріѣздъ ко Двору, слышавъ благовѣсть и пушечные выстрѣлы, торопились въ Царскія палаты. Кареты и коляски непрерывнымъ потокомъ неслись въ Кремль.

Вскорѣ по сторонамъ предназначеннаго для Высочайшаго шествія помоста, устланнаго краснымъ сукномъ и обрамленнаго золоченою рѣшеткою, выстроились войска.

Въ залахъ Кремлевскаго дворца, по пути Высочайшаго шествія, стали шпалерами дворцовые гренадеры и кавалергарды. По ступенямъ Краснаго крыльца и вплоть до Успенскаго собора вытянулись шпалерами конногвардейцы; отъ Краснаго крыльца до Архангельскаго собора—Собственный Его Величества Конвой; на пути Высочайшаго шествія отъ Успенскаго собора, черезъ разводную площадку къ Архангельскому собору, шпалеры составляли представители остальныхъ шефскихъ частей гвардейской кавалеріи, конной артиллеріи и 44-го нижегородскаго драгунскаго полка.

У дверей всѣхъ соборовъ Кремля, снаружи, стали на стражѣ парными часовыми дворцовые гренадеры. За шпалерами, вдоль наружныхъ ходовъ построились со знаменами и штандартами полуроты первыхъ ротъ пѣхотныхъ полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ, а также взводы отъ кавалерійскихъ полковъ и артиллерійскихъ бригадъ.

На особой трибунѣ выдѣлялся придворный музыкантскій хоръ, въ красныхъ мундирахъ, съ оригинальными роговыми музыкальными инструментами, ярко блестящими на солнцѣ.

Для салютаціонной пальбы выстроились на Софійской набережной фронтомъ къ Москвѣ-рѣкѣ шесть гренадерскихъ артиллерійскихъ батарей.

Всѣми войсками, бывшими въ строю, командовалъ генераль-адъютантъ Костанда войсками, расположенными по наружную сторону дворцовой рѣшетки, генераль отъ инфантеріи Малаховъ, а войсками,

стоявшими на Соборной площади, между Краснымъ крыльцомъ и колокольнею Ивана Великаго,—генераль-лейтенантъ Канищевъ.

Волостные старшины, въ числѣ около 800 человекъ, пройдя чрезъ залы: Тронный, Александровскій, Георгіевскій и Владимірскій на Красное крыльцо, спустились на Соборную площадь и помѣстились вдоль помостовъ, между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами. Подлѣ нихъ стали представители казачьяго населенія и инородцы. Сплошная масса народа покрывала всѣ промежутки площади, оставшіеся свободными отъ помоста и не занятые войсками и старшинами.

Въ трибунахъ для публики главный элементъ составляли дамы, свѣтлые костюмы которыхъ веселымъ бордюромъ окаймляли площадь. Особеннымъ блескомъ отличалась средняя трибуна, занятая представителями восточныхъ народовъ, въ своеобразныхъ цвѣтныхъ одеждахъ, и другими иностранцами, въ парадныхъ расшитыхъ мундирахъ. Фономъ картины служили, красиво выдѣлявшіеся на лазури безоблачнаго неба, бѣлые древніе соборы съ грандіозной колокольней, унизанной народомъ.

Всѣ Кремля, на площадяхъ и улицахъ, его окружающихъ, по набережной Москвы-рѣки, въ Замоскворѣчьи и всюду, гдѣ только могъ помѣститься человекъ, стоялъ стѣною народъ.

Внутри Кремлевскаго дворца царило полное оживленіе. Въ Екатерининскомъ, Тронномъ, Александровскомъ, Георгіевскомъ и Владимірскомъ залахъ собрались съѣхавшіеся отовсюду военные и гражданскіе служилые люди, представители дворянства, именитаго купечества и промышленности. Въ 8 часовъ утра всѣ эти парадныя помѣщенія уже были полны.

Въ это же время въ соборъ начали прибывать особы первыхъ двухъ классовъ, не назначенныя къ участию въ коронаціонномъ шествіи, чины дипломатическаго корпуса, со своими супругами, и другія лица, имѣвшія входные билеты вмѣстѣ съ особымъ нагруднымъ знакомъ въ видѣ золотой короны на бантѣ изъ Андреевской ленты.

Древній Успенскій соборъ, въ праздничномъ уборѣ, торжественно ждалъ своихъ богомольцевъ. Неизъяснимое почтеніе и благоговѣніе, особенно въ дни коронаванія, охватываютъ истинно русскаго при видѣ этого историческаго храма, подлѣ стѣною кото-

раго столько Самодержцевъ, при ниспосланной на нихъ благодати Божіей, вѣнчались на царство. Сколько бы ни воздвигали великолѣпныхъ и грандіозныхъ соборовъ и дворцовъ, какіе бы милліоны ни пошли на ихъ украшеніе, а нѣтъ другого болѣе достойнаго для коронованія русскихъ царей мѣста, какъ выстроенный Иваномъ III на мѣстѣ древняго храма небольшой по размѣрамъ, но великій по историческимъ преданіямъ и завитамъ Успенскій соборъ, драгоценнѣйшая точка сердца Россіи — первопрестольной Москвы.

По самой серединѣ храма, между четырьмя колоннами, высилось тронное мѣсто, представлявшее широкую площадку, обтянутую малиновымъ плюшемъ съ золотымъ позументомъ, къ которой вели отъ амвона двѣнадцать ступеней, покрытыхъ плюшемъ.

Его Величество избралъ для Своего Коронованія престоль Царя Михаила Феодоровича, на которомъ въ 1883 году короновался въ Божѣ почивающій Императоръ Александръ III. Для Государыни

Императрицы Марии Феодоровны повелѣно было поставить тотъ же тронъ, на которомъ Государыня изволила короноваться въ 1883 году. Этотъ престоль извѣстенъ подъ названіемъ „Алмазнаго трона Царя Алексѣя Михайловича“. Для Государыни Императрицы Александры Феодоровны Его Величество избралъ престоль Царя Ивана III изъ слоновой кости. На этомъ престолѣ во время Священнаго Коронованія въ 1856 году возсѣдалъ Императоръ Александръ II.

Надъ двумя, поставленными рядомъ, престолами Августѣйшей молодой Четы раскинулся великолѣпный балдахинъ изъ малиноваго бархата, съ золотою бахромою и шитыми золотомъ орлами и буквою „Н“. На четырехъ углахъ балдахина рельефно выступали серебряныя Императорскія короны и букеты страусовыхъ перьевъ національныхъ цвѣтовъ. Впередн юго-западной колонны, непосредственно къ ней примыкая, такой же балдахинъ, но съ буквою „М“, осѣняетъ престоль Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

На площадкѣ троннаго мѣста, налѣво отъ престоловъ, приготовленъ былъ для Императорскихъ регалій столикъ, покрытый настольниками изъ малиноваго бархата и дорогой парчи. Все тронное мѣсто было ограждено изящными золотыми перилами, а заднія колонны на вышину балдахиновъ задрапированы малиновымъ бархатомъ съ золотою бахромою.

По обѣимъ сторонамъ троннаго мѣста пристроены были площадки для Великихъ Князей, Великихъ Княгинь, иностранныхъ принцевъ и принцессъ и прочихъ Особъ Императорской фамиліи. Вдоль южной, западной и сѣверной стѣнъ собора были устроены возвышенія, обтннутыя краснымъ сукномъ. На этихъ возвышеніяхъ были предоставлены мѣста: съ правой стороны—статсъ-дамамъ, гофмейстеринамъ, фрейлинамъ, иностраннымъ придворнымъ дамамъ и дамамъ 2-го класса. На томъ же возвышеніи, ближе къ алтарю— для высшихъ духовныхъ особъ иностранныхъ исповѣданій, а съ лѣвой—для членовъ дипломатическаго корпуса и лицъ свиты иностранныхъ принцевъ, членовъ Государственнаго Совѣта, министровъ и главноуправляющихъ; наконецъ, сзади троннаго мѣста— для сенаторовъ, почетныхъ опекуновъ, нѣкоторыхъ начальниковъ учреждений и сословныхъ представителей. На правой сторонѣ амвона было предназначено мѣсто для оставшихся въ соборѣ волост-

ныхъ старшинъ; на лѣвой сторонѣ — для корреспондентовъ и художниковъ.

Размѣры собора позволяютъ войти въ него во время великаго церковнаго торжества немного болѣе тысячи человекъ и потому многие, мечтавшіе о возможности проникнуть въ этотъ день въ храмъ, чтобы присутствовать при знаменательнѣйшемъ событіи, не могли получить желаннаго входнаго билета.

По окончаніи молебствій, началось чтеніе „часовъ“, которые окончились въ 9 часовъ. Тогда духовенство, сія великолѣпнымъ парченымъ облаченіемъ, съ крестомъ и святою водою, вышло изъ собора черезъ Южную дверь и остановилось на панерти въ ожиданіи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

При видѣ убѣденнаго съдвигами маститаго митрополита съ крестомъ въ рукахъ, на площади воцарилось глубокое молчаніе, головы обнажились и видны были усердныя крестныя знаменія.

Въ 9 час. 15 мин. утра клики „ура“ на Соборной площади и звуки народнаго гимна возвѣстили о появленіи на Красномъ крыльцѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Царица-Мать предстала предъ народомъ, съ завитою Ея кротостью, но во всемъ блескѣ парскаго величія, въ коронѣ и порфирѣ.

Ея Величество сопровождали: ассистенты — Великій Князь Алексѣй Александровичъ и наследный принцъ Датскій, Особы Императорской фамиліи, иностранные принцы, принцессы, гофмейстерины, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, свитная и дежурная Ея фрейлины, гофмейстерина и дежурная фрейлины Великихъ Княгинь и иностранныя придворныя дамы. За придворными дамами шла военная свита Великихъ Князей и иностранныхъ принцевъ.

Отъ Краснаго крыльца до собора Императрица Марія Ѳеодоровна слѣдовала подъ роскошнымъ балдахиномъ, который несли: адмиралъ Пилкинъ, генераль-лейтенанты: Бобриковъ 1-й, графъ Кутайсовъ, Шинновъ, баронъ Мейендорфъ, генераль-адыютантъ, вице-адмиралъ Арсеньевъ, генераль-лейтенанты: Водаръ, фонъ-Мевесъ, вице-адмиралъ Котыловъ, генераль-лейтенанты: Сафоновъ, Бѣльцовъ, фонъ-дери-Лаунингъ, Квинцинскій, Левачевъ, Завадовскій и Ивановъ;

Е. Г. Мухоморова.

шлейфъ порфиры несли четыре камергера: князь Гагаринъ, Косицковскій, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и Арановъ;

Empress Alexandra Feodorovna

у плечъ порфиру поддерживали вторые чины двора: егермейстеръ графъ Шереметевъ и въ д. егермейстера князь Щербатовъ,

а конецъ шлейфа — оберъ-шенкъ графъ Строгановъ.

Государыня Императрица Марія Теодоровна, встрѣченная на паперти духовенствомъ, вступила въ соборъ и изволила занять свое мѣсто на престолѣ, по сторонамъ котораго стали ассистенты Ея Величества, а особы, поддерживавшія порфиру и несшія шлейфъ Ея Величества, — на площадкѣ у правыхъ боковыхъ перилъ.

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, Великія Княгини и иностранныя Августѣйшія особы заняли мѣста въ соборѣ на боковыхъ площадкахъ.

Городскія фрейлины Государынь Императрицъ остановились на наружной площадкѣ Краснаго крыльца. По прослѣдованіи Высочайшаго шествія городскія фрейлины были приглашены въ Успенскій соборъ.

Въ это время на Соборной площади дѣлались приготовленія ко второму торжественному шествію. Изъ особой пристройки при

Грановитой палатѣ 32 штабъ-офицера перенесли къ нижнимъ ступенямъ Краснаго крыльца великолѣбный балдахинъ, который приняли отъ нихъ 32 генерала. Балдахинъ этотъ поддерживался 16-ю штангами и 16-ю шнурами. По золоченому его карнизу помѣщены четыре Императорскія короны, столько же государственныхъ гербовъ и 16 букетовъ изъ страусовыхъ черныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ перьевъ. Короны и орлы—золоченые. Изъ-подъ карниза спускается фестонами золотая грань, украшенная государственнымъ гербомъ и четырьмя вензелями Его Императорскаго Величества. Внутренній плафонъ украшенъ изображеніемъ государственнаго герба. Штанги подъ балдахиномъ—золоченыя съ серебряными шарами, украшенными эмалированными изображеніями государственныхъ гербовъ.

Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеръ Янышевъ со святымъ крестомъ и въ сопровожденіи двухъ протодіаконовъ, несшихъ на золотомъ блюдѣ св. воду, окрошилъ св. водою путь слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Когда лица, назначенныя участвовать въ Высочайшемъ шествіи, заняли свои мѣста, верховный маршалъ доложилъ Государю Императору, что къ шествію все готово. Ихъ Императорскія Величества вышли изъ внутреннихъ покоевъ въ Тронный залъ. Зазвучали трубы и литавры: те хоры трубачей кавалергардовъ и конной гвардіи возвѣщали съ двухъ дворцовыхъ террасъ о началѣ Высочайшаго выхода. На площадкѣ у Краснаго крыльца въ это время придворный музыкантскій хоръ исполнялъ „Фанфары“ Чайковскаго.

Во главѣ шествія двигался взводъ кавалергардовъ; за ними шли 24 пажа и столько же камеръ-пажей. Два церемоніимейстера открывали нескончаемую процессію представителей земства и городовъ и многочисленныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Казалось, золото текло рѣкою по ступенямъ лѣстницы, устланной краснымъ сукномъ.

Всѣ бывшіе на Кремлевской площади съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этимъ торжественно-великолѣбнымъ шествіемъ, спускавшимся съ Краснаго крыльца и медленно двигавшимся къ Успенскому собору, въ которомъ начальники учреждений и нѣкоторыя другія лица, имѣвшія билеты, оставались для присутствованія при Священномъ Коронованіи, а большинство проходило соборъ на-

сквозь и собиралось, въ ожиданіи обратнаго шествія, въ Синодальной палатѣ.

Показались два коронаціонные оберъ-церемоніймейстера и верховный церемоніймейстеръ. Приближались Императорскія регаліи.

Войска взяли на карауль. Передъ регаліями шли два герольда и гренадеръ, со знаменемъ роты дворцовыхъ гренадеръ. Статсъ-секретарь Островскій, съ ассистентами, сенаторами Ивановымъ и Каринскимъ, несъ цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны; Государственный мечъ — генераль отъ инфантеріи Гонещій; ассистентами были: генераль-лейтенанты Бунаковъ и Мартыновъ; Государственное знамя — генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ, ассистенты: генераль-лейтенантъ Кобелевъ и Тевяшовъ; Государственную печать — статсъ-секретарь князь Лобановъ-Ростовскій, съ ассистентами: дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ермоловымъ и генераль-лейтенантомъ Петровымъ; порфиру Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны несли статсъ-секретарь Стояновскій и сенаторъ Саломонъ, ассистенты: сенаторъ Завадскій, тайный совѣтникъ Хрущовъ и генераль-лейтенантъ Глуховской; порфиру Государя Императора, съ большой цѣпью ордена св. апостола Андрея Первозваннаго — статсъ-секретари Мансуровъ и Перепицъ, съ ассистентами: сенаторами Таганцевымъ, графомъ Капнистомъ и генераль-лейтенантомъ Зубовымъ; державу — статсъ-секретарь Набоковъ, а ассистентами при немъ были тайный совѣтникъ Мосоловъ и сенаторъ Евреиновъ; скипетръ —

статсъ-секретарь графъ Деляновъ, съ ассистентами: тайнымъ совѣтни-

Иллюстрація Губина

комъ Гельнке и сенаторомъ Шевичемъ; корону Императорскую малую — генераль-адъютантъ графъ Гейденъ 2-й, ассистенты: сенаторъ Сабуровъ и Дембовскій; наконецъ, корону Императорскую большую несъ генераль-адъютантъ графъ Милютинъ, съ ассистентами: статсъ-секретаремъ Селифонтовымъ и генераломъ отъ инфантеріи Дурново.

По сторонамъ регалий шли флигель-адъютанты, свиты Его Величества генераль-маіоры и генераль-адъютанты. Когда Императорскія регалии приблизились къ церковнымъ дверямъ, все духовенство вышло на паперть и высокопреосвященный митрополитъ Кіевскій почтилъ ихъ кажденіемъ оміама, а высокопреосвященный митрополитъ Московскій — кропленіемъ святою водою.

Наступалъ моментъ появленія передъ народомъ Самодержца. Первое волненіе всѣхъ присутствовавшихъ на площади достигло наивысшаго напряженія. Всѣ взоры были прикованы къ Красному крыльцу, въ ожиданіи появленія Императорской Четы. Вдругъ грянуло стотысячное громовое „ура“, подхваченное необозримыми толпами народа, наполнявшего всю Кремлевскую площадь и прилегающія къ Кремлю площади и улицы. Всѣ находившіеся на площади оркестры музыки заиграли „Боже, Царя храни“, и, при звукахъ гимна, при восторженныхъ кликахъ, сливавшихся съ радостнымъ звономъ колоколовъ, Ихъ Императорскія Величества спустились по ступенямъ Краснаго крыльца, въ предшествованіи взвода кавалергардовъ, гофмаршала, оберъ-гофмаршала и верхоннаго маршала и въ сопровожденіи министра Императорскаго Двора, военнаго министра, командующаго Императорскою Главною Квартирою и дежурныхъ; генераль-адъютанта Драгомирова, свиты Его Величества генераль-маіора графа Голенищева-Кутузова и флигель-адъютанта полковника барона Мейендорфа. Сзади шель почетный часовой, командиръ кавалергардскаго полка, генераль-маіоръ Грюнвальтъ, съ обнаженнымъ палашемъ и въ каскѣ.

Государь Императоръ былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, въ Александровской лентѣ черезъ плечо, съ пѣшью ордена св. апостола Андрея Первозваннаго; Императрица Александра Феодоровна — въ платьѣ изъ серебряной парчи, вышитомъ стариннымъ узоромъ монахинями Ивановскаго монастыря. На Госуда-

рынѣ была надѣта звѣзда и лента ордена св. Екатерины. Царственная Чета тихо спускалась по лѣстницѣ, отвѣчая поклонами на общія привѣтствія.

Сойдя съ Краснаго крыльца, Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна вступили подъ балдахинъ, который понесли надъ Ихъ Величествами 32 генерала. По сторонамъ Его Величества, въ качествѣ ассистентовъ слѣдовали Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна имѣла при Своей Особѣ ассистентами—Великаго Князя Сергія Александровича и Великаго Князя Павла Александровича. Позади Ея Величества шли четыре статсъ-дамы, свитныя и дежурная фрейлины Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, а за ними генералъ-адыютанты и взводъ кавалергардовъ. Торжественное шествіе замыкали представители родовитаго руссійскаго дворянства, именитое московское купечество, представители промышленности и снова взводъ кавалергардовъ.

Когда Ихъ Величества подошли къ паперти Успенскаго собора, генералъ-адыютанты, несшіе балдахинъ, остановились, и Ихъ Императорскія Величества по ступенямъ паперти поднялись къ Южнымъ дверямъ собора. Клики, музыка и колокола смолкли. Повсюду воцарилась благоговѣйная тишина. Московскій митрополитъ, встрѣтившій Ихъ Величества у дверей собора, обратился къ Нимъ со слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

„Благочестивѣйшій Государь!

Настоящее Твое шествіе, соединенное съ необыкновеннымъ великолѣніемъ, имѣетъ и цѣль необычайной важности. Ты вступаешь въ это древнее святилище, чтобы возложить адѣсь на Себя царскій вѣнецъ и воспріять Священное Муропомазаніе. Твой прародительскій вѣнецъ принадлежитъ Тебѣ Единому, какъ Царю Единодержавному. Но Муропомазанія сподобляются всѣ православные христіане, и оно неповторимо. Если же предлежитъ Тебѣ воспріятіе новыхъ впечатлѣній этого таинства, то сему причина та, что какъ нѣтъ выше, такъ нѣтъ и труднѣе на землѣ царской власти, нѣтъ бремени тяжелѣе царскаго служенія; посему для понесенія его Святая Церковь издревле признала необходимымъ средство чрезвычайное, таинственное, благодатное.

О святомъ царѣ Давидѣ пишется: „пришли племена и старѣйшины израилены къ царю въ Хевронъ, и помазали Давида на царство; и Давидъ преуспѣвалъ и возвышался“.

Собраны старѣйшины земли русской къ торжеству Твоего Вѣнчанія и Помазанія на царство; чрезъ нихъ отъ всѣхъ племень, Тебѣ

подвластныхъ, восвосылаются Тебѣ желанія долгаго и благополучнаго царствованія; особенно же изъ глубины православныхъ сердець возлетаютъ къ Господу моленія, да изліется на Тебя нынѣ обиліе даровъ благодатныхъ, и

чрезъ помазаніе видимое да подается Тебѣ невидимая сила свыше, дѣйствующая къ возвышенію Твоихъ царскихъ доблестей, озаряющая Твою Самодер-

Иванъ Битковъ

жавную дѣятельность, ко благу и счастью Твоихъ вѣрныхъ подданныхъ”.

С.-Петербургскій митрополитъ Палладій поднесъ Ихъ Величествамъ благословящій крестъ къ цѣлованію, а митрополитъ Кіевскій Іоанникій окропилъ Ихъ Величества святою водою. Послѣ этого Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, въ предшествованіи духовенства и при гѣннѣ псалма „Милость и судъ воспую Тебѣ, Господи”, вошли въ соборъ и у Царскихъ вратъ совершили троскратно Господеви поклоненіе, а затѣмъ, приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, взошли на тронное мѣсто и возсѣли на Своихъ престолахъ. На верхней площадкѣ трона, по сторонамъ Ихъ Величествъ, слѣва отъ престоловъ стали ассистенты Государя Императора, а ассистенты Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны — справа отъ престоловъ. Въ то же время духовенство, участвовавшее въ служеніи, стало по обѣ стороны отъ ступеней троннаго мѣста до Царскихъ вратъ, а особы, несшія Императорскія регаліи, возложили ихъ на приготовленный столъ.

Между престоломъ Его Величества и столомъ для регалій, лѣвѣе ассистентовъ заняли мѣста: министръ Императорскаго Двора, военный министръ, командующій Императорскою Главною Квартирою и дежурный генералъ-адъютантъ.

Командиръ кавалергардскаго полка съ обнаженнымъ налашемъ и съ каскою въ рукахъ сталъ позади престоловъ, а высшіе государственные чины, принесшіе Императорскія регаліи, помѣстились на лѣвой сторонѣ троннаго мѣста, у стола для регалій и на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы.

Въ 10 часовъ утра начался торжественный обрядъ Священнаго Коронованія. По ступенямъ, ведущимъ къ трону, поднялся С.-Петербургскій митрополитъ. Взойдя на верхнюю площадку, высокопреосвященный сталъ предъ Государемъ Императоромъ и обратился къ Его Величеству со слѣдующею рѣчью:

„Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Понеже благоволеніемъ Божіимъ и дѣйствиємъ Святаго и Всеосвящающаго Духа и Вашимъ изволеніемъ имѣетъ нынѣ въ семь Первопрестольномъ храмѣ совершиться

Императорское Вашего Величества Коронованіе и отъ Святаго мѹра помазаніе: того ради, по обычаю древнихъ христіанскихъ Монарховъ и Боговѣчныхъ Вашихъ предковъ, да соблаговолитъ Величество Ваше въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ исповѣдать православную католическую вѣру: како вѣруешн“?

Съ этими словами митрополитъ поднесъ Его Величеству разогнутую книгу, по которой Государь Императоръ громко и отчетливо прочиталъ символъ православной вѣры, осѣнивъ Себя крестнымъ знаменіемъ троекратно, при произнесеніи Святыхъ Именъ Бога Отца, Бога Сына и Святаго Духа.

По прочтеніи Государемъ Императоромъ символа вѣры, митрополитъ возгласилъ: „Благодать Пресвитаго Духа да будетъ съ Тобою, аминь“, и сошелъ съ троннаго мѣста, а протоіакоу, послѣ обычного начала, возгласилъ великую эктению, со слѣдующими, особыми на этотъ случай, прошеніями къ Вседержителю:

„О еже благословитися Царскому Его вѣчанію благословеніемъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ.

„О еже укрѣплену быти скипетру Его десницею Вышняго.

„О еже помазаніемъ всесвятаго мѹра пріяти Ему съ небесе, къ правленію и правосудію, силу и премудрость.

„О еже получить Ему благопоспѣшное во всемъ и долголенственное царствованіе.

„Яко да услышитъ Его Господь въ день печали, и защититъ Его имя Бога Іаковля.

„Яко да послеть Ему помощь отъ Святаго, и отъ Сіона заступитъ Его.

„Яко да подасть Ему Господь по сердцу Его, и весь совѣтъ Его исполнитъ.

„Яко да подчиненные суды Его немалозны и нелицепріятны сохранить.

„Яко да Господь силу всегда укрѣпляетъ оружіе Его.

„О покорити полъ нозѣ Его всякаго врага и супостата.

„О еже благословитися Царскому вѣчанію и Супруги Его Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, благословеніемъ Его же Царя царствующихъ и Господа господствующихъ“.

Послѣ пѣнія тропаря: „Спаси, Господи, люди Твоя“, было прочитано пророчество Исаи. Затѣмъ, по прокименѣ: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло“, началось

чтеніе изъ посланія св. апостола Павла къ римлянамъ и чтеніе св. евангелія отъ св. Матѳея.

По окончаніи чтенія евангелія, въ церкви водворилась полная, торжественная тишина. Черезъ узкія окна собора яркими снопами врывались въ храмъ солнечные лучи, ласково освѣщая исключительное собраніе молящихся и красиво переливаясь въ волнахъ кадильнаго фимиама. Митрополиты С.-Петербургскій и Кіевскій взошли на тронное мѣсто, для послуженія Государю Императору во время

царственаго Его облаченія. Когда Его Императорское Величество снялъ съ Себя обыкновенную цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, митрополиты поднесли, на двухъ подушкахъ, вмѣстѣ съ брилліантовою андреевскою цѣпью, порфиру и, при содѣйствіи ассистентовъ Его Величества, возложили ее на Государя Императора, при чемъ митрополитъ С.-Петербургскій возгласилъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь“.

Затѣмъ митрополитъ Паллдіи трижды благословилъ главу Государя и, возложивъ на нее руки свои крестообразно, прочелъ во всеуслышаніе слѣдующую молитву:

„Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, Иже чрезъ Самуила пророка избравый раба Своего Давида, и помазанный его во царѣ надъ людьми Твоими Израилемъ: Самъ и нынѣ услыши моленіе насъ недостойныхъ, и призри отъ святаго жилища Твоего, и вѣрнаго раба Твоего, Великаго Государя Николая Александровича, Его же благоволилъ еси поставити Императора надъ языкомъ Твоимъ, притяжаннымъ честною кровію Единороднаго Твоего Сына, помазати удостой елеемъ радованія, одѣй Его силою съ высоты, возложи на главу Его вѣнецъ отъ камени честнаго, и даруй Ему долготу дней, даждь въ десницу Его скипетръ спасенія, посади Его на престолѣ правды, огради Его всеоружіемъ Святаго Твоего Духа, укрѣпи Его мышцу, смири предъ Нимъ вся варварскія языки, хотящія брани, всѣй въ сердцѣ Его страхъ Твой и къ послушнымъ состраданіе, соблюди Его въ непорочной вѣрѣ, покажи Его извѣстнаго хранителя Святыхъ Твоея Каѳолическія Церкви догматовъ, да судить люди Твоя въ правдѣ, и нищія Твоя въ судѣ, спасеть сыны убогихъ, и наслѣдникъ будетъ небеснаго Твоего царствія. Яко Твоя держава, и Твое есть царство и сила во вѣки вѣковъ“.

Лишь только смолкли слова этой молитвы, раздался громогласный возгласъ протодіакона: „Главы ваша Господеви преклените!“ И вновь послышалось воззваніе къ Всевышнему маститаго іерарха:

„Тебѣ единому Царю челоуѣковъ подклони выю съ нами Благочестивѣйшій Государь, Ему же земное царство отъ Тебе вѣрзено: и молимся Тебѣ, Владыко всѣхъ, сохрани Его подъ кровомъ Твоимъ, укрѣпи Его царство, благоугодная Тебѣ дѣяти всегда Его

удостой, возсіяй во днѣхъ Его правду и множество мира, да въ тишинѣ Его тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и честности. Ты бо еси Царь мира и Спасъ душъ и тѣлесъ нашихъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ”.

Взоры всѣхъ присутствовавшихъ прикованы были къ трону, на которомъ совершалось великое для вѣщеносца событіе. Затанувъ дыханіе, съ напряженнымъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ, слѣдили всѣ за священнодѣйствіемъ и чувствовалось, что въ эти минуты истинно русскія сердца переполнены однимъ чувствомъ, однимъ пожеланіемъ: ниспослания Божественной благодати на главу Самодержца. Наступалъ знаменательнѣйшій моментъ обряда. По окончаніи второй молитвы, маститый государственный дѣятель, ближайшій сотрудникъ Царевъ Дѣда, генераль-адъютантъ графъ Милютинъ приблизился къ Государю съ малиновой бархатной подушкой, на которой яркимъ огнемъ горѣла драгоценная Императорская корона. Митрополитъ Палладій принятьть корону и представить ее Его Величеству, который и возложить ее на Свѣя.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь“—произнесъ митрополитъ и обратился къ Государю съ слѣдующими словами:

„Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій! Видимое сіе и вещественное главы Твоея украшеніе явный образъ есть, яко Тебѣ Главу Всероссійскаго народа вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благословеніемъ Своимъ благостыннымъ, утверждая Тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми Своими“.

Сановники, несшіе въ процессіи скипетръ и державу, приблизились съ этими регаліями къ митрополиту, вручившему ихъ Государю со словами: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь“.

„О! Богомъ вѣнчанный, и Богомъ дарованный, и Богомъ преукрашенный, Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій“! воскликнуть архипастырь, „прими скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ Вышняго надъ людьми Своими Самодержавія ко управленію ихъ, и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія“.

КРОМЖЕНІЯ
КРОПОНЕ

The crowning.

Евстафій

Одѣтый въ порфиру и корону, со скипетромъ въ правой рукѣ и державою въ лѣвой, Государь въ этомъ полномъ глубокаго символическаго значенія коронаціонномъ уборѣ снова возсѣлъ на престолю. Вслѣдъ затѣмъ, по знаку Самодержца, положившаго скипетръ и державу на подушки, Ея Величество оставила Свое мѣсто у трона и стала передъ Августѣйшимъ Своимъ Супругомъ на колѣни на малиновую бархатную подушку, окаймленную золотою тесьмою.

Картина идеальной покорности, вмѣстѣ съ проявленіемъ художественной женской граціи и изящества, несомнѣнно останется навсегда въ памяти присутствовавшихъ въ соборѣ, какъ одо изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній о коронаціонныхъ дняхъ. Государь Императоръ снялъ съ Себя корону, прикоснулся ею къ головѣ Императрицы и снова возложилъ корону на Себя. Въ это время поднесена была Его Императорскому Величеству малая корона, которою Государь Императоръ увѣнчалъ главу Государыни Императрицы, а затѣмъ, при содѣйствіи Великихъ Князей Сергія Александровича и Павла Александровича и статсъ-дамъ: Е. А. Нарышкиной, баронессы М. П. Будбергъ, княгини Е. А. Бярянской и камеръ-фрейлины Е. П. Ермоловой, возложилъ на Ея Величество порфиру и алмазную цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго.

По совершеніи царственнаго облаченія, Ихъ Величества поцѣлуютъ запечатлѣли взаимное поздравленіе и сѣли на престолы. Протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Государю Императору „Богомъ вѣнчанному и превознесенному“, именуя Его Императорское Величество полнымъ титуломъ. Торжественно звучалъ голосъ служителя Церкви, переименовывавшаго цѣлый рядъ царствъ, княжествъ и областей, изъ которыхъ постепенно сложилась современная великая держава. Въ словахъ полного Императорскаго титула звучитъ тысячелѣтняя исторія Россіи, сила и мощь необъятной Имперіи... Громкое „многая лѣта“ трижды раздавалось въ храмѣ. Многолѣтіе было возгласено также Государынѣ Императрицѣ „Богомъ вѣнчанной и превознесенной“.

На Москвѣ-рѣкѣ загремѣли зыстрыя, возвѣщая Первопрестольной, что собственно Св. Коронованіе свершилось. Въ это время духовенство и свитскія особы, „не оставляя своихъ мѣстъ, принесли поздравленіе Его Императорскому Величеству троекратнымъ поклономъ“.

Коронованіе Государыни Императрицы.

The crowning.

В. Г. Смирновъ

Когда умолкли пушечная пальба и колокольный звонъ, Боговѣнчаный Государь сталъ на колѣни и произнесъ слѣдующую трогательную и душу поднимающую молитву:

„Господи Боже отецъ, и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ, и премудростію Твоею устроивый человека, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты избралъ Мя еси Царя

Коронованіе Государя Императора Николая Александровича. Моментъ врученія скиптра.

The Handing of the Sceptre

и Судію людемъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Миѣ смотрѣніе, и благодаря, величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя въ дѣлѣ, на неже послать Мя еси, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со Мною присѣдающа престола Твоему премудрость, Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима, и что есть право по заповѣдемъ Твоимъ. Буди сердце Мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Миѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово: милостію и щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимже благословенъ еси, со Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь“.

Императоръ внятно произносилъ молитвенныя слова, которыя жадно ловились вѣрноподданными и мысленно благоговѣнно повторялись ими, съ мольбою къ Создателю послать силы Царю для великаго и многотруднаго служенія родинѣ.

Окончивъ свое молитвенное воззваніе къ милости и покровительству Вседержителя, Государь всталъ и тотчасъ же всѣ присутствовавшіе преклонили колѣни. Одинъ Императоръ въ полномъ величій, въ коронѣ и порфирѣ, стоялъ у престола. Митрополитъ Палладій, стоя на колѣняхъ, прочелъ отъ лица всего народа „Молитву за Царя“.

Послѣ этой молитвы, митрополитъ С.-Петербургскій обратился къ Его Величеству съ привѣтственною рѣчью:

„Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный и превознесенный, Великій Государь Императоръ! Вседержитель Господь, Царь царствующихъ, властію и силою Котораго цари царствуютъ, возложить на главѣ Твоей *оубиць отъ камене честна* (Псал. 20, 4), священною славою и велелѣйемъ благоволишь вѣнчать Величество Твое на Прародительскомъ и Родительскомъ Престолѣ.

Приде бо Твой Святъ и слава Господня на Тебѣ возсѣ! (Исаія 60, 1). Силою Господа возвеселися (Псал. 20, 1), Боговѣнчанный Царь, и о милости и щедротахъ Его да возрадуется сердце Твое. Вмѣстѣ съ Тобою и о Тебѣ и весь многомилліонный вѣрный народъ Твой, вся Царелюбивая Россія, радуется нынѣ радостію великою и свѣтло празднуетъ день сей, *его же сотвори Господь*, вознося

горячія молитвы о Тебѣ и выражая отъ полноты сердца своихъ всепреданнѣйшія привѣтствія и благожеланія. Св. Церковь православная видитъ въ лицѣ Твоемъ Царя по сердцу Божію, Богомъ просвѣщенного ревнителя вѣры и благочестія, высокаго своего покровителя и защитника, преемственного исполнителя древняго о ней пророченія: *и будутъ царіе кормители твои* (Исаія 49, 25), а Отечество зреть въ Тебѣ, Избранникъ Божій, богомудраго Зиждителя народнаго благоденствія, праведнаго Судю и благопечительнаго Отца своего.

При глубочайшемъ священномъ предъ Величествомъ Твоимъ благоговѣніи, соединенномъ съ чувствами безпредѣльной любви и преданности, при благоговѣнномъ воззрѣніи на Твое Царское величіе и Высочайшее священнѣйшее предъ Богомъ служеніе, Твоей Царскій Вѣнецъ свѣтитъ намъ свѣтомъ благословеній небесныхъ и земныхъ; и настоящее всерадостное торжество Церкви и Отечества, — уповаемъ, — не нынѣ только свѣтло, но и грядущія Твои лѣта озарить для насъ свѣтлыми благими надеждами.

Къ Царскому Своему вѣчанію Ты благоволишь пріюбить Супругу Твою, Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну. Въ Царскомъ вѣницѣ Ея самый драгоцѣнный камень есть Ея христіанская любовь; попеченіями этой чистой любви и общеніемъ съ Твоею молитвою вѣры въ Бога, Она да облегчаетъ Тебѣ несеніе великаго многотруднаго Царскаго подвига.

Да возрадуется о Тебѣ радостію святою и Твоя Августѣйшая Матерь, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и соединишь теплую материнскую молитву съ молитвами Церкви и Отечества о Твоемъ дражайшемъ здравіи, благоденствіи и спасеніи.

Радуйся, Россія, радостію великою! Божіе благословеніе возсіяло надъ тобою въ священной славѣ Боговѣчнаго Царя твоего.

Ты же, Царь Православный, Богомъ Вѣчанный, уповай на Господа, да утвердится въ Немъ сердце Твое: вѣрою и благочестіемъ и цари сильны, и царства непоколебимы“.

Замѣчательный хоръ придворной капеллы, при красномъ звонѣ съ колокольни Ивана Великаго, исполнилъ радостный и торжественный гимнъ: „Тебе, Бога, хвалимъ“. Этимъ закончился чинъ Священнаго Коронаванія.

Императрица-Мать обняла Своего Царственного Сына и поцѣловала Его, а затѣмъ и Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну. Всѣ Августѣйшія особы, входя по ступенямъ трона на тронное мѣсто, привѣтствовали Государя Императора и Его Августѣйшую Супругу.

Послѣ поздравленій началась Божественная литургія, которую совершали митрополиты: С.-Петербургскій, Кіевскій и Московскій, въ сослуженіи: протопресвитеровъ Янышева, Желобовскаго и Свѣтловова-Платонова, протоіеря Іоанна Сергіева и двухъ саккеларіевъ Успенскаго собора. Его Величество снялъ корону, которая и была помѣщена на столѣ, предвзначенный для регалій. По прочтеніи св. евангелія, высокопреосвященные Тихонъ, архіепископъ Иркутскій, и Антоній, архіепископъ Финляндскій, поднесли его къ цѣлованію Ихъ Величествамъ. При началѣ гѣнія киноника, московскій губернаторъ съ двумя ассистентами, председателемъ московскаго окружнаго суда и московскимъ вице-губернаторомъ, постлали отъ нижней ступени Императорскаго троннаго мѣста до Царскихъ вратъ малиновый бархатъ, окаймленный золотою тесьмою, а сверхъ него, передъ Царскими вратами,—драгоценную парчу, конецъ которой въ алтарь, до престола церковнаго, разложили протодіаконы. По прочтеніи киноника и приобщенія Св. Таинъ совершавшими литургію, открылись Царскія врата, и изъ нихъ вышли по направленію къ трону два архіепископа, экзархъ Грузіи Владиміръ и Новгородскій—Ѳеоносъ, сопровождаемые протодіаконами. Высокопреосвященный Владиміръ обратился къ Государю Императору со слѣдующими словами:

„Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Вашего Императорскаго Величества Муромизанія, и Святыхъ Божественныхъ Таинъ приобщенія, приближися время: того ради да благоволитъ Ваше Императорское Величество шествовать сея Великія Соборныя церкви къ Царскимъ вратамъ“.

Государь Императоръ снялъ съ Себя панку и, въ предшествованіи верховнаго церемоніймейстера, коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, гофмаршала, оберъ-гофмаршала, верховнаго маршала, графа Милютина, графа Делянова и статсъ-секретаря Набокова, шедшихъ съ регаліями, направился, вмѣстѣ съ ассистентами, къ Царскимъ вратамъ. За Его Величествомъ шли командиръ кавалер-

Иосифъ иерусалимскій Об. Христовыхъ Таинъ въ Ариупи.

Communion of the Emperor

гардскаго полка съ обнаженнымъ палашемъ, министръ Императорскаго Двора, военный министръ, командующій Императорскою Главною Квартирою и дежурный генераль-адъютантъ. Рядомъ съ Государынею Императрицею слѣдовали ассистенты Ея Величества. По приближеніи къ Царскимъ вратамъ, Государь Императоръ сталъ на посланной золотой парчѣ, Государыня Императрица остановилась между трономъ и ступенями передъ алтаремъ. Ассистенты Его Величества отошли вправо къ мѣстной иконѣ Спасителя. Митрополитъ Палладій взялъ драгоценный сосудъ со святымъ муромъ, приступилъ къ Его Императорскому Величеству и, омочивъ приготовленный для этого драгоценный сучецъ, совершилъ св. муропомазаніе на челѣ Его Величества, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ, персяхъ и „по обѣимъ сторонамъ“ на рукахъ, говоря: „Печать дара Духа Святаго“. Митрополитъ Кіевскій отеръ мѣста помазанія. Извѣщенный колокольнымъ звономъ и 101 выстрѣломъ о совершеніи муропомазанія, народъ отвѣтилъ громовымъ „ура“.

Принявъ св. муропомазаніе, Государь Императоръ изволилъ стать по правую сторону противъ мѣстной иконы Спасителя. Тогда приступила къ Царскимъ вратамъ Государыня Императрица, ставъ на ту же золотую парчу. Митрополитъ С.-Петербургскій помазалъ св. муромъ только на челѣ Ея Величества, произносилъ также: „Печать дара Духа Святаго“. Митрополитъ Московскій отеръ мѣсто помазанія. Послѣ св. муропомазанія Ея Величество изволила стать по лѣвую сторону противъ Владимірской иконы Божіей Матери. Въ это время митрополитъ С.-Петербургскій приблизился къ Государю Императору и ввелъ Его Величество чрезъ Царскія врата во внутрь алтаря, при чемъ митрополиты Кіевскій и Московскій поддерживали Царскую порфиру. Здѣсь, въ святилищѣ Успенскаго собора, Оплотъ православной вѣры, ея Защитникъ и Охранитель преклонилъ колѣни передъ престоломъ Всевышняго Царя-царей и затѣмъ принялъ отъ С.-Петербургскаго митрополита св. Христовыхъ Тамгъ, по чину царскому, какъ пріобщаются священнослужители.

По причащеніи св. Тамгъ, высокопреосвященный Владиміръ, архіепископъ Казанскій, поднесъ Государю Императору антидоръ и теплоту, а высокопреосвященный Флавіанъ, архіепископъ Холмско-Варшавскій, „послужилъ“ для умовенія устъ и рукъ.

Выйдя изъ алтаря, Его Величество остановился близъ иконы Спасителя, а Ея Величество приступила къ Царскимъ вратамъ и, не перестуя ихъ, приняла отъ митрополита С.-Петербургскаго св. причастіе обыкновеннымъ порядкомъ, а высокопреосвященный Тихонъ, архіепископъ Иркутскій, и Иеронимъ, архіепископъ Литовскій, послужили Ея Величеству въ поднесеніи антидора и теплоты и къ умовенію устъ и рукъ.

Послѣ св. муропомазанія и причащенія св. Христовыхъ Таинъ, Ихъ Величества направились къ тронному мѣсту, при этомъ Императорскія регалии были несены впереди тѣмъ же порядкомъ, какъ слѣдовали до Царскихъ вратъ. Когда Ихъ Величества возвратились къ Своимъ престоломъ, а прочія лица заняли свои мѣста, духовникъ Ихъ Величества прочелъ передъ Ихъ Императорскими Величествами благодарственную причастную молитву. По произнесеніи митрополитомъ Палладіемъ словъ: „Благословеніе Господне на васъ“, всѣ архіереи вышли изъ алтаря и стали на амвонѣ по обѣимъ сторонамъ Царскихъ вратъ, лицомъ къ Государю Императору. „При отпустѣ литургіи отъ архіерея со крестомъ“ протоіакопъ Поповъ возгласилъ многолѣтіе „Благоуверному и Благочестивому и Христолюбивому, Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Богомъ Вѣнчанному, Превознесенному и Святымъ муромъ помазанному Николаю Александровичу, Императору и Самодержцу Всероссійскому, и Супругѣ Его, Благоуверной и Благочестивой, Вѣнчанной, Превознесенной и Святымъ муромъ помазанной Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ“. Прѣвичіе прочли трижды: „Многая лѣта“.

Государь Императоръ приложился къ поднесенному митрополитомъ Палладіемъ во время прѣнія св. кресту и возложилъ на Себя корону, взялъ въ руки скипетръ и державу. Духовные и свѣтскіе троекратнымъ поклономъ принесли поздравленіе со св. муропомазаніемъ.

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, въ сопровожденіи Августѣйшихъ Особъ Императорской фамиліи и иностранныхъ принцевъ, принцессъ и фрейлингъ, изволила выйти изъ собора Южными дверями и возвратиться въ Кремлевскій дворецъ при неумолкаемомъ „ура“ и звукахъ гимна.

Шествіе Его Императорскаго Величества и Его Королевскаго Высочества Государей в Катедралу Св. Софїи въ Иркутскѣ.

Procession of Their Imperial Majesties after their Coronation in the Cathedral of the Assumption

Лица, предшествовавшая Высочайшему выходу изъ дворца въ соборъ, по окончаніи богослуженія вновь установились въ ряды и длинной золотой цѣпью размѣстились на красномъ помостѣ, устроенномъ отъ Сѣверныхъ вратъ, подлѣ Чудова монастыря, колокольни Ивана Великаго и по Соборной площади.

Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, сойдя съ троннаго мѣста, въ 12 час. 55 мин. изволили направиться, въ предшествіи митрополита С.-Петербургскаго со св. крестомъ, къ Сѣвернымъ дверямъ собора.

Изъ древняго храма показались: гофмаршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемонімейстеръ, верховный маршалъ и митрополитъ Палладій. Гулко понеслись раскаты орудійныхъ выстрѣловъ, торжественно зазвучалъ народный гимнъ, радостнымъ благовѣстомъ вздохнули московскія колокольни и стихійной волной поднялись народные клики восторга. Государь, въ коронѣ и порфирѣ, съ державой и скипетромъ, торжественно шествовалъ подъ балдахиномъ сначала на поклоненіе въ Архангельскій и Блговѣщенскій соборы, а оттуда во дворецъ. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, въ порфирѣ и коронѣ, слѣдовала за Его Величествомъ подъ однимъ же балдахиномъ.

Среди волнующейся сплошной массы головъ ярко выдѣлялся плавно покачивающійся Императорскій балдахинъ; туда устремлены были взгляды всѣхъ, туда летѣли искреннія пожеланія всего народа. Солнце заливало своими лучами Соборную площадь, ярко освѣщая чудную, единственную въ мірѣ картину; клики поднимались еще сильнѣе и сильнѣе, колокола звонили все радостнѣе и радостнѣе... И торжественный, праздничный перезвонъ переносился далеко, далеко за предѣлы Москвы... По всей необъятной Руси, въ десяткахъ тысячъ поселеній въ этотъ день гудѣли колокола, развѣвались хоругви и флаги и гремѣло „ура“ въ честь Того, кто „во славу“ шель теперь по Соборной площади, среди цвѣта отечественнаго населенія.

Приблизившись къ Архангельскому собору, Ихъ Величества выступили изъ-подъ балдахина и поднялись на ступени. Музыка и радостные клики на время смолкли, чтобы зазвучать съ новою силою, когда Ихъ Величества выйдутъ изъ собора. Встрѣченные на паперти

E. G.

Procession of Their Imperial Majesties after their Coronation in the Cathedral of the Assumption

епископомъ Костромскимъ Виссаріономъ съ архимандритомъ Паисіемъ и прочимъ духовенствомъ, со крестомъ и св. водою, Государь и Государыня вошли въ соборъ приложиться къ святымъ мощамъ и поклониться праху предковъ, при чемъ протодіакономъ провозглашены были эктенія, а по отпустѣ, многолѣтіе.

Вмѣстѣ съ Ихъ Величествами въ Архангельскій соборъ вошли также ассистенты Ихъ Императорскихъ Величествъ, министръ Императорскаго Двора, военный министръ, командующій Императорскою Главною Квартирою, дежурство, командиръ кавалергардскаго полка и особы, поддерживавшія шлейфы порфиръ. Всѣ другіе, участвовавшіе въ этомъ шествіи, не заходя въ соборъ, прошли прямо черезъ Красное крыльцо въ Кремлевскій дворецъ. Этимъ временемъ балдахинъ былъ перенесенъ къ Западнымъ дверямъ храма, гдѣ ожидали выхода Ихъ Величествъ также сановники, несшіе всѣ другія Императорскія регалии. Выйдя изъ Архангельскаго собора, Царственная Чета направилась въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ была встрѣчена архіепископомъ Херсонскимъ Іустинномъ, съ архимандритами Поликарпомъ и Митрофаномъ, и придворнымъ духовенствомъ, со крестомъ и св. водою. Здѣсь Ихъ Величества прикладывались къ святымъ иконамъ, послѣ чего протодіакономъ была прочтена установленная эктенія и возгласено многолѣтіе.

Изъ Благовѣщенскаго собора торжественная процессія двинулась къ Красному крыльцу, приблизясь къ которому, высокопреосвященный Палладій осѣнилъ Ихъ Величествъ крестомъ и отбылъ въ Успенскій соборъ.

Выйдя изъ-подъ балдахина, Ихъ Императорскія Величества стали подниматься на Красное крыльцо. Съ каждой ступенью становились Они виднѣе и виднѣе кнившему внизу народу, покрывавшему, точно живой мостовой, Соборную площадь.

Вотъ, наконецъ, Царь и Царица достигли верхней площадки и троекратно, по древнему обычаю, поклонились народу. Въ моментъ этого дорогого русскому сердцу привѣтствія коронованныхъ Царственныхъ хозяевъ, восторженное настроеніе достигло высшаго напряженія. Со слезами на глазахъ народъ посыпалъ благословенія молодой Четѣ и неудержимымъ „ура“ заглушалъ звонъ колоколовъ и громъ пушекъ...

По вступлении въ Тронный залъ, скипетръ и держава были вновь помѣщены на столѣ, приготовленномъ для регалій, а Ихъ Императорскія Величества удалились во внутренніе покои. Было время отдохнуть послѣ физической усталости и нравственныхъ волненій, невольно вызываемыхъ знаменательностью пережитыхъ торжественныхъ, историческихъ моментовъ.

Въ этотъ памятный и торжественный день царское милостивое слово раздалось на всю Россію въ видѣ манифеста, который начинается слѣ-

дующими словами:

„Изволеніемъ и милостію Господа Вседержителя, совершить въ сей торжественный день обрядъ Священнаго Коронованія и воспріять Святое Муропомазаніе, повергаемъ къ Престолу Царя Царствующихъ съ усерднымъ моленіемъ, да благословитъ Онъ Царствованіе Наше на благо возлюбленнаго Отечества и да утвердитъ Насъ въ исполненіи

священнаго обѣта Нашего — вѣрно и неуклонно продолжать унаслѣдованное отъ Вѣщеносныхъ Предковъ дѣло страсія Земли Русской и укрѣпленія въ ней вѣры, добрыхъ нравовъ и истиннаго просвѣщенія.

Вникая въ нужды всѣхъ нашихъ вѣроподданныхъ и обращая взоры Наши въ особенности на страдающихъ и обремененныхъ, хотя бы и по собственной винѣ или нерадѣнію, слѣдуемъ влеченію сердца даровать и имъ возможныя облегченія, дабы, въ сей достопамятный день Священнаго Вѣнчанія Нашего на Царство, они, вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи“.

Въ числѣ милостей, объявленныхъ въ манифестѣ, наиболѣе крупныя:

Сложеніе недоимки по поземельному налогу (около 15 милл.) и взиманіе его въ будущія 10 лѣтъ въ половинномъ размѣрѣ, что за этотъ періодъ составитъ для всѣхъ губерній Европейской Россіи около 85 милл.

Сложеніе оставшейся отъ прежняго времени недоимки подушной подати — свыше 2 милл.

Сложеніе недоимокъ оброчной подати и лѣснаго налога въ суммѣ 5 милл.

Сложеніе со счетовъ по подушной и оброчной подати въ Сибири той части недоимокъ, которая къ 1896 г. числилась на личной отвѣтственности

плательщиковъ и разсрочка остальной части тѣхъ же недоимокъ на 10 лѣтъ.

Сложено около 3 милл. и разсрочено около 4½ милл.

Сложеніе недоимокъ по подымной подати на Кавказѣ — свыше 500 т.

Если капитализировать разсроченныя на нѣсколько лѣтъ льготы, то общая сумма сложенія платежей достигаетъ 107 милл. рублей.

Многочисленнымъ категоріямъ лицъ, несущихъ различныя наказанія, манифестъ принесъ много радости и утѣшенія.

Помимо манифеста, въ этотъ день Высочайше указы и приказы принесли не мало милостей областямъ, учрежденіямъ и служащимъ.

Даны облегченія сельскимъ обывателямъ по уплатѣ выкупнаго долга. Рескриптомъ на имя министра юстиціи повелѣно ввести во второй половинѣ 1897 года въ Сибири столь желательныя Судебныя Уставы Императора Александра II.

Военное вѣдомство осчастливлено было щедрыми милостями:

Повелѣно отпускать ежегодно изъ Государственнаго Казначейства для подкрѣпленія средствъ эмеритальной кассѣ 1200.000 р. впредь до выработки новаго положенія объ этой кассѣ.

Назначено ежегодно изъ Государственнаго Казначейства 100.000 р. на увеличеніе стипендій для дочерей чиновъ военнаго вѣдомства въ женскихъ институтахъ и гимназіяхъ; на этотъ же предметъ по морскому вѣдомству — 10.000 ежегодно.

Приварочное довольствіе войскъ ежегодно увеличено на 3 милл. рублей. Это улучшеніе пищевого довольствія распространено и на морское вѣдомство.

Даны новыя льготы лицамъ, призрѣваемымъ Александровскимъ комитетомъ о раненыхъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждали Высочайшихъ приказовъ о пожалованіяхъ и назначеніяхъ. Въ этотъ день многіе съ радостью нашли тамъ свои имена.

Пожалованы орденами: св. ап. Андрея Первозваннаго 14 лицъ, св. Владимира I ст. 26 лицъ, брилліантовыми знаками св. Александра Невскаго 22 лица, св. Александра Невскаго безъ брилліантовъ 38 лицъ.

Пожалованы: членами Государственнаго Совѣта — 12, сенаторами — 5, званіями статсъ-секретаря — 3 и генераль-адъютанта — 3 лица.

Произведены: въ полные генералы—21, въ дѣйствительные тайные совѣтники—18, въ генераль-лейтенанты—90, въ тайные совѣтники—45, въ генераль-маіоры—77 и въ дѣйствительные статскіе совѣтники 319 лицъ.

Радостный для всей Россіи день 14 Мая послужилъ поводомъ къ цѣлому ряду пожертвованій отъ городовъ, земствъ и разныхъ другихъ установленій и частныхъ лицъ на устройство учебныхъ заведеній, стипендій и вообще общепользныхъ учрежденій.

Отъ окончанія Священнаго Коронованія до выхода Государя Императора къ столу въ Грановитой палатѣ, всѣ лица, участвовавшія въ выходѣ въ Успенскій соборъ и бывшія въ этомъ храмѣ, остались въ залахъ Кремлевскаго дворца, за исключеніемъ иностранныхъ пословъ, которые вмѣстѣ со всѣми чинами, состоящими при иностранныхъ посольствахъ, были приглашены къ обѣденному столу въ Золотой палатѣ.

Московская стародавняя жизнь выработала своеобразныя, трогательныя приемы общенія Царя съ народною массою во время коронаціонныхъ торжествъ; вѣрные этимъ старымъ завѣтамъ, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, въ коронахъ и пурпурахъ, вышли передъ трапезой въ Грановитой палатѣ на большой балконъ Кремлевскаго дворца, обращенный на Москву-рѣку, и поклонились народу. Съ балкона открывается чудный видъ на Замоскворѣчье и уходящую въ безпредѣльное пространство даль... Царь Своимъ поклономъ привѣтствовалъ не одну Москву, а всю разстилающуюся за ней Россію, которая устами своихъ исконныхъ представителей, москвичей, покрывавшихъ оба берега рѣки, отвѣтила Державному Повелителю восторженнымъ стихійнымъ „ура“.

Въ Тронномъ залѣ, Его Величество вновь принялъ скипетръ и державу и, вмѣстѣ съ Государынями Императрицами, въ предшествованіи верховнаго маршала и другихъ высшихъ придворныхъ чиновъ, вступилъ въ Грановитую палату. Во время Высочайшаго шествія по правой сторонѣ Государя Императора шли: генераль-адъютанты и свиты Его Величества генераль-маіоры, а по лѣвой — статъ-секретари и вторые чины Высочайшаго Двора, а за Государынями Императрицами слѣдовали Августѣйшія Особы Императорской фа-

мильи и Августѣйшія иностранныя особы, гофмейстерины, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и свитныя фрейлины. Особы Императорской фамилии и иностранныя принцы, проводивъ Ихъ Величество до Владимірскаго зала, вошли по лестницѣ въ Тайникъ. Ко времени прихода Ихъ Величество въ Грановитой палатѣ уже находились: высшее духовенство, особы обоюго пола 1-го и 2-го классовъ и иностранныя сановники. Особы дипломатическаго корпуса помѣщались въ свободной отъ столовъ части Грановитой палаты, вправо отъ входныхъ дверей. Приглашенная къ обѣду придворныя дамы и дамы 1-го и 2-го классовъ стали у своихъ столовъ съ правой стороны палаты.

Въ этотъ день изъ хранилищъ Оружейной палаты доставлены были къ царской трапезѣ въ Грановитую палату драгоценныя старинныя столовыя уборы. Обведенный полками средний столъ палаты весь одѣлся серебряными блюдами и чашами, на всѣхъ столахъ красовались древніе стоны, кубки и братины.

Въ Грановитой палатѣ Ихъ Императорскія Величества изволили сѣсть подъ сѣнью троннаго мѣста, на тѣ самыя престолы, которые утромъ находились въ Успенскомъ соборѣ. Его Величество помѣстился посрединѣ, Ея Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна—съ правой стороны, а Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна—съ лѣвой стороны.

За престолами стали: ассистенты Ихъ Величество, оберъ-гофмейстеръ графъ Бобринскій, оберъ-шталмейстеръ графъ Орловъ-Давыдовъ, оберъ-егермейстеръ князь Голицынъ и особы, несшія и поддерживавшія шлейфы порфиры. Противъ середины стола сталъ оберъ-форшнейдеръ графъ Генриковъ, а по правую сторону стола—оберъ-шенкъ графъ Строгановъ. Командиръ кавалергардскаго полка, съ обнаженнымъ палашемъ и въ каскѣ, сталъ позади престола Его Императорскаго Величества. У нижней ступени троннаго мѣста дежурство: съ правой стороны генералъ-адъютантъ Драгомировъ и свиты Его Величества генералъ-майоръ графъ Голенищевъ-Кутузовъ, а съ лѣвой—флигель-адъютантъ, полковникъ баронъ Мейендорфъ. По сторонамъ троннаго мѣста—четыре кавалергардскихъ офицера, въ каскахъ съ обнаженными палашами: штабсъ-ротмистръ Безакъ 1-й, поручикъ Араповъ, корнетъ Скоропадскій и графъ Мендентъ; у обоихъ переднихъ угловъ нижней ступени трона—два герольда.

Противъ трона — министръ Двора, верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ и гофмаршалъ, а за ними — коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры съ жезлами. Сановники, несшіе корону, скипетръ и державу, со своими ассистентами, стали у особо приготовленнаго для этихъ регалій стола. Шестъ камергеровъ: графъ Муравьевъ, графъ Ниродъ, маркизъ Паулуччи, князь Сангушко, Вестманъ и баронъ Черкасовъ принесли и поставили на тронное мѣсто приготовленный для трапезы Ихъ Величествъ столъ и поставили на него сначала три драгоценныя, историческія солонки, а затѣмъ и приборы для Ихъ Величествъ.

Когда всѣ заняли мѣста, министръ финансовъ, по данному Его Императорскимъ Величествомъ повелѣнію, поднесъ Государынямъ Императрицамъ медали, изготовленные по случаю Высочайшаго Коронаванія. Медали эти были розданы и всѣмъ находившимся въ Грановитой палатѣ придворнымъ чинамъ и прочимъ особамъ.

Послѣ этого, по знаку Его Императорскаго Величества, верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ,

Епископъ Евдокимъ -

Присовоудивъ святителю 19 Мая.

Почтеннѣе епархіальнаго архіерею и священнику.

Presentation of Communion Medallions

гофмаршалъ, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры, отидя Государю Императору поклонъ, вышли въ Святыя сѣни за первымъ блюдомъ, которое было вслѣдъ затѣмъ внесено, въ предшествованіи названныхъ придворныхъ особъ, отставными генералами и штабъ-офицерами изъ дворянъ Московской губерніи, въ военной формѣ. Блюда приносили: отставные генераль-маіоры: А. П. Тучковъ, М. М. Демидовскій и И. В. Коломнинъ; отставные полковники: С. С. Смирновъ, А. В. Гулевичъ и В. Н. Флейшеръ, и отставные подполковники: Ѡ. А. Ульяновъ и князь В. О. Голицынъ; каждое блюдо конвоировали офицеры кавалергардскаго полка: поручики: Безакъ 2-й и Бодиско, корнеты: свѣтлѣйшій князь Салтыковъ и графъ Граббе 3-й; позади шли коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры. Принесшій кушанье передавалъ его оберъ-гофмаршалу и гофмаршалу, а они ставили блюдо на столъ около средняго столпа Грановитой палаты.

Когда было принесено первое блюдо, то Государь Императоръ, снявъ корону, передать ее, а равно скипетръ и державу, несшимъ ихъ сановникамъ, которые возложили эти регалии на предназначенный для нихъ столъ. Митрополитъ Московскій благословилъ трапезу, Ихъ Величества изволили сѣсть, а оберъ-форшнейдеръ, при ассистентахъ, камеръ-юнкерахъ Демидовъ и графъ Мусинъ-Пушкинъ, взявъ со стола у средняго столпа принесенное кушанье, передать его на Высочайшій столъ. Когда послѣ перваго блюда оберъ-шенкъ графъ Строгановъ подаль Его Величеству на золотомъ подносѣ медъ въ старинной „Молдавской кувѣ“, то стоящіе до этого времени, по установленному обычаю, духовенство и свѣтскія первыхъ двухъ классовъ особы, поклонившись Ихъ Императорскимъ Величествамъ, сѣли на свои мѣста и приступили къ обѣду, а лица дипломатическаго корпуса и другія лица, не приглашенные къ трапезѣ, послѣ поклона вышли изъ палаты, не обращаясь лицомъ къ двери.

Послѣдующія блюда вносились и подавались въ томъ же порядкѣ, какъ и первое.

У Высочайшаго стола служили камергеры: князь Трубецкой, графъ Мусинъ-Пушкинъ и Корниловъ и камеръ-пажи, а кубки подавалъ, при ассистентахъ, камеръ-юнкерахъ: князь Щербатовъ и Толстомъ, оберъ-шенкъ графъ Строгановъ, который также

провозглашать за-
здравные тосты, со-
провождавшіеся пушечною паль-
бою и звуками трубъ и литавръ.
хора трубачей кавалергардскаго
полка, помѣщавшагося въ Свя-
тыхъ сѣняхъ.

Тосты были провозглашены:
послѣ второго блюда — за
здравіе Государя Импера-
тора, при 61 пушечномъ
выстрѣлѣ; послѣ третьяго
блюда — за здравіе Госуда-
рины Императрицы Марии
Феодоровны, при 51 вы-
стрѣлѣ; послѣ четвертаго
блюда — за здравіе Госу-
дарыни Императрицы Але-
ксандры Феодоровны, так-
же при 51 выстрѣлѣ; послѣ
шестого блюда — за здра-

віе всего Императорскаго дома, при зі выстрѣлѣ; послѣ седьмого блюда—за здравіе духовныхъ особъ и всѣхъ вѣрноподанныхъ, при зі выстрѣлѣ. При провозглашеніи тоста за здравіе Царя, кромѣ орудіиной пальбы, слышались звуки народнаго гимна, который всѣ присутствовавшіе прослушали съ благоговѣніемъ, стоя. Въ чудныхъ словахъ гимна вполне выражалось и общее искреннее желаніе всѣхъ присутствовавшихъ и всей Россіи, молищеи Бога даровать славное царствованіе православному Царю. Въ краткихъ выраженіяхъ больше, звучнѣе и музыкальнѣе сказать невозможно. Преданнымъ Царю, вѣрноподаннымъ его слугамъ осталось только выразить свой восторгъ бурнымъ кликомъ, и своды Грановитой палаты огласились долго несмолкавшимъ „ура“.

Во время обѣда артистками Императорскихъ театровъ: Форстремъ и Фриде и артистами Кошицъ и Серебряковымъ, хоромъ и оркестромъ русской оперы Императорскихъ московскихъ театровъ, подъ управленіемъ капельмейстеровъ Альтани и Авраамъ, была исполнена торжественная кантата, написанная композиторомъ Глазуновымъ на слова В. Крылова.

Меню трапезы въ Грановитой палатѣ, въ видѣ свитка, неподражаемо хорошо исполнено большимъ мастеромъ и знатокомъ старинной русской живописи В. М. Васнецовымъ

Послѣ обѣда, окончившагося въ 3 часа 55 мин., Государь Императоръ возложилъ на Себя корону и, взявъ скипетръ и державу, направился, въ сопровожденіи Государынь Императрицъ и Своихъ ассистентовъ, въ предшествіи придворныхъ чиновъ и высшихъ сановниковъ, во внутренніе покои черезъ Тронный залъ, гдѣ Его Величество, снявъ съ Себя корону, передать ее, вмѣстѣ со скипетромъ и державою, сановникамъ, назначеннымъ для несенія ихъ.

Теперь настало время трапезы и для остальныхъ лицъ, собравшихся во дворцѣ. Всѣ особы, присутствовавшія на Высочайшемъ выходѣ, были приглашены къ обѣденнымъ столамъ, сервированнымъ на Боярской площадѣ и въ палаткахъ у Спаса на Бору, а особы, исполнявшія обязанности при Высочайшей трапезѣ—къ столу въ Золотой палатѣ.

Въ этотъ день на Царскій счетъ были устроены обѣды для 50,000 бѣдныхъ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Казани, Ташкентѣ, Тифлисѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Гельсингфорсѣ, Новочеркасскѣ, Томскѣ, Архангельскѣ, Костромѣ, Кроштадтѣ, Новгородѣ, Владивостокѣ, Царскомъ Селѣ, Гатчинѣ, Петергофѣ, Нерчинскѣ и Барнаулѣ. Не были забыты и немущіе и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ: повсюду общественныя управленія, монастыри и частныя лица постарались, чтобы въ этотъ торжественный день не было голодныхъ. Въ Москвѣ, по волѣ Государя, со дня Его пріѣзда въ Первопрестольную до 26 Мая, 5000 бѣднѣйшихъ жителей столицы обѣдали на Царевъ счетъ въ Московскихъ монастыряхъ.

СЫЩЕНО ВНАІ НІАТІ СІУ ІМЕР
 НІА ІІ ІСАІН НІВТІ ЯІІ ОІІІ
 КІА ІІ ІСАІН НІВТІ ЯІІ ОІІІ

1896 *года*
 Мая 14 *числа*

Владимир Васильев

По обычаю, соблюдавшемуся издавна при коронованіи Русскихъ Императоровъ, и нынѣшній день завершился блестящею иллюминаціею Кремля и всей Москвы.

Съ наступленіемъ сумерекъ, въ 9 час. вечера, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыни Императрицы, въ сопровожденіи наследнаго принца Датскаго, королевичей Греческихъ, Великихъ Князей Михаила Александровича и Александра Михайловича и Великой Княгини Ксении Александровны, изволили выйти на балконъ, обращенный къ Москворѣцкой набережной.

Здѣсь Императрица Александръ Феодоровна поднесень была букетъ. Лишь только Ея Величество взяла его въ руки, онъ весь засвѣтился электрическимъ свѣтомъ, и въ тотъ же самый моментъ, какъ бы по мановенію жезла, зардѣлись разноцвѣтными огнями вершины кремлевскихъ башенъ и колокольня Ивана Великаго, а затѣмъ загорѣлись огни по всѣмъ древнимъ кремлевскимъ стѣнамъ.

Какъ бриллиантъ, рубинъ и изумрудъ среди другихъ драгоценныхъ камней, такъ и Ивановская колокольня и кремлевскія башни выдѣлялись изъ огненнаго моря иллюминированной столицы. — Да, Кремль представляеть нѣчто дѣйствительно волшебное, сказочное, поразительное!. Выдымающіеся въ воздухѣ электрическія линіи кремлевскихъ твердынь производили особенное, неотразимое впечатлѣніе на зрителей, запрудившихъ набережную рѣки-Москвы и перекинутые черезъ нее мосты. Крыша Спасской башни вся была залита зеленымъ

свѣтомъ, а нижнія архитектурныя линіи усѣяны бѣлыми и красными огнями; рельефно вырисовывавшійся на верху башни орелъ сверкалъ брилліантами. У Царской башни верхъ былъ иллюминированъ золотистыми огнями; 4-я Безыменная башня освѣщена была краснымъ цвѣтомъ, а Константиновская — синимъ; угловая къ Москворѣцкому мосту — зелеными и бѣлыми огнями; Сенатская башня освѣщалась попеременно зеленымъ, бѣлымъ и краснымъ цвѣтами. Корпусъ Никольской башни былъ иллюминированъ красными и бѣлыми огнями, шпиль весь унизанъ лампочками краснаго цвѣта, а орелъ на вершинѣ башни — золотистыми лампочками. Арсенальная башня блистала золотистыми лампочками съ ярко выдѣлявшимся среднимъ ярусомъ, освѣщеннымъ краснымъ цвѣтомъ. Зубцы и всѣ архитектурныя линіи Кремлевской стѣны по Красной площади горѣли тысячами газовыхъ рожковъ. Очень эффектно выступала линія башенъ Кремлевской стѣны, выходящей на набережную Москвы-рѣки. Вершины башенъ свѣтились бѣлыми огнями, а верхніе ярусы — разноцвѣтными. У Угловой башни, выходящей къ Каменному мосту, ближайшій къ крышѣ ярусъ освѣщенъ былъ синимъ цвѣтомъ; крыша слѣдующей Четырехгранной башни усѣяна розовыми лампочками, а крестъ надъ ней — бѣлыми; на сосѣдней съ Тайницкою башнѣ крыша была украшена синими и розовыми огнями, а вершина — бѣлыми; у слѣдующей башни по крышѣ разсѣяны зеленые лампочки. Башни Боровицкихъ и Троицкихъ воротъ также были залиты цвѣтными огнями; красный бенгальскій огонь, горѣвшій въ среднемъ ярусѣ, придавалъ фантастическую окраску прилегающимъ къ башнямъ частямъ Кремля. Тайницкая башня свѣтилась то зеленымъ, то бѣлымъ, то краснымъ огнями. Къ сторонѣ рѣки съ вершины башни пѣлился водяной каскадъ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги. Электрическія солища, направляемая со всѣхъ башенъ попеременно въ разныя стороны, бросали цѣлые снопы свѣта на огромныя разстоянія. Замѣчительно красиво былъ иллюминированъ Александровскій садъ. Тысячи огней, похожихъ на свѣтлячковъ, мелькали и свѣтили сквозь зелень уже вполне распустившихся деревьевъ. По всему саду были разставлены арки, шиты и другія декоративныя украшенія, унизанныя блестящимъ огненнымъ узоромъ.

Для иллюминации Кремля понадобилось около 190.000 электрических лампочек, газовых рожковъ и разнаго рода свѣчныхъ фонариковъ, кубастиковъ и лампоновъ.

Вслѣдъ за Кремлемъ и вся Москва загорѣлась причудливыми огнями. Чудная картина развѣтывалась съ дворцоваго балкона на огненную декорацию Замоскворѣчья. Эффектными, огненными, яркими щитами выступали дома и мосты, повсюду видѣлись свѣтящіяся узорчатая линіи, соединявшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ цѣлое пламя. Среди огненнаго моря могучей громадой вѣдымался храмъ Спасителя. Въ незарѣчной части: Верхніе ряды, Историческій музей, Городская Дума, Императорскіе театры и многіе частные дома отличались удивительной роскошью иллюминации. Архитектурныя линіи, обведенныя блестящими бордюрами лампочекъ, красиво выступали на темномъ ночномъ фонѣ. Громадные щиты и вензеля горѣли разными огнями и придавали зданіямъ причудливую сказочную форму.

Задолго еще до начала иллюминации, вдоль линіи бульваровъ потянулись вереницы разнообразнѣйшихъ экипажей, направлявшихся отъ Страстной площади внутренними проѣздами Тверского, Никитскаго и Пречистенскаго бульваровъ къ Пречистенскимъ воротамъ, далѣе по набережной храма Христа Спасителя, черезъ Большой Каменный мостъ на Софійскую набережную, затѣмъ черезъ Москворѣцкій мостъ, по Москворѣцкой улицѣ на Красную площадь, оттуда по Ильинкѣ, Китайскому проѣзду, Лубянской площади и Театральному проѣзду на Театральную площадь, мимо Малаго театра, по Петровкѣ на Страстной бульваръ. Въ восьмомъ часу вечера, сквозной проѣздъ черезъ кольцо, по которому двигались экипажи, былъ прекращенъ. Къ 10 часамъ вечера катающихся собралось такъ много, что экипажи были пущены въ нѣсколько рядовъ и, наконецъ, буквально заполнили настолько улицу, что время отъ времени движеніе, поневолѣ, совсѣмъ прекращалось.

Все, что могло двигаться въ Москвѣ, все это высыпало на улицу, стремясь полюбоваться чарующимъ зрѣлищемъ коронаціонной иллюминации. По нѣкоторымъ улицамъ и площадямъ народъ шелъ сплошной стѣной; не было возможности не только проѣхать въ экипажѣ, но пройти свободно пѣшкомъ; приходилось отдаться теченію и двигаться вмѣстѣ съ массой. Виднѣвшіяся изъ разныхъ

точекъ столицы, искрящаяся блескомъ кремлевскія вершины особенно влекли къ себѣ москвичей. Все стремилось туда, къ Красной площади и къ садамъ, обрамляющимъ Кремль...

* * *

14 Мая съ курьерскимъ поѣздомъ Московско-Брестской желѣзной дороги прибыть въ Москву изъ-за границы на коронаціонныя торжества представитель папы Римскаго, папскій нунцій при Вѣнскомъ дворѣ, монсеньоръ Аліарди, въ сопровожденіи трехъ прелатовъ и трехъ свѣтскихъ лицъ.

Г. Савицкий

Среда, 15-е Мая.

*Пріемъ поздравлений. — Пріемъ папскаго
луція. — Обѣдъ духовенству и особамъ
первыхъ двухъ классовъ въ Грановитой
палатѣ. — Отгѣздъ иностранныхъ принцевъ.*

Обѣдъ.

Супъ изъ раковъ.

Пирожки.

Финляндская форель натуральная.

Телятина съ кореньями.

Холодное заливное изъ куропатокъ.

Жарное: пудингъ и маленькіе цыплята.

Салатъ.

Артишоки съ горошкомъ,

Горячее сладкое.

Мороженое

Дессертъ.

1896

М
О
С
К
В
А

15
С
Е
Н
Т
Я

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

М
О
С
К
В
А

Группа подарков Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Illustration of a Wedding

Четверть, 16-ое Мая.

Пріемъ поздравленій. — Куртажъ.

Пятница, 17-ое Мая.

*Пріемъ поздравленій отъ дамъ. — Перенесеніе регалій изъ Андреев-
скаю зала въ Оружейную палату. — Торжественное представленіе
въ Большомъ театрѣ.*

1896
 Маја 15 дна

ВРЕМЯ ПРИДЕТЬ ИЗМЕНСКОМУ ХУ

- 1) Ул. на ул. „Дом на Восток“, Армения.
- 2) Из ул. „Рисама“ Армения.
- а) Сибирская улица.
- б) Цыганская улица.
- 3) „Восток на Далеком Востоке“, обл. картина Австралия.
- 4) Артеза Петрова из книги „Археология“ Япония.
- 5) „Камаринская“, фантазия Гватемала.
- 6) Из книги: Бразилия.
- а) Вн. мостовый.
- б) Мазурка.
- 7) Восточные ул. ул. „Восток“, Вьетнам.
- 8) Рисама и трепак Франция.
- 9) Живописное изображение из ул. „Рисама“ Океан.
- 10) Письма, во имя Святого Корнелия IX и ПАВЛА ТОРБАНХА ИСАИАСИ. Швейцария.

Въ блестящей программѣ коронаціонныхъ торжествъ парадный спектакль въ Большомъ театрѣ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ.

Приготовленія къ этому событію давно начались, но особенныя условія театральнаго дѣла требуютъ снѣжныхъ работъ вплоть до самаго спектакля.

На главномъ подъѣздѣ, посреди колоннады, устроены были высокій шатеръ изъ темнокраснаго сукна, окаймленнаго золотою бахромой съ массивными кистями. Внутри театръ былъ вновь отдѣланъ къ торжеству. Начиная отъ театральнаго подъезда, повсюду, въ сѣняхъ, по лѣстницѣ, въ фойе, на фонѣ роскошныхъ бархатныхъ ковровъ выросли аллеи тропическихъ растений и цвѣтовъ, этой незамѣнимой декорации, лучшаго украшенія самыхъ парадныхъ комнатъ. Трудно было узнать въ этомъ рядѣ великолѣпныхъ гостиныхъ, наполненныхъ упоительнымъ ароматомъ цвѣтовъ, бывшая, нѣсколько суровая фойе московскаго театра. Точно скромная красавица, собравшись на балъ, сбросила съ себя простенькое платье и показала въ полномъ блескѣ богатаго и мастерски сдѣланнаго бальнаго костюма.

Московская труппа русской оперы и соединенный петербургскій и московскій балетъ давно уже прилагали всѣ усилія, чтобы блеснуть на торжественномъ представленіи. И вотъ день спектакля наступилъ.

Съ 7 часовъ вечера начался съѣздъ въ театръ блестящей публики, на долю которой выпало присутствовать на этомъ представленіи. Вскорѣ красивый театръ, блиставшій позолотой и залитый электрическимъ свѣтомъ, совершенно былъ полонъ.

Какъ въ дни Священнаго Коронованія Императора Александра III, такъ и теперь на сценѣ шелъ первый актъ и вторая картина эпилога безсмертной оперы Глинки „Жизнь за Царя“.

Послѣ антракта начался балетъ „Прелестная Жемчужина“, поставленный исключительно для коронаціоннаго спектакля.

ПРОГРАММА

ТОРЖЕСТВЕННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

въ

Императорскомъ Вольшомъ Театрѣ

въ Москвѣ

17-го Мая 1806 года,

по случаю

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАря ИМПЕРАТОРА

Николая Александровича

и

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

Александры Сеодоровны.

ПРОГРАММА
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

17-го Мая 1896 г.

[Алфавитъ и зрѣніе]
музыка

М.М. ГИНИН

слова дарова
с. Розенга.

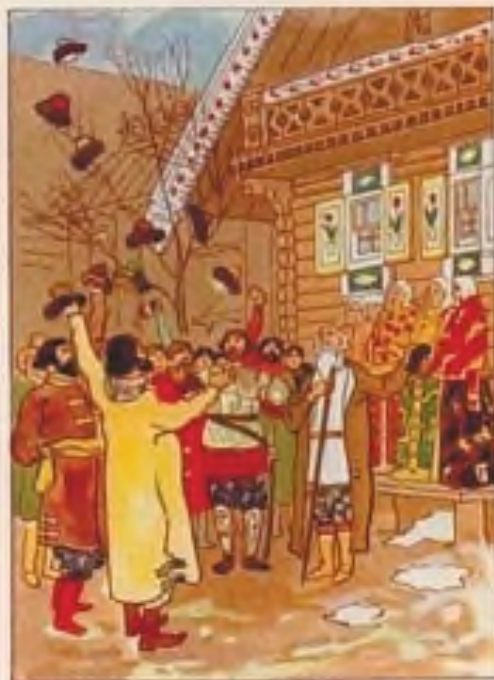
ЖИЗНЬ ЦАРА

ОПЕРА

(1-е действие и антракт).

Музыка Глинки; слова Барона Розена.

Декорации — А. Ф. Келлера и К. Ф. Вазюца.
Костюмы — Ф. А. Воронцова, по рисункам
художника Е. П. Пономарева.

A. P. Ponomarev

Иванъ Сусанинъ, хре-
стьянинъ села Домнина г. Грязвинскій.
Антонида, дочь его . . . г-жа Мерхова.
Вогданъ Савининъ,
женихъ ея . . . г. Донской.
Загваало . . . г. Кошницъ.

Воире, боярина, рыцаря, знаменосца,
трубача, воина, стрельца, крестьяне и
крестьянки.

Парадный спектакль.

Theatrical Parade

Жемчужина

Балетъ

Сл. М. Петеръ музыка Р. Дригъ

На дѣлѣмъ, въ волшебномъ царствѣ это море
и бурные вѣтры съ вѣтромъ свѣтлымъ
царствомъ Амуромъ. Ахъ! Жемчужина съ
еемъ вѣномъ. Вѣномъ вѣдетъ съ, въ
милостивомъ при вѣтѣ. Ахъ! Грей вѣдетъ
съ жемчужной вѣномъ, съ
вѣномъ съ вѣномъ. Грей вѣдетъ
съ вѣтомъ, вѣдетъ съ вѣтомъ, вѣдетъ
съ вѣтомъ. Жемчужина вѣдетъ. Съ
вѣтъ съ вѣтъ, съ Ахъ! Жемчужина вѣдетъ
съ вѣтомъ, вѣдетъ съ вѣтомъ. Вѣномъ
съ вѣтомъ, Грей вѣдетъ съ вѣтомъ
съ вѣтомъ, вѣдетъ съ вѣтомъ. Вѣномъ
Ахъ! Жемчужина вѣдетъ съ вѣтомъ
съ вѣтомъ, вѣдетъ съ вѣтомъ.
Грей вѣдетъ съ вѣтомъ
съ вѣтомъ съ вѣтомъ.

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИКЪ

На 1874 год.

УКЪСЪЗАНІА

I. А. I

РУСАНИХЪ И ЮДАНІА

Божественная опера въ 3-хъ картинахъ. Муз. Н.А. Глинка.

II. Б. II

БОСЪКЪ-ГОРЬУНОКЪ

Божественная опера въ 3-хъ картинахъ. Муз. Б.И. Балакиревъ.

III. Г. III

СРЪНІКЪ ТИМОФЕИЧЪ

или

ПОБОРЕНІЕ СИБИРИ.

Драматическое представление въ 3-хъ картинахъ.

IV. Д. IV

ЦАРЬ БР. ИВАНТИНЪХЪ.

V. Е. V

ДРОССИРОВАННЫЯ ЖИВОТНЫЯ

В. ДУРОКА.

УЧОНЫЯ ЛЮДОУДИ.

Гармоническая опера. Гимнасты, вокалисты, певцы, танцовщицы, балет, артистическая и т. д.

ТАРЫ РУССКІЯ И ЗАРУБЕЖНЫЯ.

РОЖНИКИ, БАЛАЛАУЧНИКИ, ГОРОДИСТЫ И ВАЛДЫ.

СОУТЪЗАНІА ИЛИ ПРИЗЫ.

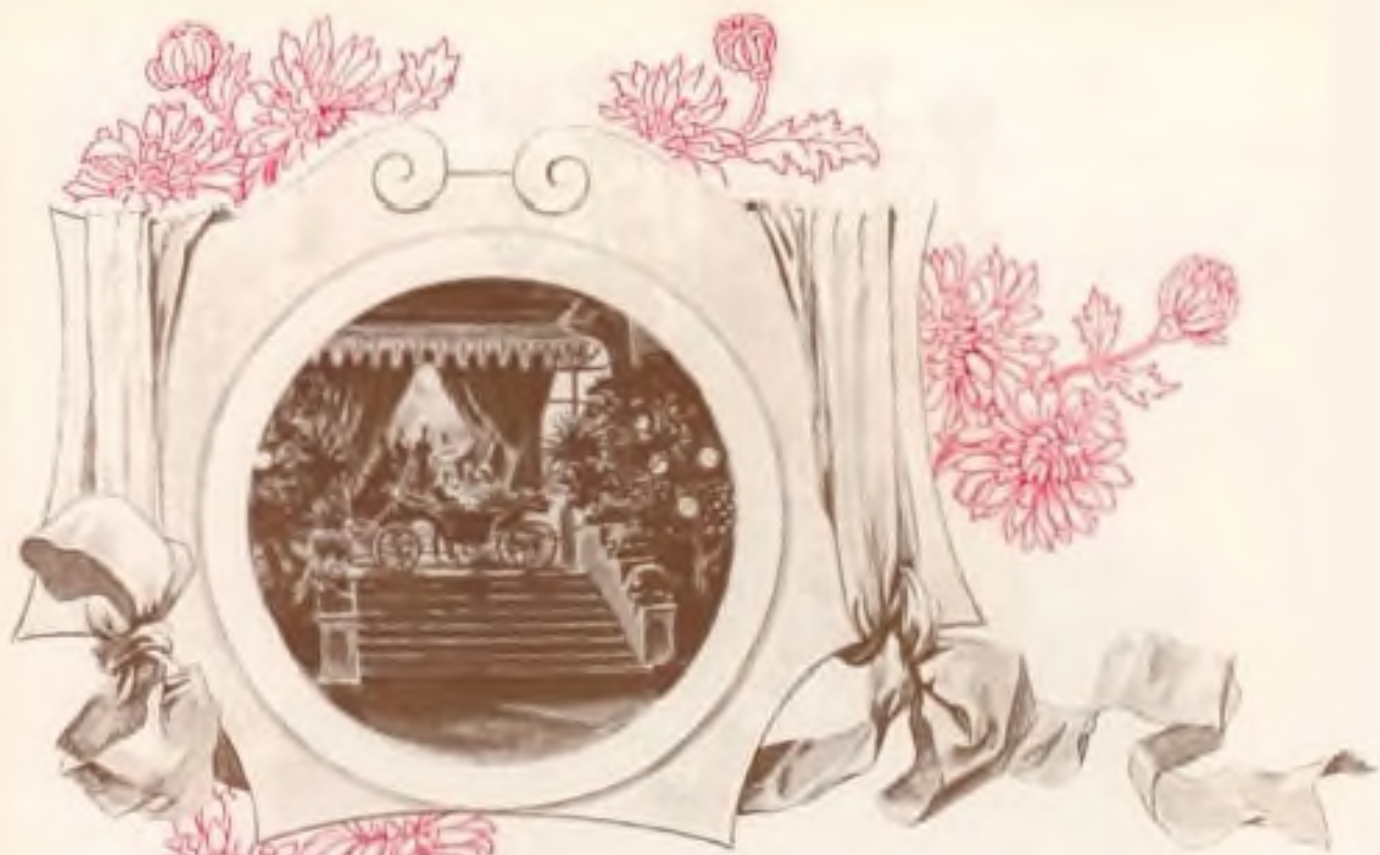
КОНЦЕРТЫ И КИНО.

КРЕДОТЫ ЖЕЛМЪИ И ВОССТАВІЕНІА.

ХОРОВОДЫ ДЪВУШЕКЪ И ПАРНЕКЪ.

Будьте устроены Окружная Училищная Комиссія по устройству Корпоративныхъ народныхъ драмъ и празднествъ.

Суббота, 18-ое Мая.

Народный праздник.—Пріемъ депутацій отъ Московскихъ общественныхъ и друиыхъ учрежденій.—Обида въ Петровскомъ дворцѣ для вѣстныхъ старшинъ.—Балъ у Французскаго посла.

По стародавнему обычаю, въ коронаціонные дни русскіе Цари устраивали для народа угощеніе и различныя увеселенія. Придерживаясь старины, и на этотъ разъ желали потѣшить москвичей и окрестныхъ крестьянъ и одѣлать ихъ царскимъ угощеніемъ.

Для народнаго гулянья отведено было обширное Ходынское поле со множествомъ возведенныхъ на немъ для праздника построекъ, надъ которыми царить Императорскій павильонъ. Сердцу поля занимать громадный ипподромъ для конскихъ ристалищъ съ двумя цирковыми аренами

Е. Смирновъ

Снимокъ съ большой хромолитграфированной афиши народнаго гулянья 18 Мая 1896 года.

и высокой мачтой для акробатовъ; по сторонамъ ипподрома были расположены театры, въ трехъ изъ нихъ были поставлены пьесы: „Русланъ и Людмила“, „Конекъ Горбунокъ“ и „Ермакъ Тимофеевичъ“; четвертый театръ предназначался для представлений Дурова съ дрессированными животными. Въ различныхъ пунктахъ поля разбросаны были эстрады для хоровъ музыки, пѣсельниковъ, акробатовъ, рожечниковъ и балалаечниковъ. По окраинамъ поля тянулись буфеты для раздачи народу шва, меда, а также и съѣдобныхъ угощений, завернутыхъ въ платокъ съ рисунками Кремля и Государственнаго герба. Въ узелѣ съ царскими гостинцами помѣщалась и корона-

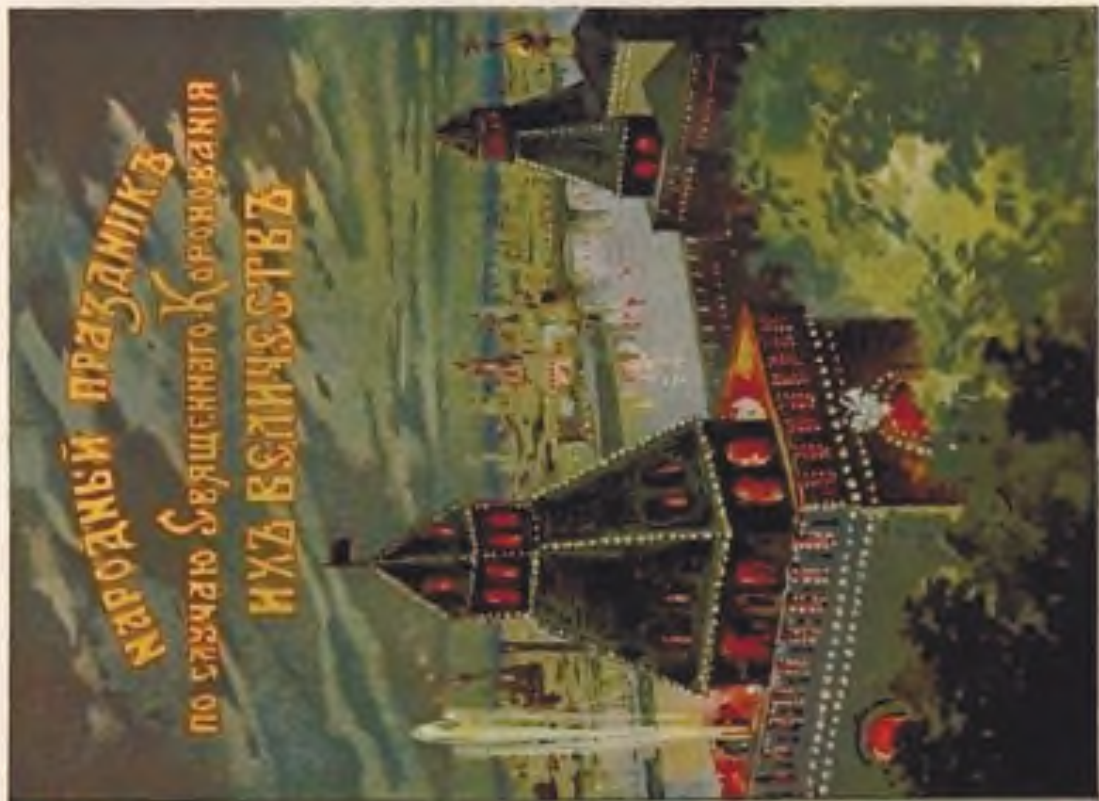

ционная кружка — емкостью в два стакана, металлическая, эмалированная, с позолотой, украшенная по белому полю голубым и коричневым орнаментом в русском стиле; с одной стороны кружки — вензель Ихъ Величествъ подъ Императорскою короною и годъ Коронаціи, съ другой — Государственный гербъ.

Къ несчастію, праздникъ, который для народа долженъ былъ бы остаться однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній о дняхъ Священнаго Коронованія, для многихъ сдѣлался днемъ печали. Никто не могъ ожидать, что разыграется такая ужасная драма,

Народный праздник
по случаю Священного Коронования
Императорского Высочества

1896.

какая произошла у буфетовъ, гдѣ раздавались угощенія.

Народъ двинулся на праздникъ еще наканунѣ съ вечера и шель на поле за царскимъ угощеніемъ въ теченіе всей ночи. Еще задолго до назначеннаго для раздачи часа народъ стоялъ сплошной стѣной у буфетовъ и неудержимо тѣснился впередъ. Произошла страшная, безпощадная давка; сбитые съ ногъ затирались напавшею толпою и не могли болѣе подняться; черезъ нихъ катилась стихійная волна и многіе несчастные нашли смерть подъ ногами своихъ ближнихъ.

Это ужасное событіе не могло не набросить грустной тѣни на торжество, но было немислимо уже отмѣнить празднись и прекратить увеселенія для полумилліонной массы. Когда, въ 2 часа 5 минутъ дня, на Императорскомъ павильонѣ взвился Императорскій штандартъ и Ихъ Императорскія Величества изволили выйти на балконъ верхняго этажа, народъ встрѣтилъ Царя и Царицу съ такимъ восторгомъ, который описать невозможно. Могучее „ура“ заглушало и оркестры, и хоры пѣсельниковъ, и звонъ колоколовъ. Сотни тысячъ шапокъ летѣли вверхъ; многіе бросались на колѣни; почти у всѣхъ на глазахъ были слезы умиленія. Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна видимо были глубоко тронуты и много разъ кланялись народу. Народъ понималъ, какъ тяжело на сердцѣ у Державнаго Хозяина и по-своему хотѣлъ выразить сочувствіе царскому горю.

Это трогательное проявленіе общенія Самодержца съ вѣрно-подданными, громко сказавшееся въ тяжелую минуту, еще разъ и при томъ торжественно, передъ лицомъ представителей всего міра, показало недостижимую силу Русскаго Царя и его безпредѣльное обаяніе. Государь Императоръ тотчасъ же повелѣлъ, чтобы приняты были немедленныя мѣры къ обезпеченію семействъ погибшихъ на гуляньѣ. Ихъ Императорскія Величества, окруженные Особами Императорской фамиліи, иностранными принцами и дипломатическимъ корпусомъ, оставались въ павильонѣ до половины третьяго.

Народный гимнъ и „Славься“ изъ „Жизни за Царя“ исполнены были соединенными хорами московскихъ пѣвческихъ обществъ и оркестрами военной музыки, расположенными на особой эстрадѣ передъ павильономъ, съ аккомпанементомъ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣловъ.

Въ концертѣ этомъ принимали участіе хоры: Московской консерваторіи, Русскаго хорового общества, общества Liedertafel, общества Männergesangverein, Фармацевтическаго общества, Васильева, Перловыхъ, Шокорова, Бѣлова, Лебедева, Андреева,

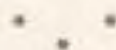

Молодцова, Знаменскаго, Озерецковскаго, Постникова, Губонинской капеллы, Галичникова и Быкова. Всего участвовало 1641 исполнитель. Для аккомпанементу пѣнію былъ организованъ громадный оркестръ, составленный изъ шести военныхъ хоровъ и оркестра Перлова. Пушечные выстрѣлы и колокольный звонъ раздавались по сигналамъ, подаваемымъ капельмейстеромъ В. И. Сафоновымъ: для пальбы—звонками, а для колокольнаго звона—флагами.

Съ Ходынскаго поля Ихъ Величества направились въ Петровскій дворецъ, гдѣ во дворѣ уже собирались всѣ находившіеся въ Москвѣ предводители дворянства со своими ассистентами, волостные старшины и станичные атаманы. Къ этому же времени у воротъ дворца выстроились не успѣвшія еще принести Ихъ Величествамъ

поздравленийъ депутаціи: отъ артистовъ московскихъ Императорскихъ театровъ; отъ Императорскихъ скаковыхъ и рысистыхъ обществъ Московскаго и Царскосельскаго, С.-Петербургскаго и Царства Польскаго; отъ обществъ хоругвеносцевъ Большаго Успенскаго собора и храма Христа Спасителя; отъ мастеровъ Колыванской шлифовальной фабрики; отъ отставныхъ кавалеровъ знака отличія военнаго ордена, проживающихъ въ Москвѣ; отъ московскихъ мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ; отъ старшинъ и выборныхъ ямщиковъ пяти ямскихъ Московскихъ слободъ; отъ крестьянъ-ткачей города Москвы и крестьянъ-ремесленниковъ разныхъ губерній; отъ московскихъ старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, и отъ проживающихъ въ Москвѣ германскихъ подданныхъ.

Съ отъѣздомъ Царя изъ павильона народъ валомъ повалилъ съ Ходынскаго поля по домамъ.

Прибывъ къ Петровскому дворцу при восторженныхъ кликахъ народа, Ихъ Императорскія Величества обошли депутаціи, принимая отъ нихъ поздравленія съ совершеніемъ Священнаго Коронованія. Депутаціи подносили при этомъ хлѣбъ-соль на серебряныхъ и другихъ блюдахъ, отличавшихся художественной работой. Государь Императоръ удостоить многихъ депутатовъ милостивымъ разговоромъ.

Послѣ приема депутацій Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна вошли во дворъ Петровскаго дворца, гдѣ съ нетерпѣніемъ Ихъ ждали представители многомилліонной деревни — дворяне и волостные старшины, которые восторженно привѣтствовали Ихъ Величества; единодушное „ура“ не смолкло долго; оркестръ военной музыки игралъ народный гимнъ. Его Императорское Величество подать знакъ,—все смолкло, тогда Государь Императоръ обратился къ волостнымъ старшинамъ съ высокомилостивыми словами:

„Императрица и Я сердечно благодаримъ васъ за выраженія вами чувства любви и преданности. Не смѣиваюсь, что ихъ разделяютъ ось ваши односельчане. Когда увидите ихъ, передайте имъ Наше спасибо. Забота о благе нашемъ такъ же близка Моему сердцу, какъ они были

близки Дядю Мосму
и незлыбистому доро-
вому Родимелю. Пом-
ните слова, сказанныя

Помните слова Имъ здѣсь волостнымъ старостинамъ, при выношеніи
Его на Царство. Между вами есть многіе, слышав-
шіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда слу-
жили вамъ твердымъ руководствомъ. Дай вамъ Богъ въ будущемъ здоровья
и успѣховъ въ трудѣ и добрыхъ дѣлахъ”.

Царскія слова съ усиленнымъ вниманіемъ ловились всеми присутствовавшими, вполне понимавшими всю важность и знаменательность происходившаго передъ ними историческаго событія.

Отвѣтомъ на рѣчь Государя Императора было общее, долго не смолкавшее „ура“, слившееся со звуками народнаго гимна. Когда, по знаку Государя, клики замолкли, изъ среды дворянства выступилъ московскій губернскій предводитель дворянства князь Трубецкой и, обратясь къ Его Величеству, выразилъ

чувства безпредѣльной преданности дворянства Престолу. Государь Императоръ, выслушавъ князя Трубецкого, обратился къ дворянству съ милостивыми словами:

„Благодарю васъ сердечно за ваши чувства и верную службу. Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ оно и было, опорой Престола, и искренно цѣню полезное и безкорыстное участіе дворянства въ мѣстныхъ дѣлахъ. Мнѣ извѣстно трудное время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ. Будьте спокойны, Я не забуду его нужды въ Моихъ заботахъ о преуспѣяніи Нашего дорогого Отечества. Душевно благодарю васъ за ваше теплое участіе въ Нашихъ торжествахъ“.

Послѣ этого, по повелѣнію Государя Императора, старшины сѣли за обѣденные столы, разставленные въ четырехъ палаткахъ

Большой Кремлевскій дворецъ.

на дворѣ Петровскаго дворца, и Государь съ Государынею и со свитою обходить своихъ деревенскихъ гостей. Перель каждаго изъ обѣдавшихъ была положена роспись блюда, украшенная красной виньеткой. Вкусно ѣлось и сладко пилося на царскомъ пиру, изготовленномъ, конечно, на славу. На столахъ были разставлены вина и подавалось русское шампанское; магометинѣ, вмѣсто вина, угощали прохладительными напитками. Во время обѣда играли два хора музыки: лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго полка и 12-го гренадерскаго астраханскаго полка. Когда было подано шампанское, одинъ изъ старшинъ поднять бокаль за здравіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Тостъ былъ принятъ восторженно и громкое „ура“ долго носилось по столамъ старшинъ, растроганныхъ царскимъ гостепримствомъ. Ихъ Императорскія Величества въ исходѣ четвертаго часа отбыли изъ Петровскаго дворца въ Большой Кремлевскій дворецъ, повсюду встрѣчаемая сочувственными кликами возвращавшагося съ гулянья народа.

* * *

Еще засвѣтло экипажи потянулись за Калужскую заставу и несмѣтныя толпы народа двинулись туда же. Вѣхали также многіе

W. & A. G. B. 1893

на лодкахъ по Москвѣ-рѣкѣ. Къ 8 часамъ вечера на Воробьевыхъ горахъ скопились массы народа. Съ наступленіемъ сумерекъ на Воробьевыхъ горахъ было сожжено фейерверкъ.

Начало фейерверка было возведено пушечными выстрѣлами и букетами ракетъ.

Оставляя блестящія линіи на темномъ небосклонѣ, взлетали ракеты ввысь и, не осиливъ безпредѣльнаго разстилавагося передъ ними небеснаго пространства, свирѣпо лопались и разсыпались огненнымъ дождемъ разноцвѣтныхъ звѣздъ и тысячами разнообразнѣйшихъ огней.

Набережная Москвы-рѣки была усѣяна народомъ, а на рѣкѣ собралась цѣлая флотилія лодокъ; да и въ самомъ городѣ москвичи могли любоваться счаровательной огненной картиной, горѣвшей на громадномъ пьедесталѣ Воробьевыхъ горъ.

* * *

Давно уже ходили слухи о томъ, что предстоящій балъ во Французскомъ посольствѣ будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ интересныхъ.

Въ половинѣ десятаго начался съѣздъ. Вестибюль превратился въ уголокъ тропическаго сада, освѣщеннаго электричествомъ, вмѣсто солнца. Комнаты посольства, художественно убранныя картинами, рѣдкими гобеленами и мебелью артистической работы, краснорѣчиво свидѣтельствовали о несравненномъ французскомъ вкусѣ и выдѣляющемся умѣньи мастерски устраивать обстановку.

Балъ удался вполне и закончился тончайшимъ ужиномъ, сервированнымъ въ длинномъ рядѣ комнатъ. За ужиномъ оба представителя Франціи, генераль Буадефрѣ и графъ Монтебелло, занимали мѣста подлѣ Императрицы, графиня Монтебелло сидѣла слѣва отъ Императрицы, а принцесса Румынская — справа.

Во второмъ часу Ихъ Императорскія Величества отбыли изъ посольства. Разѣздъ приглашенныхъ начался лишь на разсвѣтѣ. На память объ этомъ балѣ дамы увезли домой букеты цвѣтовъ, привезенные изъ Франціи, и чудесные вѣера, перевязанные лентами національныхъ цвѣтовъ.

СТАРШИНАМЪ
БВВДЪ.

*Полтавскій борщъ,
Буделька,
Холодное изъ ситовъ,
Телятина со свижей зеленью,
Жаркое: цыплята и ливъ,
Огурцы,
Сладкое изъ маины,
Дессерты.*

1896

Мая 18

Сладко-пирогъ Врѣзана

Воскресенье, 19-ое Мая.

Литургія съ литіей. — Посѣщеніе Ихъ Величествами Старой Екатерининской больницы для рабочихъ. — Обѣдь въ Александровскомъ залѣ для представителей.

По желанію Государя Императора, протопресвитеромъ Янышевымъ въ сослуженіи придворнаго духовенства отслужена была заупокойная литургія въ малой дворцовой церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что на сѣнцахъ. Ихъ Императорскія Величества со слезами молились о погибшихъ на Ходынскомъ полѣ. Послѣ заупокойной литургіи была совершена литія. Въ 2 часа дня Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи московскаго генераль-губернатора и его супруги, посѣтили Старую Екатерининскую больницу для рабочихъ, въ которой помѣщены были пострадавшіе на Ходынскомъ полѣ. Ихъ Величества подходили къ постели каждаго больного и ласково бесѣдовали съ ними, утѣшая ихъ своимъ ласковымъ вниманіемъ и словомъ. Посѣщеніе Царя и Царицы производило магическое дѣйствіе на больныхъ. Забывъ свои мученія, они тянулись, чтобы поцѣловать руки или платье своего Государя и Государыни Императрицы.

* * *

19 Мая въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца къ Высочайшему обѣденному столу приглашены были статсъ-дамы и

МОСКВА
1896 19 МАЯ

Объедъ.

Супъ какъ черепахи.

Пирожки.

Льба Солъ. Пановый соусъ.

Филъ табакина съ перошками.

Холодное какъ глубиней и пусиней почини.

Марино: индейки и молодые цыплята.

Салатъ.

Цветная капуста и стручки.

Порочий ананасъ съ фруктами.

Мороженное.

Дессертъ.

фрейлины Ихъ Величества и Ихъ Высочества, губернскіе предводители дворянства, депутаты отъ казачьихъ войскъ и отъ азіатскихъ народовъ, городскіе головы и председатели губернскихъ земскихъ управъ.

Приглашенные размѣстились за роскошно убранными столами. За первымъ ближайшимъ къ входу изъ Георгіевскаго зала столомъ помѣщались депутаты: кавказскихъ казачьихъ войскъ, привилегированнаго населенія Кавказа, Великаго Княжества Финляндскаго и депутаты отъ дворцовыхъ городовъ. За вторымъ столомъ заняли мѣста председатели губернскихъ земскихъ управъ. За третьимъ столомъ размѣстились наказные атаманы казачьихъ войскъ, депутаты Великаго Княжества Финляндскаго и Привислянскихъ губерній и городскіе головы петербургскій и московскій. Четвертый и пятый столы были предоставлены придворнымъ чинамъ; шестой—губернскимъ предводителямъ дворянства; за послѣдними тремя столами помѣщены были городскіе головы. Въ Георгіевскомъ залѣ былъ сервированъ столъ для азіатскихъ инородцевъ. Меню обѣда и программа музыки лежали передъ каждымъ приборомъ. Для азіатскихъ депутатовъ было особое меню, на ихъ столахъ, вмѣсто вина, стояли разныя сладкія воды и прохладительныя напитки.

Въ 6 час. 45 мин. Ихъ Величества Государь и Государыня Александра Ѳеодоровна изъ внутреннихъ покоевъ черезъ Андреевскій залъ вошли въ Александровскій. Его Величество было въ формѣ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка. За Ихъ Величествами шли попарно иностранныя владѣтельныя особы, Великіе Князья, Великія Княгини и принцы.

Высочайшій столъ былъ накрытъ на 96 особъ. Ихъ Величества сѣдѣли рядомъ. Подлѣ Государя заняла мѣсто Королева Эллиновъ, а подлѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны—принцъ Неаполитанскій. За Высочайшимъ столомъ сѣдѣли Великіе Князья, Великія Княгини, иностранныя Августѣйшія особы, а также Бухарскій Эмиръ и Хивинскій Ханъ. Противъ Государя сѣдѣлъ министръ Императорскаго Двора, подлѣ котораго заняли мѣста московскій и петербургскій предводители дворянства.

Придворный оркестръ, помѣщавшійся въ Георгіевскомъ залѣ, заигралъ увертюру изъ „Жизни за Царя“—Глинки и обѣдъ начался.

Складень и блюда, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Послѣ обѣда Ихъ Величества и Ихъ Высочества перешли въ Андреевскій залъ, гдѣ со многими изъ своихъ гостей, предводителями дворянства, городскими головами и депутатами, Государь и Государыня милостиво разговаривали.

* * *

Въ этотъ день отбыли изъ Москвы герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій и наследный принцъ Монахскій.

Понедѣльникъ, 20-ое Мая.

Литургія въ Высочайшемъ присутствіи въ Чудовомъ монастырѣ и принесеніе присяги Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ. — Посѣщеніе Ихъ Величествами Маріинской больницы. — Прибытіе Персидскаго Чрезвычайнаго Посольства. — Балъ у московскаго генералъ-губернатора.

Вторникъ, 21-ое Мая.

Церковный парадъ. — Посѣщеніе Государынею Императрицею Марією Осодоровною Маріинской больницы. — Парадный обѣдъ въ Австро-Венгерскомъ посольствѣ. — Балъ въ Благородномъ Собраніи отъ московскаго дворянства.

А И БЫЛО ПРИВЪЛАНЪ ПОСЪТ-
 НЫЙ ПИРЪ, ЯН БЫЛО СТОЛЪ-
 БАНЪ ПЪРСТНЪЙ СТОЛЪ.

С

УЖИНЪ
 НАВАРЪ ПЪРЪ ЖАРЕНЕПЪА
 РАВЪТНОВЪ. СЪДЫ И ДИМЪ.
 РАЗНЫЕПИ. САЛАДЪ ПО
 РОЖКИ. ШЕЙЦАРСКИ.
 СТРАДАЪ. ЦОРОЖЪНОЕ
 ВЪНЪААИ. ПАМЪКОИИЪ
 СКИ. МАЛИНЫ

Среда, 22-ое Мая.

Пояздка Ихъ Величествъ въ Троице-Сергіеву лавру.

Въ среду, 22 Мая, въ день памяти въ Божѣ почившаей Императрицы Маріи Александровны, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Феодоровна и Государыня Императрица Александра Феодоровна ѣздили въ Троице-Сергіеву лавру помолиться Богу и поклониться мощамъ достославнаго русскаго святителя. вмѣстѣ съ Ихъ Величествами лавру посетили: Королева Эллиновъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругою и Августѣйшими сыновьями, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, Великій Князь Сергій Александровичъ съ супругою, Великій Князь Павелъ Александровичъ, Великій Князь Александръ Михайловичъ съ супругою, Великая Княжна Ольга Александровна, Великая Княгиня Анастасія Михайловна, Великая Княгиня Марія Александровна, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, наследный принцъ Датскій и королевичи Константинъ, Георгій и Николай Греческіе.

Около 9 часовъ утра Ихъ Императорскія Величества прибыли на Ярославскій вокзалъ, изящно декорированный флагами и

гербами; при входѣ Ихъ Величества были встрѣчены председателемъ правленія Московско-Ярославской желѣзной дороги С. И. Мамонтовымъ, имѣвшимъ счастье привѣтствовать Ихъ Величества и поднести икону и альбомъ съ видами окрестностей Троице-Сергіевой лавры. Ровно въ 9 часовъ отошелъ Императорскій поѣздъ, въ которомъ Ихъ Величества, кромѣ Августѣйшихъ Особъ, сопровождали: министръ Императорскаго Двора, министръ путей сообщенія, командующій Императорскою Главною Квартирою и нѣкоторые другія лица ближайшей свиты. По пути слѣдованія Императорскаго поѣзда во многихъ мѣстахъ стояли толпы крестьянъ, привѣтствовавшихъ царскій поѣздъ; многіе изъ народа осѣняли поѣздъ крестнымъ знаменіемъ.

Сергіевская станція была роскошно убрана флагами и на ней ожидали Государя и Императрицу съ хлѣбомъ-солью: депутація отъ городского общественнаго управленія Сергіевского посада, староста, профессоръ Духовной Академіи Н. Ѳ. Каптеревъ, депутація отъ общества хоругвеносцевъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры, представители крестьянъ Дмитровскаго уѣзда, въ числѣ 24 старшинъ волостей: Рогачевской, Караваевской и Гульневской. На вокзалѣ находился московскій губернаторъ и дмитровскій уѣздный предводитель дворянства, въ должности егермейстера Г. И. Кристи.

Въ Сергіевъ посадъ Императорскій поѣздъ прибылъ въ 10 час. 45 мин. утра.

Государь Императоръ принялъ отъ посадскаго старосты хлѣбъ-соль и выслушалъ слѣдующую привѣтственную рѣчь:

„Ваше Императорское Величество!

Граждане Сергіевского посада, поздравляя Вашихъ Императорскихъ Велиществъ съ благополучнымъ прибытіемъ подъ кровъ обители молитвенника всей русской земли преподобнаго Сергія, горячо молятъ Господа и Его великаго угодника о счастіи, долголѣтій и славномъ царствованіи Вашихъ Императорскихъ Велиществъ на радость и благополучіе Вашихъ вѣрногоданныхъ и просятъ милостиво принять хлѣбъ-соль“.

Поблагодаривъ за подношеніе, Государь Императоръ подошелъ къ крестьянской депутаціи. Староста Морозовской волости Андрей Кутынь поднесъ Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль на серебряномъ

блюдь, а старосты Озеренской, Богословской и Мишинской волостей — складень, состоящий изъ иконъ прендобнаго Сергія, св. Николая Чудотворца и царицы Александры, въ роскошномъ окладѣ, съ эмалью.

Послѣ приѣма депутацій поданы были экипажи. Путь до Святыхъ воротъ лежалъ по живописной мѣстности, залитой лучами веселаго, весенняго солнца. По пути къ лаврѣ взоръ невольно прикованъ быть къ зубчатымъ стѣнамъ святой обители, такъ славно послужившей отечеству въ годину бѣдствія. Невольно вставали въ памяти образы иноковъ-борцовъ за Православіе и цѣлость святой Руси. Кинѣла здѣсь, въ сердцѣ Россіи, война опустошительная, жестокая. Самостоятельное существованіе всей Россіи зависѣло отъ исхода кровавыхъ сѣчь подъ лаврой и Москвой. Какъ это все ушло далеко, далеко въ преданіе! Какъ сильно и могущественно развилось съ тѣхъ поръ наше Отечество!..

Справа и слѣва отъ дороги, на всемъ протяженіи отъ станціи до лавры, густою толпою ожидать Царя народъ. Впереди стояли дѣти, затѣмъ женщины и потомъ уже мужчины. Многіе пришли изъ далекихъ окрестностей, пришли за два и за три дня до прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ и ночевали на открытомъ

подъ, чтобы не потерять занятых ими мѣстъ. Площадь передъ Святыми воротами была запружена народомъ. Митрополитъ Сергій, въ сопровожденіи настоятеля лавры архимандрита Павла, ректора Духовной Академіи и нѣсколькихъ іеромонаховъ, со крестомъ, святою водою, хоругвями, встрѣтилъ Ихъ Величества во дворѣ передъ соборомъ. Отъ Святыхъ вратъ Ихъ Императорскія Величества и Высочества, предшествуемая хоругвями и иконами монастыря, при пѣніи церковныхъ гимновъ

В. Смирновъ. Губернскій —

и тропаря преподобному Сергію, при звонѣ колоколовъ, направились къ Троицкому собору, гдѣ, по вступленіи Ихъ Величества въ храмъ, въ 11 час. 10 мин., началась божественная литургія.

Послѣ литургіи митрополитъ Сергій, соборнѣ со всѣмъ собравшимся духовенствомъ, совершилъ литію по въ Бозѣ починающей Императрицѣ Маріи Александровнѣ, а затѣмъ молебенъ преподобному Сергію у раки его мощей. Ихъ Величества и Ихъ Высочества прикладывались къ мощамъ преподобнаго Сергія и на раку возложили роскошный золотой пѣкровъ изъ кованой парчи. Послѣ молебна митрополитъ Сергій поднесъ Государынямъ Императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Королевѣ Эллиновѣ, великой герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской и Великимъ Княгинямъ иконы Явленія Богоматери преподобному Сергію, а Государю Императору, греческимъ королевичамъ и Великимъ Князьямъ — иконы преподобнаго Сергія Радозежскаго Чудотворца. Изъ собора Ихъ Величества изволили прослѣдовать въ митрополичьи покои, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, къ которому, кромѣ Высочайшихъ Особъ, приглашены были лица ближайшей свиты и оберъ-прокуроръ св. Синода. Послѣ трапезы Ихъ Величества осматривали знаменитую монастырскую ризницу. Передъ отъѣздомъ Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна пожелала пріобрѣсти 500 серебряныхъ образковъ для раздачи больнымъ, пострадавшимъ на Ходынскомъ полѣ.

Въ исходѣ третьяго часа дня Ихъ Величества оставили лавру и поѣхали въ находящейся въ двухъ верстахъ отъ лавры Геосиманскій скитъ. Весь путь до самаго скита былъ оживленъ толпами народа, привѣтствовавшаго Царскую семью. При входѣ въ скитъ Ихъ Величества были встрѣчены высокопреосвященнымъ митрополитомъ Сергіемъ, прибывшимъ нѣсколько ранѣе, и игуменомъ Данѣиломъ, соборнѣ, со крестомъ и святою водою, при радостномъ звонѣ колоколовъ. Приложившись ко кресту, Ихъ Величества и Ихъ Высочества направились къ средоточію скита — Успенской церкви; затѣмъ посѣтили келліи приснопамятнаго митрополита Филарета, откуда гѣшкомъ по дорогѣ, усыпанной цвѣтами, направились въ Черниговскую обитель къ иконѣ Богоматери, именуемой Черниговскою-Ильинскою. Въ пещерномъ храмѣ обители Ихъ Величества слушали молебствіе. При

посѣщеніи скита Ихъ Величествамъ были поднесены свѣтлыя иконы и издѣлія изъ дерева, которыми такъ славится скитъ.

Въ Москву Ихъ Величества прибыли обратно въ 6 часовъ 30 мин. вечера.

Въ этотъ день отбыла изъ Москвы за границу Королева Эдвина съ Августѣйшими сыновьями и Великій Князь Сергій Михайловичъ въ С.-Петербургъ.

Четвергъ, 23-е Мая.

Посѣщеніе Ихъ Величествами Городской Думы. — Обѣдъ у Англійскаго посла. — Балъ въ Александровскомъ залѣ.

Пятница, 24-ое Мая.

Музыкальное собраніе у Германскаго посла.

Суббота, 25-ое Мая.

День рожденія Государыни Императрицы Александры Освободительницы. — Серенада. — Пріемъ депутацій шефскихъ Ея Величества частей. — Литургія въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы. — Пріемъ Ею Величествомъ депутацій Болгарскаго народнаго собранія. — Обѣдъ въ Георгіевскомъ залѣ.

Воскресенье, 26-ое Мая.

Парадъ на Ходынскомъ полѣ. — Высочайшій завтракъ для начальниковъ воинскихъ частей. — Прощальная аудіенція чрезвычайнымъ посламъ и посланникамъ. — Обѣдъ въ Александровскомъ залѣ московскимъ властямъ и участникамъ въ коронаціонныхъ приготовленіяхъ. — Отбытіе Ихъ Величества изъ Москвы.

Дрещи ду 23 Маі 1896

Зрѣнѣ.

Бульонъ Лукулловекій,
 Лирозеки разнѣ,
 Холодное изъ рѣбчикова
 по-Луворовеки,
 Жваркое: крупнѣ цѣплята
 на берталь,
 Валатѣ,
 Цѣлѣная спарфеа,
 Морозеное,
 Деввертъ.

С. С. С.

Diner

25 Mai 1890.

Rotige Fortue clair.
Céme de Concombre.
Rouchées aux Escottes-Canelons.
Steak du Don au vin de Champagne.
Selle de Bré Salé aux légumes piments.
Jeunes Poulets truffés à la Périgord.
Soufflé froid de foie gras.
Lunch.
Faisans de Bohême à la broche.
Salade.
Petits Pois à l'Angloise.
Ananas à l'Orientale.
Timbale Cardinal aux fraises.
Dessert.

Amorim

1896

20-FO MUSE.

1896

- 1. *Argentina*
- 2. *Cuba*
- 3. *Brasil*
- 4. *Chile*
- 5. *Colombia*
- 6. *Costa Rica*
- 7. *Guatemala*
- 8. *Honduras*
- 9. *El Salvador*
- 10. *Nicaragua*
- 11. *Puerto Rico*
- 12. *Venezuela*
- 13. *Paraguay*
- 14. *Uruguay*
- 15. *Peru*
- 16. *Ecuador*
- 17. *Bolivia*
- 18. *Panamá*
- 19. *República Dominicana*
- 20. *Haití*
- 21. *Cuba*
- 22. *Brasil*
- 23. *Chile*
- 24. *Colombia*
- 25. *Costa Rica*
- 26. *Guatemala*
- 27. *Honduras*
- 28. *El Salvador*
- 29. *Nicaragua*
- 30. *Puerto Rico*
- 31. *Venezuela*
- 32. *Paraguay*
- 33. *Uruguay*
- 34. *Peru*
- 35. *Ecuador*
- 36. *Bolivia*
- 37. *Panamá*
- 38. *República Dominicana*
- 39. *Haití*
- 40. *Cuba*
- 41. *Brasil*
- 42. *Chile*
- 43. *Colombia*
- 44. *Costa Rica*
- 45. *Guatemala*
- 46. *Honduras*
- 47. *El Salvador*
- 48. *Nicaragua*
- 49. *Puerto Rico*
- 50. *Venezuela*
- 51. *Paraguay*
- 52. *Uruguay*
- 53. *Peru*
- 54. *Ecuador*
- 55. *Bolivia*
- 56. *Panamá*
- 57. *República Dominicana*
- 58. *Haití*
- 59. *Cuba*
- 60. *Brasil*
- 61. *Chile*
- 62. *Colombia*
- 63. *Costa Rica*
- 64. *Guatemala*
- 65. *Honduras*
- 66. *El Salvador*
- 67. *Nicaragua*
- 68. *Puerto Rico*
- 69. *Venezuela*
- 70. *Paraguay*
- 71. *Uruguay*
- 72. *Peru*
- 73. *Ecuador*
- 74. *Bolivia*
- 75. *Panamá*
- 76. *República Dominicana*
- 77. *Haití*
- 78. *Cuba*
- 79. *Brasil*
- 80. *Chile*
- 81. *Colombia*
- 82. *Costa Rica*
- 83. *Guatemala*
- 84. *Honduras*
- 85. *El Salvador*
- 86. *Nicaragua*
- 87. *Puerto Rico*
- 88. *Venezuela*
- 89. *Paraguay*
- 90. *Uruguay*
- 91. *Peru*
- 92. *Ecuador*
- 93. *Bolivia*
- 94. *Panamá*
- 95. *República Dominicana*
- 96. *Haití*
- 97. *Cuba*
- 98. *Brasil*
- 99. *Chile*
- 100. *Colombia*

Группа подарков Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Вернулся Государь на Сѣверъ и вновь съ удвоенною мощью принялся за работу устройства дорогого Отечества.

Закончились коронаціонныя торжества, но память о нихъ будетъ долго жить и въ русскомъ народѣ, и среди иностранцевъ, посѣтившихъ Москву въ эти незабвенные дни.

Помимо великолѣпія, изыщества и гостепрѣимства, нельзя было не вынести убѣжденія о неразрывной связи, соединяющей Русскаго Самодержца съ Его народомъ; невозможно было не проникнуться удивленіемъ и почтеніемъ передъ этою несокрушимой силой, залогомъ благополучія стотридцатимилліоннаго населенія.

И не одна Москва, вся Русь праздновала эти дни, повсюду Священное Коронованіе Самодержца отмѣчено было добрымъ дѣломъ, благотворительностью и учрежденіемъ различныхъ общепользныхъ заведеній. Разѣхавшіеся по всей обширной Имперіи представители и депутаты живымъ словомъ дополнили своимъ землякамъ тѣ вѣсти, котсрыя еще ранѣе раздѣлись по Отечеству въ видѣ милліоновъ газетныхъ и журнальныхъ листовъ. Народилась цѣлая литература описаній Священнаго Коронованія, и обликъ Богомъ вѣнчанаго Самодержца сталъ дорогимъ сердцу украшеніемъ каждаго русскаго дома.

Заканчивая очеркъ, нельзя обойти молчаніемъ коронаціонныхъ расходовъ. Командированіе въ Москву массы служащихъ, дорожные расходы, подъемныя и суточные; ремонты и приспособленія дворцовъ, театровъ и наемныхъ зданій; устройство и обновленіе комнатной обстановки; установка электрическаго освѣщенія, иллюминація, ремонтъ лошадей, упряжи и экипажей; наемъ цѣлыхъ батальоновъ прислуги; завтраки, обѣды и ужины на многія сотни приглашенныхъ; подарки, народный праздникъ и многое другое стоило большихъ денегъ. Но, вспомнивъ дѣйствительно поразительную, сказочную пышность и широкое русское гостепрѣимство Большого Двора, котсрое такъ пріятно удивляло иностранцевъ, нельзя не прійти къ заключенію, что 6.971 т. рублей *) израсходованныхъ Министерствомъ Двора, представляютъ сумму вполнѣ умеренную, сравнительно небольшую и далеко разнящуюся отъ установившагося въ обществѣ

*) 5.976 т. руб. изъ суммъ Государственнаго Казначейства, а остальные 995 т. руб. изъ суммъ Кабинета Его Величества.

представленія о десяткахъ милліоновъ, будто бы потребовавшихся на коронаціонныя торжества.

Во время московскихъ Высочайшихъ пріемовъ далеко не все депутаты отъ разнообразныхъ городскихъ, сельскихъ и другихъ учреждений, заявившихъ желаніе поклониться Царю хлѣбомъ-солью, могли явиться въ Первопрестольную. Для нихъ назначенъ былъ общій пріемъ въ Петербургѣ 20 Декабря 1896 года. Въ этотъ день Его Императорскому Величеству представились въ Зимнемъ дворцѣ 164 депутати. (Перечень ихъ помѣщенъ во II т. „Кор. Сб.“).

20 Декабря, при принесеніи всеподданнѣйшихъ поздравленій со свершившимся Священнымъ Коронованіемъ, были поднесены Ихъ Величествамъ: 41 икона, 90 блюдъ (изъ нихъ одно золотое, 79 серебряныхъ и 10 фарфоровыхъ и деревянныхъ) и 9 разныхъ предметовъ, между прочимъ, два серебряныя скульптурныя произведенія.

Н. К.

Cloth In Which the Tsar's Gifts To His People Were Wrapped

Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ
(Въ одеждѣ Царя Алексѣя Михайловича)

Sa Majesté l'Empereur
(Costume du Tsar Alexis Mikhaïlovitch)

Ея Императорское Величество Государыня Императрица
Александра Феодоровна
(Въ одежа Царицы Маріи Ильиной)

Sa Majesté l'Impératrice Alexandra Féodorovna
(Costume de la Tsarine Marie Ijlinichna)

Торжества дня Священного Коронования.

Коронационный герольд с орденом командармейцев во время чтения объявления о дне Священного Коронования.
 Les bérauts, accompagnés d'un détachement de la garde du corps, proclamant le jour du Saint Couronnement.

Коронационный герольд Д. Ст. Сов. С. П. Фролов во время чтения коронационного объявления.
 Le béraut pendant la proclamation du Saint Couronnement M-r S. P. Frolow conseiller de l'état actuel.

Объявление. Proclamation.

«Всеправительный, Державный, Великий Государь, Император Николай Александрович, соизволи на Протоиерейский вселенский соборный Престол Российской Империи и наследовать съ него Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, во образъ Богоотца нашего Государя, Предков Своихъ, являть соизволять: Святому Мисею Короновать Его Императорскому Величеству и зътъ святата мѣра, покаянно быти, при зомоше Величаво, сего мая въ 14 дню. Къ святому свету Младенца Его Императорскому Величеству являть приобщать и Страну Святую Великую Государыню Императрицу Александру Освободительницу. О семъ торжественъ вселенъ върноподданыхъ своихъ до возмѣщается, дабы въ величавый свой ари утѣрился асольби свои къ Царю Царствующему, на величавою Собою благодарно просящихъ Царство Его Величества и да приидеть къ немъ являть во славу Своею святыню и въ величавою благодарности государствъ».

Коронационный герольдъ при совершении Священного Коронования.

Le béraut pendant la cérémonie du Saint Couronnement.

Коронационные торжества в Москве.

Государственная печать.

Корона ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Дружина.

Государственный шапка.

Шапка Мономаха.

Корона ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРОВНЫ БОЛЕШЕВОЙ.

Сенаторы.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ.

Три новые трона въ Андреевскомъ Тронномъ Залѣ.

Следящи и Южия, поднесенные Царь Императорския Величества въ Москвѣ, въ день Священнаго Коронованія.

Съ серебряна Царя

Съ Златна Царя

Съ сребро Царя

Съ Златна и Сребро Царя

Съ Златна и Сребро Царя

Съ Златна Царя

Работи Грудьорнаго Царя Царя А. Свѣтлицкаго.

Складки и Иконы, поднесенные Царю Императорскимъ Величества въ Москвѣ, въ день Священнаго Коронованія.

Отъ Свѣтлицы Архангеловъ ильи Димити.

Отъ Боярства Иеремья Брунцова.

Отъ Трубецкаго Воеводы.

Отъ Волковскаго Туркменова Овчарова.

Отъ Тарханова Замосцова.

Отъ Каширскаго Князя Ивана Шестова.

Работы фарфяанта Хларевскаго.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работи фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

1874. Фармаквта Хасеинова.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работы фабриканта Хльеникова.

Отъ Импер. Высш. Заочнаго Гим. Руб. Золотоваго.

Отъ Импер. Высш. Заочнаго Гим. Руб. Золотоваго.

Отъ Губ. Правительств. Руб. Золотоваго.

Отъ Губ. Правител. Руб. Золотоваго.

Отъ Самарскаго Заочнаго Гим. Руб. Золотоваго.

Отъ Самарскаго Губ. Руб. Золотоваго.

Отъ Импер. Высш. Заочнаго Гим. Руб. Золотоваго.

Отъ Импер. Высш. Заочнаго Гим. Руб. Золотоваго.

Отъ Импер. Высш. Заочнаго Гим. Руб. Золотоваго.

Отъ Губ. Правител. Руб. Золотоваго.

Отъ Самарскаго Губ. Руб. Золотоваго.

Отъ Самарскаго Губ. Руб. Золотоваго.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работы придворного поставщика Л. А. Овчинникова.

Отъ ефремажской Кубанцы.

Отъ Злата Камадой губ.

Отъ Дорна Польшаной губ.

Отъ Харьковской Губернскаго Злата.

Отъ Орловскаго Дорнаста.

Отъ Сибирскаго Области. Областой губ.

Отъ ефрема Дорнаста.

Отъ Курч-Ефремайскаго Губернскаго Злата.

Отъ Польшаной Дорнаста.

Отъ жезной Курчской области.

Отъ ефрема Польшаной губ.

Отъ Польшаной Дорнаста.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работы фабрики Фаверже.

Отъ Императорского Губерна. Омска.

Отъ дарованной Дирекции.

Отъ г-ра. Пашкина.

Отъ г-ра. Агеева.

Отъ Алтайского Краевого Общества.

Отъ Имели Промышл. Губерн.

Отъ Имели Курган. Губерн.

Отъ Воронежского Дирекции.

Отъ Екатеринбургского Губерн. Омска.

Отъ Саратовского Губернского Омска.

Отъ Курганского Дирекции.

Отъ Харьковского Дирекции.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работы Придворного Лоставщика Л. Я. Овчинникова.

Отъ великой княгини, Курляндской области.

Отъ г. Камен.

Отъ Костромской Губы. Дворянъ.

Отъ Дворянъ г. Москвы.

Отъ Рязанскихъ Дворянъ.

Отъ г. Тифли.

Отъ Дворянъ Пензенской Губы.

Отъ Дворянъ Саратовскихъ.

Отъ Кавказскихъ Дворянскихъ Губы.

Отъ Дворянъ Губы Воронежской.

Отъ Дворянъ Пензенской Губы.

Отъ Дворянъ Пензенской Губы.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работы фаяржанта Фаверже.

Отъ Кронштадтскаго коннаго Барочнаго улана.

Отъ Дворянъ Московской губернии.

Отъ Московскихъ землевладѣльцевъ: Дворянъ, Князей, Бароновъ, Рязанца и Губернскаго вѣдѣнаго.

Отъ Владимѣрскаго Губернскаго Общества.

Отъ Астраханскаго дворянства.

Отъ Пермскаго дворянства.

Отъ Пензенскаго Губернскаго Дворянства.

Отъ г-на Спирова.

Отъ Владимѣрскаго Дворянства.

Отъ Пензенскаго Губернскаго Общества.

Отъ г-на Талова.

Отъ Оренбургскаго Кавалерскаго общества.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работы Придворного Поставщика П. А. Овчинникова.

Отъ Директора Тифлисскаго губ.

Отъ Кавказскаго губернскаго Общества.

Отъ г-ра. Сафры.

Отъ Замета Вяземскаго губ.

Отъ Директора Тульскаго губ.

Отъ Тарасовскаго Ломтея.

Отъ Черноморскаго Директора.

Отъ г-ра. Прустова.

Отъ военнаго и крестоваго Черноморскаго губ.

Отъ Рязанскаго Губернскаго Общества.

Отъ Директора Вяземскаго губ.

Отъ г-ра. Баса.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Работы фабриканта Хльеникова.

Отъ Императорши Свѣтлы.

Отъ Имп. Гр. Гр. Гр.

Отъ Императорши Свѣтлы.

Отъ Императорши Свѣтлы. Турки. 1862.

Отъ Императорши Свѣтлы. Турки. 1862.

Отъ Императорши Свѣтлы.

Отъ Императорши Свѣтлы. Императорши Свѣтлы.

Отъ Императорши Свѣтлы. Императорши Свѣтлы.

Отъ Императорши Свѣтлы.

Отъ Императорши Свѣтлы. Турки. 1862.

Отъ Императорши Свѣтлы.

Отъ Императорши Свѣтлы.

Group of gifts to Their Imperial Majesties

Работы фабриканта Хлѣнникова.

Ихъ имп. Екатеринамъ.

Ихъ Императору Царю Царевнѣ импер.

Ихъ имп. Александру.

Ихъ имп. Екатерине.

Ихъ Императору Царю Царевнѣ импер.

Ихъ имп. Екатерине.

Ихъ имп. Александру.

Ихъ Императору Царевнѣ имп.

Ихъ имп. Ташкину.

Ихъ Императору Царевнѣ.

Ихъ Императору Царевнѣ.

Ихъ имп. Царю.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Блюда и солонки, поднесенные Имъ Императорскимъ Величества въ Москву, въ день Священнаго Коронованія.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Имъ Императорскимъ Величествамъ.

Работы фарфорового фаянса.
Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Бюджетъ поднесенный Имъ Императорскимъ Величествомъ въ день Священнаго коронованія.

Изъ серебра.

Изъ серебра. Изготовленъ въ 1874 г. въ Петербургѣ.

Изъ Сибирянскаго Золота. Изготовленъ въ 1874 г. въ Петербургѣ.

Изъ Сибирянскаго Золота. Изготовленъ въ 1874 г.

Изъ серебра.

Изъ Сибирянскаго Золота.

Изъ Сибирянскаго Золота.

Подарки Императорскому Величеству, Императрице, Императорскому Трону и Державѣ.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

Блюда и икона, поднесенные Царю Императорскому Величеству въ день Священнаго коронованія.

Отъ Дворянъ Сербскаго губ. градъ. Формъ. № 1. В. В. Хайковскаго.

Отъ Митрополита Сербскаго Улановскаго. градъ. Формъ. № 2. В. В. Хайковскаго.

Отъ г-на Милана. градъ. № 3. А. Остроумоваго.

Отъ Венгровъ, великой царицыной оубаго.

Отъ С.-Петербургской Епархи.

Отъ Митрополита Сербскаго и митрополита С.-Владимирскаго Билскаго. градъ.

Отъ Императорскаго Дворцаго.

Работы Лейденскаго Фармацута, П. Я. Овчинникова.

Group of gifts to Their Imperial Majesties.

The Tsar-Martyr Nikolai Alexandrovich Concerned Father of His People

Tsar Nikolai had been pious and God-loving even as a child. He was particularly fond of icons of the Blessed Virgin and he had a special devotion to Saint George, whose name his brother bore.

Above all the creatures of the earth, Nikolai Alexandrovich loved birds. When he heard them singing, he would become so absorbed that his playmates often commented on it. Once, when a young sparrow fell from its nest, little Nika, as his friends called him, said: "It is necessary to pray for the little sparrow; may Dearest God not take it—He has enough sparrows."

At twenty-six, Nikolai Alexandrovich began his reign as a lofty idealist. His first great concern was to bring an end to the threatening arms race and he personally presented a disarmament plan to the other great Powers. Another personal project dear to his heart was the founding of a Court for the settling of international disputes by peaceful means. The result of his efforts was the convening of the Hague Conference on 18 May, 1899. The subsequent "League of Nations" and the present "United Nations" were direct successors to the "Hague International Court" which was founded primarily through the efforts of the Tsar.

In 1921, the American President, Warren Harding, officially acknowledged the Tsar's noble efforts toward the limitation of armaments by way of binding agreements among the Powers.

It was a great tragedy that the other Powers, meeting at the conference convened by him, rejected the Tsar's main proposals—to end armaments and reduce military budgets to a bare minimum.

The Emperor took great interest in the strivings of the people for a better life. He changed the passport system introduced by Peter I and thus facilitated the free movement of the people, including travel abroad. The polltax was abolished and a voluntary program of hospitalization insurance was introduced, under which, for a payment of one rouble a year, a person was entitled to free hospitalization. The parity of the rouble was increased greatly in the international market.

In 1897, a law was enacted to limit work hours; night work was forbidden for women and minors under seventeen years of age, and this at a time when the majority of the countries in the West had almost no labour legislation at all.

In 1913, William Taft commented, "The Russian Emperor has enacted labour legislation which not a single democratic state could boast of." In fact, Russia was primarily an agricultural nation until the beginning of the twentieth century and the "workers' question" did not arise there until nearly a hundred years after it had arisen in the West; and the question remained unsolved for these hundred years in the West. It remained for Imperial Russia to enact the first serious labour laws, known as the "Factory Legislation."

The Sovereign spent huge sums of his personal wealth on charity. Even as a child, he often wore patched clothing while spending his personal allowance to help poor students pay their tuitions.

In 1908, the Tsar was presented with a huge plan for industrialization which demanded far more money than was available. The Tsar replied, "Peter I had little money and so he used forced labour and this cost him the lives of a million of his subjects. . . the realization of this project would cost from 10 to 15 millions of premature deaths of my subjects. . . I cannot in conscience sacrifice millions of my subjects, and therefore, we must endure (without industrialization)." When he was advised that the success of future wars depended upon industrialization, the Sovereign replied, "We will hope in God. If the war will be short, we will win, but if it will be long, then such is our fate." All these projects are being realized by the bolsheviks by those very means which the Tsar rejected—the deaths of tens of millions of people.

The head of the police promised the Sovereign that there would be no revolution in Russia for a hundred years if the Tsar would permit 50,000 executions. The Tsar quickly refused this terrible proposal. After the revolution did come, however, the bolsheviks thought nothing of butchering over twenty million people for acts of "civil disobedience."

The Sovereign was always ready to remedy the revolutionist illness with mercy and forgiveness. One student was sentenced to death, but on the eve of the execution, his fiancée petitioned the Tsar for a commutation. The Tsar was reached by having his personal attendant call him from his bedroom. The Sovereign received the petition and sent off a telegram commuting the sentence. He praised the attendant for his daring and even had the student sent to the Crimea for treatment of his tuberculosis.

The Tsar was always careful not to be vindictive, saying that: "Irritation helps nothing and besides, a sharp word from me would sound more offensive than from anyone else."

His sense of integrity was so strong that when the time came to make a record of the disastrous and highly unpopular Russo-Japanese War, he instructed that, "The work must be based exclusively on the bare facts. . . . We have nothing to silence, since more blood has been shed than necessary. . . . Heroism is worthy to be noted on an equal footing with failures. It is, without exception, necessary to aim at recording the historic truth inviolably." He was opposed to all attempts to idealize what was unworthy and he always spoke and demanded only the truth.

In 1915, during World War I, tens of thousands of Serbs were unable to survive their march to Valona and there, they began to die. Their allies looked upon them with indifference from their ships. The Tsar informed the allies by telegram that they must immediately evacuate the Serbs from the Albanian shore, otherwise he would consider the fall of the Serbs as an act of the greatest human immorality and that he would withdraw from the Alliance and from the war. This telegram brought prompt action and dozens of Italian, French, and English ships set about evacuating the dying army to Corfu. Western propagandists could not forgive the Tsar for his intercession and rumours that the Russian Tsar wanted a separate peace began to seep out of London and Paris.

When the war began in 1914, the Russian Emperor ordered that all the money deposited in Britain be returned to Russia. The British did not want to comply. The Tsar then called a conference of merchants of the highest rank and bankers. He placed 92,000,000 roubles on a table and said, "I will never compel you, but I ask you to give money for the military victory of which the Russian people will be proud."

The merchants and bankers refused to give any money. Nevertheless, the Tsar built a hospital and gave a major portion of his own income for various military needs. But the greedy did not make use of their wealth very long, for the bolsheviks came and took away not only their capital and their property, but their very lives.

The Sovereign was imbued with a deep awareness of the sacredness of his service. From the very beginning of his reign, he placed great significance on the well-being of the peasants. In the person of P.A. Stolypin, he found a determined minister who was able to institute the reforms of Nikolai Alexandrovich, as they should properly be called.

The Tsar was concerned for the welfare of everyone and especially for the soldiers. He did much to alleviate the conditions of the life of the soldiers and their families.

Once, during manoeuvres, the Sovereign and his suite were brought breakfast, but when he discovered that nothing had been prepared for the soldiers who were holding his horses, he would not eat until all the soldiers received their portions.

The Sovereign's visits to the infirmaries were very touching episodes in which his involvement was revealed not only in words and deeds of mercy, but also in tears which he could scarcely conceal. In the vestibule of one infirmary which he was leaving, as he was putting on his cloak, large tears fell from his eyes because a soldier who was left without arms and legs had just asked him: "You can do anything, Sire; order that I be killed."

The soldiers loved their Emperor, as is evident from a narration by the aide-de-camp V. V. Svechin:

"Taking my turn with my comrade in the suite, Colonel-Count D.S. Sheremetiev, I was on duty with the Sovereign on some days and accompanied his Imperial Majesty on trips to hospitals and infirmaries which were, by this time, already completely equipped and in which many of the wounded were being treated. . . .

"Thus accompanying his Majesty on his trips to the infirmaries, I often had the chance to observe what a deep impression was made upon him by the heavily wounded, the amputees, the blind, and the

mutilated who had only recently been completely healthy people. . . .

"This impression used to be so strong that, in spite of the noted self-restraint and self-possession characteristic of the Sovereign, he often could not conceal his emotions.

"It was necessary to see his eyes when, walking from cot to cot, he leaned over the unfortunate sufferers and anxiously asked about their wounds and battles, where they were wounded, what unit they were from, what province, did they have families, etc.

"I had known his eyes and had admired them for so many years that it would seem I had completely learned them. I was, however, amazed at their new sorrowful beauty every time he was in an infirmary.

"I cannot express with words how much co-suffering and love to his near-ones was in them.

"Always beautiful, but not easily fathomed, they were, during this cruel time, a true reflection of his pious Christian soul and in them it was not difficult to observe what inner chords were touched by the terrible war which had been thrust upon him and to understand with what sincere and great grief these invisible chords sounded.

"On the day of his departure to Petrograd, the Sovereign Emperor commanded me to remain for a few more days in Moscow in order to make the rounds of unvisited infirmaries, but first to visit the one which his Majesty had visited just before his departure.

"'I have to hurry now,' said the Sovereign, 'and I do not want to have offended anyone, while making the rounds of the heavily wounded, in decorating by accident those less worthy. . . . Go and investigate and if you discover such an error, then correct my sin and show much kindness in my name to those omitted.'

"These simple words of the Russian Emperor were sealed in my heart; how decisively they scatter the slander against him, which the enemies and evil-wishers have spread, about his supposed indifference for the fate and suffering of his subjects!

"Upon examination, I found only a few of the heavily wounded who had not received the Georgievsky medals from the hands of his Majesty.

"Walking up to one who was seriously wounded, I saw one of those good, open, common-people's faces which are so often seen among the Little-Russian people.

"He was as pale as the cotton of his shirt and extremely thin; his hollow eyes seemed to be dim and his lips were completely white. The unfortunate one was injured in the spinal column and suffered unbelievably."

Svechin then asked the soldier why he had not spoken up when it was announced that medals were to be given to the seriously wounded whom the Tsar had accidentally omitted.

The wounded one replied, ". . . I felt that the superiors themselves know whom it is necessary to decorate. Had I earned it, they would have given me a medal, but since they didn't, then I didn't earn one. Besides, I thought that they were decorating those who had an arm or a leg cut off. Mine, glory to God, are all whole. . . ."

"Profoundly moved by such unbelievable humility," Svechin continues, "I pinned a Georgievsky medal to his shirt in the name of the Sovereign Emperor.

"Then his gaze became alive and with unexpected strength came these moving words which fused themselves into my heart:

"'I most humbly thank you, Your Grace,' he began, but then, evidently because of emotion and his severe pains, he forgot the standard regulations of address and continued, simply and sincerely. 'We are most grateful to our Sovereign, the Emperor for his kindness. . . . We are fine here—they look after us on an equal basis with nobles. The Sovereign has already decorated us just by visiting us sinful ones. . . . Your Grace,' he continued, becoming more and more emotional, 'the Sovereign has such eyes as I have never in my life seen. I will not forget them until my death. People said that he had no concern for us. . . . Now I know that this is evil—worse than the Germans—they are all lying. . . . Now they cannot tell me that. When, God willing, I become well, I will kill anyone who says anything like that.'

"'I saw his eyes and now I know the truth. There were tears in them, as Christ is here (I swear that) I saw them myself. People will not believe it when I say it—the Tsar, the Russian Emperor was

weeping. . . . He was looking at us cripples and he wept. . . . This shows that he has pity. They were obviously speaking the truth in the regiment when they used to say that we are like children to him. He is like a father weeping for his children. . . .!

"Your Grace, even while dying I won't forget his eyes. . . . When he looked at me while passing, it was just as if the sun had shone into my soul and it became hot and the pain seemed to have eased. Believe me, Your Grace, even now I keep seeing his eyes! I am not the only one who says this—ask anyone of the others—they will all say the same thing."

"At that moment, several other voices were raised in confirmation of this. All those who had strength to do so rose on their cots and crossed themselves; many had tears in their eyes."

The people of some nations take great interest in sports and in developing physical strength; others take great pride in music and singing. The Russian people, on the other hand, were especially interested in the glorious deeds of God which were revealed on earth through His Saints, and when they heard of the appearance of a new Saint, they headed for the place where he was found with all their souls. Pilgrimages to holy places were the best-loved undertakings of the Russian people.

The Tsar himself was a great example of Christian piety, and during his reign the number of churches increased by more than 10,000 and the number of monasteries increased by more than 250. There were more canonizations in his reign than even in ancient times. Those canonized were:

St. Theodosius of Uglich, Archbishop of Chernigov, 9 September, 1896.

St. Seraphim of Sarov, 19 July, 1903.

St. Princess Anna Kashinskaya, 12 June, 1909.

St. Princess Evfrosiniya Polotskaya, 23 May, 1910.

St. Iosaf, Bishop of Belgorod, 4 September, 1911.

St. Germogen, Patriarch of Moscow, 17 February, 1913.

St. Pitirim, Bishop of Tambov, 28 July, 1914.

St. Ioann, Metropolitan of Tobolsk, 10 June 1916.

The Sovereign made many pilgrimages and was a staunch supporter of the schools operated by the Church. In 1912, there were 1,988,367 children in these schools, in spite of a campaign by the Duma to close them.

One of the most significant events in the life of the Imperial Couple was their direct participation in the canonization of St. Seraphim of Sarov. The Empress Alexandra Feodorovna wanted a son badly and so, with a feeling of profound faith, she went to Sarov to pray for a son at the relics of St. Seraphim. After the birth of the Tsarevich, the chapel of the lower church in Tsarskoe Selo was dedicated to St. Seraphim.

Their Majesties arrived at Sarov on 17 July, 1903. The Tsar appeared in remarkable humility, helping to prepare the relics of the Saint and even lifting up the Saint's coffin with his own hands. He took Holy Communion from the same chalice as the peasants and surprised everyone by unashamedly displaying his piety and faith in an age when such things were looked down upon by the rich and the intelligentsia of the world. The Empress showed no less a true piety and faith.

In addition to his church-building and acts of charity, the Tsar, following the example of the saintly Fr. John of Kronstadt, established special industries for the poor of the cities in order to help them earn their own livelihood.

Nevertheless, when the revolution came, Russia forgot about the war, about the native land, and about God. High society, and afterwards many of the people, began to celebrate their "liberation," the dawn of a new life; but they had not even the vaguest notion of what it was. The Tsar did not forget Russia and he lived only for it. Yet, everyone forgot about him; they renounced him and they betrayed him.

When the deputies of the Duma and the army leaders were pressuring the Tsar to abdicate, they kept reassuring him that only such an act on his part would save Russia from bloodshed. He repeatedly asked, "Are you confident that my abdication will save Russia from bloodshed?" Again they reassured him that it would.

The Sovereign found himself before a wall separating him from the country. "All around, there is betrayal, cowardice and deceit!" he wrote in his diary. "What is there left for me to do when every-

one has betrayed me?" he said on the day of his abdication, while holding a bundle of telegrams from the Corps of Generals and even from his own uncle, the Grand Duke.

The Tsar's crown was not removed by professional revolutionists; it was removed by the deputies of the Duma and the generals who were inspired by the intelligentsia's notion about the redundancy of a Tsar. They themselves cut off the branch on which they were seated.

"There is no sacrifice which I would not make for the good and salvation of Russia. Therefore, I am prepared to abdicate from the throne," he stated in a telegram to the chairman of the Duma.

After a night of fervent prayer before an icon in his railway coach, the Sovereign abdicated his throne.

For several days after the abdication, the Imperial Couple had no news of each other and this led the Empress to the brink of despair. The grave-diggers of the naveland knew very well that the Empress stood in the way of the fulfillment of their plans. She was a courageous and unwavering guardian of the throne and so they resolved not to allow any kind of communication between the Emperor and the Empress.

The Tsaritsa was a Russian heroine and a great martyr and she stood solidly behind the Tsar in his actions, always supporting and comforting him.

Now began a period of deprivation, humiliation and insult which should not be inflicted not only upon a tsar, but upon any human being.

When the members of the Imperial Family were finally reunited, they wept together, but their mutual, immense and inseparable love gave them sufficient strength to suffer all the great ordeals to which they were put.

The Sovereign arrived at Tsarskoe Selo on 9 March, and on 31 July, the family said farewell forever to their home.

On 6 August, the Imperial Family arrived at Tobolsk on the ship "Rus".

Their life in Tobolsk is revealed in the letters of the Imperial Family to their relatives. The letters reflect courageous character. The letters from the children were always exuberant.

The Sovereign wrote to his sister in the Crimea:

"We constantly think of you all and are living with you in one feeling and in one suffering." In another letter he wrote, "It is extraordinarily difficult to live here without news—telegrams are received, not every day, and are sold on the street. From them one learns only of new terrors and horrors taking place in our unfortunate Russia. It becomes nauseous thinking of how our allies must despise us. For me, the night is the best time; at least one forgets for a time."

"We have just returned from Divine Liturgy," writes the Sovereign, "which begins here at 8 o'clock in complete darkness. In order to get to our church, we must go through the city park and cross a street—in all, five hundred steps from the house. The riflemen stand in a loose chain to the right and to the left and when we return home, they gradually leave their places and walk behind. All this reminds us of the end of a penfold and we all enter our own wicket amid laughter."

The Tsar remembered the Name-days of many people and always thought of others even during this harsh confinement. He would mention the cold and the poor heating, not complaining, but only telling how the family managed to mitigate the conditions in various ways.

Both the Emperor and the Empress reflected their deep concern for the people of Russia, and their deep faith in God's Providence in all their letters. ". . . The sufferings and trials are sent by Him—and does He not always give enough strength to endure everything? For He Himself showed us how it is necessary to be patient and to guiltlessly suffer without murmuring."

The members of the family sang in the church services and the faithful Nagorny (aide of the Tsarevich) served as reader.

Gradually, the confinement became stricter. Finally, they were forbidden to go to church, the children were not allowed outdoors, and the servants were not allowed to go into the city.

The Sovereign expressed deep regret at having abdicated. He had done so in the hope that those who wished him to step down from the throne would be able to conclude the war and to save Russia. Instead, they were incapable of doing this; the bolsheviks seized power, then the army collapsed and the corruption of the country began. The Sovereign suffered much, for his abdication had been in vain.

He had been guided only by the thought of the good of his country; but, in fact, his abdication served it poorly. This thought pursued him and caused him heavy suffering.

The dean of the Tobolsk Cathedral, Protopriest Vladimir Khlynov, who was later a Solovetsky prisoner, conducted Divine Services for the Imperial Family in the governor's home and was their Majesties' spiritual father. He testified that the Sovereign had said to him: "I can never forgive myself that I abdicated authority. I had never expected that power would fall to the bolsheviks. I thought that I was delegating authority to the people's representatives. . . ."

The protopriest became convinced that this was the most painful of all the suffering of the Tsar, and that this in particular weighed heavily on him during the days of his imprisonment. It seemed that he had confessed it as some sin from the weight of which he wanted to be delivered.

At first the Imperial Family used to attend services in the cathedral. It was very pleasant for them to be with the people. Once, however, the protodeacon exclaimed the "Many Years" to the Sovereign, using his full title. At home, after the service, the Sovereign said, "It was not necessary. I know very well that they still love me and are faithful to me, but now there will be unpleasantness and we will not be allowed to go to the cathedral any more."

So it was, but because of this, Father Vladimir was invited to serve at the house and thus got to know the Imperial Family better.

During the services, the Grand Duchesses sang simply and melodiously. There were occasions when the Sovereign acted as server for the priest.

The ruling bishop in Tobolsk, Germogen, had formerly been Bishop of Saratov. He had once written an official letter directly to the Tsar, by-passing the Holy Synod, and for this it was necessary to formally punish him. The Sovereign had to allow the Synod to remove Bishop Germogen from his see. Now, the Sovereign asked Protopriest Vladimir to pass on his respects to the bishop and ask that he forgive him (the Sovereign) for the removal. Bishop Germogen was deeply moved by this and he sent Father Vladimir back to convey his respects, also sending a prosphora and asking the Tsar's forgiveness.

A commissar arrived from Moscow and informed the Tsar that he was being taken away that night. The Sovereign feared that he would be forced to sign the Brest-Litovsk Treaty, but the commissar assured him that this was not the case. The Tsar insisted on allowing someone to accompany him, and the Empress suffered much, not knowing whether to follow her husband or to remain with her sick son. Finally, after much heart-break, she decided to entrust her son to his tutor and to follow her spouse.

At 11:30 in the evening, the servants gathered in the large hall. Their Majesties and Maria Nikolaevna said farewell to them. The Emperor embraced and kissed all the men, the Empress, the women. Almost everyone was weeping. At 3:30 a.m. a few shabby wagons entered the yard. Only one was provided with a top. Some straw was found in the yard and was used to cover the floors of the wagons. A mattress was placed in the one designed for their Majesties. The Imperial Couple left the room of Alexei Nikolaevich at 4 a.m. and bid final farewell to everyone, giving last minute instructions for the care of the Tsarevich. Several minutes later, the noise of the wagons was heard and the Grand Duchesses returned upstairs to their rooms, sobbing.

The parents and children had never been separated, but now they had to be, and this on the eve of Pascha (Easter) which they had always celebrated together. The Imperial travellers were held up at the town of Ekaterinburg. On 13/26 April, they had left Tobolsk and covered 285 versts by wagon, reaching the rail-head. On 17/30 April, the Sovereign, the Empress, and the Grand Duchess Maria Nikolaevna with some members of the voluntary suite, arrived at Ekaterinburg and were imprisoned in the home of the engineer Ipatiev. On 10 May, the remaining members of the family had arrived. River navigation had opened and the road was easier for them.

For two and a half months the Imperial Family lived amidst a band of insolent, unruly soldiers who were their new guards. They were subjected to constant mockery and suffering. During the first of many searches, a bolshevik crudely tore the handbag from the hands of the Empress and rudely answered the Sovereign. For the first time the Grand Duchesses slept on the floor and all ate repulsive food from a soviet dining room.

Guards were posted in every corner of the house to follow each movement of their prisoners.

They covered the walls with indecent drawings while jeering at the Empress and the Grand Duchesses. Everyone sat at the table together and the guards did not remove their caps; they smoked, spat and mouthed obscenities. Once, while taking a plate, the commissar shoved his elbow right into the Sovereign's face.

Most of the time the guards were drunk. They systematically robbed and plundered the belongings and even the clothing of the Imperial Family. Gradually, however, even the beast-like guards became amazed by the strength of Christian patience and meekness with which all the Imperial Family was enduring their confinement.

Finally, on the night of 17 July, 1918, one of the greatest crimes in all of recorded history was perpetrated.

Three days before this monstrous act, on 14 July, the last church service was held in the house of the imprisonment. The priest, Father Ioann Sterozhev, relates how, at one point in the service, the deacon, for some reason, began to sing, instead of the proper reading "With the saints give rest..." and he, too, began to sing it. Hardly had they begun when he heard the members of the Romanov Family lower themselves to their knees.

They were preparing for their death, taking on spiritual provisions for their funeral journey.

At this service, contrary to custom, none of the family sang. This immediately caught the attention of the clergy, and upon leaving the house, they shared their impressions, saying that something seemed to have happened with the family and that they were all somehow different.

The prisoners were all in a deep sleep when they were awakened and ordered to dress in order to leave the city which was supposedly threatened with danger. The Imperial Family descended to the basement where the Sovereign sat down, with his ill son, on a chair in the middle of the room. The Duchesses, the doctor, and three dedicated servants were seated around him. Everyone was waiting for the signal to depart. They did not know that the vehicle was already waiting at their gate. It was a truck in which the bodies of the condemned were to be removed.

At the executioner's announcement (which stunned all the prisoners) of the impending execution, the Empress succeeded in crossing herself. She was killed instantly, together with the Sovereign. God spared them from hearing the groans of the Tsarevich and the cries of the wounded Grand Duchess Anastasia. The first bullets did not bring death to the youngest ones and they were savagely killed with blows of bayonets and gun-butts and with shots at point-blank range. The most innocent and holy had suffered the greatest torture.

These killed were:

The Sovereign, 50 years old (born 1868)

The Empress, 46 years old (born 1872)

Olga, 23 years old (born 1895)

Tatiana, 21 years old (born 1897)

Maria, 19 years old (born 1899)

Anastasia, 17 years old (born 1901)

Alexei, 14 years old (born 1904)

Among the dedicated friends and servants of the Imperial Family who came with them from Tobolsk were the Physician to the Sovereign, Evgeny S. Botkin, the Empress's chamber-maid, Anna S. Demidova, the cook Kharitonov and the servant Trupp. The sailor Klimenty Nagorny who looked after the Heir from his early childhood and Sergei Sednev, the servant of the Grand Duchesses, both of whom had defended the imprisoned family from robbery and insult at Ekaterinburg, were taken away to prison and shot there. Those who were refused permission to stay with the Imperial Family at Ekaterinburg, and also shot in prison were General Ilya Tatishchev and Prince Vasily Dolgorukov. The maid-of-honour, Countess Anastasia Hendrikova and the court teacher, Ekaterina Schneider were taken to Perm and shot there.

On 21 August, just before Countess Hendrikova was shot, she was asked if she had voluntarily followed the Romanovs to Tobolsk. She stated that she had. When asked if she would return and continue to serve them if she were set free, she said, "Yes! Up to the last day of my life!"

It should be pointed out that the Emperor and Empress were ideal examples of a truly Christian

family.

From the day of birth of her children, the Empress gave them her full attention. She fed them, bathed them daily, chose their nurses and was constantly with the children in the nursery and in class. She would often hold a child on one arm while dealing with serious matters or signing business papers. In her free time, she embroidered, knitted, painted, was always at work.

She did not have governesses for her daughters because she did not wish to see anyone between her and them. She would never allow her daughters to be without work and so they were always busy. The two elder daughters, Olga and Tatiana, worked together with their mother in infirmaries during the war, working as common nurses, bandaging soldiers' wounds.

The Empress was completely alien to the vapid atmosphere of Petersburg society. She founded groups in which women and young ladies had to make a minimum of things yearly to give to the poor; a society of houses of industry; schools; a society for gathering the means to assist poor children for education and to train them for trades. A whole network of working organizations arose which the Empress hoped to unite into a special administration similar to a contemporary ministry of labour.

As close witnesses say, it is difficult to imagine the numbers of people the Empress had helped to free from material difficulties, the number of children she had helped to educate and the mass of the ill that she had taken care of, or how many tears of gratitude she had seen. But none recalled this.

The children were simple and loved things plain; they were educated, natural, without artificiality, undemanding, open, deeply just and imbued with a sense of duty. They were sincerely religious. The Empress taught them that faith, that strength of spirit and humility which helped them to accept, without a murmur, and endure the heavy days of their confinement and to accept martyrs' deaths. The children literally worshipped their parents.

The Heir was an unusually engaging boy with a wise and open expression on his thin face on which were etched the noticeable signs of physical suffering. The days he spent with his father at Mogilev were his happiest and he could not conceal his distress at having to return under female influence at Tsarskoe Selo and Peterhof.

The Empress used to say, "We are one and this, alas, is so rare to-day. We are tightly united together. . . a small, tightly knit family. . ."

The Imperial Family which lived to-gether so harmoniously was inseparable in life and inseparable in death. They were insulted and abandoned by everyone. They followed their way-of-the-cross from the palaces of Petersburg to the basement of the Ipatiev house in Ekaterinburg; from the brilliant suites of the royal palaces and the glory of the mass of troops and people to the heavy solitude amidst a band of robbers and to the insults from their heartless executioners.

The Sovereign was born on 6 May, the day of the Much-Suffering Job and he would mention this about his birthday, likening his life to the trials of the sufferer Job. He once said prophetically, "I have more than a presentiment that I am destined for terrible trials and that I shall not be rewarded for them on this earth."

"Nothing that I have undertaken succeeds for me; I have no successes. Man's will is so weak."
"How many times have I applied to myself the words of the holy Job, 'For the thing that I fear comes upon me and what I dread befalls me.'"

"Perhaps an expiatory sacrifice is needed for Russia's salvation. I will be that sacrifice. May God's will be done."

These words were spoken by the Tsar-Martyr more than ten years before 1917.

In his youth, he had been wounded by a fanatic Japanese as if in foreboding of some future, greater suffering. His life was darkened by the sudden demise of his loving father, by the Khodynskoe catastrophe, the loss of his beloved brother, the revolutionist agitations, the unsuccessful Russo-Japanese War, discord with some of his relatives, and the long wait for a son who was born ill—and finally, by a new war.

The Emperor and Empress, and even their children, were all objects of lies, slander and abuse. All that happened to them followed the pattern shown in the Gospels. The day before, they had entered the capitals and cities to cries of "Hosannah" from the unending crowds—today, they hear "Crucify!" The Provisional Government, into whose power the Tsar voluntarily gave himself up, became fright-

ened of the crowd and did not defend him. Judas betrays, Pilates washed their hands, and executioners crucified.

Books, such as *The Ladder* by St. John Climacus, which belonged to the Empress and to the Grand Duchess Tatiana Nikolaevna in Tobolsk and Ekaterinburg, were found with passages underlined or marked, showing which thoughts particularly struck the readers.

A poem was found in the notebook of Olga Nikolaevna:

Send us, O Lord, patience,
In this time of violent, gloomy days,
To endure the national persecution
And the torment of our executioners.
Give us strength, O righteous God,
To forgive the villainy of our neighbours,
And, with Your meekness, to meet a
Heavy and bloody cross.
Lord of the world, God of the universe,
Bless us with prayer
And give peace to a humble soul
In an unendurable, dreadful hour.

The Imperial Family imitated Him about Whom it is written: "Being reviled, He did not revile in return; while suffering, He did not threaten." (I Peter, 2:23) They proclaimed their grief only to God and before Him alone did they pour out their hearts.

They were isolated, aliens to the world, as bearers of the holy ideals of Russia amidst sinful people who had fallen away from these ideals. Blessed are the chosen of God, for these words of the Saviour apply directly to them; "If you were of the world, the world would love its own; but because you are not of the world, but I have chosen you out of the world, therefore the world hates you" (John 15:19).

The family of martyrs which had come to God lost nothing of its beauty, but prays for everyone that salvation and that family joy which it possessed.

God, the native-land, and the family—these were the three services of the Emperor, where his life and all his love were concentrated.

It was said that the idea of restoring the Patriarchate was dear to his heart and that, in time, having given the kingdom to his son and separated from his wife, he himself would have accepted the patriarchal service, recalling the model of Patriarch Philaret. Such was the representative of Holy Russia amidst us, who, for his confession of the faith, was betrayed and killed.

When he had been led to abdicate, the Tsar had demanded a guaranty from the Provisional Government that he would be allowed to remain in Russia unhindered, saying, "I would not want to leave Russia; I love it too much. It would be too heavy for me abroad." The Empress had said, "I would rather be a charwoman, but I will remain in Russia." "I prefer to die in Russia than to be saved by the Germans."

The Empress wrote from Tobolsk, "I feel myself to be the mother of this country and I suffer as for one's own child. I love my native-land regardless of all the horrors of the present and all the sins. It is impossible to tear out the love from my heart regardless of the dark ingratitude to the Sovereign which breaks my heart—but this is not the whole country. This is an illness, after which it will recover. O Lord! Have mercy and save Russia! We will incessantly pray for the native-land. O Christ, have mercy on me, a sinner, and save Russia!"

When the eldest daughter had been presented with the possibility of marrying a foreign prince and a future king, she declared, "I do not want to leave Russia. I am Russian and I want to remain a Russian forever." And she remained in order to ascend Golgotha with all her other sisters.

Only the Tsar had not lost his national conscience. He abdicated after everyone had betrayed him, but he remained in Russia and perished as an innocent martyr for it. His successors in power, however, betrayed everyone. They deserted and fled, saving their own lives. They violated their oaths and, although they were supposed to do everything, not even sparing their lives, to win or to die, as

is done by the common soldier in the battlefield, they fled. Some of them perished at the hands of the rioters whom they had joined; the rest shamefully ran from their posts.

There was no Ivan Susanin to be found for the salvation of Russia.

The Russian people forgot their Tsar. His murder is not the personal sin of a palace upheaval, but a common, national sin. Having allowed themselves to become stupefied by the narcotic of revolution, they allowed the murders to take place.

The Tsar received his authority through the Sacrament of Anointment—He was God's anointed and the grace of the Holy Spirit was upon him in truth. Thus, by rejecting the Tsar, the people blasphemed the sacrament and trampled upon the grace of God.

"For the mystery of lawlessness is already at work; only he who now restrains it will do so until he is taken out of the way." (2 Thess. 2:7)

If we have not yet understood this, God grant we will some day.

Nicholas

EMPEROR NICHOLAS II — 1894 - 1917

Еще маленьким ребенком будущий Император был трогательно, кротко боголюбив. Он очень любил изображение Божией Матери, эту икзность руки, обвившей Младенца. Он всегда заикался брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, удивительный иже. Это был ребенок ласковый, уступчивый, влюбленный от природы, обожавший Отца и Мать. Еще будучи неграмотным, Никс отдался весь востроениям, завлечениям Пушкинскими стихотворениями, выбранными для ребенка. Он увлекался ижеже итеческ в своем детском суде, и, заслушавшись, мальчик как бы уходил из этого мира: он преобразался, как бы замирал, а выражение его глаза было настолько нежное, что другие дети, забывши это востроение в Никс, просили его: — «Ну, Никс, еще раз послушай ижеже!» — И Никс, застывши крестна, возвращался к обычной жизни. Он рос святым мальчиком, готовым молиться в спешенн жизни маленькой итечки, выпавшей из гтбады своей матери: «Надо помолиться за воробушка: пусть его Боженька не берет, — мало у Него воробушек?» — сказал он при таком случае, когда итечка казалась умирающей. И это непрерывно сибдое христианское настроение никогда, сь самого раннего детства и до самой смерти, не оставило его.

Сь высокими, чистыми, идеальными стремлениями начал свое царствование 26-лѣтнй Государь Император Николай Александрович. По личному побужденю он дерзновенно обратился ко всем державам сь предложением охватить вооружения и создание третейского суда вь международных спорахь предотвратить грядущий войны. Конференция мира была созвана вь Гагг 15 мая 1896 г. и приняла общй принцип и мировое разрешенн международных столкновений. Вь дальнейшем «Лига Наций», а теперь «Организация Объединенныхь Наций» явились прямыми преемниками «Гаггского международного Трибунала». Когда вь ноябрь 1921 г. собралась Вашингтонская конференция по вопросу о морскихь вооруженияхь, то президенть Америки Гардингс, вь вступительной рѣчи, заявил: «Предложение ограничить вооруженн путемь соглашения между державами не ново. При этомь случае, быть можеть умѣсто вспомнить благородныя стремления, выраженные 23 года назадь вь императорскомь рескрипте Его Величества Императора Всероссийскаго. Приведи почти цѣльнымь «нежны и выразительныя» слова русской ноты, Гардингс добавил: «Сь такимь означеннмь своего долга Его Величество Императорь Всероссийскй предложиль созвать конференцию, которая должна была заняться этой важной проблемой».

Такь Государемь совершено починн мирового значения. Его идея возродилась снова и снова и иже осуществилена еще сь большой настойчивостью. «Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся». Но трагично было именно то, что первая созванная иже конференция отвергла главное предложение Государя — создание вооружений и военныхь бюджетовь, и ему самому пришлось вести три войны — сь Китаемь, Японией и первую мировую.

Доброе сердце Николая Александровича обществено, широко известно и все его стремления кь улучшению жизни людей. По своей собственной инициативѣ, онь поправил существовавшую паспортную систему, введенную еще Петромь Первымь, почти двести лѣтъ назадь, что значительно расширило свободу всякаго передвижения. Заграничный паспорть выдавался любому при уплатѣ 16 рублей за каждое путешествие. Была отменена отставка «Подушная подать». Была введена «Большинный сбор» — по

одному рублю вь годь (на паспорть клеилась марка) и человекь на цѣлый годь быль обеспечен бесплатнымь лечениемь вь больницахь. Паритетъ русского рубля сталь на невиданную высоту: за бумажный рубль всюду, во всехь государствахь давали 100 копеекь золотомь!

Вь 1897 г. быль изданъ законъ обь ограничении рабочего времени, запрещена была ночная работа для женщинь и подростковь до 17 лѣтъ. «Замѣтимь, что вь большинствѣ передовыхь странь Запада вь это время вообще еще не существовало законодательныхь ограниченийь труда королевскихь мужиковь!» («Обзоръ Русской Исторй» С. Г. Пущарова).

Президенть США Вильямъ Тафтъ сказалъ вь 1913 году:

— Русскй Императорь создать такое рабочее законодательство, каковыя не можеть похвалиться ни одно демократическое государство.

Рабочий вопрось вь России возникъ только сь начала XX вѣка. Россия была вь те годы главнымь образомь страной сельскохозяйственной, а на Западѣ онь возникъ почти на сто лѣтъ раньше и оставался первеннымь до техь порь, пока Россия первая не начала издавать законы, влѣбные подь наеманемь: «Фабричное законодательство».

Государь готовь быль всегда услужить всемь, безь различия положенн. Вь Дармштадтѣ, во время прогулки вьносите, онь подбѣгалъ, поднимал и поддаль потерянный пакетъ кучеру почтового фурыона и тѣмь спасть почталона оть служебныхь неприятностей. Такое было смиренное христианское сердце юнаго Русскаго Государя.

Одна ерѣвк, не имѣвшая права вѣзда вь Петербургь, и получившая отказъ кь этому, обратилась на Высочайшее имя сь просьбой, разрешити ей приѣхать кь большому сыну. Государь подписалъ резолюцию: «не можеть быть такого закона, который не позволял бы матери прѣехать кь большому сыну».

Государь трепетъ, какь теперь закондливо установлено, на дѣла благотворительности и неожиданному вонше измозалнымь суммь кь личнымь средствамь, ограниченная вь то же время себя вь личныхь расходахь. Онь носилъ много разь штатную одежду... Черезь любовь и учительному своихь детскихь дѣт, имѣвшую кь нему доступъ во всякое время, Государь освобождал оть платы учениковь своими вонсами и отпускал крупныя суммы на благотворительность иже своихь личнымь средствь. После боекды сь немь онь всегда шепотомь просилъ ее никому ни слова не говорить о его помощи. И она, помнити просьбу Царя, никому вь своемь вѣдомствѣ не говорила, кто даеть эти средства.

Вь дѣлахь самого большого государственнаго значения Государь не покидало руководящее имя чувство милосердия. Когда вь концѣ 1906 г. ему представились быть грандиозный планъ индустриализации страны, требовавший огромныхь денегь, которыхь не было, онь сказалъ: «Петръ имѣлъ мало денегь и употребилъ принудительный трудъ и это стоило ему миллионь жизней его подданныхь... осуществление нашихь проектовь будеть стоить оть 10 до 15 миллионь... а не могу сознательно идти на жертву миллионь нашихь подданныхь, а потому мы должны терпѣть». Когда ему было указано, что успехь будущей войны связанъ сь индустриализацией, Государь ответил: «Будемь надеяться на Бога. Если война будеть короткая, мы ее выстроимь, ну а если длинная, то значить, такова наша судьба». Все эти уже гонимые проекты осуществилена болшиннами какь разь тѣми способами, оть которыхь Государь отказался:

мучительной гибелью десятков миллионов людей.

Начальник жандармов обещал Государю, что сотню лет не будет никакой революции в России, если Государь позволит произвести пятьдесят тысяч казней. Император с ужасом и нетерпением отверг это предложение. За все его царствование количество казней едва ли превышает четыре тысячи, за те уголовные и политические убийства и грабежи, за которые законы всех стран мира также карают. Ни из какой страны в его царствование крон Государь не был повинен, ибо карал закон. Но как жестоко это количество неизбежных жертв для охраны общественного благочиния перед теми десятками миллионов убийств, которое потом совершили убийцы и самого Императора.

Революционному богачу Государь был всегда готов дѣлить милостью и прощением, если только искали их. Помета одного студента, приговоренного къ смертной казни по политическому дѣлу, поздно вечером подала флигель-адъютанту Государя прошение о помиловании. Такъ какъ исполнение приговора было назначено на слѣдующій день, то адъютантъ дерзнулъ просить царскаго камердинера вынести Государя изъ спальни. Выйдя, Государь написалъ телеграмму министру юстиціи о приостановкѣ исполненія приговора, и, крѣпко пожавъ руку полковника, похваливъ его за смѣлость и рѣшительность, и за данную самому Государю возможность сдѣлать доброе дѣло, Государь не только помиловалъ студента, но даже отправить его въ Крымъ на дѣченіе туберкулеза, причемъ деньги на это были выданы изъ собственныхъ средствъ Государя.

Государь любилъ простыхъ людей. Особенно онъ хорошо относился къ докторамъ, священникамъ и другимъ простымъ чинамъ. Во внутреннемъ мирѣ крестьянства, составлявшего три четверти его подданыхъ, Государь искалъ тѣ черты, которыя были ему дороги. Его простота, вежливость, безразличную, глубоко-вѣрующую, застѣнчивую натуру тянуло къ беззащитнымъ людямъ, съ душею простого русскаго человека. Это любовное чувство къ народу выливалось все во время многочисленныхъ разговоровъ его съ крестьянами. Государь однажды обидѣлъ и поцѣловалъ старика, который отъ волнения и чувства не могъ пронаести заготовленную рѣчь, ибо эти чувства были Государю дороже словъ. Въ преданность и вѣрность себѣ этого народа онъ вѣрилъ до самой смерти.

Во высказываніяхъ Государя о своихъ врагахъ никогда нельзя было уловить ни малѣйшаго отбѣна раздраженія. На выраженіе, однажды, во этому поводу удивленіе Государя сказали: «Эту струну дѣтскаго раздраженія мнѣ удалось уже давно заставить въ себѣ умолкнуть. Раздражительностью ничего не можешь, да съ тому же отъ меня рѣдко слово звучало бы обидѣе, чѣмъ отъ кого-нибудь другого».

Что бы ни происходило въ душѣ Государя, онъ никогда не выказывалъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ его лицамъ. Въ минуту страшной тревоги за жизнь единственнаго сына, въ которую сосредоточилась вся его вѣжность, и кромѣ вѣжливой молчаливости и еще большей сдержанности, въ немъ ничѣмъ не сказывались пережитыя имъ страданія. Въ дни, когда на выдвореніе болшнаго было мало надежды, министръ спросилъ его о состояніи Цесаревича. И онъ отвѣтилъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ, полнымъ простоты и правды: «надѣемся на Бога».

Государь обладалъ выдающимися качествами человека и правителя, но любимымъ его выраженіемъ по своему адресу въ ужасно домашнемъ кругу было: «я человекъ сѣрый». Онъ одаренъ былъ безграни-

чной памятью, исключительной умственной силой, глубокими и разносторонними познаніями, сильной, дисциплинированной волей, нравственной серьезностью и постояннымъ сознаниемъ отвѣтственности. Онъ преданъ былъ своимъ идеямъ и заиралъ ихъ съ терпѣніемъ и упорствомъ. Онъ имѣлъ издалека продуманные планы, осуществленія которыхъ медленно достигалъ. Подъ маскою робости Царь имѣлъ сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо вѣрное. Онъ зналъ куда онъ идетъ и чего онъ хочетъ. Богдари совершенной чести, онъ всегда былъ рабомъ своего слова. Его вѣрность въ войнѣ совозникла, которая и была причиной его смерти, какъ нельзя лучше доказываетъ это. А что такое была подпитическая вѣрность вообще и въ наши времена особенно?..

Во вѣкъ агитации и пропаганды, искажающей всякую правду, онъ бы удивлялъ своей постоянной правдивостью. Давая инструкцію для освѣщенія непопулярной въ массахъ и злополучной русско-японской войны онъ сказалъ: «Работа должна быть основательной исключительно на голыхъ фактахъ... намъ умалчивать ничего, такъ какъ кровь пролита большая, чѣмъ нужно... героямъ должно быть отвлеченнымъ порядкомъ съ неудачами. Немаловажно нужно стремиться къ восстановленію исторической истины во всей ее неприкосновенности» Государь былъ непримиримымъ врагомъ всехъ попытокъ идеализировать то, что не достойно, онъ говорилъ и требовалъ всегда только правду. Ея одной онъ неводъ неслы.

Во первую міровую войну онъ проявилъ исключительное мужество въ заирѣ сербовъ. Исполнивъ десятковъ тысячъ сербовъ при отступленіи ихъ родной земли, въ 1915 г., не выдержали страшнаго похода черезъ грозныя ущелья и стѣпные перевалы Албани, горы и, придя къ берегу моря въ г. Валону, массами стали падать отъ истощенія. Совокики не только не побоялись о ихъ спасеніи, но совершенно равнодушно смотрѣли со своихъ кораблей, какъ умирали люди славянской земли. Въ этотъ страшный моментъ Императора Николай Александровичъ послалъ главному правительству, совокикамъ намъ страны, телеграмму, въ которой требовалъ немедленно вывести сербовъ съ Албанскаго побережья и спасти. Въ противномъ случаѣ Государь пригрозилъ, что онъ будетъ считать гибель сербовъ атомомъ величайшей человѣческой безправственности и откажется отъ своихъ совокиковъ и выйдетъ изъ числа союзныхъ. Эта телеграмма возымѣла немедленно дѣйствіе и десятки итальянскихъ, французскихъ и англійскихъ пароходовъ вывели умирающую сербскую армію и уведшихъ съ нею жителей на острова Корфу. Злоба людская не простила Государю этого поступка и въ Лондонѣ и Парижѣ повокли слухи, что, молъ, Русскій Государь хочетъ заключить сепаратный миръ.

Когда вспыхнула война 1914 года, царь Императоръ приказалъ перевести въ Россію изъ Англіи все вѣнчавшее тамъ деньги. Этого было трудно достигнуть. Англія не хотѣла выдать эти средства. Затѣмъ Государь пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе купцовъ первой гильдіи и банкировъ и сказалъ имъ:

— Вотъ, я имѣю на столѣ девяносто два миллиона рублей. Я ничего не принуждаю, но прошу и васъ дать деньги для военной побѣды, которой будетъ гордиться русскій народъ!

Но и купцы и банкиры отказались дать свои деньги...

Государь на свои средства построилъ прекрасный госпиталь, военно-походную канцелярію въ Петроградѣ на Захарьевской улицѣ и безвозмездно отдавалъ колоссальную часть своихъ доходовъ на разныя

военными нужды.

Богачи не дало пользоваться своей мощью. Пришли большевики и забрали не только капиталы и имущество, но и жизни владельцев.

Русскому народу это хорошо известно.

Мы ценим в Государь не только чистоту и святую побуждений, намерений и целей, но и самых средств их осуществления, определявшихся его характером, безупречным по чистоте и правдивости. Онъ весь былъ проникнутъ сознаниемъ святости своего служения.

Государь действительно съ самаго начала своего царствования слабенько былъ благоустроеніемъ крестьянства, придавалъ этому дѣлу огромное значеніе. Въ лицѣ оцененнаго имъ П. А. Столыпина онъ нашелъ волевого министра, который, используя подготвленный ранее способными и опытными чиновниками матеріалъ, сумѣлъ осуществить предначертанія Государя. Подчеркивая значеніе въ этомъ дѣлѣ Столыпина, нужно считать, что земельная реформа, какъ и другія крупныя преобразованія княжачаго творчества послѣдняго царствованія должно именоваться преобразованіями Императора Николая II, какъ это было принято въ отношеніи реформъ Его дѣда, Императора Александра II.

Государь заботился о каждомъ, и особенно о солдатахъ — защитникахъ Родины.

Въ первые же годы его царствованія были увеличены содержаніе офицерамъ и пенсія. Въ желаніи сдѣлать казарменную жизнь и жить, какъ солдатъ, кѣтый отъ снѣга, тиснетесь замкнутой жизнью въ казармѣ, Государь приказалъ увеличить число и продолжительность ихъ отпусковъ. Угראднены были, въ связи съ этимъ, вольныя работы въ полкахъ, исполнявшіяся осенью, когда именно солдаты могли удовольствоваться въ отпускѣ. При постройкѣ казармъ приказано было обращать особое вниманіе на устройство квартиръ для семейныхъ офицеровъ. Понимая, какое значеніе для всего уклада офицерской жизни имѣеть офицерское собраніе, въ особенности въ глухой провинціи, Государь неоднократно помогалъ оборудованію ихъ изъ собственныхъ средствъ. По личному почину Государя улучшено было довольствіе солдатъ. Введено было чайное довольствіе и отпуски постельныхъ принадлежностей.

Во время маневровъ подѣлывалъ экипажъ съ завтракомъ для Государя и Его свиты. «А для нихъ закуски имѣется?» — спросилъ Государь, показывая на солдатъ, державшихъ лошадей его и его свиты. Оказалось, что для нихъ ничего не приготовлено. И только тогда, когда всѣ солдаты получили свою долю, Государь подошелъ къ своему завтраку. Послѣ этого для солдатъ свиты также всегда привозили пищу.

Посѣщенія Государемъ лазаретовъ съ ранеными были предсказаны самыми трогательными эпизодами, въ которыхъ состраданіе его сердца были явлены не только въ словахъ и дѣлахъ милосердія, но и въ словахъ, которыя онъ едва могъ скрывать. Въ вестибюлѣ покидаемаго лазарета онъ надѣвалъ шинель, и крупныя слезы капали изъ его глазъ, ибо только что одинъ лишенный рукъ и ногъ просилъ: чѣмъ все можешь, Государь, прикажи, чтобы мени умертвили...»

Солдаты любили своего Императора. Для нихъ онъ былъ роднымъ отцомъ. Это особо наглядно можно увидѣть изъ ниже приведеннаго разсказа флигель-адъютанта В. В. Сивчина.

Чередуясь съ моимъ товарищемъ по свитѣ, флигель-адъютантомъ полковникомъ графомъ Д. С. Шереметьевымъ, я дежурилъ при Государѣ черезъ день и сопровождалъ Его Императорское Величество при

побѣдахъ по госпиталямъ и лазаретамъ, которые были, къ этому времени, уже вполне оборудованы и въ которыхъ находилось на излеченіи множество раненыхъ.

Въ промежуточные, между дежурствами, дни мы были командированы въ разные лазареты, не стоящіе въ спискѣ предначиненныхъ для Высочайшаго посѣщенія. Мы должны были передавать раненымъ Царскій приветъ и спасибо за службу и награждать, отъ имени Государя, тяжело раненыхъ Георгиевскими медалями.

Сопровождая, такимъ образомъ, Его Величество въ Его побѣдахъ по лазаретамъ, я имѣлъ неоднократно случаи наблюдать, какое глубокое впечатлѣніе производилъ на Него видъ тяжело раненыхъ, ампутированныхъ, ослѣпшихъ и калеченныхъ, еще такъ недавно, влики здоровыхъ людей, принесенныхъ въ жертву Молоху войны, столь всегда противной сердцу Государя.

Впечатлѣніе это бывало настолько сильно, что, несмотря на, присущія Государю, выдержку и самообладаніе, Онъ иногда не былъ въ силахъ сдержать своего душевнаго волненія.

И надо было видѣть Его глаза, когда, переходя отъ койки къ койкѣ, Онъ склонился надъ несчастными страдальцами и заботливо спрашивалъ о ихъ раненіяхъ и сраженіяхъ, гдѣ они были ранены, интересовался какой они части, какой губерніи, есть ли семья и т. д.

Я, который зналъ Его глаза и столько лѣтъ уже ими постоянно любовался и, казалось, вполне ихъ изучилъ, и, всякій разъ въ лазаретахъ, поражался ихъ новой скорбной красотой.

Не могу выразить словами, сколько было въ нихъ состраданія и любви къ ближнему.

Всегда прекрасные, но обыкновенно не легко воспринимаемые, они были, въ это жестокое время, истиннымъ отраженіемъ Его благоместивой христіанской души и въ нихъ не трудно было разглядѣть, какія современныя струны затронула напавшая Ему ужасная война, и понять, какой искренній и великой по-чалою звучали эти невидимыя струны...

Въ день своего отбытія въ Петроградъ, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ остаться еще нѣсколько дней въ Москвѣ, дабы обѣдѣть неосмотрѣнные лазареты и, въ первую голову, побывать въ томъ, который Его Величество посѣтилъ передъ самымъ отбытіемъ.

— Мнѣ пришлось сейчасъ торопиться, сказалъ Государь, и Я ошарася, какъ бы кого не обидѣлъ, обойди тяжело раненыхъ и наградишь, случайно, менѣе достойныхъ... Поблажите и проверьте и, если такіе случаи обнаружите, то исправьте мой грѣхъ и объясните, отъ Моего имени, обиденныхъ.

Эти простые слова русскаго Императора, запечатлѣвшіяся въ моемъ сердцѣ, какъ рѣшительно разсѣиваютъ они, возведенную врагами и недоброжелателями, на Него клевету о присущемъ Ему, будто-бы, безсердечіи и безразличномъ отношеніи къ участи и страданіямъ Своихъ подданныхъ!

На другой день послѣ отбытія Ихъ Величествъ изъ Москвы, я посѣтилъ съ утра въ указанный мнѣ лазаретъ, дабы, какъ можно скорѣе, исполнить, возложенное на меня Государемъ, порученіе.

Тяжело раненыхъ, не получившихъ, изъ рукъ Его Величества, Георгиевскихъ медалей, по проверкѣ, оказалось немного, — всего лишь нѣсколько человекъ.

Подойдя къ контуженному, и увидѣвъ одно изъ тѣхъ хорошихъ, открытыхъ, привлекательныхъ, простонародныхъ лицъ, которые особенно часто встрѣчаются среди жителей Полтавской, Черниговской и

др. малороссийских губерній, всегда дававших пре-
красных солдатъ.

Онъ былъ блѣденъ, какъ золото его рубашки,
и худъ до чрезвычайности; шпанские глаза казались
пожелтѣвшими, губы были совершенно бѣлы.

Несчастный былъ контуженъ въ спинной хребетъ
и страдалъ некротомъ. По мнѣнію врача — на вы-
здоровленіе онъ имѣлъ мало шансовъ.

— Почему же ты не сказалъ, что такъ серьезно
болеть и такъ сильно мучаешься? Видъ сейчасъ, ког-
да я былъ въ палатѣ, я сказалъ, что прислать къ
намъ Государемъ Императоромъ, чтобы наградить
всѣхъ тавельныхъ, кого Его Величество, неволью,
пропустилъ, и громко спросилъ кто тавельны.

— Почему же ты о себѣ не замялъ? Или ты не
слышалъ, что я говорю, или не повишь?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество, — все
слышалъ и все повишь, — отвѣтилъ онъ мнѣ, хотя и
слабымъ голосомъ, но вполне отчетливо, — я не
смѣлъ... Начальство, думаю, само знаетъ, кого тре-
ба наградить; если заслужилъ, то дадутъ медаль,
а если не дадутъ — значитъ не заслужилъ. А также
думалъ, что награждать тѣхъ, у кого отрывали чл-
вѣкъ, чи ноги. У меня же, слава Богу, они цѣлы, а
но дуже болеть, да ломить, — то Божья воля...

Глубоко растроганный такимъ некротическимъ сми-
реніемъ, я прикомль къ его рубашкѣ Георгиевскую
медаль и сказалъ, что передаю ему, отъ имени Госу-
дари Императора, особо сердечное спасибо за службу
и за тотъ героическій духъ, который онъ сохранилъ
среди страданій.

Тогда его члены оживились, въ нихъ появился
несколько огонекъ. Среди торжественной тишины,
царившей въ это время въ палатѣ, съ неожиданной
силой прозвучали тѣ замѣчательныя слова, которыми
онъ и сказалъ, вѣрившись въ мою память, и которыми
повишь, несмотря на протекшіе годы, не могу хлад-
нокровно вспомнить.

— Поворѣйше благодарю, Ваше Высочество,
— началъ онъ, по званію, видимо отъ волненія и
подъ вліяніемъ сильныхъ болѣй забывая обычные
уставныя формулы, онъ продолжалъ, пересылая рус-
скую рѣчь малороссийскими словами, просто, душевно,
— премного благодарю Государю Императору за
Нашъ милость... Намъ тутъ хорошо — ухажь, что за
господами... А онъ, Государь-то, и тѣхъ насъ награ-
дилъ, що насъ грѣшныхъ повѣтилъ... Ваше Высоч-
ество, — продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе
волнуясь, — у Государя такіе глаза, що въ жизнь не
бывають — до смерти не забуду. Люди говорили, що
Ему до насъ дѣла нѣтъ... Теперь я знаю — то зло-
дѣи, хуже нѣмца — все брешутъ... Ужъ мнѣ теперь
это не скажутъ... Если Богъ дастъ, выслужу —
убью некакаго, кто скаже шо такое подобное...

— И видѣлъ Его глаза и знаю теперь правду. Въ
нихъ слезы были, вотъ то Христось, самъ видѣлъ.
Сказать — не повѣритъ: Царь, Императоръ Россій-
скій, да плаче... Смотреть на насъ некальченыхъ
и плакать... Знать жалко. Видно правду въ полку
училъ, когда сказывали, шо мы для Него якъ діти.
Какъ есть отецъ по дітямъ и плаче...

— Ваше Высочество, — помирать буду, не
забуду его глазъ... Какъ посмотрѣлъ на мене, про-
ходи, точно садмышко въ душонку мою заглянуло,
ажно жарко стало и болѣсть, какъ будто, полетѣла.
Вѣрно-ли, Ваше Высочество, до сихъ поръ все
вижу Его глаза? Я не одинъ такъ говорю — спросите,
Ваше Высочество, кого угодно изъ нашихъ
ребятъ — ужъ то же скажутъ...

Въ эту минуту, съ разныхъ сторонъ палаты, по-
слышались многочисленные голоса:

— Такъ точно, Ваше Высочество, вѣрно, это
такъ, одно слово — правда, покорѣйше благодаримъ
Его Императорское Величество. Пошли намъ Господь
здоровья.

Всѣ, кто былъ въ силѣхъ, приподнявшись на кой-
кахъ, осыпали себя крестнымъ знаменемъ, у многихъ
на глазахъ были слезы.

Не знаю, какъ еще выразить мое восхищеніе не-
счастному страдальцу и настоящему герою-солдату и,
въ то же время, истинному христіанину, а троекратно
его поцѣловать и перекрестить, сказалъ ему, что
дѣлаю это отъ лица Государя.

На прищань, пожелавъ контуженному и вѣнчъ
его товарищамъ по палатѣ быстрого выздоровленія и,
еще разъ поблагодаривъ всѣхъ за вѣрную службу
Царю и отечеству, я вышелъ изъ палаты, сопровож-
даемый «ура» всѣхъ раненыхъ и контуженныхъ,
забывшихъ на минуту, подъ вліяніемъ охватившихъ
ихъ патристическихъ чувствъ, свои боли и горести.

Пережитая мною въ это утро минута — одинъ
изъ лучшихъ въ моей жизни. Простая, лиричная
исполненности, красота ихъ была исклю-
чительно.

«Первенствующая и господствующая въ Россій-
ской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная
Католическая Восточнаго Исповѣданія. Императоръ,
Престоломъ Всероссийскимъ обладающій, не можетъ
исповѣдывать никакой иной вѣры, кроми Православ-
ной. Императоръ яко Христіанскій Государь, есть
верховный защитникъ и хранитель догматовъ гос-
подствующей вѣры и блюститель правотѣри и все-
ликаго въ Церкви святой благочинія».

Таковы были обязанности и права Перваго Мир-
нина Церкви, Императора Всероссийскаго, согласно
статьямъ 62-64 началныхъ главъ Свода Законовъ
Россійской Имперіи. И въ лицѣ Государя Николая
Александровича всѣ міране мысли въ Церкви своего
лучшаго и достойнѣйшаго представителя, во истинѣ
«Благочестивѣйшаго», какъ онъ титуловался за Бого-
служеніемъ. Онъ былъ истиннымъ покровителемъ
Церкви и почитателемъ и великомъ ея благодѣ-
телемъ.

Предъ гонимой величайшихъ испытаний, тяжкихъ
страданій и вѣнанныхъ потерь Русская Церковь имѣ-
ла въ послѣднее царствованіе время самаго славнаго
разрѣзѣ, полноту и силу именнаго своего развитія.

Количество церквей въ его царствованіе увели-
чилось болѣе чѣмъ на 10 тысячъ. Ихъ стало въ
концу царствованія 57 тысячъ. Количество монасты-
рей увеличилось болѣе чѣмъ на 250. Ихъ стало 1025.
Обновляются древніе храмы. Царь самъ участвуетъ
при закладкѣ и освященіи многихъ новыхъ. Онъ
жертвуетъ на ихъ построеніе свои личныя средства.

Отвѣтивъ одну такую жертву. Въ 1899 г. комитетъ
по постройкѣ православнаго храма въ г. Нью-
Йоркѣ для сбора пожертвованій командировалъ въ
Росію священ. А. Хотовицкаго. Государь возложилъ
почти въ предпринятомъ дѣлѣ съ милостивыми сло-
вами: «Я жертвую отъ себя 5.000 рублей на каменное
христіанское дѣло». Это послужило примѣромъ для
всѣхъ благочестивыхъ сыновъ Православной Руси.
Много драгоценной утвари дарилъ Государь разны-
мъ церквамъ. Въ г. Бари (Италія), въ древнемъ
храмѣ Св. Николая Мирликійскаго, гдѣ въ нижнемъ
помѣщеніи хранится его мощи, висятъ болѣе двад-
цати прекраснѣйшихъ лампадъ, сработанныхъ изъ
литого серебра въ древне-русскомъ стилѣ; самая
большая изъ нихъ въ диаметрѣ, приблизительно со
столовую тарелку. Монахъ-итальянецъ, сопровож-
дающій и дающій повѣщенія, указывая на эти горющія
лампады, говоритъ: «всѣ они были присланы сюда
къ мощамъ Св. Николая Мирликійскаго Его Вели-

чеством Государемъ Императоромъ Всероссийскимъ Николаемъ Вторымъ».

Государь посѣщаетъ храмы и монастыри во всѣхъ углахъ страны, приноситъ благоговѣйное поклоненіе мѣстнымъ святымъ — святымъ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ. Участвуетъ въ юбилейныхъ торжествахъ въ память разныхъ русскихъ святыхъ или церковныхъ событий. Особенно заботится объ основаніи православныхъ братствъ по укрѣпленію православія въ инославныхъ областяхъ. Духовно-просвѣдительская многообразная дѣятельность среди татаръ Казанской епархіи пользуется его особымъ вниманіемъ и въ крещено-татарскихъ школахъ первые десять учениковъ содержится на его средства. Царь подчеркиваетъ исключительное назначеніе «школаго образованія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ передѣльной силѣ съ церковью и приходомъ» и количество церковно-приходскихъ школъ возрастаетъ до 37 тысячъ.

Императоръ Николай Александровичъ, какъ и его отецъ, очень ревновалъ о развитіи церковно-приходскихъ школъ, противъ которыхъ воли казанною Государственной Думѣ. Въ 1912 году въ этихъ школахъ воспитывалось 1.388.367 дѣтей. Государемъ была утверждена уставъ о немцахъ и одновременно школы священнослужителямъ и педагогамъ.

17 апрѣля 1906 г., на Пасху, когда была заповѣдь о вѣротерпимости. Великому совершеновѣчному русскому подданному предоставлялось право исповѣдывать любое христіанское ученіе. Старообрядцамъ и сектантамъ отдавались ихъ молитвенные дома. Въ 1906 г. было создано Предсоборное Присутствіе, которое усердно проработало и оставило цѣлѣйшіе материалы по всѣмъ вопросамъ церковнаго устройства. Это уже была подготовка для Церковнаго Собора 1917 года.

Много Царь потрудился для славы Церкви. Ничъ сдѣлано было все для духовнаго спасенія Россіи въ дни ея.

Въ основаніе всего въ своемъ Царствѣ Государь полагаетъ не иное что, какъ благочестіе, самъ лично давая примѣръ его, глубокаго, чисто древле-русскаго, любви къ благолѣпнѣ службѣ церковнымъ, почитанію святыхъ, усердіе къ прославленію великихъ подвизавшихъ святой богоугодной жизни. Господь прославилъ послѣднее русское царствованіе божіе чистотѣмъ открытымъ угодникомъ, чѣмъ это даже было во времена древня. Были прославлены:

Святитель Феофанъ Углицкій, архіеп. Черниговскій 9 сентября 1896 г.

Преподобный Серафимъ Саровскій 19 іюля 1903 г.

Св. Кн. Анна Калужская 12 іюня 1909 г.

Преп. Кн. Евфросинія Полоцкая 23 мая 1910 г.

Святитель Іоасафъ, еп. Вѣлгородскій 4 сентября 1911 г.

Святитель Гермогенъ, Патріархъ Московскій 12 мая 1913 г.

Свт. Питиримъ, еп. Тамбовскій 28 іюля 1914 г.

Свт. Іоаннъ, митроп. Тобольскій 10 іюня 1916 г.

Всероссійская Церковь въ лицѣ своихъ пастырей и благочестиваго народа съ трогательнымъ усердіемъ и съ благочестивою радостію при малѣйшей возможности прославляла своихъ праведниковъ. Массы народа однихъ націй увлекаются спортомъ и развитіемъ физической силы и ловкости, другихъ — музыкой и пляскамъ, а нашъ русскій народъ преимущественно почиталъ славныхъ дѣла Божіи, идящими на землѣ черезъ святыхъ Его угодниковъ и когда они слышали о появленіи гдѣ-либо новаго угодника Божіи, то стремились туда всею душой. Паломничество по святымъ мѣстамъ — излюбленное дѣло русскаго народа.

И ни на одно торжество не собиралось у насъ въ Россіи такого множества народа, какъ на открытіе мощей. И это происходило при наличіи большого недоумѣнія къ нему со стороны нашихъ руководящихъ круговъ.

Благословенно имя Государя Николая Александровича за то, что онъ такъ смѣло пошелъ навстрѣчу этому повстанію церковному и народному дѣлу.

Надо признать, что Первый Міранный Церкви въ дѣлѣ прославленія святыхъ духовно шелъ впередъ Синода, находившагося подъ повѣстнымъ вліяніемъ іака. Здѣсь онъ дважды проявилъ свою самодержавную волю въ отношеніи Синода. Въ первый разъ это было въ дѣлѣ прославленія св. Іоасафа Вѣлгородскаго. Съ петербургіемъ ожидалъ назначенія Синодомъ торжества прославленія, Царь не считалъ себя, однако нравѣ торопить Синодъ. Но когда состоялось мнѣніе Синода о необходимости отложить это торжество, то Государь, не согласившись съ его доводами, самъ назначилъ срокъ его. Второй разъ его воля была проявлена въ дѣлѣ прославленія св. Іоанна, митрополита Тобольскаго. Таково значеніе личности Государя въ дѣлѣ канонизаціи святыхъ и такъ велико его благочестіе, давшее ему рѣшимость вести это дѣло, не смотря на препятствія, которыя даже Синодъ выдѣлъ въ мнѣніяхъ и колебаніяхъ такъ называемаго образованнаго общества. Государь не имѣлъ этого страха предъ мнѣніемъ невѣрующей и нехристіанческой интеллигенціи. Онъ былъ чуждъ ей, жила одной душой съ своимъ православнымъ церковнымъ народомъ.

Не беря на себя спеціальнаго права настаивать народу въ вѣрѣ православной, Государь давалъ это наставленіе при такихъ поводахъ прославленія святыхъ.

О преп. Кн. Аннѣ Калужской онъ писалъ: «Въ теченіе своей жизни она была образцомъ христіанской супруги и матери, отличаясь христіанскою любовью къ бѣднымъ и несчастнымъ, проявляя непреклонное благочестіе, мужественно перенося невозможныя испытанія».

О преп. Евфросиніи Полоцкой: «Свято прошедшия поприще указанное ей Божественнымъ Промысломъ, да пребудетъ Святая Книжка для всего Бѣлорусскаго народа на ижездрово путеводною звѣздой, указывающей правду Православія».

О святителѣ Іоасафѣ Вѣлгородскомъ: «Благочестивымъ предствительствомъ Святителя Іоасафа да укрѣплится въ Дерзавѣ Россійской преданность протеческому Православію во благо всего народа Русскаго».

О Патріархѣ Гермогенѣ: — «примѣръ когото да сѣбитъ въ настоящія и будущія времена».

О святителѣ Іоаннѣ митроп. Тобольскомъ: «Пріемлю предположенія Святейшаго Синода (о прославленіи) съ усердіемъ и съ тѣмъ большимъ чувствомъ радости, что вѣро въ предствительство Святителя Іоанна Магистковича въ эту годину испытаній за Русь Православную».

Относительно о. Іоанна Кронштадтскаго онъ далъ наставленіе о прославленіи его въ будущемъ, смѣло высказавъ свое мнѣніе о немъ точно въ его кончинѣ (12 февраля 1909 г.) въ такихъ словахъ: «Неисповѣдимому Промыслу Божію было угодно, чтобы угасъ великій свѣтилъ Церкви Христовой и молитвенникъ Земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій». Далѣе, «по собственному духовному влеченію и во силѣ основанныхъ законовъ, будучи первымъ блюстителемъ интересовъ и нуждъ Церкви Христовой», Государь предлагаетъ дѣлать всенародное молитвенное поминаніе почившаго, ежегодно ознаменовывая имя день его

кончини, и ожидается, что это «внесет свет в утешения в горе народное и зародит на южных престолах жной источник вдохновения будущих служителей и предстателей Алтаи Христова — на святые подвиги пастырского дьявола».

Действительно, этот великий приходской священник, прославившийся во миру во времена Государя, как угодник Божий, явился повестий и навсегда обрзаем пастырей, и в началу грядущаго возрождения России, как горящаго себца, надо надеяться, будет поставлен в первою прославленнаго на последованій «да святитя всама в дождь» (Матв. 4, 15) нашею новою, вдохновляя пастырей к чрезвычайным трудам.

Во жизни Царской Четы неслучайное значение имело ее непосредственное участие в прокламации преп. Серафима, Саровскаго чудотворца. Государыня Императрица Александра Федоровна страстно любившая сына, с чувством глубокой вѣры побѣдила въ Саровъ на богомолье, молилася у мощей преп. Серафима о дарованіи ей сына. И въ память саровскихъ торжествъ послѣ рожденія Цесаревича, престолю иконной части церкви, построенной въ Царскомъ Селѣ, и особенно посѣщаемой Царскою Семейей, были освещены во имя преп. Серафима, а верхняя часть во имя Федоровской иконы Божіей Матери, чинимъ Царственнымъ Домомъ Романовыхъ.

Вечеромъ 17 іюля 1905 г. Ихъ Величества прибыли въ Саровъ и ровно въ 11 ч. ночи, Государь, пересѣкая въ ширину монастырской двора, отправился въ келью іеросхимонаха Симеона для исповѣди, откуда вышли лишь около 12 ч. ночи. Рано утромъ, на другой день, совершенно неожиданно Ихъ Величества пришли къ ранней обѣднѣ. Внезапное появленіе Ихъ за ранней обѣдней въ Успенскомъ Соборѣ произошло сильное впечатлѣніе на народѣ. Царя и Царицу явились туда безъ свиты, какъ простые богомольцы, прошли черезъ переваленную церковь на лѣвую сторону, гдѣ въ предѣлахъ совершалась ранняя литургія. Послѣ причащенія Ихъ Величества причастилось человѣкъ 50 простыхъ богомольцевъ. 19 іюля наступилъ день великаго торжества для Саровской обители. Большой монастырской колокольни призывали къ поздней литургіи. Торжественный выходъ Царя съ Царицей въ соборъ начался почти за первымъ ударомъ колокола. Вдругъ неожиданный порывъ вѣтерка выбиваетъ раскрытый зонтикъ изъ рукъ Императрицы. Мгновенная остановка. Проворная черница изъ перваго ряда несмѣтной толпы, схватившая моментально съ деревяннаго настила зонтикъ, передала его Царицѣ, цѣлуя ее руку. Компаньонки черницы, пользуясь моментомъ остановки, тоже бросаются на мостикъ къ ногамъ Царицы, и не сдерживая выраженій своихъ чувствъ, съ причитаніями цѣлуютъ края ея платья, а одна съ плачемъ кричитъ громко: «Матушка ты наша родная, Царица-сиротинушка! Господь-тобѣ сыночка-то не дасть, несчастной!»... Моментъ былъ потрясающій. Капли слезъ скатились тогда съ глазъ Императрицы, хотя ни одинъ мускулъ ея лица не дрогнулъ. Государь, видимо въ замѣшательствѣ, оправился устъ. Шествіе продолжалось.

По одному мѣткому выраженію, народъ русский православный много такъ на землѣ не любитъ, какъ своего царя, и на небо святыхъ угодниковъ Божіихъ. У вѣтъ, собираясь на поклоненіе своимъ святымъ угодникамъ, народъ видитъ среди себя и Царя своего, радѣющаго съ ними ту же вѣру и тѣ же чувства. Все видѣнное въ Саровѣ произошло громадное впечатлѣніе на Императрицу. Во время пути и пребыванія здѣсь Государыня была въ общеніи съ крестьянами, которыхъ она всегда любила. Она не стѣсня-

лась говорить съ ними и говорила съ ними какъ съ дѣтми, а они, встрѣчавъ съ нею запросто, въ свою очередь полюбили ее. Среди лѣсомъ и глубинъ Россіи въ саровскіе дни Царствениа Чета соприкоснулась съ живымъ источникомъ непосредственной вѣры среди простаго народа, въ благія силы души котораго вѣрда она до конца своихъ дней.

Ярость и справедный образъ Государя, изображенный повѣшавшимъ его владыкою Антономъ (Храповицкимъ). Приводимъ выдержки изъ его, тогда епископа Волынскаго, слова, сказаннаго въ Житомирскомъ кафедральномъ соборѣ 21 октября 1905 года, черезъ нѣсколько дней послѣ манифеста 17 октября.

«Сегодня окончился одиннадцатый годъ царствованія нашего монарха, и встанеть двѣнадцатый годъ съ нѣсколько мѣсячными условиями, обозначенными въ послѣднемъ манифестѣ. Оглядитесь же, русскіе люди, на сей закончившійся первый периодъ царствованія нашего Государя, оглянитесь на себя, насколько вы за это время оправдали данную вами передъ Крестомъ и Евангеліемъ присягу, и нынѣ, когда густая тѣма безсовѣстной лжи и разнузданнаго самодвоія обложала небосклоны нашей жизни, позрите мысленно на Того, Кому такъ мало вы подражаете въ добродѣтели и Кому столь неблагодарными оказались многие. Нашъ Государь вступилъ на отеческій престолъ въ юномъ возрастѣ, но оказался мудръ предъ некушениемъ власти. Большую часть царя и другіе мысліе начальники, достигая власти, стараются о томъ, чтобы сразу выдвинуть передъ глазами всѣхъ свою личность въ противобѣдъ личности предшественника, чтобы показать ожидаемые преимущества своего управленія сравнительно съ предшественникомъ. Подобные приемы дѣйствіи особенно свойственны Государямъ молодымъ, какъ это было при первыхъ царствованіяхъ въ народѣ библейскомъ. Не такъ, совсѣкъ не такъ поступилъ нашъ, тогда еще юный Государь, сдѣлавшійся властителемъ величайшаго въ мірѣ царства. Онъ обещалъ сдѣлать во всемъ примѣру и указанію своего въ Богѣ почившаго родителя и постоянно сдерживалъ на его авторитетъ. Онъ сохранялъ при себѣ его совѣтниковъ и не только не старался о томъ, чтобы выдвигать самодвоіе, свою личность, но, напротивъ, постоянно смирился предъ своимъ Отечествомъ, неизмѣнялъ свою сердечную привязанность къ старинной Москвѣ и первый изъ Русскихъ Императоровъ не утратилъ распространить свои изображения въ старинной русской одеждѣ».

Смирненіе это первая заповѣдь Евангелія, это первая ступень изъ девяти близкостности, черезъ которыя открывается намъ Господомъ рай, — сколь рѣдкая, сколь цѣнная это добродѣтель въ нашъ горделивый, непокорившійся вѣкъ. И если мы справедливо цѣнимъ ее такъ высоко среди простыхъ смертныхъ, то какъ она возделана въ могуществомъ Императорѣ. Училъ же, русскій народъ, у своего Царя этой великой мудрости быть смиреннымъ... Какъ же сохранить въ себѣ духъ смиренномудрости? Какъ сохранить его въ себѣ нашъ Государь? Хранить такой духъ можетъ лишь тотъ, кто боится Бога, кто всѣхъ сердцемъ вѣрять во Христа, кто благоговѣтъ предъ святыми угодниками. И сему учитесь у своего Царя, русскіе люди.

«Нашъ Государь началъ царствовать въ сегодняшній день 21 октября, причастившись въ храмѣ Св. Троицы Тѣла и Крови Христовыхъ. Вторично причастился онъ Божественныхъ Таинствъ черезъ три недѣли, въ день своего бракосочетанія. Сіе необычно земнымъ царемъ, которые, зная и стараясь всегда показать, что они не чужды вѣры, весьма опасаются прослыть слишкомъ благочестивыми... Такая раз-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
СЪ АВГУСТЫЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.
Царское Село 3 Юнн 1913 года.

His Imperial Majesty the Sovereign Emperor with His August Family. Tsarskoe Selo, 3 June, 1913.

3 Юнн 1913 г.
3 June, 1913.

3 Юнн 1913 г.
3 June, 1913.

двоенность совершенно чужда нашему Монарху: Слава Божия являлась главным направляющим началом Его деятельности. Революция о прославлении святых угодников съёмъ же безорыстными увещаниями, съ какимъ относителю къ нимъ народное сердце, Онъ съ радостью разрешитъ открытіе мощей св. Феодосія Черниговскаго въ годъ своей коронаціи, а затѣмъ приложитъ старанія къ тому, чтобы провозглашена была Церковью святость другого угодника Божія — преп. Серафима Саровскаго. Но и на семъ не успокоилось сердце Царевъ: оно повлекло Его съ Царицей Супругой и Царицей Матерью въ далекую Саровскую пустынь и побудило Его собственными руками поднять священный гробъ Чудотворца и вмѣстѣ со своимъ народомъ, собравшимся сюда, въ количествѣ трехсотъ тысячъ, проливать слезы умиленія, открывать свою совѣсть духовнику монаху и причащаться Святыхъ Таинствъ у одной Чашы съ простодушными».

«Слышали ли ты что-либо подобное, о русской народъ, за послѣднее столѣтіе и болѣе? Часто ли встрѣчалъ такую силу вѣры среди людей знатныхъ и богатыхъ и указалъ ли мнѣ во всей вселенной нѣчто подобное въ жизни царей, именующихъ себя христіанскими? Учишь же у своего Царя вѣрѣ, умиленію и молитвѣ. Искреннее благочестіе остается неполнымъ, если не украшается любовью и состраданіемъ къ ближнимъ. И сію любовь нашъ Государь проявилъ въ первые же мѣсяцы по своему воцареніи, когда, по примѣру всероссійскаго праведника отца Иоанна Кронштадтскаго, началъ повсюду учреждать дома трудолюбія для бѣдныхъ, ибо именно въ этомъ нуждается городская бѣдность».

Государя, какъ человѣка церковно-вѣрующей, сознавала себя Помиланшиномъ Божіимъ и Царемъ, въ томъ высокомъ и отвѣтственномъ пониманіи этихъ обозначеній, который унаследовала изъ вѣковъ русской исторіи. Въ постановленіи великаго Московскаго Собора 1613 года было сказано: «Заповѣдано, чтобы избранныкъ Божій, Царь Михаилъ Феодоровичъ Романовъ былъ первоначальникомъ правителей на Руси и въ родѣ въ родѣ съ отвѣтственностью въ своихъ дѣлахъ передъ Единнымъ Небеснымъ Царемъ, а кто же пойдетъ противъ сего соборнаго постановленія: самъ ли царь, патриархъ ли, вельможа ли и всякъ человѣкъ — да проклинется таковой въ семъ мѣстѣ и будущемъ, отлученъ бо онъ будетъ отъ Святой Троицы».

Начальная статья Законовъ Россійской Имперіи говоритъ: «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Повновѣщается верховной Его власти не только за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ».

Въ чинѣ коронаціи и муромованія обрисовывается религиозная сущность русской царской власти. Государь вѣдухъ своихъ подданныхъ отыскалъ на вопросъ архіерея — «какъ вѣдуешь» и читаетъ символъ вѣры. Вѣрь регалии приносятся ему «во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Читается молитва, съ исповѣданіемъ, что земное царство вѣрено Государю отъ Господа, съ прошеніемъ о томъ, чтобы Господь вѣшилъ въ сердце его страхъ Божій, соблывать его въ непорочной вѣрѣ, какъ хранителя Святой Церкви, «да судитъ онъ людей Божіихъ въ правдѣ и нищихъ его въ судѣ, спасетъ сныи убогихъ и наследнику будетъ Небеснаго Царствія»... Самъ царь калѣвопреклоненно читаетъ молитву, полную смиренія, покорности и благодарности Богу. «Ты же Владыко и Господи мой, настави мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, правуми и управи мя въ великомъ служеніи семъ... Буди сердце мое въ руку Твою, еже вса устроиши къ пользѣ врученныхъ мнѣ

людей и къ славію Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно вѣдамъ Тебѣ слово»...

И въ манифестахъ къ народу Государь до послѣднихъ дней своего царствованія исповѣдуетъ истину своего служенія. «Отъ Господа Бога вручена намъ власть царская надъ народомъ нашимъ, — читаемъ мы въ манифестѣ 3 іюня, — передъ престоломъ Его мы дадимъ отвѣтъ за судьбу державы Россійской». Создать народное представительство, Государь измѣнилъ только технику правительственного механизма, ибо мнѣнія и большинство и меньшинство представлялись на выборѣ и утвержденіе его. То есть, совѣтъ Царская всегда на сторонѣ правды, а не на сторонѣ большинства, которое можетъ быть случайнымъ, искусственнымъ. Онъ не ослабляетъ своей отвѣтственности, складывая ее на плечи другихъ, но несетъ ее самоотверженно предъ Богомъ и исторіей.

Царь несъ трудное послушаніе своего званія усердно, самоотверженно, праведно и честно. Это былъ человѣкъ вѣрный себѣ, своему званію, Россіи, которой служилъ и для которой жертвовалъ всею и самымъ пышнымъ, вплоть до своей жизни.

Не трудно видѣть, что Царь былъ представителемъ духовной и Святой Руси по своимъ воззрѣніямъ, по личной жизни и характеру, по взглядамъ, не только по своему царскому служенію. Жизнь русскаго государства и общества, каждой отдѣльной личности и семьи, отъ Цари до крестьянина была неотрывна отъ жизни Царя. Царь былъ представителемъ и носителемъ этой національной русской культуры, по существу религиозной. Онъ былъ вѣрнѣе именно духовной и Святой Руси и наилучшимъ образомъ воплощалъ ее въ себѣ.

Но измѣненіе правды, платаніе умамъ, оскуднѣніе духа благочестія, невѣжливое отношеніе къ Церкви и ея уставамъ уже давно стали характеризовать выше передовое образованное общество. Едва ли не большинство его стало сторониться ея, стало искать себѣ другихъ руководителей, чуждыхъ и прямо враждебныхъ ей. Среди руководителей общественнаго мнѣнія, заправляющихъ печатнымъ словомъ, замѣчалось не только совершенное отсутствіе религиознаго направленія, но и глумленіе надъ его требованіями. Церковь не находила себѣ благопріятнаго приѣма въ интеллигентныхъ крутахъ и встрѣчала или равнодушіе или прямое пренебреженіе. Но терпя внутренне религію, это общество терзало свою культуру, измѣнило себѣ, своему національному призванію, искажало свой русскій образъ. Провохладала духовная жизнь Россіи.

Чѣмъ больше русское общество терзало способность мыслить и чувствовать такъ, какъ велитъ Православная Церковь, тѣмъ больше оно не понимало Царя. Царь былъ для него совершенно чужимъ, ненужнымъ, лишнимъ, несвоевременнымъ. Духовно отойди отъ Святой Руси, оно совершенно отчуждалось и отъ ея представителя. Оно абсолютно не шло къ нему тѣхъ чувствъ, какія питаетъ къ нему православный народъ. Общество тяготилось Царемъ какъ тяготилось Святой Русью.

Въ условіяхъ отхода общества отъ Церкви положеніе Государя дѣлалось тяжелымъ. Ложился пропастъ между Государемъ и общественной средой и это руководящее общество подорвало власть Государя и шавергло его. Ишверженіе Царя само по себѣ разозлило тотчасъ народъ, лишило его вѣры по власти и въ прѣжнее духовное руководство. Прислушываясь къ новымъ руководителямъ народъ воспользовался свободой низшихъ страстей, предавался алчности, грабежамъ и проч. соблазнамъ. Онъ введенъ былъ въ искушеніе высшими крутами, свергнувшими

Царское Село. Апрель 1913 г.

Tsarskoe Selo. April, 1913.

Ильцы 1909 г.

Skerries, 1909.

Царя, и повбрыць із простоты новымь руководителемь.

Въ революціи Россіи забыли о войнѣ, о Родинѣ, о Богѣ. Общество, а за нимъ народъ стали праздновать освобожденіе, зарю новой жизни, абсолютно не представляли въ чемъ же она. Царь въ это время не забывалъ Россіи и только ею жить. А о немъ всё забыли, отъ него отказались, ему помѣнили, его предали.

Когда депутаты Думы и руководители армій вырывали у него отреченіе отъ престола, Государь все надбавля, что они передумаютъ. «Хотите еще подумать?» — спрашивалъ онъ. «Не откажется ли это нѣкоторой опасностью?» «Но что скажете вы?» — говорилъ онъ, вспоминая, конечно, свое посвященіе его и встречу съ народомъ. «Какъ назовецъ отнесетъ къ этому акту казачество?» — еще разъ спрашиваетъ онъ относительно тѣхъ, съ любви которыхъ онъ былъ убѣренъ. «Но не знаю, хочеть ли этого — вся Россія?» — назовецъ спрашиваетъ онъ, получая всегда тысячи видовъ выраженія и доказательствъ самыхъ искреннихъ и горячихъ чувствъ любви и преданности себѣ своего народа.

Депутаты и генералы убѣряютъ, что только отреченіе спасетъ Россію отъ кроваваго междуусобія, удержатъ армию на фронтѣ изъ спокойствія и предотвратитъ позорный миръ съ грознымъ врагомъ и, такимъ образомъ, Царь принесеть себя въ жертву во имя спасенія Родины. Еще разъ Государь спросилъ: «вы убѣрены, что мой отказъ отъ власти успокоитъ волненіе?» ...

Государь сталъ передъ стѣной, отдѣлившей его отъ страны, и ощутилъ пустоту вокругъ себя, оказался покинутымъ и одинокимъ предъ лицомъ своихъ ближайшихъ соратниковъ. «Кругомъ шатѣна и трусость и обман!» — записалъ онъ въ дневникъ. «Что же мнѣ осталось дѣлать, когда всё помѣнилось?» — сказалъ онъ въ день отреченія, держа въ рукахъ книгу телеграммъ генералитета и своего родного дяди, Великаго Князя.

«Слѣдые вожди слѣдыхъ», принудивъ Государя къ отреченію, разрушили порадокъ изъ странѣ, разложили армию, открыли страшное междуусобіе, не убѣдили позорнаго мира.

Въ разгарѣ великой войны изъ столицъ возникъ удивный бунтъ, а въ станицѣ Государя произошла революція: ближайшее окруженіе его стало на сторону бунта, иди на ославительство съ нимъ уступкой ему самими Царемъ, вмѣсто того, чтобы сгрудиться около него на защиту страны. У Царя отвали вѣнецъ не профессиональные революционеры, а депутаты Думы и генералы, облаченные интеллигентскимъ ощущеніемъ ненужности царя и сами подрубиавшіе вѣтку, на которой они сидѣли.

Эти правящие убійцы Государя, ненужные бунтомы и вообразившіе себя счастелами Россіи, принуждившіе его отречься отъ престола, представляли дѣло такъ, что все по мановенію длго волшебника переменялось изъ одинъ мигъ и они сами, которые еще вчера пекали Его императорской улыбки, создавали только декорацию, бутафорію.

Если дѣло представлено было такъ, что отреченіе диктовалось отрицательнымъ отношеніемъ только къ личности именно Царя и что будто онъ лично является помѣхой для успокоенія Россіи и для возврата ей на путь безпребойнаго продолженія войны, то Государь былъ готовъ на жертву собою. Въ день отреченія своего отъ престола онъ сказалъ: «Дѣло идетъ о Россіи, объ ея кровныхъ интересахъ. Для Россіи я готовъ отдать и тронъ и жизнь, если я стану помѣхой счастья родинѣ». «Итъ той жертвы,

которую я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія Россіи. Посему я готовъ отречься отъ престола» — далъ онъ телеграмму председателю Думы.

И Государь, послѣ ночной горячей молитвы передъ иконой изъ своего кабинета, отрекся отъ престола.

Онъ единственныи въ тѣ дни — честный, правдивый, стойкій, серьезный, мудрый, сознающій что такое долгъ и отвѣтственность, присяга и призываніе, проникнутый безграничной любовью къ Россіи и преданіемъ предъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ возвысить ее, и категорически отвергающій все, что можетъ унижить ее, дота бы подъ угрозой потери своего положенія и самой жизни.

Прощальное обращеніе Государя къ Арміи проникнуто безпредѣльнымъ самоотверженіемъ и преданностью долгу обороны страны. «Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимымъ мною воиска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына отъ престола Россійскаго власть передана временному правительству, по почину государственной Думы возникшаго. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ, доблестная воиска, отвѣтить нашу родину отъ алого прага... — Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнитъ отечеству, его предатель... защищайте же доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь временному правительству... Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій!».

Онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы облегчить и обезопасить своимъ преобладаемъ успѣхъ въ борьбѣ съ вѣншимъ врагомъ и внутренними беспорядками. До отреченія онъ успѣваетъ назначить главнокомандующаго воисками и председателя временнаго правительства, чтобы оставшіеся вѣрными Государю могли со спокойной совѣстью подчиниться тѣмъ, кому повиновеніемъ обязаны ихъ самъ Государь. Все было обдуманно, все вывѣшено. Онъ не терять удивительной собранности мысли и разсудительности поведенія во всемъ, что касается интересовъ Россіи. Одинъ онъ былъ трезвъ, сосредоточенъ, разуменъ, среди вѣхъ испуганныхъ, дѣлавшихъ все невозможнаго, опровержень. Съ выдержкой, самообладаніемъ и мудростью дѣйствуетъ онъ.

Прощаясь съ отрудниками по Ставки, онъ обращается къ интендантамъ: «Помните же, что я говорю вамъ, непременно перевезите все, что нужно для армій... а вы непременно доставьте; теперь это нужно больше, чѣмъ когда либо. Я говорю вамъ, — что я не сплю, когда думаю, что армія голодаетъ». Съ болью сердца и съ тягостной заботой отрывался отъ армій ея Державный Вождь: будутъ ли такъ думать о нуждахъ доблестныхъ защитниковъ Россіи теперь, когда не будетъ его немужнаго глаза?

Во время отреченія Государя отъ престола въ течение нѣсколькихъ дней Императрица не получала отъ него вѣстей. Муки ея въ эти дни смертельной тоской безъ этихъ вѣстей и у постелей больныхъ дѣтей превозмши все, что можно себѣ вообразить. Она дошла до крайняго предѣла силъ человѣческихъ. Могильники нашей родины отлично понимали, что на пути къ осуществленію ихъ предательскихъ замысловъ стоитъ Императрица, мужественная и непоколебимая охранительница престола, и потому они рѣшили не позволить Державной Четѣ быть въ каинихъ либо сношеніяхъ. Письма ихъ задерживались и Государя шантажировали возможными опасностями для его семьи.

Государыня писала въ этихъ письмахъ: «Ничего не знаю о тебѣ, только раздиравшее сердце слышу» ...

Июское Цесо. 1911 г.

Tsarskoe Selo, 1911.

Июское Цесо. Апрель 1913 г.

Tsarskoe Selo, April, 1913.

«Мое сердце разрывается от мысли, что ты из-за одного одиночества переживаешь всё эти муки и волнения, и мы не знаем о тебе, а ты ничего не знаешь о нас... Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мною прежде, чем ты не подлиннешь вкусунибудь бумагу... Если тебя принудят изустушамся, то ты ни из какого слухач не обязаных их вываливать, потому что они были добыты недостойными способами... Всё мы бодрмы, не поддавлены обстоятельствами, только мучаемся за тебя и немысливаем утешение за тебя, святой страдальец... И не могу ничего сообщить, только будь, дорогой, счастливым собой... О, мой святой страдальец!»

Получив известие об отречении, Императрица едва ободрала своего Супруга, простирая свой взгляд на будущее и видя из-за немыслимой славы его: «Я вполне понимаю твой поступок... Я знаю, что ты не мог подчиниться, из-за чего ты клался на своей коронации... Клянешь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле, вознесённым обратно твоими народами и войсками... Ты спас царство своего сына (Государыни имеешь из виду первоначальное отречение его из-за полку сына) и страну, и свою святую чистоту, и ты будешь коронованым Самим Богом на этой земле, из своей страны»...

Да, действительно, встал бы пора неизбежно, когда жальнейшим народом и из присутствия его войска, Государь будет превознесён и коронован на престоле своего из своей страны и на этой земле, как святой страдальец и мученик и невинный правды Христовой, великим славом Божиим, церковным.

Такова была русская неслыханная героиня и великомученица Императрица Александра Феодоровна. Это была одна из невозможных сильных дуня, на которую охотно обрушиваются испытания, ибо их трудно или невозможно сделать, но и мёртв их страданий почти безпредельна.

Государь из ступки простился со всеми чинами штаба и управлений, съездившими офицерами и казаками конной и ездной полка, но не выдержав всего ужаса этих своих и общих переживаниях и неслыханной разлуки и, оборвав свой обход, поклонился и вытирая глаза, вышел из зала. «Сердце мое чуть не разорвалось» — записал из дневник.

Теперь начиналась из жизни Государя и его Семьи новая эпоха, эпоха лишения свободы съ унижениями и оскорблениями для его не только царского, но и просто человеческого достоинства.

Ворота дворца из Царском Селѣ были заперты, когда подошла автомобиль Государя. Солдаты, стоявший здесь, не открыли их и ждали дежурного офицера. Тот крикнул казали: «открыть ворота бывшему царю». Пала офицера была нарочно обидная для Государя. Когда Государь шёл мимо него, у него во рту была панирота и он держал руку из карманѣ. На крыльцо вышли другие офицеры. Они всё были из красных бантах. Ни один из них, когда проходил Государь, не отдавал ему чести. Государь отдавал им чести.

Страшное горе у Государыни вызвало известие об отречении Государя. Наконец встрѣтившись съ радостью, они вместе рыдали, но их кланья, громадная и теперь уже перадачуная любовь дала достаточно сил, чтобы перевести всё страдания, на которых они были.

Цесаревичъ и его сестры перащательно сжалеливо и мужественно относились къ посланной Царскому Семье переписки и преданной любовью и заботливостью старались облегчить Государыни и Государю всю горечь обиды и унижений.

Когда Наслѣдника известили об отречении Отца от престола, он спросил только о том, кто же будет править Россией, и ни слова не сказал о себе и ни единого намека на свои права. Его учило быть пораженно скромностью этого ребенка, которую он находил равной его доброте.

О жизни из Царском Селѣ Государя дали одной из своих сестер благодушное описание, из которого, между прочимъ говорить: «Выходъ наш из сада со всеми нашими лакеями, для работы или на огородах или из дѣсу, должно быть, невозможно оставаться безъраки Нова Комета, потому что около будки часового у стода съ круглого балкона собирались толпа стрельков, насмѣшливо наблюдавших за отомъ шествием. Возвращение домой тоже происходило совместно, т. е. дверь сейчас же закрывалась. Сначала и здоровался по привычке, но затем перестать, потому что они плахи и вовсе не отбѣжали... Радушнее за этот долгий срок съ нами было множество молодых забавных и иногда неприятных происшествий, но всего не описать, а когда нибудь, даст Богъ, расскажем вам на словах». Объ этих стрельках Государь вообще отащивается так: «Бидные обитые съ толку люди».

9 марта Государя прибыла из Царское Село из большими детьми и Супругѣ и началась совместная жизнь под арестом. А 31 июля они проставили на изан съ дорогиными утилками редного из Царского дворца и парка. «Какое страдание наше отбѣжать, — писала Государыня, — все уложено, пустые комнаты — так больно, наш отагъ из продолжении 23 дѣтъ».

6 августа Царская Семья прибыла из Тобольск на пароходѣ «Русь».

Жизнь из Тобольскѣ получила свое отражение из письмах Царской Семьи своим роднымъ и носила бодрый характер, а у молодых членов семьи всегда веселый.

Государь пишет своей сестрѣ из Крыма: «Мы постоянно думаем о васъ всѣхъ и живемъ съ вами одними чувствами и одними страданиями». Въ другомъ письмѣ онъ говорит: «Тяжело чрезвычайно жить здесь безъ известий — телеграммы получаютъ здесь и продаются на улицѣ не каждый день, а из нихъ узнаешь только о новыхъ ужасахъ и безобразияхъ, творящихся из нашей несчастной Россii. Точно становитея отъ мысли о томъ, какъ должно преобрать насъ наши соотечки. Для меня ночь — лучшая часть сутокъ, но крайней мѣрѣ забываешься на время».

«Мы только что вернулись отъ обѣдин, — пишет Государю, — которая для насъ начинается только из 8 час. при полной темнотѣ. Для того, чтобы попасть из нашу церковь, намъ нужно пройти городской садъ и пересѣчь улицу — всего шаговъ 500 отъ дома. Стрѣлки стоятъ рядомъ цѣлою сраном и стѣна и когда мы возвращаемся домой они постепенно сходять съ мѣсть и идутъ сади, а другие идеал сбоку и все это напоминаетъ намъ конецъ загона, такъ что мы каждый разъ со смѣхомъ входимъ из нашу канту».

«Сегодня день твоихъ именин, — пишет Государю своей сестрѣ. — Какъ часто мы проводили этотъ день вместе всей семьей и при иныхъ обстоятельствахъ, больше счастливыхъ, чемъ плачевныхъ. Богъ дастъ и эти пройдутъ. Я не допускаю мысли, что тѣ ужасы, бедствия и позоры, которые окружаютъ насъ всѣхъ, продолжаться долго. Я твердо вѣрю (Государь подчеркнул слово «вѣрю»), какъ и ты, что Господь умягчитъ сердце надъ Россией и умирить страсти из концѣ концовъ. Да будетъ Его святая воля».

Фридрихъ. 1909 г.
Friedberg, 1910.

Тина Шендеровна. 1909 г.
The Yacht "Standart," Skerries, 1909.

Игнатъ Цванъ. Мартъ 1911 г.
Tsarskoe Selo, January, 1911.

Игнатъ Цванъ. Апрель 1911 г.
Tsarskoe Selo, April, 1911.

«Последние дни были очень холодные, — продолжает он, — сильнейшая буря с 25-30 градусными морозами. Ветры пронивают даже из дома и температура в некоторых комнатах доходила до 7-8 град. тепла, например из залы и комнаты кабинетов. Эта температура из помещенных напомнила мне пребывание зимою у дорогого Георгия из Абастуманк. Но во всем приключении, особенно мы тепло и по утрам сидим из валенках — пока печи не растопят. Отлично».

Государыня пишет той же сестре своего Супруга: «На души так невыразимо больно за дорогую Родину, что объяснить нельзя... Живем тихо, хорошо устроились, хотя далеко, далеко от всех отряханы, но Бог милостив, силз дати и утешити, — сердце полно, выразити нельзя». «Сильно гори кругом, куда ни смотришь — слезы — слезы. Но крайне вѣрю, что время страданий и испытаний проходить, что солнце опять будет светить надь многострадальной Родиной. Види Господь милостив — спасети Родину, прокумтит туманный ум, не гибнетъ до конца. Забыли люди Бога. Годы — что парето для всѣхъ правити. Немного еще терпѣти, и вѣрѣти. Когда кажется, что конецъ всего, тогда Онъ наѣрво услышитъ всѣ молитвы. Страдания и испытания Ихъ велики, развѣ Онъ не всегда достаточно силз дати за перенесенія всего. Види Онъ Самъ показывалъ намъ, какъ надо терпѣти безъ ропота и вешиво страдать... Дни быстро идутъ, однопобразно, всѣ заняты, только такимъ образомъ и можно жить. Теперь будемъ тоже во время службы пѣти, не знаю какъ выйдетъ. Дети, Нагорный (который тоже будетъ читать — мальчикомъ читалъ въ церкви), и и регентъ. Очень грустно не быть въ церкви, не то, безъ обѣдин. Хотимъ говѣти на 1-й недѣлѣ, не знаемъ какъ будетъ, что позволить».

Письма Царевны даютъ тѣ же свѣдѣнія: «По воскресеньямъ бывають обѣдинца изъ залы, были два раза въ церкви. Капит отъ была для насъ радость послѣ 6 мѣсяцевъ... Здѣсь церковь хороша. Одна большая лѣтняя въ серединѣ, гдѣ и служатъ для прихода и двѣ зимнія по бокамъ. Въ предѣлѣхъ служили для насъ однихъ. Она здѣсь недалеко, надо пройти городъ, садъ и прямо напротивъ черезъ улицу. Маму мы вели изъ церкви, а то ей все-таки трудно идти». «Вчера у насъ въ домѣ была заупокойная всенощная, а сегодня утромъ обѣдинца. Поютъ во время службы 4 монахини изъ Иоанновскаго монастыря, который за городомъ. Говорятъ, что очень красиво...» «Богъ дастъ все какъ-нибудь уладится и успокоится. Говорятъ всегда, что ничего хорошего и счастливого долго не бывають, вѣрѣно не дается, такъ по моему такъ и скверное когда-нибудь должно же кончатся. Вѣрво. У насъ все слава Богу, насколько можно, спокойно. Всѣ здоровы, бодры и не падемъ духомъ». «Собираемъ пѣти во время службы, начали свѣтаться, но регентъ еще не былъ, т. е. не знаемъ успѣемъ ли пѣти въ субботу». «Надѣемся всѣ на Бога и не унываемъ». «Мы всѣ на этой недѣлѣ говѣемъ и сами поемъ у себя дома. Были въ церкви наивецъ. И причаститься тоже можно будетъ такъ».

Письма эти отчасти отражаютъ и возрастания для уминомъ стѣсненія. Въ церковь запретили наконецъ ходить, во дворѣ испортили и сократили для дѣтей развлечения, постепенно смѣняется составъ охраны и на мѣсто старыхъ дисциплинированныхъ солдатъ становится люди большевничной формации, служащими Царской Семьи запретили выходить изъ городъ и они сдѣлались заключенными, несл этого водить добровольно и не получая никакого жалова-

нья, что и безпокоитъ и тревожитъ Царскую Семью.

Пребываніе въ Тобольскѣ было временемъ видимо особахъ нравственныхъ терзаний Государя. Государь выражалъ социальное и социаль отеченіе, которое онъ сдѣлалъ изъ надеждъ, что пожелавшіе его удаленія окажутся способными необходимо закончить войну и спасти Россію. Но за его удачливъ послѣдствала большевничная, развалъ арміи и разрываніе страны. Онъ страдалъ теперь при видѣ того, что его самоотреченіе во избавленіе внутреннихъ волнений во время войны оказалось бесполезнымъ, и что онъ, руководствуясь лишь благомъ своей родины, на самомъ дѣлѣ оказалъ ей плохую услугу своимъ удачливъ. Эта мысль преслѣдовала его и причинила ему тяжкія страданія.

Въ соловенномъ заключеніи былъ настоятель Тобольскаго кафедральнаго собора протоіерей о. Владиміръ Хлыновъ, который совершалъ службы для Государя и Его Семьи въ губернаторскомъ домѣ и былъ духовникомъ Ихъ Величествъ. По его свѣдѣтельству Государь сказалъ ему, между прочимъ:

— Я никакъ простити себя не могу, что я сдѣлалъ власть. Я никогда не ожидалъ, что власть попадетъ къ большевничкамъ. Я думалъ, что сдѣлаю власть народнымъ представителемъ...

У отца протоіерей сохранился убѣжденіе, что это переживаніе было самымъ большимъ у Государя и во преимуществу преслѣдовало его въ дни заключенія и можетъ быть совмѣлось имъ, какъ какой-то грѣхъ, отъ тяжести котораго онъ хотѣлъ избавиться.

Государыня также болѣла другимъ. Ей было трудно простити несправедливость въ отношеніи къ ней. Ее мучило непониманіе и клевета на нее обшества.

— Всѣ говорили про меня: нѣмцы, нѣмцы...

По мнѣнію отца протоіерей, Государыню мучила мысль, что такое предубѣжденіе противъ нея такъ и не разбавилось въ русскомъ обществѣ и восторженствовало.

Сначала Царская Семья ходила на богослуженія въ Соборъ. И ей и всему народу это было приятно. Но однажды соборный протоіерей въ царскій день въ концѣ молебна, провозгласилъ Государю многолѣтне съ полнымъ титуломъ. Это обстоятельство очень огорчало Государя. Послѣ службы, придя домой, Государь сказалъ: «кому это нужно? Я отлично знаю, что меня еще любятъ и мнѣ еще вѣрво, но теперь будутъ несправедливости и въ соборѣ больше не пустять».

Такъ и случалось въ концѣ концовъ. Но благодаря этому, о. протоіерей былъ приглашенъ на домъ для совершенія службы и ближе познакомился съ Царской Семьей.

Пѣли за богослуженіемъ Царевны. Пѣли просто и стройно. У нихъ были хорошія книжечки, по которымъ они сдѣлали службу. Размѣтки музыкальныхъ стрѣлъ и удареній были въ нихъ сдѣланы очень мудрой рукой. Были случаи когда Государь прислуживалъ священнику: ставилъ аналой, бралъ кадло.

Послѣ службы обычно договаривались, когда будутъ слѣдующія службы. Царевны успѣвали жаловаться о. протоіерю на Брата, который шалитъ, не давалъ покоя имъ. — Мальчикъ лубаво смотрѣлъ на батюшку, притался, и начиналъ снова свои лабавы. Часто приходилось проходить по бульвару мимо губернаторскаго дома. Отстаивались было недолго и тѣмъ болѣе смотрѣть въ окна или адроваться. Почти всегда о. протоіерей видѣлъ кого-нибудь изъ Великихъ Князей у окна. Виднымъ птички изъ своей кѣтки всегда смотрѣли на свободу и радость жизни проходящихъ людей. Отецъ протоіерей всегда ста-

Е. И. В. Государь Императоръ послѣ ареста въ Царское Село.

H.I.M. the Sovereign Emperor after arrest in Tsarskoe Selo.

Высадка Царской Семьи въ Tobolsk.

Disembarkment of the Imperial Family in Tobolsk.

Сержанты отряда особаго назначенія (охрана Царской Семьи) подносят цветы Ихъ Высочестваъ Великимъ Князьямъ.

Riflemen of a detachment of the special assignment (guarding the Imperial Family) present flowers to Their Highnesses the Grand Duchesses.

раза взглянуть в окно и кинуть туда головой. А оттуда улыбка, кивки и долгий провожающий взгляд.

Еще важный факт, Государь в первые же дни знакомства с о. протоиереем, просить его передать епископу Гермогену, правящему в Tobольскѣ, свой земной поклонъ (именно такъ выразился Государь) и просьбу простить его, Государя, что онъ принужденъ былъ допустить отстраненіе его отъ кathedры. Иначе нельзя было сдѣлать. Но что онъ, Государь, радъ, что имѣетъ возможность просить прощенія за все.

Какъ уже впереди описано, Гермогенъ, епископъ Саратовскій, написалъ посланіе Государю непосредственно, минуя Сувовъ и за это формально долженъ былъ быть наказанъ.

Теперь епископъ Гермогенъ былъ растроганъ до глубины души, самъ послалъ Государю, черезъ отца протоіерея, земной поклонъ и просфору и просить прощенія.

Такъ Царь и епископъ, незадолго до мученической кончины обоихъ, вложили бывшее недоразумѣніе съ глубокимъ смиреніемъ и любовью.

Въ Tobольскѣ Царскую Семью постигло испытаніе, имѣвшее по своимъ конечнымъ результатамъ только нравственное значеніе, а не какое-либо нравственное, и бывшее какъ бы ихъ Господней съ ихъ бореніями, за которой дальше началось шестіе на Голгофу.

Прибывшій изъ Москвы комиссаръ объявилъ Государю, что его увозить и что отъѣздъ состоится этой ночью. Узнавъ объ этомъ, Государь воскликнулъ съ волненіемъ: «въ такомъ случаѣ, это значить, что они хотятъ заставить меня подписать брестъ-литовскій договоръ, скорѣе я дамъ отрубить себѣ руку»... Комиссаръ убѣждалъ, что съ Государемъ не случится ничего дурного и что, если кто-нибудь пожелаешь его сопровождать, этому не будутъ противиться. Государыня рѣшила сопровождать мужа, несмотря на болѣзнь сына, которого она рѣшила покинуть во имя долга. Ей пришлось выбирать между сыномъ и мужемъ. Государь оставилъ семью по необходимости со смертельной рѣшимостью служить родиной. Государыня шла за нимъ добровольно, только чтобы поддержать мужа въ томъ же самомъ. Ради того, чтобы раздѣлить жизнь и смерть мужа во имя долга, она героически отряпаетъ свое сердце отъ безгранично любимого сына. Она выноситъ рѣшеніе, полное пламеннаго патриотизма, въ сознаніи долга предъ Россіей.

Воспитатель Населѣдница рассказываетъ, что проходя по корридорю онъ встрѣтилъ двухъ ласенокъ, которые рыдали, сообщая, что Государя увозить. Минуту спустя Татьяна Николаевна въ слезахъ попросила его къ Государыни. Государыня говорила: — Я не могу отпустить Государя одного. Его хотѣть, какъ тогда разлучить съ семьей... хотѣть постараться склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему безпокойство за жизнь близкихъ... вдвоемъ мы будемъ сильнѣе сопротивляться, и я должна быть рядомъ съ нимъ въ этомъ испытаніи... Но мальчикъ еще такъ боленъ... вдругъ пропадетъ осложненіе. Боже мой, какая ужасная пытка... Въ первый разъ въ жизни я не знаю, что мнѣ дѣлать»... Государыню терзали сомнѣнія. Наконецъ она сказала: «Да, такъ лучше, я уѣду съ Государемъ, я вѣрю вамъ сына», — обратилась она къ воспитателю. Семья провела всю вторую половину дня у постели Алексѣя Николаевича. Вечеромъ Государыня сѣла на диванъ, имѣя съ собой рядомъ двухъ дочерей. Онѣ такъ много плакали, что ихъ лица опухли. Всѣ окружающіе Царскую Семью скрывали свои мученія и старались казаться спокойными. У всѣхъ было чувство, что, если

кто-нибудь не выдержитъ, не выдержать и всѣ остальные. Государь и Государыня были серьезны и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы всѣмъ пожертвовать, въ томъ числѣ и жизнью, если Господь, въ несподвижныхъ путяхъ Своихъ, потребуетъ этого для спасенія страны. Никогда они не прощали по отношенію ко всѣмъ окружающимъ больше и доброты и заботливости. Та великая духовная ясность и поразительная зѣра, которой они проникнуты, передаются и всѣмъ. Въ одиннадцать часовъ съ половиною слуги собравшись въ большой залъ. Ихъ Величества и Марія Николаевна прощаются съ ними. Государь обнимаетъ и цѣлуетъ всѣхъ мужчинъ. Государыня — всѣхъ женщинъ. Почти всѣ плачутъ. Въ три съ половиною часа ночи во дворъ въбѣгаютъ эскпадо. Это ужаснѣйшіе тарантасы. Одинъ только снабженъ верхомъ. Находите въ заднемъ дворѣ много соломы, которую подстилаютъ на дно тарантасовъ. Матрацы кладутся въ тотъ изъ нихъ, который предназначаютъ Государыни. Въ четыре часа всѣ поднимаются къ Ихъ Величествамъ, которые выходятъ въ эту минуту изъ комнаты Алексѣя Николаевича. Государь, Государыня и Марія Николаевна прощаются со всѣми. Государыня и Великія Княжны плачутъ. Государь кажется спокойнымъ и находитъ ободряющее слово для каждого, онъ обнимаетъ и цѣлуетъ оставшихся. Государыня, прощаясь, проситъ воспитателя сходить внизъ и оставаться при Алексѣѣ Николаевичѣ. Тотъ отправляется къ нему, мальчикъ плачетъ въ своей кровати. Нѣсколько минутъ спустя, слышны грохотъ экипажей, Великія Княжны возвращаются къ себѣ наверхъ и проходятъ, рыдая, мимо дверей своего брата.

Родители и дѣти никогда не разлучались, а теперь должны были расстаться, даже съ больнымъ сыномъ и накануне Пасхи, когда вся семья всегда была вмѣстѣ. Впрочемъ, разлука была очень недолгой. Большевикскія организаціи сѣвера воспрепятствовали дальнѣйшему слѣдованію Царской Четы и задержали ее въ Екатеринбургѣ. 13/20 апрѣля она выѣхала изъ Tobольска и проѣхала 286 верстъ въ повозкахъ, «пошевахъ» или плетевыхъ корзинкахъ безъ ендѣвій, прежде чѣмъ достигла желѣзной дороги. 17/30 апрѣля Государь, Государыня и Великія Княжны Марія Николаевна съ некоторыми членами ихъ добровольной свиты прибыли въ Екатеринбургъ и заключены въ домъ инженеръ Шатъева. А 10 мая къ нимъ уже прибыли и всѣ остальные члены семьи. Планиція рѣчныхъ открылась и дорога для нихъ была болѣе легкой.

Два съ половиною мѣсяца провела здѣсь Царская Семья среди шайки наглыхъ, развуданныхъ людей новой ихъ стражи, подвергаясь издѣвательствамъ и непрерывнымъ страданіямъ. При первомъ обыскѣ болшевики грубо вырвали изъ руки Императрицы ручной мѣшочекъ и отбѣгали Государю дерзостями. Въ первое время Великія Княжны спали на полу и всѣ для обратительную пищу изъ совѣтской столовой. Караульные были поставлены во всѣхъ углахъ дома и слѣдили за каждымъ движеніемъ заключенныхъ. Они покрывали стѣны неприличными рисунками, глумясь надъ Императрицею и Великими Княжнами. За столомъ садился всѣ вмѣстѣ. Караульные, присутствуя тутъ же, не снимали фуражекъ, курили, плевали и ругались скверными словами. Однажды за столомъ самъ комиссаръ, бѣра тарелку, толкнулъ Государя локтемъ прямо въ лицо. Большее частью караульные вели свою службу въ пьяномъ видѣ. Они систематически грабили и расхищали вещи, бѣлье и одежду Царской Семьи. Но постепенно даже наибѣзпѣйшіе охранники были поражены той сп-

His Imperial Majesty the Sovereign Emperor with His August Family.

Скита, сопровождавшая съ Царской Семьей въ Тобольскъ.
 Верхній рядъ (сѣбя направо): Ген. адъют. Н. Л. Татищевъ, воспитатель Насѣдника Цесаревича П. А. Жильеръ, гофм. ген.-м. Кн. В. А. Долгоруковъ.
 Нижній рядъ (сѣбя направо): гоф. лектриса Е. А. Шнейдеръ, фрейлина Граф. А. В. Гендрикова.

Suite which followed the Imperial Family to Tobolsk. Top row (l. to r.): Adj.-General I. L. Tatishchev, tutor of the Heir-Tsarevich P. A. Gilliard, Hofmeister General Prince V. A. Dolgorukov. Bottom row (l. to r.): Lecturer E. A. Schneider, maid-of-honour Countess A. V. Hendrik.

Лѣбѣ своей Евгеніи Сергѣевнѣ Боткинъ.

Physician-in-Ordinary, Evgeny Sergeevich Botkin.

дой христианского смирения и кротости, с которыми вся Царская Семья перенесла мучительное заключение, пока наконец в ночь на 17 июля 1918 г. было совершено одно из величайших преступлений во всемирной истории.

За три дня до казни, 1/14 июля, была последняя служба из поминаний, занятых Царской Семьей. Священник отец Иоанн Сторожки так описывает этот момент: «Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — и не скажу — в угнетенном духе, но все же производили впечатление как бы упокоенных. По чину обрядом позволяло из определенному месту прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз о диакон, вместо прочтения, зашел эту молитву, стал петь и я... Но едва мы зашли, как я услышала, что стоявшие позади меня члены Семьи Романовых оступились на каменные... Так и подготавлились они, сами того не подозревая, к своей смерти, принимая погрешительное напутствие.

В это Богослужение, вопреки обыкновению, никто из Семьи не пел, что тотчас обратило внимание духовенства и, выйдя из дома, они поднялись своими впечатлениями, что как будто у них там что-то случилось и они всё какие-то другие.

Узники спали глубоким сном, когда их разбудили и приказали одеваться, чтобы покинуть город, которому будто бы угрожала опасность. Царская Семья спустилась в нижний полуподвальный этаж, где Государь с большим сыном сел на стул впереди комнаты. Вокруг расположились Государыня, Великие Князья, доктор и трое преданных слуг. Все ожидали сигнала к отходу. Они не знали, что экипажи давно уже ждут их у ворот. Это были грузовики, на которых должны были отвезти тела обреченных.

После окончательного всех заключенных, заявления палача о предстоящем расстреле, Государыня успела перекреститься. Она была убита сразу, одновременно с Государем. Бог послал им счастье не слышать стонов Цесаревича и криков раненой Великой Княжны Анастасии. Первые пули не принесли смерти самому младшему и их пронзили, добивая ударами штыком и прикладами, застрелили в упор. Самое позорное и страшное претерпело наибольшая мука.

Они были убиты:

- Государь 50 лет (род. в 1868 г.) от роду.
- Государыня 46 лет (род. в 1872 г.)
- Ольга 23 лет (род. в 1896 г.)
- Татьяна 21 г. (род. в 1897 г.)
- Мария 19 лет (род. в 1899 г.)
- Анастасия 17 лет (род. в 1901 г.)
- Алексей 14 лет (род. в 1904 г.)

Из числа преданных друзей и слуг Царской Семьи, прибывших с ней из Tobольска, убиты вместе с Царственной Семьей лейб-медик Евгений С. Боткин, горничная Государыни Анна С. Демидова, поварь Харитонов и лакей Трушки. Матроне Климентий Нагорный, ходивший за Пасхадником с раннего детства и Сергей Скляков, лакей Великих Князей, оба заперевшие заключенную Царскую Семью из Екатеринбург от грабежа и оскорблений, были унесены из дома заключения к тюрьму и там расстреляны. Совсем не были допущены жить с Царской Семьей из Екатеринбург и также расстреляны в тюрьме генералы Пела Татищев и князь Василий А. Долгоруков. Других недопущенных, фрейлина, графиня Анастасия В.

Гендрикова и гоф-лектриса, учительница русского языка, Екатерина А. Шнейдер, вывезены были из Перми и там расстреляны. Графиню Гендрикову перед расстрелом, 21-го августа, допрашивали: добровольно ли она последовала за Романовыми из Tobольска. Она сказала что добровольно. «Ну раз вы так преданы нам, скажите нам: если бы мы все генералы отсутствовали, вы бы опять вернулись к нам и опять продолжали бы служить нам?» — «Да, до последнего дня моей жизни», — ответила графиня.

«Ничего больше той любви, как если кто возлюбит душу свою за друзей своих» (Иван. 15, 13).

Мы уже упоминали о том, как любила Россию Императрица Александра Федоровна. Но здесь жеманно говорили много похоронного...

Говорили, что Императрица была глупой и делала все, чтобы победил Герман. В это глупая ложь. Известно, что во дворце была библиотека, полная подарков Императора Вильгельма. Вазы, ковры, статуи, gobelены... В самом начале войны Государыня велела все эти вещи вынести из дворца, и из дворца они исчезли бесследно.

Невозможно не отметить и то, что Государь и Государыня были образцами настоящих христианской семьи.

Государыня с первого появления детей отдала им все свое внимание: кормила, ежедневно купала, выбирала шить, неотступно бывала из детской, не доверяла своим малюток никому. Часами она проводила из классной, руководила занятиями своих детей. Бывало, что держа на руках ребенка, она обсуждала серьезные вопросы своего нового учреждения, или, одной рукой качая колыбель, она другой подписывала деловые бумаги. В свободные минуты она вышивала, вязала, раскрашивала, всегда пребывала из работы.

Государыня не приглашала к дочерям гувернанток, так как не желала видеть кого-либо между собой и ими. Не поручала фрейлинам воспитывать детей.

Она не могла видеть без дела своих дочерей. Великие Княжны должны были быть всегда заняты, всегда находились из детской. Чуждые работы и вышивки выходили из под их быстрых ручек. Дев старшая, взрослая дочери — Ольга и Татьяна работали вместе с Матерью из своем лазарет во время войны. Здесь они работали как обласованные сестры, перевязывая раны солдатам и офицерам.

Императрица была совершенно чужда пустой атмосфере петербургского света, которому она все надеялась принести кусок из труда. Она основала общество рукоделия, члены которого, дамы и барышни, должны были сработать известный минимум вещей из год для бедных; общество трудолюбия, склады белья для раненых, инвалидные дома с мастерскими, школу народного искусства для обучения кустарному делу, общество для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных детей из мастерство. Получилась целая сеть трудовых организаций, которых Государыня мечтала объединить из особое управление, подобно современным министерствам труда.

Во всему этому, как говорить ближайшие свидетели ее жизни, трудно себя представить, какой миссией Государыня помогала выйти из материальных затруднений, сколько детям оказала помощь из воспитанием и какую массу бедных прибрала, и сколько она видела слез благодарности. Но никто об этом не знает.

Все великие князья воспитывались из строго религиозном духе и из строгих требованиях внима-

И. И. В. Великия Княжна Мария Николаевна и Анастасия Николаевна среди раненых въ лазаретъ
Свѣтлаго Мира. 1915 г.

T.I.H. the Grand Duchesses Maria Nikolaevna and Anastasia Nikolaevna among the wounded
in an infirmary which had been named after them. 1915.

Англичанскія Сестры милосердія.

Imperial Sisters of Mercy.

Англичанская Сестра милосердія Государыни Императрицы
Александры Федоровны.

Imperial Sister of Mercy, the Empress Alexandra Feodorovna.

тального отношения к каждому человеку без всякого сознания своего превосходства, а тем более крайности своим высочайшим положением. Государь всегда повторял: «Чем ближе человек, тем скорее он должен помогать вѣмъ и никогда къ обращенію не забывать своего положенія. Такими должны быть и мои дѣти». Осуществляла сама въ жизни этотъ принципъ, она такія же сдѣлала своихъ дѣтей, кроткими, добрыми, внимательными ко вѣмъ и ласковыми.

Дѣти ихъ были — духовно простые и любящіе все простое, образованными, естественными, безъ позы, нетребовательными, открытыми, глубоко правдивыми, провинитыми чувствомъ долга, истинно религиозными. Государыня воспитала въ нихъ ту вѣру, ту силу духа и смиренія, которые помогли имъ безропотно и сѣбно вынести тяжелыя дни заточенія и принять мученическую смерть. Дѣти буквально боготворили родителей. Мать, которую они обожали, были въ ихъ глазахъ какъ бы невозвратима. Дочери были полны очаровательной предупредительности по отношенію къ ней.

Наслѣдникъ былъ необъясненно проницательный мальчикъ съ умнымъ и открытымъ выраженіемъ тонкаго лица, на которомъ были замѣтны слѣды физическаго страданія. Дни, которые онъ проводилъ въ Могилевѣ у своего отца, къ которому онъ питалъ глубокую привязанность, были счастливейшими для него временами, и онъ не страдалъ своего изгнанія, когда надо было воспринять доверіе, поддѣлывать вѣнчаніе, въ полукамеринскую атмосферу Царскаго Села и Петергофа. Его наставникъ находилъ въ немъ много добрыхъ качествъ и, прежде всего, горячее сердце, отягченное къ чужому горю.

Государыня шептала о дѣтихъ Государю: «Онъ дѣлалъ всё наши душевныя волненія... Кронка чувствуетъ такъ много своей маленькой чуждой душой — иногда не буду въ состояніи благодарить Бога достаточно за ту чудесную милость, которую Онъ мнѣ далъ въ тебѣ и въ нихъ. Мы одно».

О своей семьѣ Государыня говорила: «Мы — одно, а это, вамъ такъ рѣдко въ теперешнее время, — мы тѣсно связаны вѣстѣ... Маленькая грѣшно связанная семья».

Уже въ Тобольскѣ Государь сказалъ своему добровольному слугѣ Татищеву, выразившему удивленіе смирненности Царской семьей: «Если вы такъ мало вѣстѣ знали, какъ же вы хотите, чтобы мы съ Государыней могли обмѣняться тѣмъ, что говорить о насъ въ гостяхъ?»

Она близкая свидѣтельница внутренней жизни Царственной Четвѣ говоритъ: «Жизнь Ихъ Величествъ, была безоблачнымъ счастьемъ кроткой безграничной любви. За двѣдцать лѣтъ и иногда не слышалъ ни одного громкаго слова между ними, ни разу не видѣлъ ихъ даже сколько-нибудь раздраженными другъ противъ друга».

Камердинеръ Государя, самый ближайшій слуга, свидѣтельствовалъ, «что была самая святая и чистая семья».

Какой примѣръ въ наши дни дала эта столь достойная семейная жизнь! Царская семья — и во велика различіе — всё семь вѣстѣ — это единый алмазь, сияющій и кристальнѣй, граненый дѣлательной любовью, нераздробленный никогда ничѣмъ. Неразлучная въ жизни эта святая семерница оказалась неразлучной и въ смерти. Никто изъ нихъ не пережилъ другого на одинъ часъ.

Семь замученныхъ страдальцевъ, семь кроткихъ немалыхъ агнцевъ приготовили себя на жданіе. Поруганные, всѣми оставленные, они совершили крестный путь отъ царскихъ дворцовъ до Екатерин-

бургскаго подвала Ипатьевскаго дома, отъ бластительной свѣты парадорцевъ и слани у мѣстѣ вѣстѣ и народа къ такому одиночеству среди шайки разбойниковъ и поруганію отъ этихъ полукамеринцевъ и своихъ убійцъ.

Рожденный въ день церковной памяти святого праведнаго Іова Многострадальнаго (6 мая), Государь, жизнь котораго была такъ тяжела и правдиво такъ несчастливо, самъ обратилъ вниманіе на день своего рожденія и самъ уподобить жизнь свою величайшимъ страданья Іова, принять свой крестъ, какъ крестъ Іова, твердо, кротко и безъ тѣмъ рыдана.

У Государя сознание полноты счастья, удовлетворенности жизнью никогда не было. На немъ исполнилось его собственное пророчество: «У меня больше чѣмъ предчувствіе, что я обреченъ на страшныя невзгоды и что я не буду вознагражденъ за нихъ на этомъ свѣтѣ».

Мнѣ не удивитъ ничего, чтобы я не предпринимать; у меня нѣтъ удачи. Впрочемъ воля человека такъ безсильна». «Сколько разъ я приближалъ къ себѣ слова св. Іова: ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ».

«Быть можетъ, для спасенія Россіи нужна покушительная жертва. И буду этой жертвой. Да будетъ воля Божія».

Эти святые слова Царь-Мученикъ прожизнелъ свыше чѣмъ за 10 лѣтъ до 1917 года.

Въ юности онъ получилъ раненіе отъ руки фанатика-шпона, какъ предзнаменованіе будущаго, еще большаго раненія. Заря счастливой супружеской жизни была омрачена кончиной обожимаго отца. Заря государственнаго служенія — Ходынской катастрофой. Затѣмъ потеря любимого брата-друга, революціонныя волненія 1905 года, неудачная русско-японская компанія, разногласія и сноволія флоторыхъ родственниковъ, томительное ожиданіе сына и рожденіе вымоленаго у Бога Императрицей большаго мальчика, вѣчно любимаго Наслѣдника. Наконецъ, новая война съ первоначальными неуспѣхами, но съ надеждой и со всѣми данными грядущей скоро уже побѣды, которой дожидаться также не удалось.

И за всѣми неудачами слѣдовали непониманіе, несправда и клевета «общества». На мудраго и во всемъ разобрающагося, во кроткаго и скромнаго свотрѣтѣ смысла, какъ на невѣжественнаго и ограниченнаго. Его глубокое осаніе правдивой откровенности за судьбу родины и за жизнь безмалыхъ подданныхъ, осторожность въ сѣмъхъ несдѣланныхъ рѣшеніяхъ, трактуется какъ безволие; смиреніе осуждается, религиозность осмѣивается какъ враждебное, въ рѣчахъ и манифестахъ, чуждыхъ угодности вѣстѣ, во твердыхъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ, усматривается только рутинность, консерватизмъ. Велика неудача выводится въ его личную ошибку или преступленіе. Клевета не падаетъ во только вѣрной и въ чѣмъ неповинной Государыни, которой бросается гнусное обвиненіе въ томъ, что, во даже прекрасныхъ, ангеловодно чистыхъ дочерей.

И изъ всего этого моря лжи, клеветы и брачной ругани Государь выходитъ прекраснымъ и чистымъ. Ни одного несправда, неблагогоднаго, непарственаго жеста: такое достоинство и такое смиреніе.

«Святой страдалецъ» — самое вѣрное, истинно выражающее душу и жизнь Государя опредѣленіе, произнесенное его царственной супругой.

Все, все, что произошло съ Государемъ и его Семейей, произошло во евангельской канѣ.

Страданіе Царской Семейи — величественное, воключительное, Христоводное. Оно совершалось во

Е. И. В. Великая Княжна Анастасия Николаевна.
H.I.H. Grand Duchess Anastasia Nikolaevna.

Е. И. В. Великая Княжна Мария Николаевна.
H.I.H. Grand Duchess Maria Nikolaevna.

всей полнотой нравственных и финансовых переживаний. В несомлемости газетного хохота и издевательском общепародном глумлении надбавались, поэриали, клеветали, оскорбляли и унижали ее, после того как одни ближайшие сотрудники Государя ему палили, а другие трусливо божали. «Крутомъ шайбна, трусость и обманъ». Вчера имѣлише торжественные входы въ столпы и горда съ кликами несмѣтныхъ толпъ — «осанна!» — сегодня слышати — «распина!». Временное правительство, во власть котораго Царь отдалъ самъ себя добровольно, испугалось толпы и не защитило его. Иуды предали, Пилаты умыли руки, палачи распинали.

Было и Госемиланское бореніе съ «отчаяніемъ», которое, однако, «прошло», со слезами и рыданиями, съ горичей молитвой, съ переживаніемъ разлуки, отъ второй «раздвинулось сердце». Еще объ этомъ сердце: «И начинаю ощущати мое старое сердце, — писалъ онъ Царю въ июль 1915 г., — Первый разъ, ты поминиши, что было въ августѣ прошлаго года послѣ самосековой катастрофы, а теперь оишти». Сколько пережило это сердце въ горестныхъ скорбяхъ о неудачахъ отечества вплоть до тѣхъ дней, когда лучшей порогою стала для него ночь, въ которой онъ могъ «слабываться во время». Спитой страдалецъ, поимый Юль Многострадальный! Золотой своей царскій вѣнецъ онъ смѣнилъ на терновый вѣнецъ Христовъ. Въ его уста такъ легко вкладываются слова Юва: «иши и вышии изъ чрева матери моеи, какъ и возвращуеши; Господь дати, Господь и кисти; да будетъ имя Господне благословенно! Неужели доброе мы будемъ приниматьъ отъ Бога, а злого не будемъ приниматьъ» (Юв. 1, 21; 2, 10).

У адранивающихъ членовъ Императорскаго Дома оказались книги, которыя были у Царской Семьи во время заточеній ихъ въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ. Книги, лично принадлежавшія Императрицѣ и В. К. Татьянѣ Николаевнѣ, на полкахъ многихъ своихъ страницъ, хранятъ карандашныя отметки, изъ которыхъ мы видимъ, какою мыслью читаніе были поразены, съ чѣмъ она была связана, въ чемъ особенно выражали себя ихъ души. Беремъ нѣсколько подчеркнутыхъ выдержекъ только изъ двухъ книгъ: «Лѣтница, Преп. Иоанна Лѣтвничска», изд. 1909 г. и «О терпѣнн скорбей, ученіе св. отцевъ», еп. Игнатія Брянчанинова, 1883 г. Обѣ книги за собственноручной подписью Императрицы на явномъ листѣ.

«Христіане должны мужественно переносити оскорбленія и борьбу, какъ внѣшнѣ, такъ и внутреннѣ. Ударяемые скорбями христіане должны восходить въ преиспѣваніе посредствомъ терпѣнн. Таковъ путь христіанскаго жителства. Гдѣ Святый Духъ, тамъ, какъ гдѣ за единцемъ, вслѣдуетъ гоненіе и борьба. Возри на пророковъ, въ которыхъ дѣйствовалъ Духъ Святый; какимъ они подвергались гоненіямъ. Возри на Господа, Который — Путь и Истина, и Который претерпѣлъ гоненіе не отъ какого либо чуждаго народа, но отъ Своего собственнаго племенн».

«Не слѣдуетъ христіанамъ приходить въ недоумѣніе при нашествяхъ; подвергаться преслѣдованію — неотъемлемая принадлежность истины. Мученики, прошедшіе черезъ многіе виды мученій, явили силу необоримаго мужества, подчинившись и самой смерти насильственной; послѣ этого они удостоиваемы были вѣнцомъ. Чѣмъ многочисленнѣе были ихъ страданія, тѣмъ большія получили они славу отъ Бога и державеніе къ Богу».

«Намъ заповѣдано взятъ крестъ нашъ и послѣдовать Христу, что значитъ — быть постоянно готовымъ къ смерти. Если будемъ въ такомъ расположеніи и настроеніи духа, то, какъ сказано, будемъ

переносити съ великимъ удобствомъ всякую скорбь, и внутреннюю и находящую внѣшнѣ... Говорятъ, что любить Господа, пусть докажутъ справедливость своихъ словъ не только великодушными, терпѣннми всѣхъ случающихся скорбей, но и терпѣннми охотннми, съ любовью, ради надежды, отложенной въ Господѣ».

«Невозможно спастись иначе, какъ черезъ близкаго... Отпущайте — заповѣдали Господь — и отпуститесь намъ. Въ этомъ заключается духовный законъ... И такъ исполненіе закона заключается въ прощеніи обидъ. Исполненіе закона духовно, и, по мѣрѣ исполненія, гдѣлающіеся причастниками благодати любви не только благодѣлательствовашихъ, но и поощающихъ ихъ и говнншихъ, оишди получить любовь въ воздаяніе добродѣтели. Добродѣтель ихъ состояла не только въ томъ, что они простили нанесенныя имъ обиды, но и въ благотвореніи душамъ обидчиковъ, молились за нихъ Богу, какъ за тѣ орудія, при посредствѣ которыхъ они получаютъ блаженство, по сщдательству Писанія: Блаженни есте, егда поносятъ вамъ и ижденуть вамъ».

«Во всякомъ времени, мѣстѣ и дѣлѣ будемъ твердо держаться одной цѣли, чтобы намъ, подвергаясь различнымъ обидамъ отъ человѣковъ, радоваться, а не скорбѣти, — радоваться не просто, не бессмысленно; радоваться на томъ основаніи, что обрѣтаемъ благоприятный случай къ полученію прощенія въ нашихъ соершенннхъ, прощаю близкому. Въ этомъ заключается разумъ истины».

«Блаженъ тотъ, кто, укоряемый и унижаемый ежедневно, понудаетъ себя къ терпѣнн ради Бога; онъ приметъ участіе въ вѣчномъ празднествѣ мучениковъ, и вступитъ державенно въ общеніе съ Ангелами».

«Усердно гдѣ поруганіе, какъ воду жизни, отъ всякаго человѣка, покусавшагося напоитъ тебѣ чистительнымъ прачествомъ, изгоняющимъ изъ сердца еладострастіе. Если будешь руководствоваться этимъ правиломъ, то глубокая чистота возсияетъ въ душѣ твоей, и свѣтъ Божій не осудитъ тебѣ сердца».

«Врующіе въ Господа Іисуса Христа или на смерть, какъ на гражданскѣ... становяще передъ неизбежною смертью, сохранили то же самое дивное спокойствіе духа, которое не оставило ихъ ни на минуту... Они шли спокойно на встрѣчу смерти потому, что надѣялись вступить въ нину, духовную жизнь, открывающуюся для человѣка за гробомъ».

Вотъ та духовная ница, которую италась Царская Семья, подкрѣпляя себя на своемъ крестномъ пути. Они познавали искусство добродѣтели изъ чистаго источника писаній святыхъ отцевъ, которые оишди проходили святые заповѣди Божіи.

Изъ Тобольска Государыня писала, что послѣ прочтенія св. Тихона Задонскаго она читаетъ творенія св. Григорія Нисскаго, которыхъ читати прежде не читала.

Всѣ старшіе члены Семьи иишнѣ сознавали возможность трагическаго конца. Кроме сщдательствъ приближенныхъ о такомъ настроеніи, въ тетрадкѣ Великой Княжны Ольги Николаевны найдено слѣдующее стихотвореніе:

Пошли намъ, Господи, терпѣнн,
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней,
Сносить народное гоненн
И пытки нашихъ палачей.
Дай крѣпость намъ, о, Боже правый,
Злодѣйство близкаго прощати
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчати.

En Hønskjøpene Sæviertes Hæckstøns Hæckstøns a Bændil Kæn.

Владыка міра, Боже вселенной,
Благослови молитвой насъ.
И дай новой душѣ смиренной
Въ величественной, страшной часъ.

Существуетъ мнѣніе, что авторомъ стихотворенія является учительница русскаго языка Е. Шнейцлеръ, раздѣлявшая судьбу Царской Семьи до Екатеринбургъ и принявшая мученическую кончину вслѣдъ за нихъ.

Исторія въ свое время расскажетъ сокровенныя еще для насъ подробности скорбей Царской Семьи и слезы умиления неизвѣрнито прельются надъ подвигами новыхъ великихъ страстотерпцевъ, которыхъ Господь трахаетъ, какъ серебро, неуксусь содерживать», чтобы «обрѣсти ихъ достойными Себѣ» (Прем. Словъ 3, 5-7) и убивать болѣе славными дѣдами, чѣмъ явныя царице.

Добродѣтели ихъ это — драгоценные камни, несказанной цѣности, которые имѣютъ различную оправу: и золото, и серебро, и другіе металлы цѣности металлы или всѣ тѣ свойства свѣтлости, или могутъ быть человѣческими естественными ошибками и недостатками, въ которыхъ могутъ расквасать шельма, или другія свѣдѣтельства. Эти драгоценные камни сверкаютъ немалымъ блескомъ неждѣ, какова бы ни была ихъ оправы.

Жестокіе иезавители изобрѣтали нравственные пытки для беззащитной Царской Семьи, и, однако, ни одного слова ропота на свой жребій не слышно изъ устъ страдальцевъ. Они подражали Тому, о Комъ сказано: «будучи азловонны, Онъ не азловоннъ казливо; страдая, не угрожалъ» (1 Пет. 2, 23). Только Богу они воздыхали печаль свою и предъ Нимъ Однимъ плакали свое сердце.

Они искались единствомъ, отверженными и чуждыми міру, какъ носители святыхъ идеаловъ Россіи среди грѣшныхъ и отвалившихъ отъ этихъ идеаловъ людей. Блаженны эти избранники Божіи потому, что съ ними отнесены слова Свѣтителя: «если бы мы были отъ міра, то міръ бы любилъ насъ; но какъ мы не отъ міра, то Я избралъ насъ отъ міра, потому неимамъ насъ міръ» (Іоан. 15, 19).

Они исполнили заповѣди Христовы.

Блаженны они, какъ живые духомъ, плачущіе, кроткіе, алчущіе и жаждущіе правды, милостивые, чистые сердцемъ, миротворцы, вознанные за правду, поносимые, гонимые, нечестиво нечестиво азловонны за Христа и имени Его ради (Мат. 5, 3-12). Радуются они шельмѣ и веселится, ибо велика ихъ награда на небесахъ; они утѣшались, наследовали землю вѣчной жизни, насладились правдой, сами помолвлены, Бога уарили своими очами, наречены сынами Божіими.

Шельмѣ радуются и неглупы у Бога и почитаютъ за ничто свои страданія земныя, ища въ презрѣтѣхъ славу Божію, познавъ сами, что земныя страданія ничто предъ будущей славой.

Семнадцать долгихъ мѣсяцевъ Царская Семья шла по тернистому пути къ своей Голгофѣ, все шельмѣ становясь нравственно, заринась канути свѣтомъ Небеснаго Града. Концы избранниковъ Божіихъ вѣнчали ихъ начало. Государь вымолвилъ себѣ у Бога супругу. Такимъ же даромъ Божіимъ явился имъ и ихъ сызмъ, вырощенный у Бога. Все Богомъ данное, Богу принадлежить. Нельмѣ дана до конца земного бытия полнота блаженствъ. Государыня въ первый день брака позволила забыть на вѣчный сонъ съ мужемъ послѣ смерти. Наслѣдникъ русскаго престола, въ своихъ дѣтскихъ страданіяхъ разрывалъ сердце родителей молитвою — «Господи, съхлынь надъ мною» — и усаживая Богомъ и усаживая лучшее Царство. «Побѣждающему дамъ състь со

Многу на престолѣ Моимъ, какъ и Я побѣдилъ и състь со Отрежъ Моимъ на престолѣ Его» (Откр. 3, 21). Не разглашій, а молниисей, притѣвемый и не жаждущійся есть побѣдитель.

Образъ убѣеннаго въ Угличѣ Царевича Дмитрія черезъ святыхъ молончается въ Царевичѣ Алексѣй. Тогда насильственная смерть великаго восьмилѣтняго отрока дала основаніе Церкви притѣвить его къ лому святыхъ...

Подвигъ страдальчества въ семьѣ съ большимъ ребенкомъ явился тамъ, гдѣ была полнота царской земной власти. И здѣсь возмозда было оставлено патриаршаніе, что не все человѣку возмозжно, но все именно въ рукахъ Божіей и прележе всего крестъ, съшлетъ Богомъ на землѣ непринятый и Нельмѣ возлагаемый на Его вѣрныхъ, избранныхъ дѣтей. И крестъ этотъ здѣсь вознесенъ съ глубочайшимъ смиреніемъ. Какое ободрение всѣмъ крестовеннымъ семьямъ!

Надо было, чтобы намъ явился образецъ «домашней церкви» (1 Кор. 16, 19) апостольскихъ временъ, примѣръ христіанской семьи, нашеданіе любви супруговъ и ихъ дѣтей къ Богу и между собой. И откуда же? Отъ Царской Семьи, отъ дома, строиваго на вершу горы, отъ свѣтлыица, свѣтащаго съ подлѣшника. Правда, идеаль намъ поимать отгудъ, гдѣ онъ долженъ быть, но кто когда тамъ выполнялъ свое назначеніе? И въ какія времена? Во времена семейнаго развала, неискренности, взаимнаго непониманія «отцовъ и дѣтей», потери религиознаго быта и самой любви къ Богу.

Семейное счастье шельмѣ никогда неощрачемою любовью въ теченіе всѣхъ 24-хъ лѣтъ брака (1894-1918) и любовью дѣтей къ родителямъ и ихъ почитаніемъ въ Царственной седеморѣ — памятный являсъ для всѣхъ мужей, женъ и дѣтей. Тамъ, гдѣ были даны условія облегчить труды родительскаго пошеченія о дѣтцахъ и сложить ихъ на плечи другихъ, не пераждѣли и не талотались ими, а получали достойные плоды этихъ трудовъ воспитания. Какой примѣръ!

Устроивше себѣ семейное счастье, указывають путь дождѣхъ и неждѣтамъ, дабы они съ молитвою къ Богу и помощью искали себѣ супружескую жизнь.

Семейство мучениковъ, приведенное къ Богу, шельмѣ не потеряли изъ своихъ достоинствъ, но дождѣють предъ Богомъ всѣмъ того спасенія и той семейной радости, которыми сами обладали.

Любовь къ семьѣ у Царственной Четы не побѣждала ихъ любви къ родинѣ и ради родины они готовы были жертвовать собой и семьей, что и доказали на дѣлѣ. Однако, и любовью къ родинѣ и семьѣ не побѣждала ихъ любовь къ Богу. Богъ, родина, семья — вотъ три служенія Императора, гдѣ сосредоточивались его жизнь и вся любовь, но каждая вѣнность знала подобающее ей мѣсто въ его сердцѣ.

Въ служеніи Богу послѣдній Императоръ — славный дѣтель Церкви. Во главѣ всѣхъ мучениковъ русскаго иль числа міранъ стоитъ первый міранъ Царилъ — Государь, пошечитель нужды ея, немощныхъ архидиастаремъ и пастыремъ въ устроеніи дѣль церковныхъ, строителя храмовъ Божіихъ, ревнитель церковнаго воспитанія дѣтей, благоговѣишайшій шаломннхъ святыхъ мѣсть, благочестивый молитвенникъ, прославитель памяти святыхъ русскаго, за что одно уже достоинъ быть сопритѣвемымъ къ ихъ лому. Доблестный сызмъ Церкви, онъ — достойный образецъ міранамъ, раднымъ членамъ Церкви, въ служеніи ей. Говорить, что его сердцу была любезна мысль о возстановленіи патриаршанія и будто онъ предлагалъ, что въ свое время, отдавъ царство сыну и раставивше съ супругой, онъ бы самъ неощрачеть патриаршаніе служеніе. Онъ такъ находить на Государя.

Садры-Алиевы в составе военного оркестра сирин Государства, Министр
внутренних дел, Баку, 1910 г.

Образы Патриарха Филарета и цари Алексея Михайловича, память о котором отныне востановилась из имени своего сына, были ему так близки, что наперед ли бы оспорили свое царствование иначе, будь оно мирным.

Таковы были среди нас представители Святой Руси, который за непобедимые вѣры из эту святую и быть преданы и убиты.

Отныне настало время самоотверженно охранять брешь правды одной, как и всегда постоянно из своего единства, что она даст отбою за все Царю царей там, на вѣдь. И отныне настало, для кого отныне это дѣлать. Не для себя: «И беретъ не самодержавную власть, а Россию», — сказала отныне из дни отречения, понимая, что только такимъ способом отныне охраняться отъ торжества неправды и анархии. Вѣрный своей священной клятвѣ, данной отныне из дни коронованія, отныне долженъ быть или страдать, или казнить своему призванію и очень легко добиться популярности среди крутого, некавказской власти, но бывшихъ къ ней не только не способными, но и вообще невѣрными Русской исторіи, ея Церкви и христіанской совѣсти.

Неповѣдими называются христіане, которые мужественно претерпѣли страданія и уны, терпѣны и осмысли за открытое исповѣданіе своей вѣры. И Государь былъ умученъ отъ маловѣрнаго, невѣрнаго и отступническаго общества русскихъ людей, ставшихъ чуждыми принципамъ Святой Руси, умученъ какъ хранитель этихъ принциповъ. Отныне умученъ, какъ слуга Божій, огражденный из своей вѣды и власти только закономъ Божиимъ, закономъ правды и любви, которому и служилъ до смерти. За вѣрность своей клятвѣ, клятвенному обѣщанію, данному при востшествіи на престолъ. За вѣру из святость своего миропомазанія на царство и из свою ответственность предъ Богомъ. За благочестіе или за святительство Христовой истины своей жизнью, благодаря чему отныне стала нужды окружающему его развращенному обществу. За правду русской жизни и культуры, духъ которой — из Православія.

Самый актъ отречения отъ престола явился выраженіемъ его самопожертвованія ради отечества, проявленіемъ наибольшей любви, податливой жизни своею за други свои. Въ дни отречения отныне говорилъ: «Я не хотѣлъ бы убраться изъ России, ее слишкомъ я люблю; заграницей мнѣ было бы слишкомъ тяжело». И когда выдѣлъ изъ России хотя бы на время войны представлялся необходимымъ для полны той же России, отныне потребовалъ отъ временнаго правительства гарантіи на «безусловительный прѣходъ по окончаніи войны изъ России для востановленія жизни».

Оставшись изъ России и находясь изъ заключенія, Государь не допустилъ ни того, чтобы земля была разлучена, ни того, чтобы покинуть территорию Русскаго Имперіи. Государями говорили: «Я ни за что на свѣдѣ не хочу покинуть Россию, такъ какъ мнѣ кажется, что, если бы намъ пришлось убраться за границу, — это значило бы порвать послѣднюю нить, связывающую насъ съ прошлымъ; мнѣ кажется, что это прошлое погибло бы безвозвратно». Въ Tobolsk она говорила: «Я лучше буду вдовольной, но я буду изъ России». «Предпочитаю умереть изъ России, нежели быть спасенной ибѣнами». Въ России Царская Семья не представляла смысла своего существованія.

«Ты знаешь, какъ я люблю твою страну, которая стала моею», — писала она Государю из свое время. «Чувствую себя матерью этой страны, — писала она изъ Tobolsk, — и страдаю, какъ за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперя и все сограженія. Нельзя вырвать любовь изъ моего

сердца и Россію тоже, несмотря на черную неблагодарность къ Государю, которая разливается мое сердце. — на вѣдь это не вся страна, Волганы, послѣ которой она оправдана. Господи! смилуйся и спаси Россію!» «Будемъ непрестанно за родину молиться. Христе, помилуй насъ, грѣшную, и спаси Россію!».

Когда старшей дочери была возможность выйти замужъ за иностраннаго принца и будущаго короля, она заявила: «я не хочу покинуть Россію, я русская и хочу остаться русской навсегда». И осталась, чтобы крѣпко изъ Господу крѣпость со всеми другими своими сестрами.

Единственнымъ человекомъ, у которого не поумножилось изъ дни революціи національное сознаніе, былъ Государь. Его духовное здравіе не было задѣто жестокостями. Отныне продолжалъ смотреть на вещи просто и прямо. Отныне отрекся послѣ того, какъ все ему казнилось. Отныне остался изъ России и мужественно невинно за все погибъ, его преемники у власти — сами казнили вѣды и дезертировали, сами бѣжали, спасая свои жизни. Они нарушили присягу и преданіе своего Царя и съ нимъ свою родину, хотя должны были сдѣлать все, не жадны живота, побѣдить или умереть, какъ это дѣлалъ простые солдаты на поляхъ сраженія. Но среди своихъ высшихъ военачальниковъ-сотрудниковъ только одинъ Императоръ поддалъ жизни своею за Россію. Сотрудники же его, востанъ на него и подрубили вѣды, на которой сдѣлалъ, или погибли отъ руки бунтарей, съ которыми вошли изъ союзъ, получить должное, или постыдно бѣжали со своихъ востанъ.

Для спасенія же Царя не нашлось больше Ивана Сусална.

Русскій народъ отрекся отъ своего Царя. Убийство его — не частный грѣхъ дворцоваго переворота, а грѣхъ всенародный, всенародный, отъ дурмана революціи, которому народъ позволилъ себе одурманить. Мы все не убили этихъ святыхъ людей, но позволили ихъ убитъ, мы не защитили ихъ, мы ихъ бросили. А если не защитили, то и соучастники убійства. Гдѣ наше единство, гдѣ наша вѣра и самоотверженіе, гдѣ защита правды? Испугались, размокнули, пали тяжкимъ паденіемъ.

Мы имѣли вѣды поставленнаго Царя, вѣды, которые повторено было таинство миропомазанія. Отныне были помазанникомъ Божиимъ. Благодаръ Святаго Духа на немъ — подлинная реальность, а не условный знакъ или обрядъ или символъ. И потому, покидая Царя, мы конуствовали вѣды таинствомъ, попрали благодать Божию, поступили какъ босопротивники. Не имѣемъ Царя, помазанника Божія — не имѣемъ и грѣха противъ него, а если имѣемъ его, то беремся погрѣшны противъ Бога. «Кто поднимъ руку на Помазанника Господня, останется ненаказаннымъ» (1 Цар. 26, 9). И казнили ему, мы лишили благодати Божіей изъ паномъ управленія и поддали не подъ какою-нибудь властью человѣческой, а изъ вѣды вѣды власть божескую, которая замучила нашъ народъ. И изъ этомъ единственнымъ царѣ изъ мірѣ — помазанникъ Божіемъ отъ благодати святаго таинства, — не лишился ли и весь міръ силы, которая «удерживала» (2 Тим. 2, 7) силы божескія отъ современнаго властоушій и властія. Если мы этого еще не пошла, то можетъ быть поймемъ потомъ.

ФЕОДОРОВСКІЙ ГОСУДАРЕВЪ СОБОРЪ СЪ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ

Звонница при первоначальномъ временномъ храмѣ

Приводимая ниже письма послышались Ихъ Высочествами въ периодъ времени пребыванія Императорской Семьи въ Тобольскѣ.

Изъ письма Е. И. В. В. К. МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ.

Тобольскъ.

... Живемъ мы четверо въ одной комнатѣ. Утромъ занимаемъ: повторяемъ исторію, языки и пр. Гуляемъ два раза въ день по двору и крошечному саду. Устроили во дворѣ гору и катаемся съ нею. Для развлечения разучиваемъ маленькія французскія и англійскія пьесы, которыя разыгрываемъ по праздникамъ. Раньше какъ пускали по праздникамъ въ церковь, но потомъ рѣшили не пускать, кромѣ двенадцатыхъ праздниковъ. Зато расширяютъ службу дома всенощную и обѣдную. Происходить это въ залѣ,—довольно уютно устраиваемъ церковь изъ своихъ образовъ,—но все же это не такъ хорошо, какъ въ церкви. Вспоминаемъ съ грустью Феодоровскій Соборъ (Государевъ Соборъ въ Царскомъ Селѣ). Помните, какъ всѣ мы говѣли въ нижнемъ (пещерномъ) храмѣ. Тамъ всегда бывало какое-то чудное настроеніе. Теперь не знаемъ, какъ будемъ говѣть. Скоро уже пѣсть.

... Время летитъ съ страшной быстротой. Скоро годъ, какъ мы не видѣли своихъ знакомыхъ, ну, да ничего, Богъ дастъ опять всѣмъ встрѣтиться... Сейчасъ Мама и Сестры (Вел. Кн. Ольга, Татіана и Анастасія) поютъ, затемъ сами во время службы дома пѣтъ. Не знаю, какъ выйдеть. Я еще ни разу не пѣла въ хорѣ по настоящему, но между собой мы часто поемъ... Изъ старыхъ раныхъ намъ нѣкоторые пишутъ... Сегодня у насъ будетъ репетиція англійской пьесы. Завтра—воскресенье и мы будемъ играть. Я нѣсколько разъ играла мужскія роли, теперь это очень легко, такъ какъ у меня короткіи волосы...

Изъ письма Е. И. В. В. К. АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЫ.

Тобольскъ, 20/II 18 г.

... Очень грустно было узнать о смерти Николая Николаевича Васильева (трижды раненый офицеръ, лежавшій въ лазаретъ Ихъ Императ. Высочествъ Вел. Кнженъ Маріи Николаевны и Анастасіи Николаевны и павшій въ июльскихъ бояхъ 1917 года). Намъ всѣмъ было трудно представить, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Знакомые намъ пишутъ, не много писемъ не доходитъ... Часто вспоминаемъ о времени, проведенномъ въ нашемъ лазаретѣ (заб. № 17 въ Царскомъ Селѣ). Наверное теперь никто не ходитъ на могилы нашихъ раненыхъ,—почти всѣ уѣхали изъ Царскаго Села. Помните Лукьянова (тяжело раненый въ голову солдатъ),—онъ былъ такой жалкій и милый. Онъ всегда игралъ нашими браслетами, совсѣмъ, какъ ребенокъ. У меня въ альбомѣ была его карточка, но къ сожалѣнію онъ остался въ Царскомъ. Сейчасъ сижу въ нашей спальнѣ, за письменнымъ столомъ, на которомъ стоитъ карточка дорогого лазарета... Вообще, время проведенное въ лазаретѣ было ужасно хорошимъ. Мы часто вспоминаемъ посѣщеніе лазарета, вечерніе разговоры по телефону и все, все...

Изъ письма Е. И. В. В. К. АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЫ.

Тобольскъ, 25 марта.

... Пова, слава Богу, живемъ хорошо. Сюда изъ Омска приѣхалъ отрядъ красноармейцевъ и до сихъ поръ ведетъ себя, въ общемъ, спокойно. На первой недѣлѣ поста мы говѣли и насъ пустили въ церковь, а всѣ службы на недѣлѣ мы сами пѣли, т. е. трудно часто имѣть пѣвчихъ для службы на дому... Занятія идутъ у насъ попрежнему, каждый день, утромъ и вечеромъ. Въ эти дни погода дивная, часто сидимъ на балконѣ и радуемся разнообразію,—видимъ людей... Сейчасъ сижу и пишу на окнѣ. Уже $\frac{2}{4}$ 7-го, но еще свѣтло. Звонятъ въ церкви, и это напоминаетъ нашъ соборъ въ Царскомъ... Мы теперь превратились въ настоящихъ дворниковъ. Вычистили отъ снѣга весь дворъ, гдѣ мы гуляемъ, и теперь не такъ грязно. Потомъ, мы часто колемъ и палимъ дрова—все это довольно удачно выходитъ у насъ...

«Вѣра крѣпка, душа моя лкуеть, чувствую одиозность Бога»... Не чувствуешь ли Ты ЕГО помощь въ несеніи Твоего креста? Неиздимо ЕГО рука поддерживаетъ Твой крестъ, но наши кресты только тѣмъ ЕГО КРЕСТА»... «Какъ Тебѣ дать почувствовать, чѣмъ оарена душа моя? Незанятной, необлаченной радостью, объяснить нельзя, — только хвалю, благодарю и молюсь... Душа моя и духъ Богу принадлежать»...

(Итъ писемъ Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны къ Е.И.В. Государю Императору Николаю Александровичу)

Давно, въ незавершенную весну моей жизни, судьба послала мнѣ неизданный даръ: въ іюль 1916 г., послѣ двухъ раненій на Стоходѣ (Волынской Край), я была направлена для леченія въ Царское Село... Многие за годы жизни ушло изъ памяти, но время пребыванія въ Царскомъ Селѣ живеть необычайной яркостью, наполнивъ сердце радостью и... горькой печалью, какъ будто не прошли въ длинной чередѣ многие, многие годы. И теперь, когда жизнь все быстрое подходитъ къ концу, все чаще возвращаюсъ къ памяти воспоминаніямъ и благодарю судьбу за данное мнѣ когда-то счастье...

Царское Село плѣнило сердце своимъ очарованіемъ и красотой. Повсюду находилъ и видѣлъ слѣды вѣковой исторіи огромной страны. Какъ зачарованной бродить издаль величественныхъ оградъ Екатерининскаго и Александровскаго Дворцовъ, мимо нарядныхъ резиденцій придворныхъ; по аллеямъ Екатерининскаго Парка, вокругъ большого пруда съ многочисленными лебедями, въ центрѣ котораго стояла мраморная колонна въ честь Чесменской битвы; мимо Батни Спасителя, мимо Орловскихъ мраморныхъ воротъ, Китайской деревни и театра, построенныхъ въ концѣ 17-го столѣтія, многократно проходилъ мимо Царскосельскаго Лицея (А. С. Пушкинъ), переименованнаго въ Императорскій Александровскій Лицей, мимо Баболовскаго Дворца, Утренняго Зала, превращеннаго Императрицей Екатериной Великой въ павильонъ для работы, и многихъ другихъ памятниковъ старины и исторіи.

Меня плѣнила величественная красота Феодоровскаго Собора, во имя Образа Феодоровской Божіей Матери, почитаемаго Царской Семьей, и необычная красота Русскаго Городка при Феодоровскомъ Государевомъ Соборѣ. И Соборъ и Городокъ были безукорыненными образцами древняго русскаго зодчества.

Временами меня поглаждала тишина и державное спокойствіе Царскаго Села и — сознаніе, что здѣсь въ теченіи почти двухъ вѣковъ творилась исторія Россіи, невольно охватывало сердце гордостью и знало ко многимъ мыслямъ.

Я хорошо и близко узналъ Русскій Городокъ при Государевомъ Соборѣ. Онъ былъ построенъ по планамъ Комитета Восстановленія Художественной Руси, возглавляемомъ Государемъ Императоромъ и включавшимъ въ свой составъ многихъ лучшихъ архитекторовъ, скульпторовъ и художниковъ Россіи. Городокъ состоялъ изъ трехъ основныхъ зданій и былъ окруженъ красочно-красной Кремлевской стѣной съ башней и тремя воротами, опоясанными скульптурными кружевомъ древней русской росписи. Стѣна прерывалась фронтонъ трехъ большихъ зданій, выступавшихъ впередъ. О стоимости зданій и стѣны можно судить потому, что скульптурная насѣчка только главныхъ воротъ стояла 70 тысячъ рублей, — значительную по тому времени сумму. Но весь Городокъ

былъ построенъ жертвенностью многихъ русскихъ людей.

Главнымъ зданіемъ была такъ называемая Трапезная Государя, состоящая изъ многочисленныхъ комнатъ, включая двухъ-этажный залъ Трапезной, со сводами, украшенными гербами всѣхъ Россійскихъ губерній и областей.

Трапезная заканчивалась домовымъ Храмомъ, гдѣ каждой образъ и каждая лампада говорили о глубокой и драгоценной старинѣ. Парекія Врата и образа на нихъ были изъ золота и такъ же, какъ и оклады иконъ, украшены многочисленными драгоценными камнями и жемчугомъ... Трапезная освѣщалась огромными люстрами и рядами стѣнныхъ канделябровъ, выточенныхъ изъ дорогихъ породъ дерева лучшимъ русскимъ токарами. Многочисленные кресла, обитые старинной парчей, настольные канделябры, какъ и другіе разнообразныя предметы мебели въ домѣ, были также изъ рѣзного дерева. Занавѣси изъ старинныхъ набивныхъ тканей были украшены гербами Романовской Династіи. Въ рядѣ комнатъ Трапезной были лешанки, какъ въ старину, и каждая состояла изъ иконостаса, копій, которыхъ не существовало.

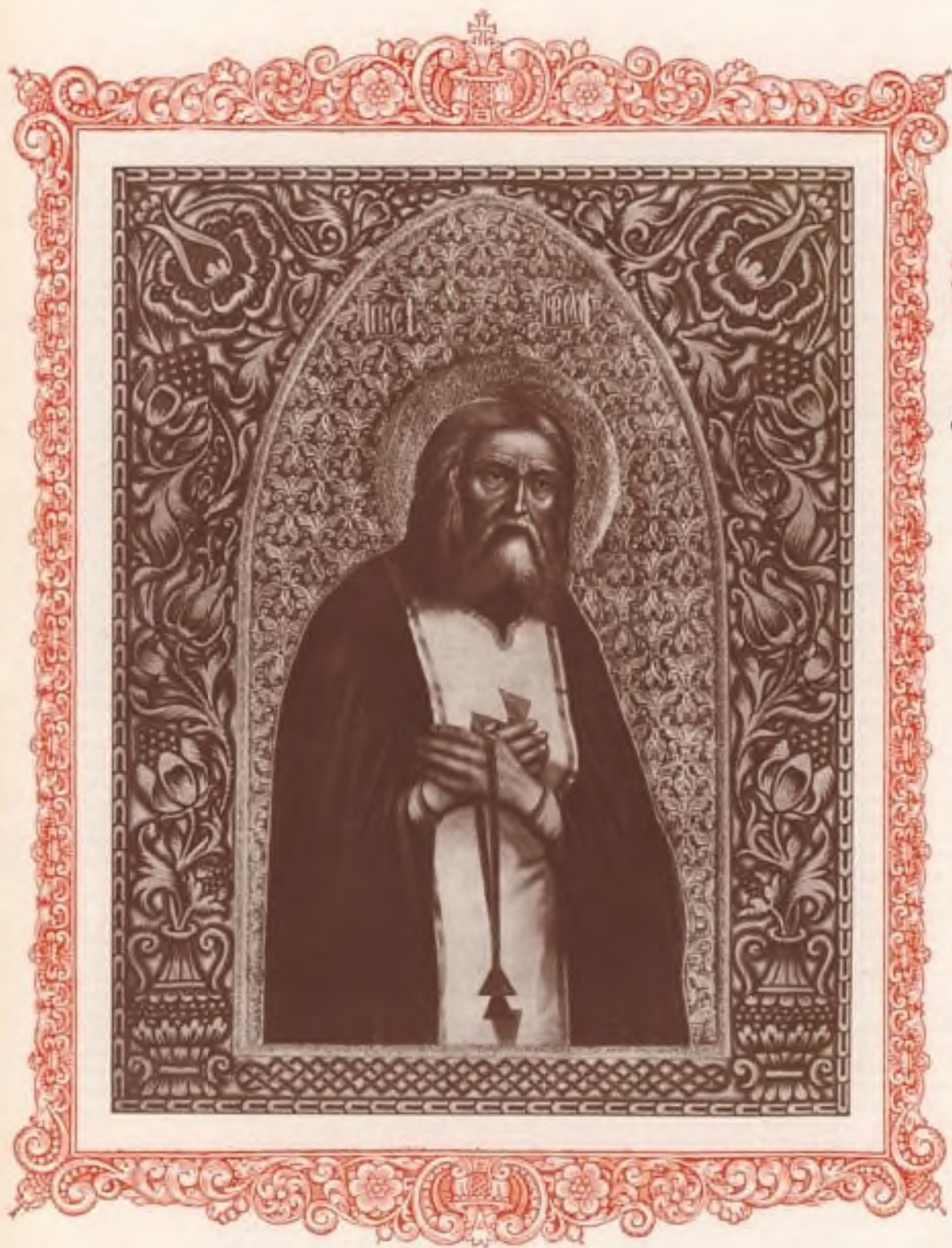
Два другихъ зданія, также въ древнемъ русскомъ стилѣ, съ многими архитектурными деталями и мотивами, первоначально предназначались для духовенства Феодоровскаго Государева Собора, но ввиду войны, оба зданія были использованы какъ лазареты для раненыхъ воиновъ. Внутри Городка также находились дома для служебнаго персонала, теннисная площадка, конюшни, гаражъ и русская баня. Повсюду были цѣтнички, кусты и деревца рѣдкихъ породъ. Весь Русскій Городокъ былъ полуокруженъ большимъ прудомъ.

Я также хорошо зналъ Феодоровскій Государевъ Соборъ. Только многочисленные детали строенія Собора, снятыя вблизи, могли бы дать лучшее представление о его архитектурной красотѣ и величественности. Внутри Собора находилось четыре мощныхъ колонны, на которыхъ покоилась верхняя часть строенія, носъ и главный куполъ Собора. Колокольни съ малыми куполами находилась надъ главнымъ входомъ въ Соборъ, который являлся какъ бы его отдѣльной частью. Лѣвая и правая стороны Собора имѣли одну большую и шесть малыхъ арочъ, испускающихъ свѣтъ. Съ обеихъ сторонъ три огромныхъ цѣтничныхъ осян. Съ правой стороны трехъ-арусный Царскій входъ съ лѣстницей, ведущей въ притворъ, гдѣ Царская Семья могла снять свои верхніе одеяны, прежде чѣмъ войти въ Соборъ, на правый клиросъ, гдѣ находились Парекія мѣста.

Въ Соборѣ, помимо росписи, находились четырехъ-арусный иконостасъ и всѣ иконы на немъ, какъ и въ самомъ Соборѣ, были стариннаго шельма, съ многими драгоценными окладами и такими же драгоценными лампадами и панкадилами. Все или почти все было получено изъ монастырей и старинныхъ городовъ Россіи, удлинившихъ свои свѣтлицы древней иконостаси для Государева Собора. Въ центрѣ Собора лежали большой и малый ковры, подаренные Персидскимъ Шахомъ. О размѣрѣ большого ковра можно было судить по тому, что для выноса ковра, для очередной чистки, требовались два ковода Своднаго Его Величества Полка.

Входъ въ Соборъ разрѣшался только по специальнымъ входнымъ карточкамъ, также сдѣланнымъ въ старинномъ русскомъ стилѣ. На Пасхальную Недѣлю выдавались специальные входные билеты.

Въ Соборѣ плѣлъ хоръ Придворной Канцелярии. Во время Богослуженій, Соборъ обслуживался 12 прислужниками, одѣтыми въ древне-Московскіе стрѣ-

Икона Преподобнаго
Серафима Саровскаго
Удотворца.

Икона Пресвятѣи
Богородици Зѣлѣнскаѣ
Серфиміо-Вонгленскаѣ
женскаго монастыря.

Принцесса Сесия Императорского Величества на свидании
Одесского общества.

Сесия Величества Государыня Императрица совершает первый шаг
при свидании Одесского общества.

Бидь женой усто
 поноситея съ имста, и
 кошия Их.
 Императорскія
 Величества
 нудомать ствять во
 время коронисвенія.

Ніро-костогина үзет
эрмээ.

лещие кафтаны украшенные золотой отфалкой, и в сафяновые красные сапоги.

Свѣчи, полученные при входе в Соборъ, ставились передъ образами тайми прислужниками, двигавшимися по Собору безшумно и только тогда это допускалось ходомъ Богослуженія. После того, какъ свѣча была поставлена, прислужникъ поворачивался къ присутствующимъ в Соборѣ и дѣлалъ поклонъ.

Наумительное плѣніе капеллы и самое присутствие Царской Семьи в Соборѣ приводили неслыханное впечатлѣніе. Всѣ Члены Царской Семьи, въ положенные моменты, дѣлали полныя земной поклонъ, по-монашески. Царскую Семью можно было видѣть съ нижняго яруса двухъ балконовъ, верхній былъ для Придворной Капеллы. Малый Хоръ Капеллы находился на дѣломъ влѣвѣ. Двери Собора закрывались по прибытіи Царской Семьи и никто не могъ войти или покинуть Соборъ до окончанія Богослуженія. Это правило было обязательнымъ, чтобы не нарушалось благочестіе Богослуженій.

Я зналъ Русскій Городокъ при Федоровскомъ Государевомъ Соборѣ такъ хорошо, потому что въ двухъ зданіяхъ были размѣщены Лазаретъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Маріи и Анастасіи. Въ немъ я пробылъ до конца мая 1917 года и это была мой радостный домъ, гдѣ накопилось множество впечатлѣній и воспоминаній для всей моей послѣдующей жизни. Съ момента прибытія в Лазаретъ я понялъ, что судьба перенесла меня в орбиту свѣтлой и прекрасной планеты.

Со дня революціи до закрытія Лазарета все оставалось прежнимъ, но душа была отнята. Ушли счастье и радость возможности видѣть Великихъ Князей почти ежедневно, за исключеніемъ краткихъ періодовъ, когда Государыня, Цесаревичъ и Великія Княжны уѣзжали къ Государю, в Царскую Ставку, в Могилевъ.

Многое, многое, что было пережито в Лазаретѣ Ихъ Высочествъ, до сихъ поръ заполняетъ сердце радостью и полнениемъ. Даже безпредѣльное горе, вызванное Ихъ потерей, не измѣнило прочности и глубины воспоминаній. Какъ передать эту драму, содрогнувшую сердца множества подлинно Русскихъ людей, какъ передать душевную боль, терзавшую каждого изъ насъ, прежде чѣмъ научилось сердце примиренію съ Волею Божіею? ... Господь Богъ далъ намъ весьма счастливую способность больше помнить все свѣтлое, что дала намъ жизнь, и постепенно забывать о мрачѣ и отчаяніи.

Но до сихъ поръ душа приходитъ в сматеніе, когда мысли возвращаются къ Царской Семьи. И мои слова, в послѣдующей части воспоминаній только маленькая и незначительная дань за то, что мнѣ было дано счастье знать и видѣть Ихъ лично.

Первое впечатлѣніе о Великихъ Князяхъ никогда не измѣнилось и не могло измѣниться, настолько были Они совершенными, полными царственного очарованія, душевной мягкости, и безопечной благожелательности и доброты по всѣмъ. Каждый жестъ и каждое слово, чарующій блескъ глазъ и изысканность улыбокъ, и порою радостный смѣхъ, — все принадлежало къ Имъ сердца людей.

У Ихъ была врожденная способность и умѣніе нѣсколькими словами смягчить и уменьшить горе, тяжесть переживаній и физическія страданія раненыхъ воиновъ. Поразительная была способность помнить имена тысячъ и тысячъ людей, какъ и обстоятельства, при которыхъ эти имена стали Ихъ извѣстны. Память Государя была просто феноменальной, принимая во вниманіе не только бесконечныя множества лицъ, которыхъ Онъ помнилъ и зналъ,

но и всѣ тяжкія испытанія Его царствованія.

Всѣ Царевны были чудесными русскими дѣвушками, полными изысканной и внутренней красоты. Ихъ безпредѣльная любовь къ Россіи, глубокая религиозность, восприимчивость отъ Государя и Государыни, и Ихъ подлинно-христіанская жизнь, могли бы служить примѣромъ в теченіе вѣковъ, и Ихъ мученической совесть и тѣ страданія, физическія и моральныя, которыя Они всѣ перенесли, ничѣмъ не отличались отъ страданій воиновъ христіанъ. Это была одна Семья, навсегда связанная другъ съ другомъ великою любовью, сознаніемъ долга и религиозностью.

И вѣра и глубокое довѣріе Государя и Государыни къ народу никогда не измѣнились и не измѣнились до конца. И вѣ основѣ была Ихъ совершенная преданность религіи, Россіи и тому высокому долгу, который Они приняли на себя.

Къ концу царствованія, Государя, Государыни и Ихъ Дѣти проявляли все нарастающую и необычайную силу своихъ душевныхъ качествъ и внутренне были готовы къ предстоящей бурѣ, в которой все было поломано, искоренено или уничтожено... Была потеряна и самая жизнь... Когда достигло извѣстіе о Ихъ трагической смерти, а дрожащей рукой писалъ в свое Евангеліе — «Царица Александра, моли Бога о насъ», и это не были порывы души. Черезъ всю жизнь свою пронесъ и преданности и преклоненіе передъ Ними, какъ и вѣру в то, что это была Святая Семья, и Ихъ почти добровольная смерть, на которую Они пошли сознательно, какъ на жертву, только утверждаетъ эту увѣренность.

Порою, в моихъ мысляхъ о Нихъ понимается внутренняя гордость, что в моемъ прошломъ зналъ Ихъ лично, слышалъ Ихъ голоса, отбѣчалъ на вопросы и узнавалъ многія детали изъ Ихъ жизни, но гордость уходила и оставались только слова горькой молитвы о Нихъ.

И много, много лѣтъ, годъ за годомъ, каждый день прошу Господа объ упокоеніи Ихъ свѣтлыхъ душъ и это все, что могло бы сдѣлать каждое преданное сердце...

Какъ изъ никагулки для драматичностей, встаетъ в памяти тотъ или другой эпизодъ, какая-то скрытая в глубинѣ осанія деталь, и сердце переполняется теплотой и словами молитвы. И воспоминаніемъ вѣтъ конца.

Вспомнилось особенно ясно, какими оживленными были Великія Княжны, рассказывая о послѣдней побѣдѣ Царской Семьи къ Государю, в Верховную Ставку. О томъ, какъ Ихъ встрѣчали огромныя толпы людей, главнымъ образомъ крестьянъ: — по пути в Могилевъ, на всѣхъ остановкахъ и в самой Ставкѣ. Женщины, дѣвушки и дѣти, одѣтыя какъ на праздникъ в красочныхъ сарафанахъ и платкахъ на головахъ, окружали Великихъ Князей и старались пропитать свою любовь, и радость, и счастье побѣды вблизи Царскихъ дѣтей. И в голосахъ Великихъ Князей была подлинная радость и полная вѣра в любовь народа...

Вспомнился день, когда Великая Княжна Марія Николаевна просила офицеровъ написать в Ея книжку по нѣскольку словъ и какъ одинъ изъ насъ написалъ — «Отечество мнѣ — Царское Село» и эти слова отозвались радостнымъ звономъ и изысканьемъ во всѣхъ насъ, — такъ мы всѣ чувствовали и было такъ трудно представить то, что война продолжалась, что гдѣ-то шла совсемъ другая жизнь, — такъ полонъ былъ каждый день, проведенный в Царскомъ Селѣ.

Сегодня вспоминалъ отдаленнымъ, пустыннымъ аллеемъ Большаго Парка, съ множествомъ цвѣтущей сирени и жасмина, и радостнымъ пеніемъ птицъ и казалось,

Южная стена в иконостасе
св. Иеронима
Императорского
Коллегиума.

въ ту послѣднюю весну въ Царскомъ Селѣ, когда уже шла революція, что жизнь еще вернется на прежній путь, какъ придуть и новыя радости ей, потому что въ нашей жизни все перелетается изъ свѣта и тѣней... Но ничто не вернулось, и жизнь поведла всѣхъ по новымъ скорбнымъ путямъ...

Именно въ эти дни, когда, какъ потокъ, нахлынули воспоминанія, — такъ трудно удержать дымку напавшагося слезы. Кажется, что могъ бы безъ конца говорить о томъ, что зналъ, что видѣлъ и пережилъ, но, не сдержавъ себя, отошелъ бы отъ основной цѣли моего повѣствованія...

И это — попытка описать Нижній (Пещерный Храмъ), во имя Св. Серафима Саровскаго Чудотворца, — особо любимый Царской Семейей.

Храмъ, имѣвший два внутреннихъ входа изъ Федоровскаго Государева Собора, былъ настолько малъ, что не вмѣстятъ бы болѣе 50-60 молящихся, но первое впечатлѣніе было незабываемымъ: мягкій скрытый свѣтъ, мерцаніе многочисленныхъ лампадъ, отражавшееся въ граняхъ драгоценныхъ камней на окладахъ старинныхъ образовъ, и стѣны малой Капеллы. Все другое оборудование Храма было драгоценной, привлекающей взоры, старинной... Передъ нѣкоторыми изъ иконъ висѣло по три лампады.

Въ благоуханной красотѣ Храма невольно растворялась душа...

Въ одно изъ Воскресеній Рождественскаго Поста, въ срединѣ Декабря 1916 года, по просьбѣ Ктитора Государева Собора, полк. Д. Н. Ломанъ, одобреннѣй Великой Княгиней Маріей и Анастасіей, для пяти офицеровъ изъ Ихъ Лазарета, была предоставлена возможность присутствовать въ Пещерномъ Храмѣ на Богослуженіи и на Принятіи Святыхъ Таинъ всей Царской Семейей.

Воспоминанія каждый моментъ присутствія въ Храмѣ, начиная съ прибытія Царской Семейи и до окончанія Богослуженія, всегда чувствовалъ, всѣ долгіе годы своей жизни, что никогда не устану благодарить Господа за данную мнѣ духовную радость.

Въ тотъ день въ Храмѣ присутствовали Е. В. Князь Игорь Константиновичъ, Комендантъ Двора ген. Воевода, его Помощникъ и Ктиторъ Государева Собора полк. Д. Н. Ломанъ и группа раненыхъ офицеровъ. И, какъ обычно, на Богослуженіяхъ въ этомъ Храмѣ, находились также, по одному отдѣленію, чины Своднаго Его Величества Полка и Собственнаго Его Величества Конвоя, въ то время какъ на Богослуженіяхъ въ Соборѣ, обычно присутствовалъ два взвода Своднаго Полка и полусотня Конвоя...

Стояла полная тишина въ Храмѣ, когда въ него вошла Царская Семейя, Государь, увидѣвъ группу раненыхъ, повернулся въ нашу сторону и на лицѣ Его, со слѣдами усталости и многихъ переживаній, вызванныхъ войной, произошло чудесное измѣненіе. И такъ, по свидѣтельству многихъ, было всегда, когда Государь посѣщалъ госпитали, задерживаясь передъ тяжело ранеными, и на лицѣ Его отражалась тепло, сочувствіе и Его безмѣрная доброта.

Въ эти мгновенія, и впервые, изъ непосредственной близости, увидѣлъ лучистые, добрые и ласковые глаза моего Государя. Всѣ мы замерли, видя, какъ Великая Княгиня Марія называетъ Ему наши имена и полки, въ которыхъ мы были ранены и какъ Его взглядъ переходилъ съ одного изъ насъ на другого.

И если бы мнѣ было дано прожить двойную жизнь, я не могъ бы позабыть о пережитомъ въ тотъ день...

Передъ принятіемъ Святыхъ Таинъ, когда Царскіе Врата алтаря были закрыты, Государь, Государыня, Цесаревичъ и Царевны приближились къ Св. Образамъ Спятели и Божіей Матери и, повернув-

шись къ присутствующимъ въ Храмѣ, — сперва Государя, Государыни и Цесаревича, по очереди, и послѣ Нихъ всѣ Царевны вмѣстѣ, говорили громко «ПРОСТИТЕ МЕНЯ», дотрагиваясь рукой до земли, повторивъ древній обычай, начатый еще при Удѣльныхъ Князьяхъ и утвержденныхъ Московскими Царями... Всѣ присутствующіе въ Храмѣ, молча опустились на колѣни передъ Царственными Причастниками...

И странно, но несмотря на многіе минушіе годы, далекое прошлое приблизилось почти вплотную и все, что было пережито, стало вновь недавнимъ и заново волнующимъ.....

Милосердный Боже, прости нашу тяжкій грѣхъ передъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ и Его Семейей.

Е. Л.

Государь Императоръ Николай II Александровичъ занимаетъ особое, исключительное мѣсто среди всѣхъ Великихъ Князей и Царей Всероссийскихъ отъ начала Русской исторіи. При немъ, освобожденіемъ послѣднихъ подъяремныхъ древнихъ русскихъ областей, закончилось собираніе Руси, начатое Іоанномъ Калитой. Рядъ государственныхъ мероприятий явился основой для дальнѣйшаго благоденствія Россіи. Но не только какъ Правитель, а еще болѣе, какъ Страдалецъ и мученикъ прославился Царь Николай. Желая прежде всего блага Россіи и боясь ослабить ее во время войны, онъ безъ сопротивленія передалъ свой царскій вѣнецъ брату. Безропотно и безъ злобы онъ со Своей Семейей перенесъ потомъ страшныя униженія и, наконецъ, смерти въ темномъ Екатеринбургскомъ подвалѣ. Лишь бы съ Своей Семейей даже могилы, тѣла Ихъ были сожжены у заброшенной шахты. Но всѣмъ тѣмъ онъ прославился, какъ Праведный Іоанъ, и сіяетъ подобно Борису и Габбу. Онъ будитъ совѣсть русскихъ людей и для всѣхъ является примѣромъ подвига. И чѣмъ скорѣе весь русскій народъ преклонится предъ Нимъ, тѣмъ ближе станетъ возрожденіе и благоденствіе Россіи. Много уже храмовъ построено въ Зарубежьи въ Его память, но лишь одинъ воздвигнутъ всѣмъ Зарубежьемъ — то Храмъ-Памятникъ во имя Праведнаго Іоанъ Многострадальнаго въ Брюсселѣ. Это — свѣча отъ всего Зарубежья за Царя-Мученика, за Царскую Семейю и за всѣхъ пострадавшихъ изъ годы лихолѣтія. Храмъ тотъ духовно объединяетъ всѣхъ преданныхъ памяти Царя-Мученика и вѣрныхъ нашему страждущему Отечеству и является символическимъ надгробнымъ памятникомъ Царской Семейи и всѣхъ съ Нею и за Нею пострадавшихъ. Такимъ онъ останется, пока по милости Божіей не будетъ отъ лица всего Русскаго Народа воздвигнутъ величественный Храмъ надъ грозной Екатеринбургской шахтой.

† Архіеп. Іоаннъ (Максимовичъ)

CONCLUSION

As we come to the end of our work, dedicated to the seventy-fifth anniversary of Russia's last coronation celebrations, we feel it incumbent upon us to provide a summary of the major events which have occurred within this historic period of time.

The enemies of Orthodox Christianity, opponents of a united, firm and politically sound form of government, began their destructive work toward the close of the nineteenth century. Urban populations and dwellers in industrialized centres, comprised in the main of workers, were deluded by the massive barrages of propaganda directed at them, promising utopian equality and absolute liberty. They began to express their dissatisfaction with the existing political structure—to organize widespread strikes and to hold open, often hostile, demonstrations. The upper strata of society, made up of the aristocracy and the nobility, had long before begun their departure from the Church and traditional faith, with consequent progressive loss of moral authority. Their utter moral bankruptcy notwithstanding, these and others of the intelligentsia dreamed of wielding absolute power in the land and longed for the Tsar's abdication.

A great deal of evidence supports the contention that the Revolution was initiated by the ruling classes and that the people played no part in its preparation. During the final and most acute stages of World War I, an attempt to stage a palace revolt was uncovered in St. Petersburg and Tsarskoye Selo, the aim of which was to isolate the Tsar from the Empress and his family. Involved in this conspiracy were members of the Government, a number of courtiers and a close relative of the Emperor himself.

The higher classes of the nation ignored Russia's centuries-old history which had been built upon the firm unity of her anointed Tsars and the Church. The Church had always been one, throughout the course of many centuries, and had played a most active, primary role in unifying and building the Russian State. In violating this unity, Russia's ruling classes themselves paved the way for all those horrors and spiritual darkness which continue to envelope Russia even to this day.

Neither the farmers, nor the workers, nor the soldiers, nor even the scattered and disorganized groups of revolutionaries, were responsible for the collapse of Russia as a Christian Power. In Petrograd, in the higher councils of the Government and at General Headquarters of the Imperial Army, careful plans were laid for the Tsar's removal from the throne. At the front, the Emperor was isolated from his points of power in the Empire, his instructions were deliberately delayed and the most disciplined and loyal troops were transferred to the remotest parts of the front. Alone, and without the support of even his closest subordinates at General Headquarters, which included the Grand Prince Nicolai Nicolaevich, Tsar Nicolai Alexandrovich II signed the Act of Abdication for himself and his son, the Heir Tsarevich Aleksey Nicolaevich, after spending an entire night in prayer. Abandoned by one and all, he wrote in his diary: "Everywhere there is treachery, cowardice and deceit". A few days later, Nicolai Alexandrovich sent his farewell message to the Army:

"My beloved soldiers, I am speaking to you for the last time. After my abdication, in my own name and in the name of my son, supreme authority was assumed by the Provisional Government, formed on the initiative of the Duma. May this Government, with God's help, guide Russia to prosperity and glory. May God help you, courageous soldiers, to defend our country against the cruel foe.

For over two years and a half you have withstood the enemy's pressure. Much blood has been shed and great feats accomplished. The hour is near when, in a combined effort, Russia and her gallant Allies will break the stubborn resistance of the enemy.

This war, without precedent in history, must be fought until final victory. Anyone presently considering peace or even desiring it is a traitor to his country. I feel confident that every honest soldier feels as I do. Do your duty, obey your superiors and bear always in mind that any weakening of discipline benefits none but the enemy.

I am firmly convinced that boundless love for our beautiful country has not yet died within your hearts. May God's blessing be upon you, and may the Great Martyr St. George lead you to

victory."

"Nicholas"

But the Provisional Government, having assumed the supreme authority it had craved so long, was unable to retain control even for a year. Having themselves abandoned all vestiges of faith in Russia's traditional sources of strength throughout her almost thousand year old history—her Orthodox Christian Church and Christian rulers—the new leadership offered shallow political slogans to the strife-torn nation. Lawlessness spread throughout the land like a plague, so that what had been heralded as the dawn of a new and glorious age of unlimited liberty, in reality turned out to be the beginning of an unprecedented, hideous nightmare, when militant atheists seized control of the government by violence. Ruthless, cynical men, led by Lenin and openly preaching and practising terror as a means of attaining and retaining political power, the Bolsheviks were utterly devoid of every restraining influence inherent in any human system of morality.

Civil War ravaged Russia from end to end for a period of over four years as the White Armies battled valiantly against overwhelming odds to return Russia to normalcy. But the leadership of the anticommunist forces could not agree between themselves on a unified form of command, nor were they prepared to sacrifice personal self-interest for the common good.

"Surely to no nation," writes Winston Churchill in "THE WORLD CRISIS, 1916-1918" pp. 223-225 "has fate been more malignant than to Russia. Her ship went down in sight of port. She had actually weathered the storm when all was cast away. Every sacrifice had been made; the toil was achieved. Despair and Tyranny usurped command at the very moment when the task was done.

The long retreats were ended; the munition famine was broken; arms were pouring in; stronger, larger, better equipped armies guarded the immense front; the depots overflowed with strong men. Alexeiev directed the Army and Koltchak the Fleet. Moreover, no difficult action was now required: to remain in presence: to lean with heavy weight upon the far-stretched Teutonic line: to hold without exceptional activity the weakened hostile forces on her front: in a word, to endure—that was all that stood between Russia and the fruits of general victory. Says Ludendorff, surveying the scene at the close of 1916:

'Russia, in particular, produced very strong formations; divisions were reduced to twelve battalions, the batteries to six guns; new divisions were formed out of surplus fourth battalions and the seventh and eighth guns of each battery. This reorganization made a great increase of strength.'

(Ludendorff, Vol. I, p. 305)

It meant in fact that the Russian Empire marshalled for the campaign of 1917 a far larger and better equipped army than that with which she had started the war. In March the Czar was on his throne; the Russian Empire and people stood, the front was safe, and victory certain.

It is the shallow fashion of these times to dismiss the Czarist regime as a purblind, corrupt, incompetent tyranny. But a survey of its thirty month war with Germany and Austria should correct these loose impressions and expose the dominant facts. We may measure the strength of the Russian Empire by the battering it endured, by the disasters it had survived, by the inexhaustible forces it had developed, and by the recovery it had made. In the governments of states, when great events are afoot, the leader of the nation, whoever he be, is held accountable for failures and vindicated by success. No matter who wrought the toil, who planned the struggle, to the supreme responsible authority belongs the blame or credit for the result.

Why should this stern test be denied to Nicholas II? He had made many mistakes, what ruler had not? He was neither a great captain nor a great prince. He was only a true, simple man of average ability, of merciful disposition, upheld in all his daily life by his faith in God. But the brunt of supreme decisions centered upon him. At the summit where all problems are reduced to yea or nay, where events transcend the faculties of men and where all is inscrutable, he had to give the answers. His was the function of the compass-needle. War or no war? Advance or retreat? Right or left? Democratize or hold firm? Quit or persevere? These were the battlefields of Nicholas II. Why should he reap no honour for them? The devoted onset of the Russian armies which saved Paris in 1914; the mastered agony of the munitionless retreat; the slowly regathered forces; the victories of Brusilov; the Russian entry

upon the campaign of 1917, unconquered, stronger than ever; has he no share in these? In spite of errors vast and terrible, the regime he personified, over which he presided, to which his personal character gave the vital spark, had at this moment won the war for Russia.

He is about to be struck down. A dark hand, gloved at first in folly, now intervenes. Exit Czar. Deliver his and all he loved to wounds and death. Belittle his efforts, asperse his conduct, insult his memory; but pause then and tell us who else was found capable. Who or what could guide the Russian State? Men gifted and daring; men ambitious and fierce; spirits audacious and commanding—of these there was no lack. But none could answer the few plain questions on which the life and fame of Russia turned. With victory in her grasp she fell upon the earth, devoured alive, like Herod of old, by worms. But not in vain her valiant deeds. The giant mortally stricken had just time, with dying strength, to pass the torch westwards across the ocean to a new Titan long sunk in doubt who now arose and began ponderously to arm. The Russian Empire fell on March 16th; on April 6th the United States entered the war."

For the first time in many centuries the Russian people found themselves without a Tsar and quite naturally turned for guidance and solace to that other mainstay of national unity: the Church. The decision to call an All-Russian Sobor of the Russian Orthodox Church, mainly for the purpose of deciding for or against the restoration of the Patriarchate, was first made by Emperor Nicholas II soon after the unsuccessful revolts of 1905-1906. All the groundwork for such a great Council of the Church had been accomplished when the Sobor was finally opened on August 16th, 1917, with over four hundred clergy and laity in attendance. Not until October 30th—five days after the overthrow of the Provisional Government by the Bolsheviks—did the Sobor vote in favor of restoring the Patriarchate. On October 31st, it was decided that the election of the Patriarch was to follow the historical pattern used in the seventeenth century, and nominations of candidates took place. On the first ballot, Archbishop Anthony Khrapovitsky of Kharkov received 101 votes, Archbishop Arseny of Novgorod was second with 27 votes and Metropolitan Tikhon of Moscow was third with 23 votes. On the second ballot only the top three nominees were considered. Archbishop Anthony received 159 votes, Archbishop Arseny—148, and Metropolitan Tikhon—125 votes. The names of these three candidates were written on three slips of paper, deposited in a blessed urn which was placed before the most venerated of all Russian icons, the St. Vladimir Virgin. The following morning, after the celebration of Divine Liturgy by Metropolitan Vladimir, a member of the pre-Sobor Council, the saintly "staretz" Alexis of the Zosimov monastery, drew out one of the three slips of paper in the urn. He handed the slip to Metropolitan Vladimir, who, crossing himself read out: "Tikhon, Metropolitan of Moscow, AXIOS!" The entire church answered him with repeated shouts of "Axios! Axios! Axios!" as the choir intoned: "We praise Thee, O Lord!"

Thus was the will of God expressed, choosing the mild Tikhon to carry the Cross of leadership during the most savage period of persecution ever experienced by the Russian Church, and bypassing the future Primate of the Russian Orthodox Church in Exile, in spite of his majority of votes at every count.

Patriarch Tikhon took the place of the Tsar in the hearts of his people at a time when Russia was going through her darkest hour. The new atheistic and militantly anti-Christian authorities directed all their venom at the new Patriarch in attempts to break his fortitude, to force him to make compromises with the communist regime. As wholesale massacres of the clergy deprived increasing segments of the population of the sacraments, the faithful and remnants of the clergy went underground, even as the ancient Christians in their catacombs.

On January 19, 1918 His Holiness issued a solemn proclamation in which his famous excommunication (anathema) of all communists and their sympathizers is contained:

"The humble Tikhon, by the grace of God Patriarch of Moscow and of all Russia,
To the beloved in the Lord hierarchs, clergy, and all the faithful of the Russian Orthodox Church.

'May the Lord deliver us from this present evil world.' (Gal. 1, 4)

The Holy Orthodox Church of Christ is at present passing through difficult times in the Russian land; the open and covert enemies of the truth of Christ have begun to persecute that truth, and are

striving to destroy the work of Christ by sowing everywhere, in place of Christian love, the seeds of malice, hatred and fratricidal warfare.

Christ's command to love our neighbours is forgotten and trampled underfoot; daily we hear reports of unbelievable, bestial murders of wholly innocent people, and even of the sick in their sick-beds, whose only guilt is that of having fulfilled their duty to the Fatherland, and of having expended all their strength in service to our national well-being. This happens not only under the cover of the darkness of night, but in broad daylight, with hitherto unheard-of impudence and cruelty, without any manner of trial, in violation of all rights and legality, and this is happening in our time in almost all the villages and cities of our country, as well as in our capital and its outlying regions: also in Petrograd, Irkutsk, Sevastopol and other cities.

All this fills our heart with deep, bitter sorrow and obligates us to direct stern words of accusation and warning to such outcasts of the human race, even as commanded by the holy Apostle: "Them that sin rebuke before all, that others also may fear." (I Timothy V, 20)

Come to your senses and stop your bloody deeds, for what you are now doing are not merely acts of cruelty; your actions are in truth satanic, for which you shall suffer the fire of Hell in life beyond the grave, and the terrible curses of posterity in this present life on earth.

By the authority granted to us by God, we forbid you to partake of Christ's Sacraments; we anathematize you if you continue to bear Christian names, if through baptism you should belong to the Orthodox Church.

I adjure all of you who are faithful children of the Orthodox Church of Christ, not to commune with such outcasts of humanity in any manner whatsoever; "cast out the wicked from among yourselves." (I Corinth. V, 13)

Persecution in its most cruel form is also directed against the Holy Church of Christ; the Blessed Sacraments, sanctifying man's birth into this world and the Sacrament of Matrimony have been declared unnecessary and superfluous; some holy churches, such as the holy cathedrals of the Moscow Kremlin, have been destroyed by gunfire, others, such as the Chapel of the Saviour in Petrograd, have been the victims of sacrilege and plunder. Blessed monasteries, as those of Alexander Nevsky and the Pochaevsky, and revered by the people, are being seized by the atheistic masters of darkness of this world and proclaimed to be 'national property'; schools, supported by the funds of the Orthodox Church for the training of her ministers, are being converted into institutes of godlessness and hotbeds of immorality.

The properties of Orthodox monasteries and churches are being confiscated under the pretext of nationalization, in defiance of every legal right and without any pretence of acting in accordance with the lawful will of the nation . . . Finally, the Government, which is pledged to uphold right and truth in Russia, and to guarantee liberty and order everywhere, practises the most unbridled licence and naked violence over all, more particularly in its dealing with the Holy Orthodox Church.

Isn't there a limit to such mockery of the Church of Christ? How and by what means may these attacks upon the Church by her raging enemies be stopped?

We appeal to all the Church's faithful and believing children: rise up in defense of our injured and oppressed Holy Mother.

The Church's enemies are seizing control over her property by means of lethal weapons; oppose them with the fervor of your faith, with your own nationwide outcry which should stop those senseless people and show them they have no right to call themselves protagonists of the people's welfare and initiators of a new life in accordance with the national ideal, for they are directly against the conscience of the people.

And should it become necessary to suffer in behalf of the cause of Christ, we invite you, beloved children of the Church, to suffer together with us in compliance with the words of the holy Apostle: "Who shall separate us from the love of Christ? Shall tribulation, or distress, or persecution, or famine, or nakedness, or peril, or sword?" (Romans VIII, 35)

And you, brother hierarchs and clergy, do not waste even an hour of your spiritual toil and zealously call upon your members to defend the impugned rights of the Orthodox Church; convene religious gatherings; act not out of fear and necessity, but out of free choice and put up against external

violence the power of your genuine spirituality. We will then be able to positively affirm that the enemies of the Church of Christ shall be put to shame and be dispersed by the might of the Cross of Christ, for the promise of the Divine Cross-bearer is immutable: "I will build My Church; and the gates of hell shall not prevail against it." (Matt. XVI, 18)

† Tikhon, Patriarch of Moscow and of All Russia.

January 19, 1918.

When the Sobor convened again after the Christmas recess, the Patriarch's proclamation was given full and enthusiastic support. An official resolution was adopted by the Sobor:

"The Holy Sobor of the Russian Orthodox Church lovingly welcomes the holy Patriarch Tikhon's proclamation punishing malicious evildoers and condemning the enemies of the Church of Christ. From the height of the patriarchal throne has thundered a word of warning and the spiritual sword has been raised against those who are constantly deriding the sanctity of the national Faith and conscience. The Holy Sobor bears testimony that it remains in the fullest unanimity with the father and intercessor of the Russian Church, that it responds to his challenge, and that it is ready to suffer for confessing the faith of Christ, its detractors notwithstanding. The Holy Sobor calls upon the whole Russian Church with her hierarchs and clergy at the head to rally around the Patriarch, that our holy faith may not be reviled."

On November 7, 1920 the Patriarch issued his famous Ukase No. 362 which completely decentralized the administration of the Russian Orthodox Church and granted self-government to sees whose lines of communication to the Patriarch and the Synod were cut off. His Holiness clearly had in mind the prospect of prolonged captivity by the atheistic Government of the Church's central administration in Moscow, and provided a sound canonical foundation for the existence of the Russian Orthodox Church Abroad. As the White Armies, outnumbered and hopelessly outgunned, retreated before the victorious Red hordes, Russian men, women and children by the hundreds of thousands emigrated to various countries yet untouched by the Communist disease. With them came their priests and bishops, determined to preserve Russian Orthodox Christianity abroad. And in obedience to Patriarch Tikhon's Ukase No. 362 of November 7, 1920 all the hierarchs of the Russian Orthodox Church who found themselves with their flocks outside of Russia, formed what is now known as the RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OUTSIDE OF RUSSIA, with Archbishop Anthony Khrapovitsky of Kharkov as Primate and Metropolitan. One of the three contenders for the Patriarchate and who, of the three, received the majority of votes at the Sobor, Metropolitan Anthony was the most outstanding hierarch of the Russian Orthodox Church at that time. Under his spiritual leadership, the faithful of the Church organized parishes and built golden-domed churches in literally every country of the world. The Russian Orthodox Church Abroad flourished more particularly in Yugoslavia and in China.

His Holiness Patriarch Tikhon did not long endure his Way of the Cross. Imprisonment, incessant interrogations and humiliations at the hands of his atheistic oppressors ruined his health and he gave up his martyred spirit to the Lord in 1925, on the Feast of the Annunciation of the Most Blessed Virgin Mary.

The saintly Tikhon's place was taken by Metropolitan Sergius who immediately began a policy of cooperation with the atheistic government. Sergius signed an agreement with the communists in which he proclaimed that all the fortunes and misfortunes of Russia's godless rulers would be considered by the official Russian Orthodox Church as its own fortunes and misfortunes. The thousands of priests and scores of bishops who refused to recognize this "concordat" of Patriarch Sergius with the Church's persecutors were arrested, exiled and liquidated. Those within Russia who wished to remain true to the Church and to the memory of the martyred Patriarch Tikhon, went underground, forming the "catacomb Church".

In the meantime, representatives of the officially sanctioned and State controlled "Russian Orthodox Church" were ordered to perform the bidding of their ruthless masters. While not all, of course, are atheists and most, as appears likely, are not in sympathy with the methods and aims of international communism, the Moscow based servants of the official Russian Orthodox Church and, more particularly, its overseas representatives continue to this very day to serve the interests of their Red masters. As they travel unhindered throughout the noncommunist world, these "prelates" of the

official "Church" seriously assure everyone that the Church in Russia enjoys absolute freedom, that not only is the Church not being persecuted but that it never has been! But the tragic truth is that even to this day parents are forbidden to teach religion to their children, or take them to church; priests are forbidden to deliver sermons from their pulpits, or make converts, or administer the Sacraments to the young. All are forced to toe the atheistic "line".

The existence of the Russian Orthodox Church Outside of Russia, first led by Metropolitan Anthony, after his death by Metropolitan Anastassy and since the Blessed Anastassy died in 1965 by Metropolitan Philaret, has been and continues to be a unifying force for all Russian Orthodox Christians (former subjects of the Tsar) and their children (subjects of almost every country in the non-communist world) who treasure their Faith and refuse to worship the Red Beast. Metropolitans Anthony, Anastassy and Philaret each have warned their flocks and the world against coming into contact of any nature with representatives of churches controlled by communist governments on the simple and logical grounds that these representatives are not free to express their own will.

The late Blessed Metropolitan Anthony has written:

"I, humble Anthony, Metropolitan of Kiev and Galicia, the eldest Russian hierarch now living by the grace of God in freedom from Red captivity, hereby raise my voice to make the following announcement to the Russian people: Orthodox Christians! All rise against the rule of the Red Antichrist. Pay no heed to appeals to make peace with him, no matter who makes these appeals. There is no peace between Christ and Satan. By the authority, vested in me from God, I absolve all believers from their oath of allegiance to the self-styled Soviet Government, for Christians are no subjects of Satan. By the authority, vested in me from God, I bless all arms directed against the Satanic Red Power and absolve from all sins all those who have laid down their lives as insurgents or as solitary avengers of the people for this task of Russia and Christ. Cast aside all fear in your opposition to Antichrist and his stooges."

While the late Blessed Metropolitan Anastassy left the following legacy:

"To my dear co-pastors and co-servants in Christ I leave this legacy: to stand firmly upon the rock of holy and saving Orthodoxy, to sacredly preserve Apostolic tradition, observe and maintain brotherly unity, peace and love among yourselves . . . With regard to Moscow's Patriarchate and its hierarchs, insofar as they are in close, active and voluntary union with the Soviet government, the latter openly proclaiming its complete godlessness and determination to implant atheism in the entire Russian nation, then the Church Abroad, in maintenance of its purity, must not come into any manner of contact with Moscow's Patriarchate and its hierarchs, whether of a canonical, liturgical or common nature, at the same time submitting each one of them to the judgement of a Sobor of the future free Russian Church."

Even as this work is being printed, a new danger threatens the Russian Orthodox Church Abroad: ecumenism. The present Head of the Church, His Eminence Metropolitan Philaret, has warned of the evil inherent in this movement as it has developed up to now:

"I would like to say a few words to you concerning the temptations that surround us everywhere. One of these temptations is so called ecumenism which suggests to all a union in one Faith no matter what religion one adheres to. To join together, to form, as they say, the True Church of Christ. I would like you to direct your attention to the following. Those who invite us to take part in this ecumenism, say that every Christian faith, every Christian Church has a part of the Christian Truth of Christ and that every faith must contribute its part of the Truth into this new emerging, all-encompassing Faith so that all can be joined together. This sounds like an attractive idea, doesn't it? But we have to realize that when invited to participate in this unification, it is expected of us to say that we have only a part of the Truth; in other words, we have to admit that not all our Faith is True, that our Orthodox religion is true only to a certain point.

What Orthodox Christian will agree to the proposition that some part of the Holy Orthodox Faith is not correct? That only a part of our Faith is just and true? Never will the Christian Orthodox conscience accept such a thing. The conscience of people has now become flexible to a degree which permits them to concede many things which are not acceptable to a truly Chris-

tian conscience. Who among us will admit that in our Faith some things are not correct? What would Saint Serafim and Saint John of Kronstadt tell us? They who lived in this Faith, they who celebrated it, who found joy in it. Yes, what would they say if we were to proclaim that in our and their Faith not all is true? They would refute such statements with indignation, even as they would reject us as well.

So let us remember that because of this it is impossible for us to accept ecumenism. Our Orthodox Church knows that it stands within Absolute Truth. The Church offers it to all, reveals it to all, does not hide it or keep it inaccessible for others. The Church invites all to recognize it and can never deny it to anyone nor accept it to be a lie. This would be complete insanity.

Therefore you and I have no place being where such things are discussed. Ecumenism, no matter how appealing it may appear to be from the outside, harbors within itself the very untruths I just mentioned to you.

Dearly beloved:

Remember that our Orthodox Church contains within Herself the full Truth and not merely a part of it.

The Orthodox Church has maintained the Christian Faith in the same manner as She received it from the Holy Apostles.

Catholics agree that the Orthodox Faith is the same as the Faith celebrated by the Apostles. Beyond this they merely defend their innovations which we have not accepted but merely assay to safeguard that which the Holy Apostles and Holy Fathers passed on to us, our most precious inheritance. We must never agree to join any organization where we would be told that we have only a part of the Truth.

Let them proceed on their way, if they do not want to recognize that we hold the Truth. It is their choice and it is not our path to follow. The Orthodox Church has its own Faith and Holy Fathers and will continue in the same way until the end of the world. Therefore we should thank and glorify God even more, for you and I belong to the Russian Orthodox Church Outside of Russia, which chose as its goal the preservation of our immutable Holy Faith, of Russian Orthodox piety and to preserve them in the same manner as we received them from our ancestors, and to carry them pure to that blessed day when the Lord will with Divine Mercy look upon the Russian people and Russia, and piety will be resurrected there once again even as it was prevalent in the past. Meanwhile, you and I while living in exile and belonging to this Church, should, I repeat, thank the Lord and diligently make every effort to be true to Him.

Very often, nowadays, man departs from loyalty to his Church due to vanity and materialistic opportunities so as to better his life here on earth. But what Orthodox Christian does not remember that no matter what he looks for, or strives for, death will put an end to all. And after death one will be required to give an account of himself in front of God's Absolute and Divine Justice in regard to an important question as to whether he was true to the Lord our Saviour, through the Holy Church and its teachings. If we did we are blessed with Eternal Life and if we have failed we shall be plagued by grief and indisputable sorrow and misfortune.

Let us remember that since man is not strong to do good, while life has become difficult, filthy and depraved as never before, that it has become extremely difficult for a Christian to battle evils such as; vanity, hate, falsehood, lies and deception. Thus we must ask the Lord for the strength to guard our Faith pure and strong and have the ability and courage to fend off such evils so as not to be merely by name true Orthodox Christians. Amen."

All the above has been written so as to provide the reader with a clear picture of Russia and her history, to make all cognizant of the profound changes resulting from the Bolshevik Revolution in the external manifestations of Soviet foreign policy, as opposed to the "good neighbor" principle of the Tsars; most of all, it is our hope that the reader will feel how alien to Russia and her entire thousand-year-old history are the ideas, aims, methods and policies of her foreign communist rulers. Indeed, there is nothing in common between Russia's historic Orthodox Christian Faith and Karl Marx's atheistic materialism, Russia being as far removed from the U.S.S.R. as Christ will be from the Antichrist.

And we believe, humbly, prayerfully and sincerely, that we will live to see the day when the All-Merciful Lord will forgive Russia her sins and return to her His grace. We pray for the return of Holy Russia, when the entire nation will give praise to the Almighty and glorify the last of the Romanoffs, Tsar Martyr Nicholas II, and with him those countless loyal sons and daughters of their great nation who gave their lives in service and unflinching loyalty to the Church and her Anointed. For where there's persecution, there's true, living faith, and a wonderful future for the Church of Christ.

When Russia rises again from the dead, her Faith strengthened by the blood of her martyrs, the Russian people will once again be masters of their own destiny and will in freedom decide and plan their fate. And it is our firm conviction that history will repeat itself and the people will elect to be governed by an Orthodox Christian Tsar, anointed by and ruling in symphony with the Holy Russian Orthodox Church.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.
EMPEROR NICHOLAS II — 1894-1917

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
НАСЛЕДИТЕЛЬ ЦЕАРИВНЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Храм в память Царя-Мученика Николая II, Царской Семьи и всех в смуты
убиенных, в Брюссель.

The Church in memory of Czar-Martyr Nicholas II, the Royal
Family and all killed in the troubles, in Bruxelles.

Святѣйшій Патриархъ Тихонъ.

His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and of All Russia.

Блаженѣйшій Митрополитъ Антоній.

Первоіерархъ Русской Православной Церкви Заграницей

His Eminence Blessed Metropolitan Anthony

Блаженнѣишій Митрополитъ Анастасій.

Владимиръ, Русскій Восточный Церковный Синодъ

His Eminence Blessed Metropolitan Anastassy

Митрополитъ Филаретъ
Первоіерархъ Русской Православной Церкви Заграницей

The present Head of the Church, His Eminence Metropolitan Philaret.

Заканчивая труд, посвященный 75-летию со дня последнего Козовицкого торжества в России, мы считаем необходимым отметить то, что произошло за этот период времени.

Враги Православия, враги единой, твердой и политически здоровой власти, начали свою разрушительную работу еще в конце прошлого столетия.

Население городов и промышленных центров, главным образом рабочие, обманутые ложными призраками свободы и всеобщего равенства, начали проявлять возмущение, устраивать забастовки и демонстрации, выражая свое недовольство существующим политическим строем.

Высший слой населения — аристократия и дворянство — уже давно начал свой отход от Церкви и Веры, все больше теряя свой моральный авторитет и тем самым не менее внутренне делавший мысль о принятии на себя всей полноты власти и устранении Царя. Существует много оснований считать, что революция была начата сверху и в ее подготовке народ не повинен. В последний и наиболее ответственный период войны, в Петербурге и в Царском Селе, была обнаружена попытка «Дворцового переворота», целью которого была изоляция Государя от Государыни и Семьи. В этот предательский заговор были замешаны члены Правительственных учреждений, ряд придворных и, как говорилось в то время, в числе заговорщиков оказался и один из членов Императорской фамилии. Но попытка переворота была во время безуспешно ликвидирована.

Высший слой населения, таким образом извращая многовековую историю России, строящуюся на прочном единении Помаланинников, Божьих и Церкви. Церковь всегда была единой, в течение многих веков, и еще со времени удельных Князей была неустанной собирательницей и строительницей Государства Российского. И, нарушая это единство, высший класс России, сам подготовил ту ужас и духовный мрак, через который еще до сих пор не прошла Россия.

Крестьянство, составлявшее три четверти населения России, всегда было верно своим Государям и так было и в последнее Царствование. Оно было готово идти за Царя и Веру Православную на любые жертвы.

И Государь Император Николай Александрович всегда верил, любил народ и надеялся на него.

Распад основных исторических устоев страны и падение основ дисциплины, столь необходимой во время войны, расширился все больше, и в этом распаде не было повинен ни простой народ ни войска. Впоследствии Государственного кризиса была высшая аристократия, отошедшая от Церкви и тем ближайшая из сотрудников, окружавшие Государя, которым Царь мешал, потому что они желали, чтобы вся власть находилась не у Государя, а была бы в их руках.

Так, например, в Петербурге, в верхах государственного аппарата и в Верховной Ставке, делалось все для подготовки отречения Государя.

На фронте Государя подливали, Его распоряжения задерживались и наиболее дисциплинированные части войск, перебрасывались на более отдаленные участки фронта.

Начавшиеся беспорядки в Петербурге, не носившие какого-либо политического характера, были использованы предателями, как главный аргумент их настоящих отречения Государя. Беспорядки в

Петербурге были вызваны из-за нарушения, сознательно или случайно, транспорта и доставки продуктов питания в столицу и прежде всего хлеба, и тем самым не менее вызвали поток телеграмм из Государю, требующих Его отречения.

Государь, не имея поддержки даже со стороны ближайшего окружения в Верховной Ставке, включая и Великого Князя Николая Николаевича, и будучи полностью изолированным от Царского Села, где находился Его Семья, после безсонной ночи, проведенной в молитвах, подписал акты своего отречения за себя и за Наследника Цесаревича.

Одиной, Он мог только сказать — «крутому шагину, трусости и предательство».

Не нашлось Суевина, не нашлось Минина и Пожарского. Они были объявлены ложными призраками свободы, другие надеялись на великие потрясения и изменения.

Когда роковая весть об отречении Государя стала облетать страну, народ в массе испытывал восторг со скорбью и слезами. И это были слезы настоящих русских людей, проводивших свою жизнь в хранении Закона Божия и в любви к Богу и ближнему.

Таким людям не было свойственно критиковать поступки ближнего и жаждать великих изменений. Это были люди мирного и плодотворного труда, направленного на благо ближнего и творимого во славу Божью.

Высший класс населения, захватив власть в свои руки, не смог удержать ее, так как был неспособен к этому, вследствие потери морального веса и понимания настоящих и необходимых государственных устоев. Массы народа, потеряв над собой твердую правящую руку, растерялись и не могли приостановить распада последних остатков государственного порядка. Чернь и уголовные элементы выступили открыто, и грабежом и насилием утвердили и упрочили свою безнаказанность.

Доведенная и обманутая ложными свободами молодежь отвергла старые устои и начала уничтожать все старое, на чем держалась страна. Главным удерживающим началом была религия и молодежь, охваченная бунтовским и всеразрушающим духом, в первую очередь встала против религии. Старшие, пытавшиеся обуздать бунтующих и привести их к раскудку, не могли остановить массового погрома, разрушений и убийств, и в числе жертв оказались прежде всего те, кто пытался приостановить бессмысленный бунт. И такое положение, как зараза, начало распространяться по всей стране. Жаждали многообещающей свободы, а получили рабство. Господь наказал русский народ, и в власти пришли б о г о б о р ц ы, ни сь кймь и ни сь чймь не считающиеся, все попирающие и любыми способами и методами поддерживающие и укрывающие свою сатанинскую власть.

Великим стогом ослепился земля Русская... Праны были верные ее сыны, пытавшиеся свергнуть власть богоборцев, но те, в комь ни несли помощи, не сделали ничего, так как не в их интересах было восстановление здорового крепкого режима в России. Но верные сыны России были и сделали все, что было в их силах. И это были былые воины, и память об этих героях будет жить в сердцах русских людей. Но все усилия и жертвенность их оказались безрезультатными и, не подлежит сомнению, что падение былых фронтов было результатом отсутствия истинной и здоровой идеи движения: никто не поставил себе целью

восстановить Царскую Богомъ дарованную Власть Поманнина Божія, — ту единую власть, которая могла бы вывести страну изъ глубокой пропасти духовного, морального и материальнаго паденія. Также не было согласованности между командующими отдельными фронтами и большими войсками объединенными общимъ движениемъ. И не правильно ли предположить, что ими руководила мысль о личной славе и власти?

Знаменитый англійскій премьеръ, Винстонъ Черчилль, даетъ весьма беспристрастное описание этого времени въ своей книгѣ: «Мировой кризисъ 1916-1918 г. г.» стр. 223-225:

«Ни въ одной странѣ судьба не была такъ жестока, какъ въ Россіи. Ее корабль поплылъ ко дну, когда гавани была въ виду. Она уже перетерпѣла бурю, когда все обрушилось.

Всѣ жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяніе и измѣна овладѣли властью, когда задача была уже выполнена.

Дальнѣе отступленія окончились. Снарядный голодъ побуждалъ. Вооруженіе притекало широкимъ потокомъ. Больше сильная, больше многочисленная, лучше снабженная армія сторожила огромный фронтъ. Тыловые сборные пункты были переполнены людьми.

Алексѣевъ руководилъ арміей и Болшевикъ — флотомъ.

Кромѣ того высшихъ трудныхъ дѣйствій больше не требовалось только оставаться на посту и тяжелою грузомъ давить на широко растнувшіеся германскія линіи. Удерживать, не проявляя особой активности, слабѣющая сила противника на своемъ фронтѣ. Иными словами — держаться. Вотъ все, что стоило между Россіей и плодами общей побѣды.

«... Въ мартѣ Царь былъ на престолѣ. Россійская Имперія и русскія арміи держались. Фронтъ былъ обезпеченъ и побѣда безспорна.

Согласно поверхностной модѣ нашего времени, Царскій строй принято трактовать, какъ слабую, прогнившую, ни на что не способную тиранію.

Но разборъ тридцати мѣсяцевъ войны съ Германіей и Австріей долженъ бы исправить эти легковѣсныя представленія. Силу Россійской Имперіи мы можемъ измѣрить по ударахъ, которые она вытерпѣла, по бѣдствіямъ, которыя она пережила, по неисчерпаемымъ силамъ, которыя она развила, и по восстановленію силъ, на которыя она оказалась способна.

Въ управленіи государствами, когда творятся великія событія, воздѣ шаны, кто бы они ни были, осуждается за неудачи и прощается за успѣхи. Дѣло не въ томъ, кто продолжалъ работу, кто начертывалъ планъ борьбы. Порицаніе или хвала за исходъ зависятъ тому, на комъ авторитета верховной отвѣтственности.

Почему отказывать Императору НИКОЛАЮ Второму въ этомъ суровомъ испытаніи?... Бремя послѣднихъ рѣшениій лежало на Немъ. На вершинѣ, гдѣ событія превосходятъ разуміемъ человека, гдѣ все непонятно, давать отвѣты приходило. Ему. Стрѣлкою компаса былъ Онъ.

Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вперед или влѣво? Согласиться на демократизацію или держаться твердо? Уйти или устоять? Вотъ — полн сраженій Императора Николая Второго.

Почему не отдать Ему за это честь? Самоотверженный герой русскіхъ армій, спасшій Парижъ въ 1914 году предѣлѣмъ мучительнаго беззастѣнливаго отступленія; медленное восстановление силъ; наступленіе Россіи въ кампанію 1917 года необходима,

болѣе сильной, чѣмъ когда либо; развѣ во всемъ этомъ не было Его доли?

Несмотря на ошибки большія и страшныя, — тотъ строй, который въ Немъ воплощался, которому Онъ руководилъ, которому своими личными свойствами Онъ придавалъ живительную искру, — къ этому моменту выиграла война для Россіи.

Вотъ Его сейчасъ сражать. Выблещается темная рука, сначала облеченная безуміемъ.

Царя схватить со спящимъ. Его и всѣхъ Его людей предать на страданіе и смерть.

Его успѣха преуменьшаютъ. Его дѣйствія осуждаютъ. Его память порочатъ...

Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригоднымъ? Въ людяхъ талантливыхъ и смѣлыхъ, въ людяхъ честолюбивыхъ и гордыхъ духомъ, отважныхъ и властныхъ — недостатка не было.

Но никто не сумѣлъ отбѣгнать на тѣ несколько простыхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь и слава Россіи.

Держа побѣду уже въ рукахъ, она пала на землю, живая, какъ древо Иродъ, возираемая чернивою».

Винстонъ Черчилль.

Оставшись безъ Царя, русскій народъ, съ надеждами и упованіемъ обратилъ свои взоры на Церковь, и въ ней сталъ искать для себя опору и утѣшеніе.

Въ 1918 году, на Всероссийскомъ Церковномъ Соборѣ былъ избранъ Патриархъ Тихонъ. Онъ сталъ для всѣхъ и отношеніи и молитвенникомъ. Онъ замѣнилъ Царя въ самый тяжелый періодъ жизни Россіи. И потому богоборческая власть, установившаяся на Россіи, возненавидѣла Патриарха Тихона и всеми способами старалась сломить его стойкость, и привести его на путь соглашательства съ богоборцами. И когда они встрѣтили его безкомпромиссный отпоръ, съ этого момента начался мученичскій путь Патриарха Тихона. Богоборцы шли на все, чтобы разложить духовенство и подорвать его авторитетъ: создана была такъ называемая «живая церковь», но это еще болѣе укрѣпило все нарастающее влияние Церкви, возглавляемой Патриархомъ Тихономъ. Вырующіе стали скрывать, подобно древнимъ христіанамъ, въ дѣсахъ и въ катакомбахъ.

Патриархъ Тихонъ 19 января 1918 г. анафемствовалъ советскую власть... Приводимъ текстъ этого историческаго документа:

«Смиренный Тихонъ, Божією милостію Патриархъ Московскій и всея Россіи, возлюбленнымъ о Христѣ Господѣ Архидіакономъ, пастыремъ, и всѣмъ вѣрнымъ чадямъ Православной Церкви Россійской.

Такое время переживаетъ нынѣ святая Православная Церковь Христова на Русской землѣ. Иные и тайные враги воздвигли гоненія на Истину Христову и стремятся къ тому, чтобы погубить дѣло Христово, послѣдъ вѣсто любви христіанской смена злобы, ненависти и братоубійственной брани.

Жесточайшее гоненіе воздвигнуто на святую Церковь Христову: благодатная таинства, освящающія рожденіе на свѣтъ человека или благословляющія супружескій союзъ семьи христіанской, открыто объявляются ненужными. Святые храмы подвергаются разрушенію или ограбленію и попустительному оскорбленію, чинимыя народами святыни захватываются безбожными властелинами тѣмъ вѣка сего, школы, содержащіяся на средства Православной Церкви, и училища, подготовляющія пастырей Церкви, архаизируются или закрываются, имущество монастырей и церквей православныхъ отбирается. Гдѣ же предѣлы этому издѣвательству надъ Церковью Христовой?

Какъ и чѣмъ можно остановить это наступленіе на нее врагомъ неистовыхъ?

Все сіе превозмываетъ сердце наше глубоко болѣзненнымъ скорбью и вынуждаетъ насъ обратиться къ таковымъ извергамъ рода человѣческаго съ грозными словами обличенія по завету апостола: «согрѣшающихъ предъ нами обличай, да и прочіи страхъ имутъ» (1 Тим. 5, 9-20). Опомнитесь безумцы, прекратите ваши кровавыя расправы. Видь ты, что творите вы, не только жестокое дѣло: это дѣло повстинѣ сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому въ жизни будущей загробной и страшному проклятію потопства въ жизни настоящей — земной.

Властью данной намъ отъ Бога запрещаемъ вамъ приступить къ Тайнамъ Христовымъ, апаоаматствуемъ васъ, если только вы еще носите имена христіанскіе, хотя по рожденію своему принадлежите къ Церкви Православной.

Заклинаемъ и всѣхъ васъ, вѣрныхъ чада Православной Церкви Христовой, не вступать съ таковыми извергами рода человѣческаго въ какое-либо общеніе «памяте алаго отъ насъ самихъ» (1 Кор. 5, 13).

Враги Церкви захватываютъ власть надъ нею и ея достоинствѣмъ силою смертонослага оружія, и вы противостаньте имъ силою вѣры ишей. А если нужно будетъ и пострадать за дѣло Христово, возьмемъ насъ, возлюбленные чада Церкви, на эти страданія вмѣстѣ съ собою словами апостола: «Его разлучитъ насъ отъ любви Божіей. Смерть или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ» (Рим. 8, 35).

† Т и х о н ъ, Патриархъ Московскій и всея Россіи.

19 января 1918 г.

Патриархъ призвалъ всѣхъ смѣло хранить законы и правила церковныя и не идти на уступки богоборцамъ. Призвалъ къ мужничеству и къ исповѣдничеству, самъ Патриархъ, а за нимъ сотни архіепископовъ и многіе тысячи пастырей и иеромыхъ, ради Христа, пошли на страданія, лишенія, мученія и смерть.

Указомъ за №862 отъ 20 ноября 1920 г. Патриархъ Тихонъ далъ возможность всѣмъ, кто покинулъ Родину, объединиться зарубежомъ и организовать Зарубежный Синодъ и пасти Зарубежную паству, охраняя ее отъ волостей хищныхъ и соблюдая вѣрность Святому Православію.

Издавъ этотъ указъ, Патриархъ опредѣлилъ путь Зарубежной Церкви, цѣлью которой стало: сохраненіе чистоты Православія, пронесеніе проповѣди его по всему міру и объединеніе и опоркленіе русскихъ православныхъ катваншювъ.

По неизбежному промыслу Божію, жребій организовать Русскую Православную Зарубежную Церковь палъ на долю Владыки Митрополита Антонія Храповицкаго, — одного изъ трехъ кандидатовъ, выставленныхъ при избраніи Патриарха на Всероссийскомъ Церковномъ Соборѣ въ 1918 году.

Итакъ, жребій патриаршества и послѣдовавшаго мученичества палъ на Патриарха Тихона, а жребій организовать Зарубежную Церковь — на Владыку Антонія. Съ Божіей помощію организовалась Русская Православная Зарубежная Церковь и стала окормлять сотни тысячъ русскихъ, покинувшихъ родные предѣлы.

Православные Св. Храмы засіяли золотыми главами вездѣ и украсили всѣ концы земного шара. И въ нихъ совершалось проповѣданіе Св. Православной вѣры.

Въ любой странѣ, среди любого народа, стали жить русскіе люди и они принесли съ собою самое

цѣнное и родное, что они имѣли — память о былой славѣ великой Русской Державы и о величій, чистотѣ и красотѣ Ея Православія.

Церковныя земли Русской Православной Церкви Зарубежомъ расширялись и развивались во всѣхъ центрахъ Русскаго разсѣланія. На западѣ — въ Сербіи-Югославіи, а на Востокѣ — въ Китаѣ, въ гор. Шанхай, а особенно въ Манчжуріи, гдѣ городъ Харбинъ считался кусочкомъ Царской Россіи, а одна изъ частей его называлась даже царскимъ селомъ. Отступая изъ русскихъ предѣловъ, въ военныхъ частяхъ и индивидуально, русскіе послѣ значительныхъ задержекъ въ движеніи по Сибири, переходили границы Манчжуріи и селились какъ въ самомъ Харбинѣ, такъ и по линіямъ желѣзной дороги на востокъ и западъ отъ Харбина. Въ самомъ городѣ было 22 большихъ величавыхъ храма, выстроенныхъ въ себя значительное число молельныхъ. Храмы строились и по линіямъ желѣзной дороги, въ каждомъ русскомъ поселкѣ. Въ городѣ и на линіяхъ жило до 70 тысячъ русскихъ иммигрантовъ. Вся жизнь въ гор. Харбинѣ, тѣсно связанномъ съ Китайской Восточной Жел. Дорогой, востроенной Русскими Императорскими Правительствомъ въ 1896-1900 годахъ, на основаніи договора съ Китайскимъ Правительствомъ на 99 лѣтъ, велась на русскомъ языкѣ. Железнодорожныя конторы, русская желѣзно-дорожная охрана (до 1925 года), различныя учрежденія и школы, больницы и высшія учебныя заведенія, какъ и различныя торговныя предпріятія (до 1951-55 г.) обуславливались преимущественно русскими людьми. Вся жизнь шла по старымъ русскимъ традиціямъ....

Не долго выдержалъ Святейшій Патриархъ Тихонъ. Тюрьмы, допросы, надѣвательства подрывали его силы и онъ стоялъ къ Господу, чтобы получить вѣчный покой и вѣнецъ за свою непоколебимую стойкость и вѣрность Православію. Вмѣсто него, по главѣ Русской Церкви, сталъ Митрополитъ Сергій, но лишенный духовныхъ силъ и безкомпромиссной преданности Св. Вѣрѣ, — пошелъ отъ на уступки и на соглашателство съ богоборческой властью. Онъ подписывалъ договоры, въ которыхъ гласилъ тотъ смыслъ, что всѣ уступки и радости богоборческой власти ставились радостью церкви и многое еще другое, что фактически заставляло Митрополита Сергія просто закрыть на все глаза и въ угоду власти творить ее богоборческую злую волю.

Вѣрующіе остались безъ отца и покровителя, безъ духовнаго образенія, но гоненія не прекращались, временами принимая еще большую силу, чѣмъ когда либо раньше.

А русская Православная Церковь и ее іерархи, подписавшіе соглашение, вынуждены были или молчать или говорить въ угоду богоборческой власти. На этомъ преступномъ пути, къ великому сожалѣнію, находится русская (совѣтская) церковь и до сего времени. Іерархи совѣтской церкви разбѣгаются по странамъ свободнаго міра и вездѣ выполняютъ волю своихъ повелителей-богоборцевъ. Этихъ іерарховъ обычно сопровождаютъ такъ называемые чекисты, которые строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы іерархи говорили только то, что угодно совѣтской власти.

Они удерживаютъ, что церковь на родинѣ свободна, что гоненія нѣтъ, какъ нѣтъ и притѣсеній, а общезвѣстные факты говорить о противоположномъ — родители не могутъ обучать своихъ дѣтей Запови Божію, дѣти не могутъ бывать въ церкви, священники не могутъ говорить проповѣди. Гоненія и притѣсенія не уменьшаются. Храмы закрываются, а если и ремонтируются, то это дѣлается для того, чтобы привлечь интересъ иностраннаго туриста, который

может принести своим пощением материальную выгоду богоборческой власти. И творится дѣла еще болѣе худшаго и трагическаго характера: это кощунство и предательство доверчиваго русскаго народа, привыкшаго къ лицѣ пастыря видѣть отца, а не вола къ овечьей шкурѣ.

Только въ силу этого и по великой заботѣ своей о зарубежной паствѣ, Владыка Митрополитъ Антоній, Первоосвятитель и Основатель Русской Православной Зарубежной Церкви и его преемники, Блаженнѣйшій Митрополитъ Анастасій и нынѣ здравствующій Митрополитъ Филаретъ, всегда предостерегали отъ какаго бы то ни было контакта съ церковью, находящейся за такъ называемымъ «железнымъ занавѣсомъ», — ибо она не свободна. Ее истинные иерархи томится въ тюрьмахъ и ссылкахъ, тѣ же, что на свободѣ обязаны либо молчать, либо дѣлать и говорить такъ, какъ имъ приказываетъ богоборческое сатанинское правительство.

Ниже приводимъ тексты обращеній нашихъ Зарубежныхъ первоосвятителей:

«Я, смиренный Антоній, Митрополитъ Киевскій и Галицкій, старѣйшій изъ русскихъ архиепископовъ, находящихся вѣлѣю Божию на свободѣ отъ краснаго плѣна, возвышаю свой голосъ, дабы возбудить русскому народу: Православные христіане! Встанайте всѣ противъ власти Краснаго Антихриста. Не слушайте ничьихъ призывовъ примириться съ нимъ, отъ кого бы сіи призывы ни исходили. Нѣтъ мира между Христомъ и сатаной. Властью, данной мнѣ отъ Бога, разрѣшаю и освобождаю всѣхъ ибрующихся отъ присяги, данной советскому самозванному правительству, ибо христіане сатанѣ не подданные. Властью, данной мнѣ отъ Бога, благословляю всѣе оружіе, противъ красной сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грѣхи всѣмъ, кто въ радахъ повстанческихъ дружинъ или одиночьемъ народнымъ метилемъ сложилъ голову за Русское и Христово дѣло. Будете безстрашны въ всѣхъ идущихъ противъ антихриста и его прислѣнниковъ».

Завѣщаніе Митрополита Анастасія:

«Дорогими моимъ братьямъ сопастырямъ и сослужителямъ во Христѣ завѣщаю непоколебимо стоять на камнѣ святого и священнаго Православія, свято хранить Апостольское преданіе, бласти братское единеніе, миръ и любовь между собою... Что же касается Московскій Патриархіи и ея іерарховъ, то поскольку они находятся въ тѣсномъ дѣйствительномъ и добровольномъ союзе съ советской властью, открыто исповѣдающей свое полное безбожіе и стремленіе насадить атеизмъ во всемъ русскомъ народѣ, то съ ними Зарубежная Церковь, храня свою чистоту, не должна имѣть никакого каноническаго, молитвеннаго и даже простого бытового общенія, предоставляя въ то же время каждому изъ нихъ суду Собора будущей свободной Русской Церкви».

Передъ всемъ міромъ и передъ Русской Зарубежной Церковью стоитъ новая опасность, — это такъ называемый экumenизмъ, т. е. зари антихристовога духа, подготовка антихристовой единой вѣры.

Что эта антихристовая вѣра должна быть, мы наглядно видимъ изъ страницъ святой книги Апокалипсиса, написанной по Божественному откровенію св. Апостоломъ и Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ.

Всякому прочитавшему это св. откровеніе ставеть понятно, что единого царя надъ всемъ міромъ и единую вѣру сразу сдѣлать нельзя. Для этого необходимо сначала распатать грѣшныя устои государственнѣхъ правленій, подорвать авторитетъ духовенства и Церкви, распространить ложь и клевету и стараясь сдвинуть Іерарховъ на путь уступокъ и отклоненій

отъ соблюденія основныхъ канонивъ. Для этого также необходимо и разложить молодое поколеніе, что обычно легко достигается тогда, когда нравственность падаетъ, а такъ какъ святыя Отцы всегда предостерегаютъ для невротности хранить строго зрѣніе и слухъ, то обратное достигается черезъ недопустимыя картины, плакаты, кино и телевизионныя передачи, и высшей степени нескромныя моды, а также вонечно, и черезъ употребленіе различныхъ возбуждающихъ средствъ, въ частности наркотиковъ, которые парализуютъ человѣческую волю. Такъ постепенно дѣйствуютъ темныя силы и во Божію неуступчивость, изъ-за нашихъ грѣховъ, имѣютъ успѣхъ. Что темныя силы дѣйствуютъ это не ново — ихъ первое дѣйствіе на человека было еще въ рай, когда были введены въ грѣхъ Адамъ и Ева. Но теперь послѣ того, какъ не стало Удерживающаго — русскаго Православнаго Царя — эти силы дѣйствуютъ неудержимо и каждому нужно строго съ Божіей помощью противостоять имъ. Ихъ дѣйствіе часто бываетъ одѣто въ внешне красивыя формы, но внутренне исполнено коварства и обмана. Однимъ изъ такихъ какъ будто бы привлекательныхъ явленій является такъ называемый экumenизмъ. Отъ этой опасности также твердо предостерегаетъ Первоосвятитель Владыка Митрополитъ Филаретъ:

«Мнѣ хочется сказать Вамъ нѣсколько словъ о томъ соблазнѣ, который разливается гонду широкой рѣкой. Это соблазнъ такъ называемого экumenизма, когда предлагается людямъ объединиться всѣмъ, какое бы они ибронсповѣдывалие сами не исповѣдывали. Объединиться всѣмъ вмѣстѣ, для того чтобы создать какъ они говорятъ «истинную Христову Церковь». Я хочу коротко обратить Ваше вниманіе вотъ на что: Тѣ, кто призываетъ насъ участвовать въ этомъ экumenизмѣ, говорятъ: каждая Церковь, каждое исповѣданіе имѣетъ свою долю христіанской, Христовой истины и каждое исповѣданіе и должно внести эту долю истины въ эту общую духовную сокровищницу и тогда, значитъ, создается единая церковь. То-есть другими словами, каждому ибронсповѣданію предлагается признать, что въ его ибрѣ — только часть истины, что не вся его вѣра истина, а только часть какакая-то, а остальное ложь и заблужденіе, отъ котораго нужно отказаться, войти въ это искусственное объединеніе. Но нужно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что отъ насъ требуется, если насъ призываютъ присоединиться къ экumenизму. Мы должны сдѣлать вотъ что: объявить, что у насъ есть доля истины, какъ они говорили; значитъ — не вся наша вѣра истина, не все ученіе православное истинно, а только какакая-то часть, а остальное есть заблужденіе.

Кто изъ православныхъ людей согласится признать, что въ его святой православной вѣрѣ что-то не такъ? Что только отъ части она справедлива и вѣрна? Никогда этого не признаетъ никакая твердая христіанская православная совѣсть. Слѣживомъ гибкая теперь стала совѣсть у людей, когда они соглашаются на многое такое, чего не должна принимать христіанская совѣсть. Кто изъ насъ согласится признать, что въ нашей вѣрѣ что-либо неправильно? Что бы сказали тогда намъ преп. Серафимъ Саровскій и св. праведн. Батюшка отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, которые жили по этой вѣрѣ, которые ее прославляли, которые ей радовались. Да, что бы они сказали, если бы мы стали говорить, что въ этой вѣрѣ не все правильно? Они съ негодованіемъ отвергли бы и наши рѣчи и насъ самихъ.

Такъ будемъ помнить, что уже въ этомъ невозможно для насъ никакое вступленіе въ этотъ экumenизмъ. Церковь наша православная знаетъ, что

она в истинѣ сплѣтъ. Эту истину она всемъ предлагаетъ, она всемъ ее открываетъ, она не таитъ ее у себя скрытой, неизвѣстной для другихъ, а всѣхъ приглашаетъ признать эту истину. Но отказываться отъ этой истины она никогда не можетъ и не откажется, а сама она никогда свою истину за ложь не признаетъ и не осрамится съ этимъ безуміемъ.

Поэтому и намъ съ Вами идти мѣста тамъ, гдѣ говорить объ этомъ экзотиками, ибо внешне-примельчательная его сторона одинаково примельчателна и для неправды, о которой я только-что сказалъ Вамъ сейчасъ. Помните же, возлюбленные: Церковь наша православная обладаетъ всей полнотой истины, а ложь не должа ей.

Православная Церковь содержитъ христіанскую вѣру такъ, какъ намъ передали св. Апостолы.

Католики и гѣ соглашались съ тѣмъ, что именно въ православной вѣрѣ все такъ, какъ было у святыхъ Апостоловъ. Они заприщиваютъ только свои нововведенія, а мы, ихъ не признавая, бережно стараемся хранить то, что св. Апостолы и св. Отцы намъ съ Вами передали, какъ драгоценнѣйшее наследіе для насъ. И никогда не должны мы съ Вами соглашаться на то, чтобы вступитъ въ такое общество, въ которомъ намъ будутъ говорить: у насъ доля истины есть, а все остальное — заблужденіе.

Пусть они идутъ своимъ путемъ, если они не хотятъ признавать, что мы обладаемъ всецѣло, чистой истиной — это дѣло ихъ, — а намъ съ Вами съ ними не по пути. Церковь православная несетъ свои святини, свою вѣру, и такъ донесетъ ее до самого конца существованія рода человѣческаго здѣсь на землѣ. А потому будемъ еще болѣе Бога благодарить, и пѣть, что мы съ Вами — чада Зарубежной Русской Православной Церкви, Церкви, которая поставила своей цѣлью хранить верушиной ману св. вѣру, наше великое, русское, православное благочестіе, хранить въ томъ видѣ, въ какомъ хранили его наши благочестивые предки и донести это чистое благочестіе до того дня, на который мы съ Вами идемъ, что встанетъ этотъ блаженнѣйшій день, когда Господь повоюетъ русскую землю и русский народъ, и такъ возвратитъ благочестіе, такъ, какъ когда-то это было на Руси. А пока мы съ Вами живемъ въ этой долѣ невѣрія, пока мы принадлежимъ къ этой Русской Зарубежной Церкви, будемъ, повторю, еще разъ, за это Господа благодарить и вѣчно стараться быть вѣрными Ей.

Часто человѣкъ теперь отъ вѣрности отпадаетъ изъ-за земныхъ соображеній, изъ-за земныхъ выгодъ, изъ-за земнаго благополучія. Но вѣдь какой же православный христіанинъ не помнитъ того, что бы человѣкъ ни искалъ, и къ чему бы онъ ни стремился, во смерти положить всему конецъ, а дальше, за смертью — отійти предъ Божіей Правдой, и отійти, прежде всего, быть ли ты вѣренъ Господу Спасителю, Основателю Церкви Божественному, и св. Церкви Ея и правдѣ Ея. И если эту вѣрность мы сохранимъ, то благословенъ нашъ жребій въ вѣчности, а если итѣ, то тогда горе намъ и бѣда неизбѣжная.

Будемъ помнить и то, какъ неустойчивъ человѣкъ въ добрѣ, а потому будемъ молить Господа, чтобы Онъ Своєю Всемогущей силой сдѣлалъ насъ стойкими въ хравеніи чистоты истины, стойкими въ добрѣ, чтобы намъ не поддаваться ни на какіе современные соблазны. Чѣмъ только не заполнена теперешняя жизнь! Всякой суетой, всякой грязью и безстыдствомъ! Сколько лжи, сколько фальши, сколько лжи и обмана!

Жизнь стала сейчасъ трудна, жизнь стала развращена и грязна, какъ никогда раньше, и христіа-

нину трудно прокладывать путь-дороженьку среди той суеты и грязи, которой наполнена теперь жизнь. А такъ какъ мы не устойчивы, такъ какъ мы легко поддаемся на соблазны, такъ какъ мы не тверды въ добрѣ, то и должны молить Господа, чтобы Господь укрѣпилъ насъ на то, чтобы намъ не только казаться, но и быть истинными православными христіанами. Аминь.»

Все, изложенное нами выше, приведено, чтобы каждому было понятно, что произошло и происходить послѣ революціи, и откуда вылезъ слухъ, которыми такъ цѣпна Православная Вѣра, и такъ дорого сердцу великое прошлое Россіи. И мы глубоко и молитвенно вѣримъ въ то, что придетъ время, когда Всемилостивый Господь вернетъ Свою благость Русскому народу. И тогда воскреснетъ Русь Святая и всемирно прославитъ своего Царя Мученика и все то, несчастливое множество вѣрныхъ сыновъ и дочерей Россіи, которые отдали свою жизнь за непоколебимую вѣрность Христу и Его Церкви. Мы вѣримъ въ это съ великой укрѣпленностью, потому что знаемъ, какъ среди гоненій горитъ вѣра въ неперпороченныхъ сердцахъ Русскаго народа. Народъ знаетъ и ясно видитъ, кто истинный пастырь, и кто волкъ въ овечьей шкурѣ, и, потому, бережетъ своихъ истинныхъ пастырей и помогаетъ имъ.

Когда совершится, во Божіей милости, избавленіе Родины, тогда вернется туда и находящійся зарубежомъ русский народъ, вернется, ведомый своей главой — Первоверховнымъ, возущающій съ собой непоколебимую и свято-сохраняемую чистоту Вѣры — Вѣры Прародительской, Вѣры Апостольской, Вѣры Православной.

И когда это произойдетъ, то оварится пасхальной радостью вся Родная Земля. Снова будетъ Показанникъ Божій, Царь — подлинный отецъ своего народа. И снова, неразрывно съ церковными благословеніемъ и въ полномъ послушаніи правлѣмъ церковнымъ и съ соблюденіемъ Божіаго Закона, будетъ строиться новая жизнь наша Страна.

Заключив краткій обзоръ минувшихъ событий, считаюсь своимъ долгомъ въ связи съ исполненіемъ Пятидесятилѣтія существованія Русской Зарубежной Церкви поместить стихотвореніе о. діакона Николая Кадыанъ, посвященное этой памятной датѣ.

Къ 50-лѣтнему Юбилею Русской Православной
Церкви Заграницей.

АНТОНІЯ, АНАСТАСІЯ, ФИЛАРЕТЪ, —
Три «Коричихъ» Русской Церкви Зарубежной;
Они вели «Корабль» съ любовью иъжной
Въ теченіе пятидесяти лѣтъ!

Пусть ночь еще, но бликаетъ разсвѣтъ...
И океанъ, казавшійся безбрежнымъ,
Такимъ коварнымъ, бурнымъ и митежнымъ, —
Ужъ впада... И Родины прибрежъ.
Все шестивнѣтъ намъ слышится оттуда,
И вѣруемъ мы, что мы дождемся чуда:
«Власть тьмы» — падеть, прольется Божій Свѣтъ...

Народъ расторгнетъ дьявольскія путы!
И Патриаршій Тронъ, какъ послѣ «Смуты»
Опять займетъ Святѣйшій Филаретъ.

Діаконъ Николай Кадыанъ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА «АЛЬБОМА»

По Промыслу Божію на долю моего недостойна выпала великая Божія милость — редактировать этотъ исторически цѣнный и художественный альбомъ.

Такая работа, естественно, не могла пройти безслѣдно и оставила глубокій слѣдъ и породила различные мысли, которыя и считаю своимъ долгомъ высказать здѣсь.

Подробное знакомство съ Исторіей Державы Россійской наглядно доказало, какъ неразрывно съ исполненіемъ Божьего закона проводили свою жизнь русскіе Цари и особенно послѣдніе Императоры. Умиляютъ ихъ честность, прямота, правдивость, иѣрность слову своему, благородство, ихъ любовь къ Богу, любовь и забота о родинѣ Россіи и о всестороннемъ благоустройствѣ и благополучіи русскаго народа. Къ сожалѣнію, видимъ, что часто благородные порывы Божіихъ Помазанниковъ наталкивались на непониманіе и даже часто на враждебное отношеніе со стороны лицъ, близко стоявшихъ къ власти, но, увы, больше думавшихъ о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о народномъ благѣ.

Да, въ свое время, мы русскіе люди, имѣли великое неоцѣнимое сокровище, не цѣнили того, что имѣли, не сохранили и потерявъ горько должны сожалѣть и содѣланномъ. Здѣсь, въ великомъ сожалѣнію, убеждаемся и въ другомъ. Казалось бы, послѣ потери Родины, въ изгнаніи находящемуся русскому народу слѣдовало бы сплотиться зъ антъ дружно и мирно, — поставивъ во главу угла Христову любовь и исполненіе Божьего закона. Но на дѣлѣ видимъ другое: есть много гражданскихъ организацій, но нѣтъ нигдѣ ни единства, ни любви, ни пониманія между ними. Каждый, къ сожалѣнію, считаетъ себя главой и руководителемъ.

По некараченной Своей милости Господь сподобилъ меня служить и находиться при Первосвятителѣ нашемъ. Владыкѣ Митрополитѣ Филаретѣ. Тя-

желъ крестъ Первосвятительскій и многимъ не можетъ быть понятна его тяжесть, кромѣ того, кто несетъ его, (такъ сказалъ Владыка Митрополитъ въ св. градѣ Іерусалимѣ въ прощальной бесѣдѣ въ Геосианской обители). За каждый приходъ, за каждую душу молится Первосвятитель — всѣ для него родныя дѣти, и любая неурядица, любое разногласіе, любая неприятность, гдѣ бы она не случилась въ средѣ Зарубежной паствы — это острый ножъ въ его сердце и причиняетъ ему скорбь и переживания.

Часто приходится наблюдать, какъ возникаютъ разногласія, затѣмъ образуются двѣ враждующія стороны, и въ каждой сторонѣ есть хорошие люди, но, увы, ни въ одной, ни въ другой, въ социальную, нѣтъ духа всепрощающей Христовой любви, о которой Господь сказалъ: *«Потому узнаю васъ, чмо вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою».* (Еван. Іоан. 13, 35).

Но не хотимъ мы нести тяготы другъ друга и мирно, чисто по-христіански, разрѣшать споры и несогласія. Увы, не дорожимъ мы часто и чистотой Истины!

Мы потеряли благодатнаго Божьего Помазанника и были разсѣяны по всему міру. Но если въ изгнаніи мы не будемъ слушать голоса и призыва своего Первосвятителя, то Божій гнѣвъ покараетъ и насъ. Остается одно: озоумиться и имѣть въ сердце, на устахъ и на дѣлѣ Христову любовь! Жить въ Божѣ ради спасенія своей безсмертной души, для блага ближняго, для достиженія блаженной Вѣчности.

Заключить мнѣ хочется словами: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, прости беззаконія наша. Ради молитвеннаго заступничества Пречистой Твоея Матери ради спасенія страждущій русскій народъ отъ нѣа безбожна власти, спаси души нашу для блаженной Вѣчности и воскреси Родину нашу — Святую Русь!»

Редакторъ
Діаконъ Никита.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Введеніе — — — — —	13
О Смыслѣномъ Коронованіи — — — — —	15
Историческій обзоръ русскихъ Коронацій — — — — —	17
Конецъ Смутаго Времени и избраніе Михаила Теодоровича Романова на Царство — — — — —	35
Коронація перваго царя изъ Дома Романовыхъ — — — — —	44
Царствованіе Алексея Михайловича — — — — —	58
Царствованіе Теодора Алексѣевича — — — — —	66
Императоръ Петръ Великій — — — — —	73
Императрица Екатерина I — — — — —	82
Преобразованія и войны Петра Великаго — — — — —	95
Царствованіе Императрицы Екатерины I и Императора Петра II — — — — —	102
Императрица Анна Иоанновна — — — — —	110
Императрица Елизавета Петровна — — — — —	118
Царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны и Императора Петра III — — — — —	124
Императрица Екатерина Великая — — — — —	133
Императоръ Павелъ I — — — — —	147
Императоръ Александръ I — — — — —	158
Царствованіе Благословеннаго Царя — — — — —	162
Императоръ Николай I — — — — —	171
Императоръ Александръ II Освободитель — — — — —	187
Императоръ Александръ III Миротворецъ — — — — —	208
Коронація Государя Императора Николая Александровича — — — — —	265
Первая Міровая Война и дѣятельность Царя Мученика — — — — —	421
Царское Село: Теодоровскій Государевъ Соборъ — — — — —	455
Личные письма Великихъ Князей изъ Тобольска (1918 г.) — — — — —	456
Заключеніе — — — — —	481

В феврале 1744 г. по приглашению императрицы Елизаветы Петровны принцесса София-Августа с матерью приехала в Москву как невеста племянника императрицы Петра Федоровича. В июне того же года она приняла православие и была наречена Екатериной Алексеевной. Бракосочетание с Петром состоялось в августе 1745 г. в Казанском соборе Петербурга.

Воспользовавшись недовольством армии и народа, Екатерина 28 июля 1762 г. низвергла Петра III. Гвардия присягнула 33-летней Екатерине и провозгласила ее императрицей. В сентябре 1762 г. она была коронована.

Одаренная незаурядным умом, сильным характером и завидной работоспособностью Екатерина II много сделала для процветания России. В царствование Екатерины II были достигнуты большие успехи во внутренней и внешней политике Российского государства, произошли существенные изменения в области просвещения, культуры, зодчества, изобразительного искусства. При ней было подавлено крестьянское восстание под руководством Е. Пугачева, уничтожено ханство Шагин-Гирея в Крыму, разгромлена Османская империя.

Екатерина царствовала 34 года и известна в истории как Великая. Умерла Екатерина II 6 ноября 1796 г. Похоронена в соборе Петропавловской крепости в Петербурге.

In February 1744 on the invitation of Empress Yelizaveta Petrovna Princess Sophia-Augusta arrived with her mother in Moscow as the bride of the Empress's nephew Pyotr Fyodorovich. In June she accepted the Russian Ortodox religion and was given the name Catherine Alexeyevna. She married Pyotr in August 1745 in the Kazan Cathedral in St. Petersburg.

On July 28, 1762 Catherine using the dissatisfaction of the army and the people deposed Peter III. The Guard swore allegiance to 33-year-old Yekaterina and proclaimed her empress. The coronation ceremony took place in September 1762.

Endowed with a brilliant mind, strong character and an envious capacity for work Catherine II did much to promote the flourishing of Russia. Under her rule substantial achievements were made in country's home and foreign policies and she did much for the progress of education, culture, architecture and arts. In the time of Catherine II a peasant revolt headed by E. Pugatchyov was suppressed. Shagin-Girey's khanate in the Crimea was destroyed. The Osman empire was defeated.

She ruled for 34 years and went down into history as Catherine the Great. She died on November 6, 1796 and was buried in the SS. Peter and Paul Cathedral in St. Petersburg.